СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

материалы Международной научно-практической конференции
(Москва, 21 марта 2014 года)

В 2-х частях

Часть 1

Под редакцией
Председателя Следственного комитета Российской Федерации
генерал-полковника юстиции
Заслуженного юриста Российской Федерации
доктора юридических наук, профессора
А.И. Бастрыкина

Москва, 2014

Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года). В 2-х частях. Часть 1. – М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. – 415 с.

Редакционная коллегия:

Федоров А.В. – заместитель Председателя СК России, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, генерал-полковник; главный редактор журнала «Наркоконтроль».

Багмет А.М. – и.о. ректора Академии СК России, Почётный работник СК России, кандидат юридических наук, генерал-майор юстиции.

Бычков В.В. – учёный секретарь Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент.

Сборник сформирован по материалам, представленным на Международную научно-практическую конференцию в Академии Следственного комитета Российской Федерации 21 марта 2014 года.

В части 1 представлены материалы по секции: «Стадия возбуждения уголовного дела – за и против».

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Академия СК России

Общие проблемы развития уголовного процесса

А.И. Бастрыкин

Приватизация в России: проблемы и пути их решений

С начала 1990-х годов XX века (после распада СССР) в Российской Федерации осуществляется приватизация государственного и муниципального имущества, под которой, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»[1] понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц.

К настоящему времени в результате приватизации значительная часть государственного имущества России перешла в частную собственность.

Главной экономической задачей приватизации было повышение эффективности экономики за счет создания института частной собственности на средства производства. Однако приватизация проводилась в крайне сложной экономической, финансовой и политической обстановке: конфронтация Верховного совета РФ с Президентом и Правительством затрудняли создание правовой базы и проведение институциональных реформ; Правительство испытывало сильное лоббистское давление со стороны Верховного совета; на момент начала приватизации государство было не способно эффективно контролировать свою собственность, массовым явлением стала спонтанная приватизация – захват контроля над предприятиями их директорами, настроенными не на развитие предприятий, а на быстрое получение прибылей[2].

В результате анализа процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы, проведенного Счетной палаты Российской Федерации[3] были установлены нарушения законодательства органами исполнительной власти:

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

[2] См. подробно: Мау В. Анти-Стиглиц Российские экономические реформы в представлении их западных критиков // Вопросы экономики. 1999. № 11, 12.

[3] См. подробно: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М., 2004.

- превышение органами исполнительной власти установленных законодательством полномочий в сфере распоряжения государственным имуществом;

- невыполнение органами исполнительной власти своих непосредственных обязанностей в сфере приватизации;

- необоснованное занижение цены продаваемых государственных активов, притворность конкурсов и низкая результативность продаж;

- отсутствие внешнего независимого контроля предприватизационной подготовки государственных активов и результатов приватизационных сделок;

- коррупция в органах власти, отсутствие системы противодействия криминалу в сфере приватизации.

Всего за период с 1993-го по 2003 годы было выявлено 52938 преступлений, связанных с приватизацией. В суд было направлено 11045 уголовных дел, по которым привлечено к уголовной ответственности 1526 лиц. С 1995 г. по 2002 г. органами прокуратуры выявлено 3850 преступлений, связанных с приватизацией. Из них в крупном и особо крупном размере совершено 1136 преступлений, путем мошенничества – 2069 (ст. 159 УК РФ), путем присвоения или растраты – 587 (ст. 160 УК РФ). Совершено 313 преступлений, направленных против государственной службы и службы в органах самоуправления (гл. 30 УК РФ) и выявлен 51 факт злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). 23 преступления совершено сотрудниками органов государственной власти и управления, 5 – государственных предприятий и учреждений, 3 – комитетов по управлению имуществом. Счетная палата по результатам проведенных в 1995-2003 гг. контрольных мероприятий в сфере приватизации направила в Генеральную прокуратуру РФ более 50 обращений по выявленным фактам нарушений[1].

Не зря значительная часть населения России воспринимает приватизацию 90-х годов XX века как аморальную, преступную. В народе ее стали называть «прихватизация».

В настоящее время приватизация продолжается. В 2013 году массовая приватизация, если не учитывать продажи пакетов акций крупных компаний, принесла российскому бюджету 6,261 млрд руб. Заместитель руководителя Росимущества И. Аксенов заявил, что «это 125% от плана, который предусматривал привлечение 5 млрд руб. План массовой приватизации в 2013 году выполнен почти на 70 процентов. В 2014-2016 годах будет продолжена приватизация 31 процента акцио-

[1] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие).

нерных обществ из числа включенных в программу на 2011-2013 годы»[1].

По состоянию на середину 2013 года, в реестре федерального имущества числилось 2337 открытых акционерных обществ. В программы приватизации на 2011-2013 и 2014-2016 годов включено порядка 1200 ОАО. Еще 12% ОАО не ведут финансово-хозяйственной деятельности либо находятся в процедурах ликвидации и реорганизации[2].

При этом в проект бюджета Минфин в 2014 году заложил доходы от приватизации в 196,8 млрд руб., на 2015 год – 158,5 млрд руб., на 2016 год 99,9 млрд руб. В июне 2013 года при утверждении плана приватизации на 2014-2016 годы было заложено 180 млрд, 140 млрд и 300 млрд руб. соответственно[3].

В настоящее время не секрет, что с большим трудом удалось восстановить тяжелую, прежде всего, оборонную промышленность, которая была в 1990-е годы практически разрушена в процессе приватизации.

По моему мнению, некоторые объекты, которые вошли в план приватизации 2014-2016 годов и будут подвергнуты приватизации, могут повторить ту историю, которую мы имели в прошлом. Зачастую лица, претендующие на государственные активы, находятся далеко за пределами России, и их не интересует благосостояние нашей страны.

В связи с этим необходимо, чтобы государство, в том числе правоохранительные органы, ясно представляли, кто стоит за теми «приватизаторами», которые будут выступать в этом качестве официально. Кроме того, требуется включить уголовно-правовые механизмы реагирования в тех случаях, когда эта приватизация, конкретно стратегических объектов, могла бы нанести ущерб государству.

По моему глубокому убеждению, необходимо найти разумный баланс между тем, что надо и что не надо приватизировать. Кафе, рестораны, гостиницы, магазины – пожалуйста. Оборонные предприятия, космос, стратегические промышленные предприятия, нефть – должны быть государственными.

Например, в Финляндии около 30% госсобственности в промышленности, во Франции – 40%. Есть еще целый ряд стран, где никто не гонится за какой-то абсолютной приватизацией. Каждая страна имеет собственный путь экономического развития, который учитывает не только экономические факторы, но и факторы психологии, исторических традиций.

---

[1] Российская газета. 2013. 25 декабря.
[2] Там же.
[3] Российская газета. 2013. 25 сентября.

Следственным комитетом России предлагается проект закона, направленного на противодействие незаконной приватизации, который предусматривает комплекс взаимосвязанных мер:

- установление обязанности претендентов на госактив раскрыть сведения о своих бенефициарных владельцах и аффилированных лицах, а также санкции за ее несоблюдение.

Государство и общество должно знать, кому именно в конечном счете поступит приватизируемое имущество;

- установление права осуществлять оперативно-разыскную деятельность в целях проверки личности претендентов на государственное имущество и представляемых ими документов.

В настоящее время эта информация вообще не проверяется;

- введение уголовной ответственности оценщиков за фальсификацию отчета об оценке.

Следует акцентировать, что проект такого закона концептуально поддержан заинтересованными ведомствами, в том числе Счетной палатой, ФСБ России, МВД России и ФАС России.

Кроме того, не секрет, что российская приватизация пронизана коррупцией. Процесс передачи государственного имущества в частную собственность зачастую проходит с использованием различных коррупционных схем, в том числе посредством нарушения правил проведения приватизационных конкурсов и аукционов, фальсификации их результатов, отчуждения госимущества в пользу аффилированных или контролируемых организаций по существенно заниженной стоимости.

Следственным комитетом подготовлен законопроект, по которому коррупционерам грозит жесткая конфискация имущества – даже того, которое оформлено на родственников и знакомых. Претендент на покупку госсобственности не сможет совершить сделку анонимно и пройдет проверку, в том числе и спецслужб. Сфера ответственности СК России будет расширяться.

Еще одна проблема, требующая разрешения – неисполнение ряда важных гособоронзаказов связано именно с косвенным контролем за такими предприятиями со стороны иностранных инвесторов, которые умышленно препятствуют исполнению обязательств по гособоронзаказам. И даже неизвестно, кому в конечном итоге аффилированы эти инвесторы – зарубежным бизнесменам или иностранным спецслужбам.

В связи с чем, Следственным комитетом России разработан проект закона о введении уголовной ответственности за незаконное установление контроля иностранным инвестором над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности России.

Следует акцентировать, что введение уголовной ответственности за уклонение от предварительного согласования сделок, которые могут повлечь за собой установление контроля над российскими стратегиче-

скими предприятиями, не приведет к ухудшению инвестиционного климата в стране, так как действующее законодательство ограничивает возможность участия иностранного капитала в стратегических предприятиях. Такая ответственность лишь позволит навести порядок в сфере соблюдения установленных законом ограничений и значительно повысит уровень защищенности обороноспособности и безопасности России. Это законодательное предложение также поддержано заинтересованными ведомствами.

Таким образом, Следственный комитет Российской Федерации намерен уделять приватизации максимальное внимание, противодействую всем формам нарушений при передачи государственного имущества в частную собственность, как на законодательном уровне, предлагая совершенствование законодательной основы противодействия незаконной приватизации, так и более качественным расследованием преступлений, связанных с приватизацией.

А.В. Федоров

Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики

Определение Российской Федерации как правового государства (ст. 1 Конституции РФ) указывает на то, что и осуществляемая ею политика также должна носить правовой характер, то есть быть правовой политикой. Это положение активно исследуется юридической наукой и уже сформировалась современная теория правовой политики, изучаемая как в рамках теории государства и права[1], так и в рамках отраслевых учебных дисциплин, предметом которых являются конкретные виды (направления) правовой политики, в том числе уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, оперативно-розыскная политика, уголовно-исполнительная политика.

Право и политика как явления человеческой цивилизации имеют множество взаимосвязей, часть из которых в своей совокупности позволяет констатировать, что политика формирует право, которое становится инструментом реализации политики. При этом государство является единственным социальным образованием, правомочным принимать, изменять или отменять правовые нормы непосредственно или делегируя свои полномочия. Таким образом, право производно от политики, выражает политику и служит средством её реализации при определяющей роли государства.

---

[1] См., напр.: Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М., 2012.

Учеными правовая политика в зависимости от сферы воздействия подразделяется на:

- законодательную (правотворческую, правоустановительную);
- правоприменительную;
- юридическую (политику в области юридической науки)[1].

При этом отраслевые виды правовой политики могут выделяться в рамках законодательной, правоприменительной и юридической правовой политики. Например, «наложение» отраслевой правовой политики на законодательную политику позволяет систематизировать последнюю, что находит выражение в принятии отраслевых нормативных правовых актов, систематизации законодательства.

Одним из отраслевых видов правовой политики является уголовно-правовая политика.

Понятие «уголовно-правовая политика» используется в уголовном праве для обозначения «политики в области противодействия преступности методами уголовного закона»[2], которая «вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения»[3], и «выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения»[4].

При этом методами[5] (способами) осуществления уголовно-правовой политики, чаще всего определяют:

1) криминализацию деяний, ранее не считавшихся преступлениями;

2) декриминализацию деяний, ранее признававшихся преступлениями;

3) пенализацию, то есть установление более строгих наказаний, либо усиление строгости наказаний или отмена менее строгих наказаний за конкретные виды преступлений;

4) депенализацию, то есть отмену отдельных видов наказаний либо смягчение строгости наказаний за конкретные виды преступлений.

Отсюда следует вывод об особой значимости, первичности правотворческой уголовно-правовой политики, использующей в той или

---

[1] Социология права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М., 2004. С. 136, 139.

[2] Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 264, 268.

[3] Такое определение уголовно правовой политики дано А.И. Коробеевым. См.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 4.

[4] Из определения Коробеева А.И. См.: Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. Преступление / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 59.

[5] Гаухман Л.Д. эти методы определяет как специальные направления уголовной политики. См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова. М., 2005. С. 35.

иной мере приведенные выше методы и выражающейся в уголовном законодательстве.

Рассматривая конкретные законодательные решения в их совокупности и факторы, влияющие на принятие этих решений, можно выделить определенные тенденции развития как уголовно-правовой политики, так и законодательства, являющегося, с одной стороны, результатом реализации этой политики, с другой стороны – инструментом реализации уголовно-правовой политики.

Под тенденциями развития уголовно-правовой политики следует понимать весьма широкий круг характеристик развития уголовно-правовой политики, имеющих устойчивый характер в определенный период времени, что позволяет делать выводы о сложившейся направленности этого вида политики на какую то перспективу.

При этом необходимо учитывать, что отдельные тенденции взаимосвязаны друг с другом и взаимообусловлены, накладываются друг на друга, ограничены по времени и могут видоизменяться.

Оценить тенденции уголовно-правовой политики в целом или конкретного направления уголовно-правовой политики можно лишь в их развитии и взаимосвязи с реалиями общественного бытия в рамках достаточного для такой оценки периода времени.

Исходя из выявленных тенденций и их анализа в динамике, можно оценивать эффективность её реализации, давать характеристики (в том числе как позитивные, так и негативные) реализуемой уголовно-правовой политике, делать прогнозные выводы о развитии в будущем соответствующего вида политики.

Один из таких выводов касается перспективы введения уголовной ответственности юридических лиц.

Анализ развития международной и российской уголовно-правовой политики позволяет прогнозировать, что в ближайшей перспективе весьма вероятно не только введение уголовной ответственности юридических лиц, но и формирование тенденции к расширению числа составов преступлений, за совершение которых возможно привлечение к ответственности юридических лиц.

Развитие экономических отношений обусловило в XX в. – начале XXI века введение уголовной ответственности юридических лиц во многих странах мира, подтверждая верность широко известного в прошлом и подтвержденного историей развития человечества тезиса о том, что политика есть концентрированное выражение экономики.

Уголовная ответственность юридических лиц уже установлена в законодательстве Австралии, Австрии, Азербайджана, Албании, Алжира, Афганистана, Бельгии, Ванауту, Великобритании, Венгрии, Грузии, Дании, Израиля, Индии, Ирака, Ирландии, Исландии, Испании[1], Ита-

[1] Напр., о введении уголовной ответственности юридических лиц в Испании

лии, Канады, Кении, Китая, Кореи, Кот д' Ивуара, Кубы, Латвии, Литвы, Люксембурга, Марокко, Мексики, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, Пакистана, Польши, Португалии, Румынии, Словении, США, Того, Турции, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Швейцарии, Эстонии, Эфиопии, ЮАР и ещё ряда стран[1].

Причиной введения уголовной ответственности юридических лиц стал рост числа и масштабов преступлений в экономической сфере, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды (в их пользу) физическими лицами (лицами, осуществляющими управленческие функции; законными представителями юридического лица; а также иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими за счет или в пользу юридического лица, если оно не обеспечило достаточную степень контроля за их действиями с учетом конкретных обстоятельств).

К числу таких преступлений, совершаемых юридическими лицами, относятся преступления в сфере экономической деятельности, в том числе внешнеэкономической деятельности, налогообложения и финансовых рынков, в антимонопольной сфере, коррупционные преступления, преступления в сферах экологии и охраны труда.

Характерно, что уголовная ответственность юридических лиц имеет место только в странах с рыночной экономикой, зачастую имеющих разный уровень развития рыночных отношений.

В период истории России, именуемый социалистическим, когда экономика развивалась в условиях государственной собственности на орудия и средства производства, уголовная ответственность юридических лиц исключалась, так как не соответствовала характеру господствующих экономических отношений. При переходе к рыночной экономике ситуация изменилась.

Уголовно-правовая политика постсоветского – рыночного периода развития экономики и общества направлена на защиту новых экономических отношений и, как показывает зарубежный опыт, уголовная ответственность юридических лиц является весьма эффективным уголовно-правовым инструментом противодействия преступности в этих условиях.

см.: Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 33-35.

[1] См., напр.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 168; Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2013. С. 8-11.

Как переход от ранее сложившихся в СССР экономических отношений к рыночным обусловил отказ от признания уголовно наказуемыми деяниями спекуляции (ст. 154 УК РСФСР), спекуляции валютными ценностями или ценными бумагами (ст. 88 УК РСФСР), ведения паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР), и устранение деления преступлений против собственности на совершенные в отношении социалистической собственности (глава 2 Особенной части УК РСФСР) и в отношении личной собственности граждан (глава 5 Особенной части УК РСФСР), ибо эти институты уголовного права уже не соответствовали характеру новых экономических отношений, так он с неизбежностью повлечет введение уголовной ответственности юридических лиц.

Таким образом, введение уголовной ответственности юридических лиц обусловлено, в первую очередь, экономическими процессами, связанными со становлением и развитием рыночной экономики. И эти процессы требуют проведения адекватной им уголовно-правовой политики.

Данный вывод подтверждается влиянием на развитие национальной уголовно-правовой политики в этой части международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и её членством в международных организациях. Следует иметь в виду, что участие в международных договорах и международных организациях является результатом реализации соответствующей национальной политики государства в международной сфере, которая уже не отторгает, как ранее, а принимает такой специфический инструмент уголовно-правовой политики, каковым является уголовная ответственность юридических лиц.

Изменения экономических отношений являются объективной причиной необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц, а участие в международных договорах, предусматривающих такую ответственность, – одним из поводов для её введения. Имеет место ситуация, когда реализуя свою политику, государство становится участником определенных международных договоров и организаций, а затем участие в международных договорах и членство в международных организациях начинает оказывать влияние на проведение соответствующей национальной правоустановительной и правоприменительной политики, что находит отражение, в том числе, в изменении национального законодательства.

Последним из многосторонних международных договоров, предусматривающих ответственность юридических лиц, к которым присоединилась Российская Федерация, стала Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении между-

народных коммерческих сделок от 21.11.1997[1] (далее – Конвенция ОЭСР против коррупции)[2].

Так как Конвенция ОЭСР против коррупции не является документом прямого действия, для выполнения её положений необходимо принятие национальных законодательных актов, соответствующих антикоррупционным стандартам ОЭСР, представляющим собой признанные участниками этого международного договора и обязательные для исполнения требования к национальным законодательствам и практике их реализации, закрепленные в вышеназванной Конвенции, Комментарии к ней, а также в многочисленных рекомендациях, принятых ОЭСР.

Одним из конвенционных требований является установление ответственности физических и юридических лиц за подкуп иностранных должностных лиц. В настоящее время УК РФ за такой подкуп для физических лиц установлена уголовная ответственность, а для юридических лиц – административная по ст. 19.28. КоАП РФ, предусматривающей ответственность юридического лица за незаконное вознаграждение от его имени.

В то же время возникают вопросы о достаточности в указанной части административной ответственности юридических лиц, её адекватности положениям Конвенции ОЭСР против коррупции.

Тем более, что другой международный договор – Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27.01.1999)[3], ранее ратифицированная Российской Федерацией без каких-либо оговорок и вступившая для неё в силу[4], предусматривает уголовную ответственность юридических лиц, устанавливая, что каждая сторона этого международного договора «принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений».

---

[1] Федеральный закон от 1.02.2012 № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // СЗ РФ. 2012. № 6. Ст. 622. Конвенция вступила в силу для РФ 17.04.2012. Текст конвенции см.: СЗ. 2012. № 17. Ст. 1899.

[2] Об этой конвенции и реализации её положений в российском законодательстве см.: Федоров А.В. Международные антинаркотические конвенции как часть правовой системы и уголовного законодательства Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6(11). С. 171-178.

[3] Текст конвенции см.: СЗ РФ. 2009. № 20. С. 2394.

[4] Федеральный закон от 25.07.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3424. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 1.02.2007.

Статья 15 Конституции РФ предусматривает, что международные договоры Российской Федерации являются составляющей её правовой системы, и если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Однако, согласно ст.1 УК РФ российское уголовное законодательство состоит из указанного кодекса, и новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат обязательному включению в УК РФ, который основывается, в том числе, на нормах международного права.

Таким образом, в уголовно-правовой сфере нормы международных конвенций не могут применяться непосредственно, требуется их «включение» через национальный закон в УК РФ, что соответствует как классическому римскому положению «nullum crimen sine lege» (нет преступления без указания на то в законе), так и Конституции РФ, согласно ст. 71 которой уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

На данное обстоятельство обращено внимание в постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[1], разъяснившем, что международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку в таких договорах указывается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных ими обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом.

Международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, применяются как таковые лишь в тех случаях, когда норма УК РФ непосредственно устанавливает необходимость применения международного договора[2].

Изложенное является основанием для рассмотрения такого рода международных договоров как источника воздействия на становление и развитие российского уголовного законодательства[3], что, на наш

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. С. 3-8; 2013. № 5. С. 1-2.

[2] Напр., ст. 355 УК РФ устанавливает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсического, а также другого вида оружия массового уничтожения, запрещенного международным договором Российской Федерации.

[3] См. подробно: Родионова Т.А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития. М., 2012. С. 86.

взгляд, не вызывает сомнений, в том числе и в случаях, когда международным договором предусматривается уголовно правовой запрет тех или иных деяний.

Включение определяемого нормами международного договора уголовно-правового запрета в национальное право имеет важнейшее значение в системе нормативно-правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации, когда происходит определенная унификация национальных законодательств, в том числе связанная с минимизацией особенностей отдельных национальных правовых систем.

Исходя из положений вышеуказанных конвенций, Российской Федерации предстоит внести изменения в законодательство, касающиеся установления уголовной ответственности юридических лиц, для выполнения взятых на себя обязательств по этим конвенциям.

В связи с этим уместно вспомнить мнение известного российского ученого – Б.В. Волженкина, опубликованное им 15 лет назад: «…есть определенные основания утверждать, что в недалеком будущем вопрос об установлении уголовной ответственности для юридических лиц вновь будет поставлен с достаточной остротой. Вряд ли российский законодатель останется в стороне и не отреагирует на заметную тенденцию расширения ответственности корпораций в зарубежном законодательстве»[1].

А.М. Багмет

К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела

Одной из самых проблемных в уголовном судопроизводстве остается стадия возбуждения уголовного дела, чему свидетельствует и постоянное изменение уголовно-процессуальных норм, относящихся к указанной сфере. Причем постоянная законодательная пертурбация уголовно-процессуальных положений стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, не разрешают проблем, возникающих в ходе проверки сообщений о преступлениях.

Одним из направлений по совершенствованию стадии возбуждения углового дела является усиление процессуальной самостоятельности следователя и руководителя следственного органа при проверке сообщения о преступлении.

В соответствии с Федеральными законами от 5.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской

---

[1] Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 23.

Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»[1] и от 2.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2] произошло перераспределение полномочий между руководителем следственного органа и надзирающим прокурором. Изменились их процессуальные взаимоотношения со следователем. Законодатель обоснованно исключил дублирование полномочий участников уголовного процесса относительно друг друга в осуществлении процессуального контроля на предварительном следствии. Роль руководителя следственного органа в организации расследования уголовных дел, соблюдения конституционных прав граждан при этом закономерно возросла и объективно стала главенствующей.

Руководитель следственного органа имеет важные процессуальные полномочия. В целом их можно охарактеризовать как выполнение функции уголовного преследования в форме руководства предварительным следствием. Практически все полномочия по руководству предварительным следствием, закрепленные законом, которые ранее имел прокурор, переданы руководителю следственного органа.

Это привело к закономерному этапу разграничения на предварительном следствии процессуальной деятельности по расследованию уголовных дел и по надзору за соблюдением законов.

Руководитель следственного органа, организуя работу следователей и неся за нее полную ответственность, вправе давать следователю указания. Все они направлены на раскрытие преступлений, т.е. установление лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния. Работа руководителя территориального следственных подразделений начинается с получения сообщения о совершении преступления и организации проведения процессуальных, в том числе и следственных действий, предусмотренных законодателем для проверки сообщения о преступления. При этом руководитель следственного подразделения создает следственную группу, которая по «горячим» следам закрепляет доказательства, устанавливает обстоятельства произошедшего. Как правило, руководитель следственного органа выезжает на место происшествия, организует его осмотр, а также получение информации от пострадавших или заявителей и очевидцев преступления. При этом им контролируется производство других следственных действий, в частности: получение образцов для сравнительного исследования; назначение необходимых судебных экспертиз; осмотров документов, предметов, трупов; освидетельствований.

Практика показала, что и без участия прокурора руководители следственных подразделений способны полностью справляться с этой

---

[1] СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830

[2] СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

работой. На этом этапе положительного влияния от так называемого прокурорского надзора нет, и он не требуется. Выезд прокурора на место происшествия никоим образом не повлияет на результативность раскрытия преступления, так как его осмотр производит следователь и под его руководством работают на месте происшествия члены дежурной следственно-оперативной группы.

Кроме того, на основании п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, о квалификации преступления, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении.

Законом, безусловно, обоснованно предусмотрено такое важное полномочие руководителя как направление расследования уголовного дела. Оно взаимосвязано с полномочием давать указания по делу.

На практике направление расследования дела определяет следователь. Свои действия по раскрытию преступления, установлению виновных лиц, причин и условий, способствующих совершению преступления, следователь, как правило, согласовывает с руководителем следственного органа. Эта совместная работа приносит положительные результаты. Руководители следственных отделов организовывают оперативные совещания с сотрудниками оперативных служб правоохранительных органов, на которых совместно вырабатываются версии, направленные на раскрытие преступлений.

Направление расследования по своему смыслу включает выдвижение следователем версий, касающихся, прежде всего, события преступлений, лиц, причастных к его совершению, форм их вины и мотивов действий, а также других фактических обстоятельств дела, подлежащих следственной и оперативно-розыскной проверке. Руководители следственных подразделений, взаимодействуя со следователем, определяют вопросы и обстоятельства, которые необходимо выяснить по каждой версии, эпизоду или по делу в целом. Они определяют источники доказательственной информации, которые должен исследовать следователь, с определением следственных действий, необходимых для установления объективных обстоятельств.

Руководителю следственного подразделения законом предоставлено право давать указания следователю об определении квалификации преступления.

Таким образом, для руководителя следственного подразделения установлены законом основные права, которые определяют результативность проверки сообщения о преступлении. Эти полномочия руководитель, как правило, использует по согласованию со следователем. На них двоих лежит ответственность за раскрытие преступления, установление лица его совершившего.

Тем самым, деятельность следователя в стадии возбуждения уголовного дела находится под постоянным процессуальным контролем руководителя следственного органа.

Не сказалось на качестве расследования уголовных дел перераспределение законодателем ряда процессуальных прав, которые ранее по действовавшему законодательству принадлежали прокурору. Теперь руководитель следственного органа не только проверяет материалы уголовного дела, но также вправе отменять незаконные или необоснованные постановления следователя. Наличие этого важного полномочия предотвратило длительность по времени устранения нарушений закона. Ранее только прокурор мог отменять решения следователя. Прокурор как бы подменял роль руководителя, теперь этот перекос законодателя устранен.

Президентом РФ 23.07.2013 подписан Федеральный закон № 220-ФЗ «О внесении изменений в статью 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1], в соответствии с которым постановление следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, а равно иные их решения и действия (бездействие), способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участникам уголовного судопроизводства, либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Причем в случаях, перечисленных в ч. 2-6 ст. 152 УПК РФ, жалобы на решения и действия (бездействие) указанных лиц рассматриваются районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Таким образом, закон в полном объеме обеспечивает в настоящее время защиту прав граждан путем обжалования действий следователя и руководителя следственного отдела в суде.

В настоящее время ряд полномочий прокурора, закрепленных в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, нуждаются в корректировке. Необоснованная проверка прокурором деятельности следователя и руководителя следственного органа при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2), не мотивированное истребование материалов относительно принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5.1 ч. 2), необъяснимая передача материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (п. 12 ч. 2) приводит к дополнительной затрате времени и сил следователя и руководителя следственного органа. Это вносит дополнительную волокиту и хаос в работу следователя, который должен отложить свою работу и посвятить служебное время надзирающему прокурору. На это уходит много времени. Кому это выгодно? Ответ

[1] СЗ РФ. 2013. № 30 (Ч. I). Ст. 4053.

очевиден. Это выгодно лицам, совершившим преступления. Такое решение может привести только к серьезному осложнению работы следователя, что не приведет к положительным результатам его работы по изобличению лиц, совершивших преступление.

Решение законодателя о передаче практически в полном объеме процессуальных полномочий в досудебном производстве от прокурора к руководителю следственного органа выглядит не только абсолютно логичным, но и, что не менее важно, своевременным. В настоящее время отсутствует необходимость двойного контроля работы следователя и соответственно содержания целого аппарата работников, которые осуществляют только надзор за результатами работы следователя. Высвободившиеся силы необходимо направить действительно на борьбу с преступностью, тогда государство и граждане получат результаты.

Зачастую, прокуроры отменяют как постановления о возбуждении уголовных дел, так и постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, ссылаясь на нарушения конституционных прав граждан, при этом не принимая в расчёт, что решения следователя, основанные на полной проверки сообщений о преступлениях, продиктованы именно обеспечением конституционных прав граждан.

Постановления о возбуждении уголовного дела отменяются без учёта выявленных признаков состава преступления и требований законодательства по возмещению вреда от преступных посягательств.

Кроме того, у прокурора может возникнуть расхождение со следователем в части квалификации деяния, его процессуальных действий, достаточности доказательств. Затягивание стадии возбуждения уголовного дела отодвигает на неопределенное время раскрытие, расследование и предупреждение преступной деятельности. Причем немотивированные отмены прокурором решений следователя, реагирование на них следователем и руководителем следственного органа, несомненно, ведёт к волоките, и как следствие нарушаются конституционные права граждан.

Вместе с тем, необходимо акцентировать, что за прокурором сохраняется право надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия (ч. 1. ст. 37 УПК РФ). При этом прокурор уполномочен требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Однако законодательно следует закрепить возможность вмешательства прокурора в деятельность следователя, в частности, в стадии возбуждения уголовного дела, в случае поступления информации о нарушении конституционных прав граждан.

Тем самым, в настоящее время назрела необходимость расширения процессуальной самостоятельности следователя, в частности, при про-

верке сообщения о преступлении. В связи с этим требуется передача всех полномочий по осуществлению руководства уголовным преследованием руководителю следственного органа, который в свою очередь будет нести полную ответственность за законность и эффективность работы подчиненных следователей. Предложенный подход, несомненно, будет способствовать, как повышению эффективности противодействия преступности, так и повышению защиты конституционных прав граждан.

Таким образом, в УПК РФ, в части положений, относящихся к стадии возбуждения уголовного дела, с целью расширения процессуальной самостоятельности следователя и мотивированного вмешательства прокурора в следственную деятельность, корректирования условий правомерности полномочий прокурора в ст. 37 необходимо внести ряд изменений:

- пункт 1 ч. 2 изложить в следующей редакции: «при получении информации о нарушении конституционных прав проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях»;
- пункт 5.1 ч. 2 изложить в следующей редакции: «при получении информации о нарушении конституционных прав истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с настоящим Кодексом»;
- часть 2.1 изложить в следующей редакции: «По мотивированному письменному запросу прокурора ему предоставляется возможность ознакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, и находящегося в производстве уголовного дела».

В.В. Дорошков

Уголовно-правовая политика и тема конференции

В последние годы многими учеными отмечалась необходимость единой концепции, единой стратегии российскому обществу в борьбе с преступностью в связи со сменой курса в осуществлении уголовной политики, поскольку результаты борьбы с преступностью весьма скромны. Общественной палатой РФ даже разработан проект концепции уголовно-правовой политики РФ, под которой понимается система официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты

личности, общества и государства от преступных посягательств средствами уголовного законодательства[1].

Однако актуальные проблемы уголовного процесса, обозначенные в качестве предмета дискуссий на сегодняшней научно-практической конференции, к сожалению не нашли своего должного отражения в указанном проекте. Данное обстоятельство, на мой взгляд, во многом связано с теоретическим спором о содержании уголовной политики, о ее видах, о самостоятельности уголовно-процессуальной политики, а также с недостаточным вниманием разработчиков направлений политики уголовному процессу. Разделяя точку зрения, согласно которой уголовно-процессуальная и уголовная политика являются лишь составными частями правовой политики государства, полагаю, что успешное осуществление предстоящего этапа реформ зависит от взаимной координации деятельности ученых и законодателя, от единой идеологии преобразований.

Россия 150 лет назад заплатила огромную цену за доказательство одной истины: невозможно успешное осуществление комплексных реформ без взаимной координации работы во всех сферах, без единой идеологии преобразований. Характеризуя современную уголовную политику российского государства, следует признать поспешность, непоследовательность и недостаточную проработку вносимых изменений в УК РФ и УПК РФ. Так, более 130 федеральных законов было принято для внесения тех или иных изменений в УПК РФ 2002 г., а в УК РФ, вступивший в силу в 1997 г., были внесены существенные изменения и дополнения более чем сотней последовавших затем федеральных законов. Для сравнения: УК РСФСР 1960 года за 36 лет действия изменялся только 87 раз.

Анализ состояния преступности в стране свидетельствует о том, что имплементация норм международного права, попытка подражания, а зачастую слепого заимствования российскими учеными и законодателем правового опыта других государств, в том числе различных правовых систем, без системного изучения вводимых правовых институтов и условий их реализации в России, на практике оказались явно неэффективными. При этом не учитывалось, кто и с какой целью предлагал те или иные новшества. В этом контексте весьма актуально высказывание Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина в одном из его выступлений: «Реальность глобального мира – это конкуренция государств за идеи, людей и капитал. А фактически – за будущее своих стран в сформировавшемся глобальном мире»[2].

---

[1] Побегайло Э.Ф. Актуальные вопросы уголовной политики в современных условиях // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 1(1). С. 74; Общественная палата РФ. URL: http://www.oprf.ru/discussions/newsitem.

[2] Зорькин В.Д. Демократия и качество государства // Коммерсант.

Сегодня мы имеем с одной стороны – декларированные гарантии существования человеческой личности, закрепленные в международных конвенциях, Декларации прав и свобод человека и гражданина, обеспечиваемые рядом международных институтов, включая Европейский суд по правам человека, Организацию Объединенных Наций и иными отечественными институтами. С другой стороны – тотальную незащищенность людей перед лицом произвола организованной преступности, террористов, «власть имущих», неуверенность в том, что они не лишатся собственности, трудовых накоплений в ходе очередной смены власти, контртеррористических мероприятий, «экономического кризиса», как было в 90-е гг. прошлого столетия.

Национальные особенности экономического развития страны после развала СССР и либерализации законодательства заключались в том, что наш отечественный бизнес зачастую вырастал из теневой экономики, преимущественно её «черного сектора», и иной криминальной деятельности, в том числе общеуголовной. Наибольшую опасность представляют преступные посягательства на бюджетные средства, рейдерские захваты, монополизм. Криминальные сверхдоходы, изъятые из экономики страны посредством их легализации, вывозятся за рубеж и впоследствии служат целям подчинения политических и финансовых институтов страны. Ведь современная экономическая модель способна влиять на реально проводимую уголовную политику, определять ее содержание.

Даже без учета латентной преступности в стране только в 2012 г. зарегистрировано около 28 млн. заявлений и сообщений о совершении преступлений, возбуждено же всего около 3 млн. уголовных дел, а в судах реально рассмотрено менее 1 млн. дел. Какой же должен быть создан государственный аппарат, способный расследовать, рассмотреть в суде и пересмотреть в вышестоящих судебных инстанциях всю массу уголовных дел, руководствуясь при этом принципом неотвратимости наказания за каждое преступление? Сколько же понадобится бюджетных средств, чтобы адекватно противодействовать преступности, когда отсутствует реальное исполнение налоговых обязательств даже по принятым судом решениям?

Изменение программной цели уголовного судопроизводства с искоренения преступности на защиту прав и свобод человека (ст. 2 Конституции РФ) обусловило необходимость реформирования всей уголовной системы. На вопрос о том, насколько защищен простой человек от преступников, многие в ходе опросов отмечали свою беспомощность перед преступностью. Состязательность в уголовном процессе без реального равенства сторон, а лишь их равноправия перед судом, без равноправия перед законом, органами предварительного расследования, порой стали напоминать спор «волка с овцой», которые поразному понимают сущность термина «свобода».

Общеизвестно, что уголовный закон мертв без уголовного процесса и поэтому судопроизводству следует уделять соответствующее значение в стратегии борьбы с преступностью. От того, как будет разрешен вопрос истины в уголовном процессе, во многом зависит определение направлений дальнейшего развития отечественного уголовного процесса. При этом следует учитывать особенности отечественной модели уголовного судопроизводства. Ее правомерно относят к смешанной, основанной на принципе состязательности судопроизводства с элементами инквизиционной (розыскной) процедуры, проявляющейся в активной роли органов предварительного следствия на стадии возбуждения уголовного дела, розыска преступников и сбора доказательств. В досудебном производстве доминируют публично-правовые начала, проявляющиеся в том, что расследование уголовных дел осуществляется специальными должностными лицами, наделенными властными полномочиями и обладающими необходимыми процессуальными и материально-техническими возможностями. Она сочетает в себе принципы состязательности и законности.

Возражения противников концепции «объективной истины» покоятся на представлении о том, что указанная абстракция не только реально недостижима, не является плодом исторического развития. Они не учитывают тот факт, что в том числе правовые предметы и явления противоречивы и, развиваясь на основе внутренних противоположностей, сами создают условия для собственного уничтожения, для перехода в новое, высшее качество. При оценке истинности знания необходимо руководствоваться принципом конкретности истины. Этот принцип следует понимать не как отрицание или умаление роли абстрактного мышления и научных абстракций, а как одно из положений диалектики, означающее недопустимость одностороннего, метафизического подхода к исследованию конкретной действительности.

Поэтому объективную и формальную истины следует рассматривать не только как содержание и форму, но и как наиболее характерные особенности правовой формы одного и того же явления, которое называется истиной. Как право выражается в форме публичного либо частного. Так и истина (в процессуальном аспекте) выражается в форме объективной и формальной. Континентальная система права отдает предпочтение объективной истине, не отвергая наличие юридической истины, а англосаксонская система – юридической истине. Элементы объективной и юридической истины присутствуют ныне в отечественном смешанном уголовном процессе, изменяя друг друга. Так, наряду с активностью суда в собирании и исследовании доказательств и доминированием публичных начал, УПК РФ предусмотрел преюдицию, дифференциацию форм, диспозитивность сторон. В результате изменяется как роль суда в процессе, так и значение преюдиций, презумпций. Повышенное внимание одной из форм в ущерб другой – это нормаль-

ный объективный процесс развития отечественного права в различные исторические моменты под влиянием конкретных экономических, политических и иных факторов.

В конечном счете, обществу необходим такой результат, когда установленные судом обстоятельства будут максимально полно и точно отражать ту часть объективной истины, которая попадает под правовую регламентацию. Поэтому возвращение в УПК РФ положений объективной истины для основной категории уголовных дел, по которым повышается активность судов в целях защиты публичных интересов – реальная необходимость. В силу дифференциации форм судопроизводства вполне допустима и формальная истина, например, в ходе рассмотрения уголовных дел в особом порядке (гл. 40 и 40-1 УПК РФ) либо в порядке частного обвинения, когда суд связан пределами заявления потерпевшего. Выбор того или иного направления в уголовно-правовой политике ничего не решает относительно теоретической обоснованности разграничения этих понятий.

Общество и государство вправе ожидать от отечественной юридической науки не только изучения прошлого и объяснения проблем современного уголовного судопроизводства, конкретных путей их разрешения в настоящем, но и разработки научного прогноза стратегии ее правового будущего. Для этого необходимо теоретически обосновать организационную структуру органов уголовного судопроизводства, проанализировать этапы предыдущих реформ, создать национально-правовой идеал уголовного процесса. Полагаю, что сегодняшняя научно-практическая конференция отчасти будет способствовать выполнению этих задач.

О.А. Зайцев

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации: от прошлого к будущему

Уголовное судопроизводство в нашей стране в настоящее время регулируется нормами УПК РФ, введенного в действие с 1.07.2002. Данный закон был разработан в соответствии с основными направлениями развития уголовно-процессуального законодательства, определенными Концепцией судебной реформы[1]. Сделан крупный шаг на пути укрепления судебной власти, развития демократических основ уголовного судопроизводства, укрепления правовых гарантий личности. При этом в большинстве случаев учтены достижения отечественной науки и законодательства, международный опыт по государственному противодействию преступности.

[1] Принята Верховным Советом РСФСР 24.10.1991.

Следует отметить, что с момента введения УПК РФ в действие и до настоящего времени в его адрес высказано довольно много обоснованных критических замечаний со стороны ученых и практических работников. Действительно, уголовно-процессуальный закон далек от совершенства, так как трансформировался из сложившейся в советский период формы уголовного процесса, переполнен существенными неточностями, а порой и весьма сомнительными нормативными положениями.

Не случайно в незначительный период времени, как до введения в действие УПК РФ, так и в ходе его применения, на законодательном уровне было внесено свыше тысячи пятисот различных дополнений и изменений. Тем самым мы обошли «показатели» устаревшего УПК РСФСР 1960 года, в который за время его действия, как известно, было внесено более 400 дополнений и изменений.

За последние десять лет уголовно-процессуальная политика РФ претерпела серьезные изменения, которые стали составной частью модернизации судебной системы и уголовно-процессуального законодательства РФ. Существенному реформированию подверглись уголовно-процессуальные институты, касающиеся реорганизации дознания, подследственности, полномочий прокурора, применения мер пресечения, возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, прекращения уголовного дела (преследования) о преступлениях в сфере экономической деятельности, изменения контрольно-проверочных производств и др.

Одним из существенных нововведений в уголовно-процессуальном законодательстве стало развитие согласительных процедур, которые представляют собой различные формы взаимодействия органов уголовной юстиции с гражданами, общественными институтами, гражданским обществом. Наиболее близко к модели классической сделки, соглашения сторон стоят институты, регламентированные гл. 40, 40.1 УПК РФ, а также ст. 25, 28, 28.1, 427 УПК РФ (и соответственно, статьями 75-76.1, 90 УК РФ). Собственно они и представляют особый интерес, потому что в них воплощена суть преобразований, происходящих в нашем уголовно-процессуальном праве. Таким образом, судебная реформа в нашей стране получила новый импульс для своего развития благодаря более широкому использованию договорно-правовых средств регулирования уголовно-процессуальных отношений. Они должны повысить уровень эффективности борьбы с преступностью при снижении затрат на эту государственную деятельность, создать принципиально новые гарантии общественной безопасности и прав личности.

Особое место среди последних нововведений в нашем УПК РФ является реформирование контрольно-проверочных производств (апелляции, кассации, надзора). Со времен принятия и введения в действие

нового УПК РФ в уголовное судопроизводство России не вносились столь масштабные, комплексные и кардинальные, по сути, новации, как те, которые связаны с принятием Федерального закона от 29.12.2010 № 433-ФЗ[1]. Кардинально изменены сущность, предмет и отчасти пределы проверки постановленных судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях. С 1.01.2013 начала действовать принципиально новая процессуальная форма проверки итоговых или промежуточных актов суда по правилам обновленного либо полностью реформированного апелляционного (гл. 45.1 УПК РФ), кассационного (гл. 47.1 УПК РФ) и надзорного (гл. 48.1 УПК РФ) производства.

В российской уголовно-процессуальной доктрине предложенные новеллы оцениваются как очередной и весьма значимый шаг по реализации судебно-правовой реформы в стране, по приведению контрольно-проверочных производств, во-первых, в соответствие с подлинно состязательным строем процесса; во-вторых, в соответствие с приоритетным направлением этой отрасли государственной деятельности, вектор которой направлен на защиту интересов, прав и свобод именно заинтересованных участников уголовного судопроизводства[2].

Объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть и другие многочисленные новеллы, которые наши свое отражение в действующем УПК РФ.

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство в ряде стран СНГ – бывших республиках Советского Союза уже неоднократно существенным образом реформировалось.

К примеру, в Республике Казахстан в настоящее время разработан проект нового УПК, который призван заменить УПК РК от 13.12.1997. Ключевой задачей законопроекта является эффективное применение уголовно-процессуального законодательства в целях быстрого раскрытия преступлений, привлечения к уголовной ответственности лиц, их совершивших и справедливого судебного разбирательства, упрощение и повышение эффективности уголовного процесса[3]. В основу подхода к проекту УПК РК, который предлагается ввести в действие с 1.01.2015, взят предыдущий опыт развития уголовно-процессуального права страны, а также разумное восприятие и соотношение либеральных и радикальных начал, сложившихся в мировой правовой системе в

---

[1] Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 31 декабря.

[2] Принятие Федерального закона № 433-ФЗ – весьма значимый этап судебной реформы // Уголовный процесс. 2011. № 3. С. 10-17.

[3] Пункт 1.3 Паспорта по оценке социально-экономических последствий действия проекта УПК РК.

ее классических исторических типах применительно к уголовному судопроизводству[1].

В частности, существенным образом изменяется первоначальная стадия уголовного процесса, из которой исключены процедуры доследственной проверки и возбуждения уголовного дела. Тем самым, использована европейская модель, где полицейский не дает юридической квалификации совершенным деяниям, не применяет меры уголовно-процессуального принуждения (кроме задержания), а также без санкции прокурора и суда не совершает действий, которые затрагивают конституционные права человека.

Упрощено досудебное производство за счет введения новой процедуры досудебного расследования, началом которого является регистрация заявления (сообщения) в Едином реестре досудебных расследований либо первое неотложное следственное действие. Предполагается, что досудебное расследование в Республике Казахстан будет осуществляться в форме дознания, предварительного следствия и протокольной форме по правилам, установленным законопроектом. В частности, упразднятся фиксированный срок досудебного производства за счет введения нового термина «разумный срок», который включает в себя период с момента регистрации заявления (сообщения) до дня направления уголовного дела с обвинительным актом прокурору.

В законопроекте предусмотрена специальная глава 31, которая регламентирует осуществление негласных следственных действий. Таким образом, произведено слияние в единое целое двух различных по форме и сущности видов деятельности (уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной). Следует отметить, что предлагаемая интеграция вызвала немало критических замечаний со стороны известных ученых-процессуалистов Казахстана, которые считают, что подобные новеллы приведут к хаотичности и разрушению процессов вышеуказанных государственных видов деятельности и их законодательных основ[2].

Законопроект предусматривает институт следственного судьи, основными полномочиями которого будут решение вопросов санкционирования ареста в качестве меры пресечения (включая его продление), а также принудительного помещения лица, не содержащегося под стражей, в медицинское учреждение для производства судебно-психиатрической и (или) судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, следственный судья будет санкционировать домашний и экстра-

---

[1] Когамов М.Ч. Что такое уголовно-процессуальное право и уголовный процесс Республики Казахстан. Алматы, 2013. С. 6-7.

[2] См., напр.: Гинзбург А.Я. Читая проект Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. URL: zakon.kz.

диционный арест, залог, наложение ареста на имущество, эксгумацию трупа, объявления международного розыска обвиняемого (подозреваемого) и ряд других вопросов, относящихся к его компетенции в соответствии со ст. 55 проекта УПК РК.

Проектируемым законом предусмотрен новый участник уголовного судопроизводства – медиатор, который является независимым физическим лицом, привлекаемым сторонами для проведения медиации с момента регистрации заявления (сообщения) об уголовном правонарушении, а также на любой последующей стадии уголовного процесса.

В предлагаемом законопроекте имеется много других положений, которые представляют интерес, как для законодателя, так и для ученых-процессуалистов. В тоже время следует отметить, что типологически уголовный процесс Казахстана все же остался ближе к «смешанной» форме с существенной ролью досудебной подготовки материалов. Ему не удалось в полной мере реализовать модель состязательного уголовного судопроизводства с элементами скоротечного полицейского дознания и с активным судебным контролем, где осуществляется перенос всей доказательственной нагрузки в рамки судебного разбирательства[1].

В Украине уже вступил в законную силу новый УПК от 13.04.2012, основными новеллами которого являются:

- существенным образом изменилась первоначальная стадия уголовного процесса, которая объединила отдельные стадии дознания и досудебного следствия в одну – досудебное расследование, начинающееся с момента поступления информации о совершенном преступном деянии в правоохранительные органы;

- значительно расширился судебный контроль на стадии досудебного расследования.

На следственного судью возлагаются полномочия по избрании меры пресечения и продления их сроков; по наложению ареста на имущество; по принятию решения о производстве негласных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан и др.; установлен четкий перечень негласных следственных действий, а также порядок их производства (все негласные следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, допускаются при расследовании тяжких или особо тяжких преступлений);

- оптимизированы меры пресечения, не связанные с лишением свободы;

---

[1] Тугел А.К., Ахпанов А.Н., Тукиев А.С. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан по вопросам обеспечения права на защиту и адвокатской деятельности на современном этапе // Евразийская адвокатура. 2013. № 1.

- отменен институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование;

- введена упрощенная форма расследования и судебного рассмотрения уголовных проступков;

- существенным образом расширены возможности согласительных процедур в уголовном судопроизводстве;

- значительным образом увеличено количество дел, рассматриваемых в форме частного обвинения.

Следует отметить, что и в нашей стране УПК РФ морально устарел. В его основе лежит многолетняя практика становления и развития уголовно-процессуального права Россия как советского, так и постсоветского периода. Сложившаяся в современной России новая общественно-политическая, экономическая и правовая ситуация обуславливает необходимость не просто корректировки действующих механизмов правового регулирования правосудия по уголовным делам, но и существенной их модернизации по основным направлениям уголовно-процессуальной политики.

Ключевыми направлениями совершенствования уголовно-процессуального права должны являться:

- упрощение и повышение эффективности уголовного процесса;

- закрепление дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам;

- расширение категорий уголовных дел, по которым уголовное преследование и обвинение в суде может осуществляться в частном и частно-публичном порядке;

- создание необходимых условий для расширенного применения мер пресечения, альтернативных аресту;

- расширение институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда;

- устранение имеющейся в настоящее время расбалансированности уголовно-процессуальных функций и правомочий участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения и защиты, смещения акцентов в сторону усиления процессуальных полномочий и гарантий прав обвиняемого в ущерб правам жертв преступления;

- совершенствование механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам жертвам преступлений и др.

Принятие нового УПК РФ, безусловно, позволит обеспечить на современном этапе развития нашей страны уровень защищенности прав и свобод человека, а также интересов общества и государства от общественно опасных посягательств.

С.М. Прокофьева

Уроки истории и перспективы развития современного уголовного судопроизводства

Реформа судебной системы продолжается в Российской Федерации на протяжении достаточно длительного периода. Некоторые результаты уже достигнуты, однако для определения дальнейших перспектив необходимо обратиться к урокам истории.

Ряд авторов утверждают, что в настоящее время в нашей стране происходит подъем процесса гуманизации в сравнении с предыдущими эпохами: с XIX в., периодом культа личности Сталина или периодом «застоя»[1]. Однако гуманистические ценности начали внедряться в уголовный процесс России намного раньше.

Первоначальное появление гуманистических ценностей в судопроизводстве отразило процесс естественного развития человеческого общества и связано с возникновением у древних людей нравственных представлений о добре и справедливости. Гуманных способов доказательства вины или невиновности человека выработано еще не было, все конфликты разрешались с позиции силы, поэтому никаких гарантий справедливого разрешения спора не существовало. Тем не менее, состязательность считалась справедливым способом урегулирования конфликтов, так как предполагалось, что правда имеет силу и помогает обиженному, поэтому истина была на стороне сильнейшего. В связи с этим доказательством вины ответчика было поражение в таких состязаниях, как единоборство, кулачный бой и т.д. Все это свидетельствует о том, что из самого древнего периода истории человечества в современный уголовный процесс вошли принцип состязательности и такие нравственные ценности, как справедливость и истина.

С зарождением государств стали появляться официальные властные органы и защиту прав начали осуществлять специальные судебные органы. В данный период появились первые правила судопроизводства, которые были закреплены в законах, издаваемых правителями: Законы царя Хаммурапи (Древняя Месопотамия), Законы Ману (Древняя Индия), Правда Ярослава (Древняя Русь) и другие. Так, в ст. 1 и ст. 2 Русской Правды определялся порядок проведения судебных поединков (ордалий), осуществления кровной мести, оценки показаний свидетелей и других процессуальных действий[2].

---

[1] Мещеряков Ю.В. Уголовное судопроизводство России первой половины XIX в.: автореф. дис. … канд. юрид. наук Л., 1985. С. 11-14; Москалькова Т.Н. Честь и достоинство: как их защитить? М., 1992. С. 15.

[2] Русская Правда. Краткая редакция // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1991. Т. 1. С. 47-49.

Факт зарождения процессуальных норм свидетельствует о развитии представлений человеческого общества о справедливости судопроизводства, потому что происходит осознание, что подлинное правосудие может осуществляться только при соблюдении определенного порядка. Эти положения отразили процесс гуманизации взаимоотношений между человеком и обществом и сохранились до сегодняшнего дня. Например, они вошли в принцип законности, который требует, чтобы все процессуальные действия производились в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса (ст. 7 УПК РФ).

В период средневековья атмосфера осуществления правосудия носила инквизиционный характер, отражая роль религии во всех сферах человеческой деятельности, грубость нравов феодального общества, невежество и забитость основной массы населения. С человеком обращались как с бесправным существом, защита не допускалась, процесс проходил тайно, с использованием пыток. Человек должен был сам доказать свою невиновность либо возместить ущерб и заплатить штраф. При этом существовала система формальных доказательств. Доказательства в указанный период носили явно выраженный бесчеловечный характер. Так, например, варварским доказательством было «испытание огнем», когда человеку давали в руку кусок раскаленного железа «аже не ожьжеться»[1].

Тем не менее, на протяжении столетий постепенно шло развитие гуманистических ценностей в уголовном судопроизводстве. Например, в уголовном процессе разных стран появлялись нормы, расширяющие и гарантирующие права человека от судебного произвола и несправедливого решения. Так, по Судебнику 1497 г. на Руси решения местных судов могли быть обжалованы в приказы, Боярскую Думу, великому князю[2]. Петр I ввел ряд норм, направленных на защиту обвиняемого, например, наказание лиц за лжесвидетельство[3], ограничение пытки. Если обвиняемый под пыткой не сознавался в совершенном преступлении, то вторично по данному делу пытать его не могли; от пыток освобождались недоросли, люди старше семидесяти лет и беременные женщины[4]. Все эти гарантии вошли в современное законодательство. Например, право обжаловать не только приговор, но и любые действия и решения лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (ст. 19 УПК РФ), и другие.

---

[1] Федоров К.Г. История государства и права зарубежных стран. Л., 1977. С. 20.
[2] История государства и права России: учебник / под ред. Ю.П. Титова. М., 2000. С. 77.
[3] Гришин С.П. Возбуждается уголовное дело… Н. Новгород, 1992. С. 7.
[4] Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1. С. 710-711.

Большим общечеловеческим достижением в сфере уголовного процесса было введение свидетельского иммунитета для родственников обвиняемого. Например, согласно ст. 177 гл. X Соборного Уложения 1649 г. к свидетельству не допускали жену против мужа, детей против родителей. На наш взгляд, этот институт является показателем уважения государством родственных чувств человека. В настоящее время указанная норма нашла свое отражение в ст. 51 Конституции РФ и распространяется на всех участников уголовного процесса, включая обвиняемого, потерпевшего и свидетеля.

Некоторые юристы весьма пессимистично прогнозируют последствия гуманизации уголовного процесса, указывая, что первой реакцией на гуманизацию было ухудшение и дестабилизация обстановки в России, повлекшие рост социальной напряженности[1]. Действительно, если сравнить эффективность действия УПК РСФСР и УПК РФ, то статистика показывает, что введение в действие УПК РФ первоначально вызвало значительный рост преступности. Так, если в 2000 г. было зарегистрировано 2952 тыс. преступлений, что на 1,6% меньше, чем в 1999 г., то в 2006 г. было зарегистрировано 3855,373 преступлений[2]. Тем не менее, изменения, вносимые в уголовно-процессуальное законодательство привели к тому, что в последующие годы динамика преступности неуклонно падала и уже в 2009 г. составила 2994,182 преступлений, то есть почти вернулась к показателям 2000 г.[3]

Однако необходимо все же признать, что раскрываемость преступлений в последние годы стала значительно меньше, по сравнению с раскрываемостью в период действия УПК РСФСР. Так, если в 2000 г. раскрываемость преступлений составляла 74%, то в 2010 г. – чуть больше половины, что на 13,3% меньше, чем в 2009 году[4], а в 2012 г. – 55,6%[5].

Законодатель не оставил без внимания указанные факты и в целях повышения эффективности работы органов предварительного расследования внес изменения в ряд институтов уголовного судопроизводства. Например, в УПК РФ появился принцип «разумный срок уголов-

---

[1] История, философия, принципы и методы правозащитной деятельности: сб. мат-лов семинара Моск. хельс. группы «Права человека» (1-4.02.1991) / сост. и ред. Богораз. М., 1995. С. 89.

[2] Краткий анализ состояния преступности в России (январь-декабрь 1998 г.) // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 35; Краткая характеристика состояния преступности в России в 2000 году // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 77-78; Состояние преступности в РФ за 1997 год – статистика // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 52.

[3] По данным ГИАЦ МВД России (январь-декабрь 2011 г.): общие сведения о состоянии преступности // Профессионал. 2011. № 2. С. 45.

[4] Там же. С. 44-47.

[5] Расширенное заседание коллегии МВД. 8.02.2013. URL: http://kremlin.ru.

ного судопроизводства» (ст. 6.1), в соответствии с которым уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок. Кроме того, в целях повышения раскрываемости преступлений законодатель ввел в Уголовно-процессуальный кодекс РФ главу, позволяющую заключать с подозреваемым и обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), благодаря чему подозреваемый и обвиняемый может оказывать активное содействие в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ).

Важным шагом в сторону повышения эффективности расследования стало совершенствование института понятых. В настоящее время понятые в обязательном порядке участвуют при производстве минимального числа следственных действий (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ), что не лишает права следователя приглашать их к содействию по своему усмотрению.

Следующим шагом, направленным на ускорение сроков и эффективности расследования уголовных дел, стало введение в УПК РФ возможности производства дознания в сокращенной форме. Такое дознание возможно только при наличии ходатайства от подозреваемого и проводится в срок, не превышающий 15 суток. Указанный срок может быть продлен прокурором не более чем до 20 суток (ст. 226.6 УПК РФ).

Указанные факты свидетельствуют о том, что перспективы развития уголовного судопроизводства связаны с его дальнейшей гуманизацией, а также выработкой все больших гарантий защиты не только прав и свобод человека, но и эффективности работы следователей и дознавателей при раскрытии и расследовании преступлений. Кроме того, в уголовном процессе наблюдается расширение доверия к сотрудникам полиции со стороны государства, что свидетельствует о постепенном психологическом освобождении общественного сознания от последствий культа личности Сталина.

Секция
«Стадия возбуждения уголовного дела – за и против»

Е.В. Александренко
В.В. Зарубей

Проблемные вопросы начала досудебного расследования в действующем УПК Украины

После вступления в действие нового УПК Украины (2012 г.) вопросов с применением отдельных его норм не уменьшилось. Напротив, очевидными стали недостатки правового регулирования, в частности, начала досудебного расследования (ст. 214 УПК), заменившего собой стадию возбуждения уголовного дела (по УПК 1960 г.).

Согласно ч. 4 ст. 214 УПК, следователь, прокурор, другое служебное лицо, уполномоченное на принятие и регистрацию заявлений и сообщений об уголовном правонарушении (преступлении – Е.А., В.З.), обязаны их принять и зарегистрировать. Отказ в принятии и регистрации заявления или сообщение о криминальном правонарушении не допускается. Согласно п. 1.2 раздела II «Положения о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований» (далее – ЕРДР)[1], сведения об уголовном правонарушении, изложенные в заявлении, сообщении или выявленные из другого источника, должны отвечать требованиям п. 4 ч. 5 ст. 214 УПК: в заявлении или сообщении должны быть указано краткое изложение обстоятельств, свидетельствующих о совершении уголовного правонарушения.

Анализ указанных нормативно-правовых актов показывает, что отсутствует норма, регулирующая вопрос оставления заявления или сообщения без рассмотрения в случае отсутствия или недостаточности в них указанных сведений. Отсюда, по смыслу ст. 214 УПК, следователь, прокурор и другие уполномоченные на это лица должны принимать все заявления и сообщения, вносить соответствующие ведомости в ЕРДР и начинать расследование. Однако, п. 2.2 упомянутого приказа № 69 гласит, что если в заявлении, сообщении не указаны все сведения о совершенном уголовном правонарушении, для их установления проводятся такие действия: направление требования в учреждения, предприятия, организации о предоставлении документов или соответствующих данных и т.д. Эти действия должны быть выполнены в срок не больше 7 дней. Если в их результате будут установлены обстоятельст-

---

[1] Положення про порядок ведення Єдиного реєстру досудових розслідувань: Наказ Генерального прокурора України № 69 від 17 серпня 2012 року із змінами і доповненнями, внесеними наказом Генеральної прокуратури України від 14 листопада 2012 року № 113. URL: http://www.gp.gov.ua.

ва, свидетельствующие о совершении уголовного правонарушения, по согласию прокурора проводится расследование в соответствии с требованиями ст. 214 УПК. Налицо противоречие между требованиями ст. 214 УПК и пунктом 2.2 приказа (24 часа и 7 дней для принятия решения о начале расследования). На наш взгляд, такие важные вопросы процессуальной деятельности должен регулировать закон, а не подзаконный акт.

Установленный в УПК порядок начала уголовного производства, по нашему мнению, не способствует и своевременному началу расследования. Кроме того, влечет за собой необходимость затрат времени следователей не на расследование, а на внесение данных в ЕРДР и направление поручений оперативным подразделениям правоохранительных органов (именно они, а никакие другие подразделения имеют право исполнять эти поручения (ст. 41 УПК). Стараясь предупредить случаи утаивания преступлений от регистрации и имея вполне понятное и разделяемое нами желание не оставить без надлежащего рассмотрения никакого заявления или сообщения об преступлении, законодателю не следовало отождествлять регистрацию заявлений и сообщений (внесение ведомостей в ЕРДР) со своевременным началом расследования.

Согласно ч. 1 ст. 214 УПК, следователь, прокурор безотлагательно, но не позднее 24 часов после получения заявления, сообщения об уголовном правонарушении, или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении правонарушения, обязан внести соответствующие ведомости в Единый реестр досудебных расследований (далее – ЕРДР) и начать расследование. Так гласит норма закона.

На практике, согласно п. 2.2 «Инструкции о порядке ведения единого учета в органах и подразделениях внутренних дел Украины заявлений и сообщений о совершенных уголовных правонарушениях и других событиях», (далее – Инструкция)[1], получив по телефону сообщение о содеянном криминальном правонарушении, инспектор дежурной части ОВД регистрирует полученную информацию в журнале «Единого учета заявлений и сообщений о совершенных уголовных правонарушениях и других событиях» (далее – Журнал), а также немедленно направляет на место события следственно-оперативную группу (СОГ) для проверки этого факта. Инспектор дежурной части в телефонном режиме выясняет анкетные данные заявителя и обстоятельства совершения криминального правонарушения. Достоверность

[1] Про затвердження Інструкції про порядок ведення єдиного обліку в органах і підрозділах внутрішніх справ України заяв і повідомлень про вчинені кримінальні правопорушення та інші події та положень про комісії : Наказ МВС України від 19 листопада 2012 року № 1050. URL: http:// mvs.gov.ua.

таких данных проверяется СОГ, которая направляется на место совершения правонарушения (п. 2.2. Инструкции). Если на месте совершения уголовного правонарушения присутствует лицо, обратившееся с сообщением, составляется соответствующий протокол принятия устного заявления с одновременным предупреждением об уголовной ответственности за заведомо неправдивое сообщение о совершении преступления.

После подтверждения полученной информации о наличии уголовного правонарушения, дежурный принимает меры к своевременному предоставлению соответствующих материалов (протокол осмотра места происшествия, письменное заявление потерпевшего и др.) руководителю органа досудебного расследования (начальник следственного отдела) для определения исполнителя и организации досудебного расследования (ч. 1 ст. 214 УПК). Указанный руководитель назначает следователя для проведения расследования. После внесения сведений следователем в ЕРДР уголовное правонарушение попадает в раздел «незарегистрированные». Порядковый номер уголовное производство получает автоматически в случае подтверждения руководителем органа досудебного расследования сведений, внесенных следователем. После этого следователь информирует прокурора и заявителя о начале досудебного расследования и начинает производство (ч. 6 ст. 214 УПК).

Если человек непосредственно обращается в дежурную часть, к следователю, прокурору или другому лицу, уполномоченному на принятие и регистрацию заявлений и сообщений о преступлениях – принимается заявление или составляется протокол принятия устного заявления о совершении уголовного правонарушения. Указанные материалы регистрируются в «Журнале единого учета…» и проходят указанный выше путь (направление СОГ-информация начальнику следственного отдела- следователь-…). Так об этой процедуре говорится в Инструкции.

Из указанного, на наш взгляд, не усматривается никакой новизны в порядке принятия и регистрации заявлений и сообщений. Напротив, эта процедура значительно усложнилась. К ней привлекли следователей и их непосредственных руководителей, по решению последних сведения считаются внесенными в ЕРДР. Зная, какой объем полномочий сейчас возложен на руководителей органов досудебного расследования УПК и ведомственными приказами МВД (они отвечают за организацию и проведение расследования, осуществляют процессуальный контроль за расследованием, по должности являются первыми заместителями начальников ОВД с соответствующим объемом работы и пр.), считаем, что рассмотрение (проверка) ими каждого заявления, сообщения, соответствующих рапортов оперативных или работников других служб ОВД, является нецелесообразным и трудоемким делом. Это не способствует и повышению уровня профессионализма следова-

телей, поскольку одним из необходимых их умений есть умение выявить в заявлении/сообщении наличие признаков преступления и принять соответствующее решение, как это делали следователи раньше. Поэтому дублирование такого рассмотрения еще и руководителями следственных подразделов представляется нам лишним.

Кроме того, исходя из смысла ст. 214, действующий УПК прямо запрещает отказ в приеме такого заявления, и не указывает иные (кроме заявления, сообщения и другого источника (под последним, наверное, следует понимать соответствующий рапорт работника правоохранительного органа, или что-то еще) поводы к началу расследования.

Нам представляется, что существовавший в УПК 1960 года порядок возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 97, ст. 98), предусматривавший перечень поводов к этому (5), возможность проведения доследственной проверки оснований для начала расследования, регулирующий ее сроки и порядок проведения, был более совершенным и целесообразным, давал больше возможностей для начала оперативного и эффективного расследования. Тем более в современных условиях деятельности правоохранительных органов, прежде всего, органов досудебного расследования ОВД. Сейчас же фактически регистрация заявлений и сообщений происходит вторично, о чем свидетельствует установленный в ОВД Украины порядок, что требует значительных затрат времени, людских и процессуальных сил.

По справедливому замечанию Е.А. Волобуевой, на фоне общей позитивной оценки УПК Украины следует признать наличие в нем проблемных вопросов, прежде всего, в отношении правоприменительной деятельности. Несовершенство правового регулирования является одной из важнейших предпосылок нарушения законности. Предложенные пути разрешения отдельных проблемно-дискуссионных вопросов не являются безоговорочными и требуют дальнейшего научного обсуждения через призму практической деятельности[1].

С рассмотренными проблемными вопросами тесно связаны и другие аспекты процессуальной деятельности. Объем публикации не дает нам возможности рассмотреть даже основные из них. Достаточно приведенного, чтобы привлечь внимание к существующим проблемам, приступить к их неотложному разрешению и принятию по их результатам соответствующих мер. В том числе, по внесению изменений в установленный порядок регистрации и внесения сведений об уголовных правонарушениях в ЕРДР.

---

[1] Волобуєва О. О. Проблемні питання застосування окремих норм КПК України // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. 2013. № 1. С. 102.

Е.Ю. Алонцева

Стадия возбуждения уголовного дела и проблемы производства осмотра жилища

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной стадией уголовного судопроизводства, без которой невозможно наступление следующей стадии - стадии предварительного расследования и соответственно невозможно расследование самого преступления. Сущность стадии возбуждения уголовного дела заключается в установлении наличия или отсутствия материально-правовых и процессуальных предпосылок для начала расследования дела[1]. В последнее время необходимость существования данной стадии вызывает оживленные дискуссии среди ученых. Их объясняет определенная противоречивость стадии возбуждения уголовного дела с точки зрения уголовно-процессуальной характеристики, ее недостаточная регламентация и сроки. Совокупность указанных обстоятельств, влечет нарушение конституционных прав граждан, организаций, пострадавших от преступлений.

На стадии возбуждения уголовного дела законодатель разрешает производство ряда следственных и проверочных действий. По мнению Володиной Л.М. ограниченность средств и методов получения сведений об обстоятельствах дела на первоначальном этапе, одна из причин неэффективности и тяжеловесности правоохранительной системы[2].

С внесением изменений в УПК РФ ФЗ № 23 от 04.03. 2013 г.[3] стало возможно производство не только осмотра места происшествия, осмотра трупа, но и осмотра предметов и документов, назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Это еще раз подтверждает понимание законодателя необходимости реформирования и объясняет интерес ученых к этой стадии.

Не смотря на то, что внесенные изменения расширили границу стадии возбуждения уголовного дела, следует не согласиться с мнением И.В. Макеевой, полагающей, что стадия возбуждения уголовного дела превратилась в предварительное расследование, поскольку проводятся значительные по объему и продолжительности следственные дей-

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2009. С. 453.

[2] Володина Л.М. Проблемы формирования доказательственной базы в стадии возбуждения уголовного дела: мат-лы научн. практ. конф. «Государство и право: вызовы «21 века» (Кутафинские чтения). М., 2009.

[3] Федеральный закон от 4.03.2013 № 23- ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

ствия[1]. Сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступления, могут быть использованы в качестве доказательств, только при соблюдении ст. 75 и 89 УПК РФ. Законодателем предприняты попытки сокращения сроков следствия за счет расширения деятельности следователя на этапе доследственной проверки.

Вместе с тем, для того, чтобы превратить соответствующие материалы в допустимые доказательства, следователю необходимо их проверить путем производства следственных действий: опрошенных лиц – допросить, провести очные ставки, назначить повторную либо дополнительную судебную экспертизу. В этих случаях следователь превращается в «оформителя» того, что уже было получено в ходе доследственной проверки. Более того, процессуальные действия следователя в ходе доследственной проверки ставятся под сомнение. Гарантию законности и допустимость полученных доказательств в ходе их производства они получают только на стадии предварительного расследования. В этом и заключается противоречивость данной стадии. И однозначного решения данной проблемы в настоящее время нет.

Одним из следственных действий, производство которого возможно в случаях, не терпящих отлагательства до возбуждения уголовного дела, является осмотр места происшествия. Согласно ч. 1 ст. 176 УПК РФ осмотр места происшествия и осмотр жилища являются самостоятельными видами осмотра. В силу ч. 2 ст. 176 УПК РФ до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства, допускается только осмотр места происшествия, предметов и документов. Вышеупомянутый ФЗ № 23, который дополнил эту часть статьи разрешением производства осмотра предметов и документов до возбуждения уголовного дела, не исправил сложности ситуации с производством осмотра жилища до возбуждения уголовного дела. В числе проверочных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ (в ред. ФЗ от 04.03. 2013 г. № 23-ФЗ) осмотр жилища также не указан. Под производством осмотра жилища как места происшествия до возбуждения уголовного дела представляется целесообразным понимать его проведение в целях проверки сообщения о преступлении до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела[2]. При получении сообщения о преступлении в жилище не во всех случаях возможно получение

---

[1] Концепция возбуждения уголовных дел (на примере законодательства Российской Федерации и Украины) // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (9-10.04.2013). Тамбов, 2013. С. 490.

[2] Алонцева Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда: науч.-практич. пособие. М., 2008. С. 90.

согласия на его осмотр. Вместе с тем, если осмотр места происшествия производится до возбуждения уголовного дела, когда факт совершения преступления достоверно не установлен и достаточные основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют, соответственно отсутствуют и аргументы, обосновывающие перед судом ходатайство о даче разрешения на осмотр места происшествия в жилом помещении против воли проживающих в нем лиц. Следовательно, такой осмотр возможен только после возбуждения уголовного дела. Безотлагательность осмотра жилища может быть обусловлена потребностью немедленного получения информации для установления лица, совершившего преступление. При этом следователь руководствуется порядком производства следственного действия, установленного ч. 5 ст. 165 УПК РФ и выносит постановление о производстве осмотра в случаях, не терпящих отлагательства. В этой ситуации с одной стороны, с исключением стадии возбуждения уголовного дела, эта проблема производства осмотра жилища была бы разрешена. С другой стороны, целью доследственной проверки является установление подлинности и достоверности информации, содержащейся в поводе и извлечение доказательственной информации, подтверждающей наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Таким образом, в ходе производства осмотра могут быть получены достаточные доказательства для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Часть 2 ст. 146 УПК РФ устанавливает требование, в соответствии с которым в постановлении о возбуждении уголовного дела должны быть указаны пункт, статья Уголовного кодекса РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело. Очевидно, даже для предварительной квалификации преступления одного повода недостаточно. Необходимо установить объект преступного посягательства, характеристики объективной и субъективной стороны. На стадии возбуждения уголовного дела фиксируется факт обнаружения признаков преступления, что в свою очередь является законным основанием для проведения предварительного расследования. Либо устанавливаются основания для отказа в возбуждении уголовного дела. В этой связи следует не согласиться с предложением полностью отказаться от доследственной проверки и возбуждать уголовное дело сразу же после получения сообщения о преступлении[1]. Сама процедура законности возбуждения уголовного дела в случае отказа от установленной для данной стадии процедуры и последующий механизм прекращения уголовного дела, правовые последствия этого решения для лиц, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, в настоящее время представляется непонятной.

---

[1] Вицин С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54-56.

Успешное решение задач досудебного производства во многом определяется пределом полномочий органов предварительного расследования на первоначальной стадии. Формирование доказательственной информации начинается на стадии возбуждения уголовного дела. В ходе проверки первичной информации органы предварительного расследования получают данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Несомненно, борьба с преступностью в современном мире требует упрощения и гибкости процедур, связанных с установлением основания для возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, отказ от стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, невозможен. Требуется совершенствование всей процессуальной процедуры, совершенствование правового статуса лиц, права и законные интересы которых могут быть нарушены. Для того чтобы гарантировать права и законные интересы лиц, организаций, пострадавших от преступления, лиц в отношении которых возможно осуществление уголовного преследования, законодатель должен четко определить перечень действий, которые могут совершать уполномоченные на то лица, определить порядок проведения этих действий, предусмотреть гарантии прав и свобод лиц, которые привлекаются к совершению процессуальных действий.

По нашему мнению, производство следственных действий на данной стадии должно отвечать следующим требованиям:

- соответствие проводимого следственного действия, тому, которое разрешено УПК РФ;
- недопустимость нарушения конституционных прав и свобод граждан при их производстве;
- возможность проверки хода и результатов следственных действий.

О.Ю. Антонов

Отражение результатов работы следователей по возбуждению уголовных дел в системе статистического наблюдения СК России

Система ведомственной статистической отчетности Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) основана на Типовом положения о статистическом наблюдении в системе СК России, утвержденном приказом Председателя СК России от 04.07.2011 № 104, а также иных приказах, утверждающих различные формы отчетности, а также инструкции по порядку их составления.

Работа следователей по возбуждению уголовных дел прямо отражается в следующих статистических отчетах:

- 2-Е (СК) «Сведения о рассмотрении сообщений о преступлении следственными органами Следственного комитета Российской Федерации» по форме № 112, утвержденной приказом СК России от

28.12.2012 № 87 и форме № 713, утвержденной приказом Генпрокуратуры РФ от 08.05.2013 №189;

- 1-В-СК (ДСУС) «Сведения о деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации на досудебной стадии уголовного судопроизводства» по форме № 240, утвержденной приказом СК России от 28.12.2012 № 89, раздел 1 которого посвящен рассмотрению сообщений о преступлениях (без повторных), а раздел 3 включает сведения о возбуждении уголовных дел (с повторными), в том числе после отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, отраженных в строках 6, 12, 18 раздела 4.

Кроме того, в статистических отчетах и информациях по направлениям деятельности (по противодействию коррупции, по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности, в сфере реализации приоритетных национальных проектов, по расследованию преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних) раздел 1 тоже посвящен работе по рассмотрению сообщений о преступлениях.

Количество возбужденных уголовных дел влияет на общее число дел, принятых и находящихся в производстве (строки 2, 8 раздела 2 «Сведения об основных показателях следственной работы следственных органов Следственного комитета России» отчета № 1-Е (СК РФ) по форме № 211, утвержденной приказом СК России от 28.12.2012 № 86 и строка 2 раздела 2 формы № 120, утвержденной приказом Генпрокуратуры РФ от 08.05.2013 №189).

Важность учета работы следователей по возбуждению уголовных дел нашла свое отражение в Методике ведомственной оценки деятельности следственных органов СК России, утвержденной распоряжением СК России от 07.06.2012 № 68/209р, пунктом 12 которой был предусмотрен показатель удельного веса принятых решений о возбуждении уголовного дела от числа рассмотренных сообщений о преступлении.

В соответствии с указанием ГОИУ СК России от 07.06.2013 № 209-21127-13 указанный показатель был трансформирован (за 12 месяцев 2013 г. исключен) в среднемесячную нагрузку на 1 фактически работающего следователя по количеству рассмотренных сообщений о преступлении (за исключением сообщений, по которым принято решение о передаче по подследственности). Кроме того, в Таблице ранжированных показателей работы следственных органов СК России за 6 и 12 месяцев 2013 г. была отражена нагрузка на 1 фактически работающего следователя по числу находящихся в производстве уголовных дел.

Таким образом, система статистического наблюдения и методика ведомственной оценки СК России обуславливают необходимость рассмотрения отдельных проблем, возникающих на стадии возбуждения уголовного дела.

Первая проблема возникает при указании в сообщении о преступлении признаков совершения не одного, а нескольких преступлений, совершенных одновременно. Данная ситуация не регламентирована УПК РФ, который в п. 4 ч. 2 ст. 146 предусматривает указание в постановлении о возбуждении уголовного дела пункта, части, статьи УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело.

В таком случае уголовное дело возбуждается сразу по нескольким статьям УК РФ, а второе и последующие преступления учитываются в соответствии с «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений» и Инструкцией «О порядке заполнения учетных документов», утвержденных приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 года №39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» как дополнительные преступления. Аналогичным образом учитываются и дополнительные эпизоды преступной деятельности.

Так, в 2013 г. следователями СУ СК России по Удмуртской Республике поставлено на учет 120 дополнительных преступлений, что составляет 8,4% от числа возбужденных уголовных дел.

В качестве примера реальной совокупности преступлений можно привести факты возбуждения уголовных дел в случае одновременного совершения одним лицом однородных преступлений в отношении одного потерпевшего, например, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ – изнасилование и насильственные действия сексуального характера либо ст.ст. 318 и 319 УК РФ – применение насилия в отношении представителя власти и его оскорбление.

Идеальная совокупность преступлений имеет место при совершении деяния, подпадающего под признаки нескольких составов преступлений, например, ст.ст. 285 и 292 УК РФ – злоупотребление должностными полномочиями, совершенное путем служебного подлога.

Так, по уголовному делу № 16/243, возбужденному 06.03.2013 по ч. 1 ст. 292 УК РФ, следователем Глазовского МСО СУ СК России по Удмуртской Республике было дополнительно (14 и 22 марта, 4 апреля 2013 г.) возбуждено 21 уголовное дело одновременно по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 и ч. 2 ст. 292 УК РФ.

Таким образом, на наш взгляд, по дополнительно выявленным в ходе расследования преступлениям необходимо составлять рапорт об обнаружении признаков преступления и принимать решение о возбуждении уголовного дела с последующим его соединением.

Рассмотренные ситуации следует отличать от конкуренции уголовно-правовых норм, возникающей при поступлении сообщения о совершении только одного преступления, но подпадающего сразу под несколько (обычно две) правовых норм. В таком случае при возбужде-

нии уголовного дела деяние квалифицируется только по одной статье Особенной части УК РФ, а в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо отражать все правовые нормы, признаки которых отсутствуют в рассматриваемом деянии.

Иная проблемная ситуация возникает в случае принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела по нескольким взаимосвязанным деяниям.

Так, в следственной практике СК СУ России по Удмуртской Республике сложилась ситуация, когда в случае принятия решения об отсутствии в деянии конкретного гражданина, на которого указала потерпевшая, признаков состава преступления, предусмотренного ст. 131 УК РФ – изнасилование, одновременно решается вопрос об отсутствии в действиях потерпевшей признаков состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ – заведомо ложный донос.

Например, 26.06.2013 в Игринский МСО СУ СК России по Удмуртской Республике поступило сообщение о совершении гр-ном Ф. насильственного полового акта в отношении гр-ки Ш. 01.07.2013 по данному сообщению в возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ, было отказано на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием заявления потерпевшей, а в отношении гр-ки Ш. – по ч. 2 ст. 306 УК РФ по основанию п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК в связи с отсутствием в ее деянии состава преступления. 31.07.2013 прокурором Красногорского района Удмуртской Республики постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела отменено из-за неполноты проведенной проверки. Прокурором указано, что на момент принятия решения не собрано достаточных данных о наличии в действиях гр-на Ф. признаков состава преступления, между тем постановление об отказе в возбуждении уголовного дела вынесено по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. По результатам дополнительной проверки 19.08.2013 вновь было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по данному факту на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ. При этом в ходе проведения проверки следователем был составлен рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ. По результатам рассмотрения данного рапорта было возбуждено уголовное дело № 35/245 в отношении гр-ки Ш. по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 306 УК РФ, которое направлено в суд.

Рассмотренная ситуация, на наш взгляд, не должна отражаться в статистической отчетности как факт возбуждения уголовного дела после отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (показатель Таблицы ранжированных показателей работы следственных органов СК России, введенный указанием ГОИУ СК России от 07.06.2013 № 209-21127-13) поскольку основанием для отмены послу-

жили недостатки при рассмотрении сообщения по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ, а уголовное дело возбуждено по ч. 2 ст. 306 УК РФ по рапорту следователя. Вместе с тем, первоначальное решение следователя фактически принято без наличия повода к возбуждению уголовного дела.

Следующая проблемная ситуация возникает в случае наличия в сообщении о преступлении двух (и более) взаимосвязанных деяний, совершенных разными лицами.

Так, 03.07.2013 в СО по Ленинскому району г. Ижевска СУ СК России по Удмуртской Республике поступил рапорт начальника центра по противодействию экстремизму МВД по Удмуртской Республике о том, что неустановленными лицами – зарегистрированными пользователями социальной сети «Вконтакте» под никами «К.Б.» и «Л.М.» на странице открытой группы «Еврейская школа города Ижевска» размещены материалы, возможно направленные на разжигание межнациональной ненависти и вражды.

По этим двум различным сообщениям на стене группы сообщников «Еврейская школа города Ижевска», совершенным самостоятельно несовершеннолетними Б. и М., следователем было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. При этом в отношении Б. было указано, что она не достигла возраста уголовной ответственности.

23.07.2013 прокурором Ленинского района г. Ижевска данное решение было отменено. Следователем было принято повторное решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Б. Однако по рапорту следователя от 29.07.2013, идентичному рапорту об обнаружении признаков преступления от 28.05.2013, на основании выделенных материалов 31.07.2013 было возбуждено уголовное дело № 08/171 по ч. 1 ст. 282 УК РФ, которое 22.10.2013 направлено в суд в отношении гр-на М. Таким образом, составление первоначального рапорта об обнаружении признаков двух различных преступлений является необоснованным, как и повторного рапорта следователя об обнаружении признаков состава преступления, а уголовное дело № 08/171 подлежит учету как возбужденное по результатам отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Таким образом, при наличии в сообщении о преступлении признаков двух (и более) преступлений, совершенных разными лицами, по нашему мнению, можно принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела по этим фактам в отношении разных лиц в одном постановлении. В случае если данное решение принимается в отношении одного лица – составлять рапорт об обнаружении признаков состава преступления в отношении второго лица с последующим принятием решения о возбуждении уголовного дела.

Обратная ситуация возникает в случае возбуждения одного уголовного дела либо по одному сообщению, в ходе проверки которого выявлены признаки составов нескольких тождественных преступлений, совершенных в разное время, либо по нескольким сообщениям о преступлении, содержащим признаки составов различных деяний, квалифицируемых одинаково – повторяемость преступлений. В следственной практике СК СУ России по Удмуртской Республике такая ситуация возникает в случае возбуждения уголовного дела руководителем следственного управления в отношении лиц особого правового статуса. Так, за 12 месяцев 2013 г. было возбуждено 7 уголовных дел коррупционной направленности в отношении 5 лиц на 31 преступление, 24 из которых были учтены как дополнительные. То есть, в отношении двух лиц уголовные дела (на несколько составов преступлений) возбуждались дважды (повторно спустя месяц следствия).

В первом случае можно рекомендовать возбуждение уголовного дела по преступлению, о котором сообщается в поступившем сообщении, а в ходе расследования при выявлении всех дополнительных эпизодов преступной деятельности составлять рапорт об обнаружении признаков состава преступления, возбуждать уголовные дела и соединять их с первоначальным.

Это невозможно во втором случае, когда по каждому из эпизодов преступной деятельности уже зарегистрированы сообщения о преступлении, например, при поступлении постановлений прокурора для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. В такой ситуации можно проводить проверку всех сообщений одновременно, устанавливая основания для возбуждения уголовного дела по каждому эпизоду. При их достаточности – возбуждать хотя бы одно уголовного дела, а по другим сообщениям параллельно с расследованием уголовного дела продолжать проверку в рамках срока, установленного УПК РФ, и возбуждать новые уголовные дела только при установлении соответствующих оснований. Так можно избежать фактов необоснованного возбуждения уголовных дел, влекущих отмену постановления о возбуждении уголовного дела либо его прекращение по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Предложенная рекомендация позволит избежать следующих искажений статистической отчетности. Например, Увинским МСО СУ СК России по Удмуртской Республике 21.05.2013 было возбуждено уголовное дело № 55/231 на 10 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 292 УК РФ, 13 и 18.06.2013 – еще 2 соединенных с ним уголовных дел на 8 аналогичных преступлений. 17.09.2013 данное уголовное дело было прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Таким образом, сведения о состоянии преступности в течении 4-х месяцев были завышены на 16 выявленных преступлений коррупционной направленности.

На основании изложенного, в целях разрешения и предотвращения рассмотренных проблемных ситуаций, а также полного и объективного отражения результатов следственной работы по рассмотрению сообщений и возбуждению уголовных дел необходимо вносить соответствующие коррективы в ведомственную нормативную базу СК России, как регламентирующую организацию приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении (приказ от 11.10.2012 № 72) и порядок учета преступлений (приказ от 30.04.2013 № 26), так утверждающую инструкции по составлению статистической отчетности.

А.Л. Арипов

К вопросу о возбуждении уголовного дела в уголовном процессе

Возбуждение уголовного дела является самостоятельной стадией, с которой начинается уголовный процесс. Одно из ранних упоминаний о возбуждении уголовного дела встречается в Положении о военных следователях от 30.09.1919[1]. Первые советские УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. предусматривали процедуру возбуждения уголовного дела, но не выделяли возбуждение уголовного дела в самостоятельное досудебное производство. С принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в 1958 г. порядок возбуждения уголовного дела был достаточно подробно регламентирован в принятых УПК союзных республик, и определялся как отдельная стадия, предшествующая стадии предварительного расследования.

В науке среди учёных-процессуалистов нет единого мнения о необходимости и обоснованности стадии возбуждения уголовного дела. Сторонники указанной стадии видят её значение в том, что она обеспечивает законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, защищает права и законные интересы граждан, которые в случаях необоснованного возбуждения уголовного дела могли бы оказаться нарушенными, так как ряд граждан оказались бы неизбежно и необоснованно втянутыми в процедуры расследования преступления.

Стадия возбуждения уголовного дела, по мнению В.М. Быкова, ограждает дознавателя и следователя от расследования по уголовным делам, не имеющим никакой судебной перспективы, что отвлекало бы их, как и весь следственный аппарат, от расследования действительно опасных и тяжких преступлений[2].

---

[1] История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сб. документов / под ред. С.А. Голунского. М. 1955. С. 104.

[2] Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7.

В своё время С.А. Голунский высказывал мнение о том, что данная стадия препятствует произволу, который может иметь место в случае полного отказа от неё[1].

Ю.К. Якимович и Т.Д. Пан отмечают, что возбуждение уголовного дела при наличии поводов, но без установления достаточных к тому оснований приведёт к умалению гарантированных Конституцией прав и свобод граждан[2].

В.Н. Григорьев отмечает, что в России уже более века существует система уголовного судопроизводства, в которой традиционно выделяется стадия возбуждения уголовного дела как одна из важных гарантий защиты личности от необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения[3]. Данная стадия призвана, с одной стороны, обеспечить решительное и оперативное реагирование на каждое сообщение о преступлении, что является гарантией быстрого и полного его раскрытия, с другой – исключить незаконное и необоснованное вовлечение граждан в орбиту уголовного судопроизводства, а также напрасную трату сил и средств правоохранительных органов[4].

И.Л. Петрухин, указывает, что возбуждение уголовного дела – это рубеж, отделяющий деятельность процессуальную от непроцессуальной. По общему правилу производство следственных и вообще всех процессуальных действий возможно только после возбуждения уголовного дела[5].

В свою очередь в научной литературе высказывается идея об упразднении стадии возбуждения уголовного дела. В частности, Ю.В. Деришев в этой связи отмечает «...чем больше приходит понимание предложенного законодателем и накапливается практика правоприменения, тем очевиднее становится впечатление о некоторой формальности («бумажности») возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства», указывая, что дореволюционный уголовный процесс подобной особой стадии не знал. Статьи 297 и 298 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. называли лишь «законные поводы к начатию следствия» и обязывали судебного следова-

---

[1] Голунский С.А. Возбуждение уголовного дела. М. 1939. С. 18.

[2] Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации. СПб, 2003. С. 99-100.

[3] Григорьев В.Н. О концепции возбуждения уголовного дела // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. М., 1994. С. 133.

[4] Уголовный процесс: учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М., 2008. С. 308.

[5] Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 64.

теля «о всяком начатом им следствии доводить до сведения прокурора»[1].

Б.Я. Гаврилов одним из негативных последствий существующей процедуры возбуждения уголовного дела видит в необходимости повторного вызова органом расследования потерпевшего, свидетелей для их допроса, проведения экспертных исследований, поскольку первоначально по абсолютному большинству уголовных дел указанные действия производятся в форме получения объяснений, справок об исследовании, актов изъятия документов, не имеющих процессуального значения. Повторные вызовы и допросы вызывают негативное отношение граждан к данным процедурам. Тем более, что уже в третий раз им предстоят, по сути, те же процедуры в ходе судебного разбирательства. В связи с этим высказывает предложение об исключении из процедур досудебного производства процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела[2].

Л.М. Володина указывает, что разрешение проблем стадии возбуждения уголовного дела, которые действительно есть, возможны путём отказа от неё как неработающего гаранта прав личности. Это, во-первых, позволит следователю в условиях экстремальности действовать быстро и оперативно, во-вторых, откроет значимые преимущества в собирании доказательств, в-третьих, даст огромные возможности в экономии процессуальных средств[3].

Среди правоприменителей также нет единого мнения о предназначении стадии возбуждения уголовного дела, а также преследуемых в ней целях. В свою очередь это приводит к необоснованному затягиванию сроков производства проверочных действий по заявлениям и в результате нарушению прав и законных интересов лиц. Нередко в практической деятельности следователей цель производства проверочных действий понимается в том, чтобы исключить в дальнейшем прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям или же установить причастность лица к совершенному преступлению. Более того, имеют место случаи, когда ход проверки заявлений намеренно затягивается с целью выяснения «перспективы судебного рассмотрения дела», устанавливаются обстоятельства, далеко выходящие за рамки предмета и целей проверочных действий. В практической деятельности следователей это не редкость. Согласно проведенным социологическим опросам среди следователей, 42% опрошенных ответили, что

---

[1] Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34.

[2] Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. М., 2010. № 2. С. 7-8.

[3] Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. С. 88.

часто допускают подобное, а 10,8% указали, что устанавливают обстоятельства, выходящие за рамки проверочных, лишь в исключительных случаях[1]. На наш взгляд этому способствует неверное понимание со стороны следователей того, какая цель преследуется при производстве проверочных действий. Так, в ходе опроса 36,5% следователей отметили, что устанавливают обстоятельства с тем, чтобы в дальнейшем не приходилось прекращать уголовное дело по реабилитирующим или не реабилитирующим основаниям[2]. Такая практика совершенно не приемлема ввиду того, что извращаются смысл и назначение проверочных действий, затягивается срок их проведения. В таких случаях фактически проводится своего рода суррогат следствия, что приводит к стиранию граней между стадиями предварительного следствия и возбуждения уголовного дела, нарушается установленное законом назначение стадии возбуждения уголовного дела. Причиной тому на наш взгляд является неправильный ведомственный подход, ставящий знак равенства между прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям с одной стороны и незаконным возбуждением уголовного дела с другой стороны.

Возбуждение уголовного дела является первой стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к началу уголовного преследования в связи с совершенным или готовящимся преступлением и создаются правовые условия для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Данная стадия начинается с получения информации о преступлении и завершается вынесением постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. В этой стадии процесса проводятся проверочные действия с целью, установления оснований для начала производства расследования. В результате производства проверочных действий определяется, имеются ли достаточные данные, указывающие на признаки преступления, и нет ли оснований, влекущих отказ в возбуждении уголовного дела[3].

Как видно из содержания стадии возбуждения уголовного дела, она в определенной степени схожа с предварительным расследованием, но в свою очередь это совершенно разные по своему назначению и содержанию стадии уголовного процесса. Отличаются они кругом субъектов, сроками производства, задачами, а также используемыми средствами для их достижения. На этом этапе задача заключается, с одной стороны, в реагировании на каждый факт, в котором усматриваются

---

[1] Арипов А.Л. Собирание и проверка доказательств на предварительно следствии (по законодательству Республики Таджикистан): дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 197.
[2] Там же.
[3] Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. М., 2011. С. 195-196.

признаки преступления, а с другой – не допускать возбуждения уголовного дела при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу.

Следует отметить, что данная стадия как было отмечено выше, выступает своего рода рубежом, за которым начинается уголовное судопроизводство. Возбуждение уголовного дела ознаменует собой начало уголовно-процессуальной деятельности. Полный отказ от данной стадии в определенной степени может способствовать быстроте и оперативности в расследовании уголовных дел. Кроме того, при таком подходе, все проверочные действия и вопросы, решаемые на стадии возбуждения уголовного дела будут решаться в ходе предварительного расследования и путем производства следственных действий. Однако это в свою очередь вызывает некоторые вопросы. При таком порядке, когда по поступившему заявлению или сообщению о преступлении без предварительной проверки начинается уголовно-процессуальная деятельность, создаются условия для необоснованного вовлечения граждан в сферу уголовного судопроизводства, умалению их прав. В особенности, когда в заявлении или сообщении фигурирует конкретное лицо. Создается ситуация, при которой определяющая роль будет отведена поступившему сообщению, из содержания которого будет делаться вывод о противоправности деяния, как преступного или административного. Принимая во внимание, что большинство граждан не могут правильно изложить в заявлении имевшие место события с юридической точки зрения, судить о наличии преступления (его признаков) будет сложно без предварительной проверки. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела, в определенной мере будет положительным моментом для практических работников, так как избавит их от производства проверочных действий, но в свою очередь это может негативно сказаться на соблюдении прав и свобод граждан. Учитывая то обстоятельство, что производство следственных действий и мер процессуального принуждения сопряжено с ограничением прав граждан, в ряде случаев гарантированных Конституцией.

В настоящее время ликвидация данной стадии как таковой положительных результатов не даст, возбуждение уголовного дела без предварительной проверки и установления оснований для этого, приведёт к ещё большим трудностям. На наш взгляд, продуктивное и эффективное функционирование данной стадии возможно лишь при условии, что со стороны правоприменителя будут соблюдены задачи, преследуемые в ней.

В.К. Ашуров

О модернизации стадии возбуждения уголовного дела и производстве судебной экспертизы в ходе доследственной проверки

Стадия возбуждения уголовного дела в системе действующего нормативного регулирования является важным элементом современного российского уголовного процесса, а эффективность осуществляемой на этой стадии процессуальной деятельности во многом предопределяет достижение назначения уголовного судопроизводства[1].

Усилившаяся дискуссия о судьбе этого этапа обусловлена, по нашему мнению, стремлением ученых и практиков оптимизировать досудебное производство, снизив его затратность и уменьшив процессуальные сроки. История российского уголовного процесса (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.) свидетельствует о том, что подобной стадии дореволюционное уголовное судопроизводство не знало, а производство начиналось по каждому заявлению. Эти обстоятельства, а также неэффективность процессуальной деятельности в ходе проверочных мероприятий, наличие грубых нарушений закона, прав граждан дают основание участникам дискуссии говорить о нецелесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела. К тому же отечественных новаторов «подхлестывает» опыт ближайших соседей: в Украине действует новый УПК от 13.04.2012 № 4651-VI[2], который фактически ликвидировал стадию возбуждения уголовного дела.

В 2012 г. нами опрашивались 90 следователей из 53 субъектов РФ, 83 руководителя следственных органов из 49 субъектов РФ[3], которые проходили повышение квалификации в Волгоградской академии МВД России, на предмет их видения реформирования стадии возбуждения уголовного дела. На вопрос: «Какие из вариантов модернизации стадии возбуждения уголовного дела Вы считаете наиболее целесообразными?» – были получены следующие ответы:

Варианты ответов	Результаты опроса следователей	Результаты опроса руководителей СО

[1] Дикарев И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография / отв. ред. И.С. Дикарев. Волгоград, 2011. С. 6.
[2] URL: http://zakoni.ucoz.ru/news.
[3] Опрос осуществлялся в рамках диссертационного исследования по проблемам формирования следственной практики.

Возбуждать уголовные дела без предварительной проверки по всем сообщениям о преступлении.	4 (4%)	2 (2%)
Проверку сохранить сроком на 3 суток, а при невозможности завершить ее в это время – возбуждать уголовное дело.	2 (2%)	2 (2%)
Проверку сохранить сроком на 10 суток, а при невозможности завершить ее в это время – возбуждать уголовное дело.	9 (10%)	2 (2%)
Оставить существующие сроки проверки (3, 10, 30 суток), но расширить перечень следственных действий до возбуждения уголовного дела за счет назначения и производства судебной экспертизы.	75 (84%)[1]	77 (94%)

Предлагался вариант «свободного ответа» – «иное», которым не воспользовался ни один из респондентов. Никто из них не предложил радикального отказа от стадии возбуждения уголовного дела.

Как видно, значительная часть опрошенных ожидала от законодателя решительных шагов по расширению перечня средств доказывания, прежде всего, за счет введения судебной экспертизы. И это не случайно. С момента вступления в силу действующего уголовно-процессуального закона положения ч. 4 ст. 146 УПК РФ вызывали бурную дискуссию среди ученых и практикующих юристов на предмет возможности не только назначения, но и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела[2].

После введения изменений в УПК РФ, внесенных Федеральным законом № 23-ФЗ от 4.03.2013[3] возможность назначения и производства

[1] Один респондент добавил: «и прекращать уголовное дело по своему усмотрению без учета мнения прокурора и ведомственной статистики показателей работы».

[2] Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. … докт. юрид. наук. М., 2008. С. 273-275; Багаудинов Б.Б. Современные проблемы правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 79; Орлов Ю.К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2003. № 9. С. 20; Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации от 22 ноября 2001 года. М., 2002. С. 373.

[3] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

судебной экспертизы приобрела реальные очертания: перечень следственных и процессуальных действий, которые можно проводить в ходе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, был значительно расширен, и в него была включена судебная экспертиза. В ходе проведенного уже в сентябре-ноябре 2013 г. анкетирования 51 руководителя следственных органов из 32 субъектов РФ шаги законодателя по дополнению перечня следственных действий в ходе проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного были положительно восприняты 78% опрошенных, отрицательную реакцию эти нововведения вызвали у 8% респондентов, а 14% отметили, что практически ничего не изменилось. При этом введение судебной экспертизы в число проверочных мероприятий посчитали целесообразным 87% опрошенных.

Следует подчеркнуть, что именно экспертиза позволяет в ряде случаев решить вопрос о целесообразности возбуждения уголовного дела. Так, по заявлению Е.О.Н. в январе 2013 г. проводилась проверка, в ходе которой судебно-медицинское освидетельствование заявителя установило наличие тяжкого вреда его здоровью. Противоречивые объяснения Е.О.Н. препятствовали решению вопроса о криминальном происхождении этих повреждений. И только в апреле 2013 г. у следователя появилась возможность назначить судебно-медицинскую ситуационную экспертизу, которая позволила принять законное решение по данному заявлению.

Однако законодательное закрепление проведения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела не разрешило в полной мере проблемы, возникающие при проверке сообщения о преступлении. Законодатель оставил в ч. 1 ст. 144 УПК РФ среди проверочных мероприятий производство исследований, которые также могут быть востребованы теперь следователем наряду с судебной экспертизой. В результате при появлении потребности в применении экспертных методик для установления признаков преступления у следователей есть альтернатива: или назначить судебную экспертизу, или направить в экспертное учреждение поручение о производстве предварительного исследования.

Возможно, непроработанность некоторых норм Федерального закона № 23-ФЗ в части регулирования проверочных мероприятий первоначально вызвало на практике непонимание этих нововведений. Так, в ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за 2 месяца действия новой редакции ст. 144 УПК РФ было зарегистрировано только 6 случаев назначения судебной экспертизы по материалам КУСП (2 судебно-экономические экспертизы, 1 баллистическая, 1 взрыво-техническая экспертиза и 2 КЭМВИ). В масштабах огромного количества проводимых экспертиз и предварительных исследований – это «мизерное» количество. Следователи следственных подразделений ОВД по г. Дербент также с определенной долей осторожности применяли новые положения закона. Тем не менее, назначались и авто-технические, и пожарно-

технические, и судебно-медицинские экспертизы. При этом анализ текста постановлений о назначении судебных экспертиз показал, что следователи невнимательно относятся к оформлению мотивировочной части постановления: они ссылаются на ст.ст. 195, 199 и 201 УПК РФ, в то время, как ст. 201 УПК РФ регулирует вопросы проведения комплексных экспертиз. Полагаем, что с учетом изменений закона в этой части необходимо ссылаться на ч. 1 ст. 144, ч. 4 ст. 195 и ст. 199 УПК РФ при назначении судебных экспертиз в рамках проверочных мероприятий.

Мы полагаем, что следователи и дознаватели не активно вовлекали экспертные познания в проверочные мероприятия по причине отсутствия соответствующей практики и неизвестности реакции прокуратуры и суда на результаты нового правоприменения. Именно судебная и прокурорская практика в регионе предопределяет содержание и состояние собственно следственной практики. Так, 22% опрошенных в сентябре-ноябре 2013 г. руководители следственных органов (на уровне субъектов Российской Федерации) отметили, что в их регионе экспертизы до возбуждения уголовного дела не назначаются, 41% указали только на единичные случаи в своей практике. Только 37% опрошенных сообщили, что в их регионе довольно часто по материалам КУСП назначаются судебные экспертизы, а 3 респондента отметили, что это бывает более, чем в 90% случаев проверки сообщения о преступлении.

Опрошенные указали причины, препятствующие, по их мнению, назначению судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

«Самой популярной» причиной оказались «опасения, что после возбуждения уголовного дела сторона защиты и потерпевшие потребуют проведения повторных экспертиз» – 1-е место этому фактору отдали 20 опрошенных, 2-е место – 12 респондентов.

Второй по «популярности» причиной было названо «отсутствие единообразного подхода суда и прокуратуры к этой практике» – 18 опрошенных указали 1-е место этому фактору, а 12 опрошенных – 2-е место.

Третьей по «популярности» причиной признали «правовую неопределенность нормативного регулирования экспертизы в новой редакции ст. 144 УПК РФ» (на 1-е место ее поставили 4 респондента, на 2-е – 9, на 3-е – 15). Близко примыкает к этой причине и такой фактор, как «противоречия в нормативном регулировании этого вопроса по УПК РФ и действующих ведомственных приказов МВД России» (на третье место его поставили 13 опрошенных, а на четвертое – 18).

Отсутствие внятной позиции органов прокуратуры и суда по вопросу о назначении и производстве судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела влияло на активность следователей в назначении экспертизы в ходе проверочных мероприятий. Постепенно стала формироваться новая практика. И как показывают результаты нашего исследования, экспертиза

стала назначаться значительно чаще. Так, за апрель-август 2013 г. в экспертно-криминалистических подразделениях ГУ МВД России по Волгоградской области проведено10880 экспертиз и 9036 исследований. При этом по материалам КУСП на стадии возбуждения уголовного дела было проведено 713 экспертиз, что составило 6,5% от общего числа экспертиз. В Республике Дагестан в ходе проверочных мероприятий чаще всего назначаются взрывотехнические экспертизы (133), баллистические (118), дактилоскопические (172). Наибольшее количество экспертиз назначается до возбуждения уголовного дела в г. Махачкала.

Проведенное нами исследование показало, что стала формироваться новая практика доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, которая может изменить положение дел в этой сфере. Необходим определенный срок для ее становления и объективный мониторинг деятельности органов, осуществляющих доследственную проверку. Только на основе этих данных можно говорить – будет ли нужна стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе, или она полностью исчерпала себя.

О.Я. Баев

О злоупотреблении правом при квалификации преступлений в досудебном производстве по уголовному делу

Исследование данной проблемы хотелось бы начать с цитаты из статьи профессора Ю.В. Голика: «Есть давно известный факт: если нескольким квалифицированным судьям дать материалы одного и того же дела, по которому уже есть судебное решение, то вынесенные ими решения совпадут с уже имеющимся в лучшем случае в соотношении один к пяти»[1].

Не будем судить о точности этих соотношений, но, действительно, квалификация преступления во многих случаях – особенно когда уголовный закон пользуются в диспозициях отдельных деяний оценочными категориями и понятиями (например, «крайняя необходимость», «превышение необходимой обороны», «причинение смерти по неосторожности» и т.п.), во многом есть усмотрение о том соответствующего правоприменителя.

На объективности и качестве усмотрения в этом отношении сказывается и профессиональный опыт этого лица (далее – следователь), и его интеллектуальные и нравственные устои, и многие внутренние и

[1] Голик Ю.В. Истина в уголовном праве: постановка проблемы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 23-24.

внешние причины, лежащие в основе вывода о должной квалификации рассматриваемого им уголовно – наказуемого деяния.

И хотя, как известно, умысел от субъективного ошибочного субъективного суждения (и даже от «просто» глупости) отличить нелегко, далеко не единичны случаи, когда неверная квалификация действий обвиняемого есть результат умышленного решения о том следователя.

Более того, скажем прямо, такие факты в практике досудебного производства по уголовному делу, увы, не единичны, распространяются они как на квалификацию преступления в целом на отдельных этапах его расследования (особенно – на первоначальном этапе), так и квалификацию действий лица, подозреваемого или обвиняемого им в совершении расследуемого преступления.

И тогда такое поведение следователя не может расцениваться иначе, как злоупотребление им правом на квалификацию инкриминируемому субъекту (субъектам) преступления[1].

Сразу оговоримся: мы не касаемся здесь ситуаций, когда неверная квалификация действий лица, совершившего преступление, предопределяется корыстными и другими личными интересами следователя и других лиц, осуществляющих уголовное преследование. В последних случаях, ими, в свою очередь, совершаются соответствующие должностные преступления.

Мотивы таких злоупотреблений со стороны следователя, на наш взгляд, можно (естественно, условно) классифицировать на тактические и стратегические.

К первым из них, как об этом можно судить по материалам практики, следует отнести желание следователя передать расследуемое им уголовное дело в другой следственный орган. Возможность этого предопределяется изменением предметной или территориальной подследственности, обусловливаемой в этих случаях умышленно неверной квалификацией совершенного преступления.

Очевидно, что в этой ситуации, чаще всего, речь идет о желании таким образом «избавиться» от необходимости расследовать преступление, по которому совершившие его субъекты к моменту принятия решения об умышленной неверной квалификацией преступления не установлены вообще, или изобличение по которому подозреваемого (обвиняемого) представляет особую сложность.

---

[1] О нашем понимании феномена злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве см.: Баев О.Я. Категория «злоупотребление правом» применительно к уголовному судопроизводству // Криминалист первопечатный. 2013. № 7; Он же. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2013. Вып. 2(15).

Не исключается и противоположная мотивация такого тактического решения следователя: желание успешно завершить расследование уголовного дела о преступлении, виновное лицо (лица) в совершении которого следователем, зачастую с неимоверными сложностями, было установлено и изобличено. В тоже время, верная квалификация действия обвиняемого повлекла бы необходимость передачи этого дела в другой следственный орган в связи с изменением в этом случае его предметной (или территориальной) подследственности.

Стратегическая мотивация умышленной неверной квалификации действий обвиняемого, а, следовательно, злоупотребления следователем своим на то правом, состоит в «организации» последующего рассмотрения расследованного уголовного дела (в соответствии с определяемой на основе квалификацией преступления предметной подсудностью) в судебном органе, в котором легче «обеспечить» постановление по нему обвинительного приговора.

К примеру, что опять же показывает правоприменительная практика, обычно более «снисходительны» к недостаткам предварительного расследования суды районного звена. Суды же субъектов федерации (областные, краевые и т. д.) более требовательны к качеству предварительного расследования.

Можно предположить, что это объясняется как профессиональными качествами этих судей, так и тем, что апелляционные и кассационные жалобы и представления на постанавливаемые ими судебные решения рассматриваются высшими судебными инстанциями страны.

К сожалению, нельзя исключать возможности злоупотребления следователем правом на квалификацию уголовно – противоправных действий подозреваемого (обвиняемого) и по неким диктуемым ему политическим мотивам – и в этих случаях она также носит стратегический характер.

Характерным примером этому из правоприменительной практики последних лет может явиться первоначальная квалификация действий «гринписовцев», 18.09.2013 напавших на российскую буровую платформу, как пиратство, что позволило избрать в отношении всех их в качестве меры пресечения содержание под стражей.

Совершенно очевидно, что таковая платформа ни морским, ни речным судном не является (а пиратство предполагает нападение именно на судно; в последующем действия этих лиц были переквалифицированы на хулиганство). В тоже время, мы убеждены, что следователь СК РФ, расследовавший это – без всяких сомнений, криминальное событие, не знал уголовный закон, а, следовательно[1].

---

[1] О противоположной ситуации из области «квалификации преступных действий» высказал свое мнение А.И. Гуров: Сердюковщина – не халатность // Аргументы и факты. 2013. № 51.

Более двенадцати лет (с момента вступление в действие УПК РФ 2001 г.) рассматриваемая ситуация усугублялась тем, что суды не только были лишены права на возвращение уголовных дел для производства дополнительного расследования, но в целом отсутствовал правовой механизм реагирования суда при установлении им факта «занижения» следователем квалификации вмененных подсудимому преступных действий[1].

И лишь в июле 2013 г. Конституционный Суд РФ признал, что в судебном разбирательстве невозможность «изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления»[2].

Однако до настоящего времени процессуальный механизм «поворота к худшему» при рассмотрении уголовного дела в суде не создан. И это, видимо не случайно, так как его конструирование требует дальнейших целенаправленных углубленных исследований. При этом, что не менее очевидно, следует творчески использовать имеющийся в этом отношении опыт уголовно – процессуального законодательства ряда стран ближнего и дальнего зарубежья.

К примеру, в УПК Украины 2012 г. механизму «поворота к худшему» в судебном уголовном преследовании посвящены две нижеприводимые нормы.

Статья 338 УПК. Изменение обвинения в суде

«1. С целью изменения правовой квалификации и (или) объема обвинения прокурор вправе изменить обвинение, если во время судебного разбирательства установлены новые фактические обстоятельства уголовного преступления, в совершении которого обвиняется лицо.

2. Придя к убеждению, что обвинение нужно изменить, прокурор после выполнения требований статьи 341 настоящего Кодекса состав-

---

[1] Ранее мы, как и ряд других специалистов в области уголовного судопроизводства, неоднократно обращали внимание ранее на необходимость создания правового механизма «поворота к худшему» в судебном уголовном преследовании. См., напр.: Баев О.Я. О необходимости правового механизма реагирования на новые обстоятельства уголовного дела в суде первой инстанции // Российская юстиция. 2006. № 5; Он же: Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании. М., 2012.

[2] СПС «КонсультантПлюс».

ляет обвинительный акт, в котором формулирует изменено обвинения и излагает обоснование принятого решения. Копии обвинительного акта предоставляются обвиняемому, его защитнику, потерпевшему, его представителю и законным представителям. Обвинительный акт приобщается к материалам уголовного производства.

3. Если в обвинительном акте с измененным обвинением ставится вопрос о применении закона Украины об уголовной ответственности, предусматривающий ответственность за менее тяжкое уголовное преступление, или об уменьшении объема обвинения, председательствующий обязан разъяснить потерпевшему его право поддерживать обвинение в ранее предъявленном объеме .

4. Суд разъясняет обвиняемому, что он будет защищаться в судебном заседании от нового обвинения, после чего откладывает рассмотрение не менее чем на семь дней для предоставления обвиняемому, его защитнику возможности подготовиться к защите против нового обвинения. По ходатайству стороны защиты этот срок может быть сокращен или продлен. По истечении этого срока судебное разбирательство продолжается».

Статья 339 УПК. Выдвижение дополнительного обвинения

«1. В случае получения сведений о возможном совершении обвиняемым другого уголовного преступления, по которому обвинение не выдвигалось и которое тесно связано с первоначальным и их отдельное рассмотрение невозможно, прокурор после выполнения требований статьи 341 настоящего Кодекса имеет право обратиться в суд с мотивированным ходатайством о рассмотрении дополнительного обвинения в одном производстве с первоначальным обвинением.

2. В случае удовлетворения такого ходатайства прокурора, суд обязан отложить судебное разбирательство на срок, необходимый для подготовки к защите от дополнительного обвинения и выполнения прокурором требований, предусмотренных ст. 276-278, 290-293 настоящего Кодекса, но не более чем на четырнадцать дней. Срок отложения судебного рассмотрения может быть продлен судом по ходатайству стороны защиты в случае, если объем или сложность нового обвинения требуют больше времени для подготовки к защите.

3. По истечении установленного судом срока, судебное разбирательство должно быть начато с подготовительного судебного заседания. Новое исследование доказательств, которые уже были исследованы судом к выдвижению дополнительного обвинения, осуществляется только в случае признания судом такой необходимости».

При анализе этих положений, несомненно, в первую очередь, возникает вопрос, не являются ли они некой попыткой реанимации института судебного возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования? Мы бы ответили на этот вопрос отрицатель-

но. Это – генетически близкие, но сущностно различные правовые феномены.

При изменении обвинения прокурором уголовное дело из производства суда не уходит, следовательно, сроки его рассмотрения судом сокращаются, становятся более разумными сроки судопроизводства в целом (о чем вряд ли можно говорить при возвращении дела на дополнительное предварительное расследование).

И, что принципиально важно, практически исключается возможность злоупотребления правом на уголовно – правовую квалификацию действий подсудимого со стороны лиц, осуществляющих досудебное уголовное преследование, при сохранении условий, всецело обеспечивающих права подсудимых на защиту.

Н.А. Байгончокова

Использование средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела: сравнительно-правовой анализ

Для законного возбуждения уголовного дела необходимо наличие указанного в ч. 1 ст. 140 УПК РФ повода и основания, в качестве которого выступают достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В случае малоинформативности повода сведения о признаках преступления собирают в ходе доследственной проверки, эффективность которой во многом зависит от перечня разрешенных к производству до возбуждения уголовного дела следственных и иных процессуальных действий.

Судя по усилиям законодателя, направленным на совершенствование регламентации проверочных мероприятий и процессуального статуса их участников, вряд ли в современных условиях можно говорить о наметившейся тенденции к ликвидации стадии возбуждения уголовного дела.

Подтверждением тому, являются изменения и дополнения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении». Изначально данная норма устанавливала обязанность дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения». При этом в указанной норме законодатель не выделял процессуальных действий, которые должны быть произведены в ходе проверки, так как производство всех следственных действий до возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальным законодательством было запрещено (за исключением осмотра места происшествия, назначения судебной экспертизы и освидетельствования – ч. 4 ст. 146, ч. 2 ст. 176 УПК РФ). С приняти-

ем в 2003 г. Федерального закона от 04.07.2003 № 92-ФЗ[1], законодатель при проверке сообщения о преступлении в ч. 1 ст. 144 УПК РФ за выше перечисленными органами закрепил право требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к участию в них специалистов.

Законодателем делается заметный акцент на регламентации доказывания в период проведения проверочных мероприятий по поступившим заявлениям и сообщениям о совершенном преступлении, на основании результатов которых должно быть принято обоснованное. В последующей редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ (данные с учетом изменений, внесенных в УПК РФ федеральными законами от 05.06.2007 № 87-ФЗ[2] и от 02.12.2008 № 226-ФЗ[3]) прежний перечень проверочных мероприятий был сохранен. При этом следует отметить, что из текста ч. 4 ст. 146 УПК РФ федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ были исключены упоминания об освидетельствовании и назначении судебной экспертизы. Также федеральным законом 2.12.2008 № 226-ФЗ были дополнены ст.ст. 178 и 179 УПК РФ новеллами о производстве осмотра трупа и освидетельствования до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства.

Законодатель продолжал совершенствовать перечень проверочных мероприятий, дополняя содержание ч. 1 ст. 144 УПК РФ: в 2010 г. в практику доследственной проверки были введены исследования документов, предметов и трупов, а следователя наделили полномочием давать органу дознания отдельные поручения для проведения оперативно-розыскных мероприятий[4].

И, пожалуй, самым радикальным, последним, на сегодняшний день, является изменение доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела в редакции Федерального закона от

---

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.07.2003 № 92-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 49. Ст. 5724.

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 09.03.2010 № 19-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1168; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16.

04.03.2013 № 23-ФЗ[1], который предоставил право дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа на проведение максимального перечня проверочных мероприятий, таких, как: право получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Новеллы о судебной экспертизе были положительно оценены практиками и учеными, которые длительное время ожидали таких шагов законодателя. Однако качество регламентации данного нововведения вызвало ряд критических замечаний. По данному поводу Е.А. Зайцева высказала мнение, что «законодатель не стал детально регламентировать случаи, когда в стадии возбуждения уголовного дела требуется проводить судебную экспертизу, хотя, как представляется, объективно необходимость этого существует. Однако, не любые судебные экспертизы следует вводить в стадию возбуждения уголовного дела. Нередко, должностные лица, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, используют «времязатратные» процедуры (а к таковым относятся и судебные экспертизы, и предварительные исследования, и ревизии, и документальные проверки) для продления сроков проверки до 30 суток, когда в установленные 3, 10 суток они не успевают собрать информацию, достаточную для принятия решения согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ»[2]. Справедливо в связи с этим высказывание Ю.К. Орлова, что недопустимо проведение судебно-психиатрической экспертизы, поскольку она сопряжена с множеством весьма существенных ограничений (например, помещение в стационар) и может быть очень продолжительной, что тоже весьма убедительно[3]. Пожалуй, следует согласиться с А.И. Садовским, что необходимо четко обозначить случаи

---

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[2] Зайцева Е.А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте федерального закона от 4.03.2013 № 23-ФЗ // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: мат-лы V-ой Межд. науч.-практ. конф. (11-13.04.2013). Курск, 2013. С. 76.

[3] Орлов Ю.К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2003. № 9. С. 20.

проведения в ходе проверочных мероприятий судебной экспертизы и ограничить ее, к примеру, ситуациями, когда для возбуждения уголовного дела нужно установить признаки преступления, связанные с особыми свойствами предметов, которые изъяты из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные, а также в случаях, предусмотренных п. 1 и 2 ст. 196 УПК РФ[1].

Достаточно иначе обстоит практика рассмотрения сообщений о преступлениях по уголовно-процессуальному законодательству стран СНГ, в частности по УПК Кыргызской Республики[2] (далее – УК КР). Поводы к возбуждению уголовного дела, предусмотренные ч. 1 ст. 150 УПК КР в своем содержании почти совпадают с поводами, предусмотренными ст. 140 УПК РФ, за исключением двух: сообщение должностного лица организации и сообщение в средствах массовой информации. О сообщении в средствах массовой информации упоминается в ч. 2 ст. 144 УПК РФ, однако последнее в перечень поводов для возбуждения уголовного дела, предусмотренный ч. 1 ст. 140 УПК РФ, законодательством не включено и «поглощается» универсальным поводом – сообщением, полученным из иных источников. Однако в главах 19 и 20 УПК КР порядок рассмотрения заявлений и сообщений весьма лаконичен.

Анализ положений указанных глав УПК КР показывает на несогласованность ряда нормативных положений в части назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. Упоминание судебной экспертизы в числе проверочных мероприятий в данных главах вообще отсутствует. Однако в ст. 165 УПК КР, которая называется «Начало производства следствия» и посвящена именно второй стадии досудебного производства, указывается на возможность назначения и производства судебной экспертизы и до возбуждения уголовного дела. Такая конструкция представляется нам нелогичной: нормы о проверочных мероприятиях должны быть сосредоточены в главе, посвященной возбуждению уголовного дела, а не в главе, регулирующей предварительное расследование. По этим основаниям, полагаем целесообразным исключить из ч. 1 ст. 165 УПК КР второе предложение, закрепляющее возможность производства осмотра места происшествия и судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Данные нормативные положения должны найти закрепление в главе 19 УПК КР, которая именуется «Поводы и основание к возбуждению уголовного дела», в связи с тем, что путем проверочных меропри-

---

[1] Садовский А.И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. С. 14.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 24.05.1999 (в ред. от 10.08.2012). URL: http://base.spinform.ru.

ятий устанавливается законность повода и наличие основания для возбуждения уголовного дела. Тем более, что частично вопросы проверки сообщения о преступлении регулируются ст.ст. 155 и 157 УПК КР.

Статья 157 УПК КР закрепляет полномочия органа дознания по поступившему сообщению о совершенном или готовящемся преступлении: он принимает необходимые меры по охране места происшествия, сохранению следов преступления, а также проводит оперативно-розыскные и неотложные действия в целях обнаружения лица, совершившего преступление, отыскания похищенного имущества, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств. Соответственно, регулирование данной статьей полномочий следователя по проведению неотложных следственных действий (осмотра места происшествия и назначения и производства судебной экспертизы) было бы не совсем корректным. С учетом вышеизложенного представляется логичным дополнить ст. 155 УПК КР «Обязательность принятия и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении» новыми частями, регламентирующими полномочия органов, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, по проведению неотложных следственных действий.

При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что нередко на данном этапе востребованы идентификационные судебные экспертизы, для проведения которых необходимы образцы для сравнительного исследования. Однако кыргызский законодатель не предусмотрел данного действия в числе проверочных мероприятий, что, безусловно, создает определенные препятствия на пути широкого внедрения судебной экспертизы в практику органов, осуществляющих проверку сообщения о преступлении.

Резюмируя вышеизложенное, хотелось бы высказать мнение о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела, однако – с определенной модификацией в направлении совершенствования проверочных мероприятий и создания гарантий прав участвующих в них лиц.

Д.В. Белых-Силаев

Проблема отмены стадии возбуждения уголовного дела: pro et contra

Основными задачами стадии возбуждения уголовного дела являются:

1) реагирование компетентных государственных органов и должностных лиц на сообщение о совершенном или готовящемся преступлении;

2) установление повода и основания для возбуждения уголовного дела;

3) первоначальная квалификация деяния, содержащего признаки преступления;

4) закрепление следов преступления;

5) предотвращение расследования фактов, не содержащих в себе признаки преступления;

6) определение органа государства или должностного лица, полномочного осуществлять производство по уголовному делу, если такое будет возбуждено[1].

В связи с этим особо актуальной представляется проблема, связанная с целесообразностью сохранения данной стадии в российском уголовном судопроизводстве. В последние годы в юридической литературе все чаще высказывается идея о необходимости ликвидировать стадию возбуждения уголовного дела. Как правило, обосновываются такие предложения тем, что сохранение рассматриваемой стадии уголовного процесса отвлекает силы и забирает время, необходимые для производства полноценного предварительного расследования.

Так, по мнению Л.М. Володиной, стадия возбуждения уголовного дела является «нагромождением правил и сроков проверки, которые лишь мешают оперативному ходу расследования, ведут к утрате доказательственного материала и, к тому же, постоянно нарушаются»[2].

Ненужной считает стадию возбуждения уголовного дела и А.П. Кругликов, который отмечает, что порой за время проверки утрачиваются важные доказательства по делу, что может серьезно затруднить расследование преступления, а иногда сделать невозможным его раскрытие[3].

Нам хотелось бы подойти к данной проблеме несколько с иной стороны.

Анализ правоприменения позволяет выявить целый комплекс проблем, возникающих в следственной и судебной практике в связи с включением в систему уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела.

Начнем с того, что эта стадия занимает отрезок времени, непосредственно следующий за моментом обнаружения преступления, в связи с чем, именно в этот период поиск и закрепление следов преступления наиболее плодотворны. Однако познавательные средства стадии воз-

---

[1] См., напр.: Ендольцева А.В. Стадии уголовного судопроизводства (уголовного процесса): учебное пособие. М., 2009. С. 8.

[2] Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Томск, 1999. С. 84.

[3] Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России// Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.

буждения уголовного дела весьма ограничены, вследствие чего значительная часть информации, содержащейся в следах преступления, которые удается обнаружить органам дознания и предварительного следствия, не может быть закреплена в виде доказательств.

Основная часть материалов, полученных в ходе предварительной проверки без соблюдения процессуальной формы (объяснения, различные акты и т.п.), нуждаются в перепроверке в ходе предварительного расследования, что, по сути, означает дублирование деятельности органов расследования, сопряженное со значительными потерями времени и сил.

Из-за упущенного времени некоторые следы преступления, обнаруженные в стадии возбуждения уголовного дела, к началу предварительного расследования оказываются утраченными, вследствие чего органы уголовного преследования лишаются возможности сформировать важные для установления обстоятельств преступления и выяснения личности виновного доказательства.

По результатам проведенного О.А. Анашкиным исследования, 45% опрошенных сотрудников правоохранительных органов согласились с тем, что стадия возбуждения уголовного дела является барьером, сдерживающим оперативность (быстроту) действий органов расследования[1].

Наконец, нередко правоохранительные органы выносят незаконные и необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела для того, чтобы не расследовать «бесперспективные», с их точки зрения, уголовные дела. Неуклонно увеличивающийся удельный вес отмененных в результате осуществления прокурорского надзора и ведомственного контроля незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел с последующим вынесением противоположных процессуальных решений о возбуждении уголовных дел[2], указывает на распространенные в стадии возбуждения уголовного дела нарушения конституционных; прав потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. К тому же предварительное расследование, которое в подобных случаях оказывается отделенным от момента совершения преступления значительным периодом времени, осложняется утратой доказательств, в связи с чем во многих случаях оказывается безрезультатным.

---

[1] Анашкин О.А. Сроки в уголовном процессе на досудебных стадиях: учебное пособие. М., 2006. С. 36.

[2] Синельников А.В. Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мерк его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации: монография. Волгоград, 2010. С. 69.

Перечисленные проблемы общеизвестны, они возникли не сегодня и, конечно, о них осведомлены не только практические работники, но и законодатель. Так почему, несмотря на все сложности, порождаемые включением стадии возбуждения уголовного дела в систему уголовного процесса, законодатель все же считает необходимым ее сохранять?

В отечественной юридической науке давно стало общим местом утверждение о том, что стадия возбуждения уголовного дела выполняет важную правозащитную функцию. Дело в том, что предварительное расследование преступлений сопряжено с применением уголовно-процессуального принуждения, а значит, предотвращение необоснованного возбуждения уголовного дела (и предварительного расследования) ограждает личность от опасности подвергнуться мерам процессуального принуждения.

Из этих соображений выводится такая задача стадий возбуждения уголовного дела, как ограждение личности от необоснованного вовлечения в орбиту уголовного процесса, а сама стадия рассматривается в качестве своеобразного рубежа, отделяющего граждан от сферы применения мер уголовно-процессуального принуждения.

«Возбуждение уголовного дела, – писал М.С. Строгович, – правовое основание для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела. Органы следствия и дознания, … суд могут совершать предусмотренные законом процессуальные действия … только в связи с конкретным уголовным делом. Поэтому лишь возбуждение уголовного дела, произведенное правомочным государственным органом с соблюдением установленных законом условий, дает этому органу право совершать все необходимые действия, связанные с расследованием и разрешением дела»[1].

Данный подход к пониманию значения стадии возбуждения уголовного дела разделяется многими учеными-процессуалистами и является в настоящее время общепризнанным в юридической науке[2].

Даже Конституционный Суд РФ в своих решениях прямо указывает на то, что постановление о возбуждении уголовного дела выступает в качестве законного основания для производства дознания или предва-

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.ÍÍ: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. С. 10.

[2] См., напр: Москалькова Т.Н. Честь и достоинство: как их защитить? (Уголовно-процессуальный аспект): пособие для слушателей народных университетов. М., 1992, С. 34; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2000. С. 268; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 33-34; Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. А.П. Кругликов. М., 2010. С. 335-336.

рительного следствия по этому делу, в том числе для выполнения процессуальных действий по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления[1].

Как известно, стадии возбуждения уголовного дела не было в дореволюционном уголовном процессе, не известна данная стадия и порядку уголовного судопроизводства, предусмотренному УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. Введение предварительной проверки сообщений о преступлениях в УПК РСФСР 1960 г. и выделение возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса были обусловлены осознанием законодателем необходимости обеспечения дополнительных гарантий от произвола со стороны следственных органов, свидетелем и жертвой которого стал советский народ в годы сталинских репрессий (не будем забывать, что время разработки нового союзного уголовно-процессуального законодательства – 50-60 гг. XX века – приходилось на период осмысления чудовищных преступлений сталинского режима).

Одной из таких гарантий и была призвана служить стадия возбуждения уголовного дела: регламентация досудебного производства по УПК РСФСР 1960 г. Предполагала, что органы предварительного расследования могли применять меры уголовно-процессуального принуждения только в рамках возбужденного уголовного дела. А для того, чтобы уголовное дело возбудить, требовалось установить наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 108 УПК РСФСР). Как следствие, установление признаков преступления приобрело значение основания (своего рода оправдания) для применения в ходе предварительного расследования мер уголовно-процессуального принуждения. Не установив признаков преступления, правоохранительные органы не и мели права применять меры уголовно-процессуального принуждения.

Конечно, и в советском уголовно-процессуальном законодательстве формулировались специальные основания применения тех или иных принудительных мер, однако объективного механизма контроля за их соблюдением не было (отрицание на государственном уровне принципа разделения властей делало немыслимой саму идею судебного контроля).

В таких условиях стадия возбуждения уголовного дела действительно играла роль важнейшей (если не сказать единственной) гарантии против произвольного применения стороной обвинения мер уго-

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2002 № 300-0 «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 267.

ловно-процессуального принуждения. В свою очередь, необходимость сохранения стадии в системе уголовного процесса заставляла законодателя мириться со всеми связанными с ней проблемами, о которых говорилось в начале статьи.

Однако ситуация кардинальным образом изменилась с принятием Конституции РФ 1993 г., предусмотревшей более эффективный механизм защиты прав личности от злоупотреблений властью – судебный контроль за принятием решений, ограничивающих конституционные права личности.

В настоящее время вопрос о допустимости применения той или иной меры уголовно-процессуального принуждения, сопряженной с существенным ограничением конституционных прав личности, разрешается в рамках оперативных судебно-контрольных процедур, во-первых, независимым органом – судом, во-вторых, применительно к каждому процессуальному действию в отдельности.

Даже в тех случаях, когда в обстоятельствах, не терпящих отлагательства, соответствующие процессуальные действия производятся на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), суд, проверяя законность произведенного следственного действия, выясняет, прежде всего, имелись ли непосредственно перед производством данного процессуального действия предусмотренные законом основания.

Подведем итог. В середине XX века советский законодатель, вводя в уголовный процесс «доследственную» проверку сообщений о преступлениях, осознанно во имя интересов граждан пожертвовал чрезвычайно ценным в доказательственном плане первоначальным этапом расследования, преобразовав его в стадию возбуждения уголовного дела, главная цель которой – служить фильтром, препятствовавшим необоснованному возбуждению уголовного дела, а значит, необоснованному применению мер процессуального принуждения.

Современная концепция обоснованности процессуального принуждения совершенно иная. Обоснованность любого процессуального действия, сопряженного с применением принуждения, оценивается теперь в отдельности с учетом конкретных обстоятельств дела и личности гражданина, к которому принуждение может быть применено. Возбуждение уголовного дела по каждому сообщению о преступлении более не представляет никакой опасности для прав и свобод личности, а значит, теряет смысл и предварительная проверка таких сообщений[1].

---

[1] О том, что возбуждение уголовного дела затрагивает права личности, можно говорить только в одном случае – когда решение выносится в отношении конкретного лица. Однако эта проблема вполне разрешима. Во-первых, можно установить порядок, при котором возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица допускалась бы только с согласия прокурора или руководи-

Л.В. Брусницын

Какую задачу решают следователь, прокурор и судья применительно к стадии возбуждения уголовного дела?

1. В 2013 г. в ч. 1 ст. 144 УПК РФ расширен перечень процессуальных действий, допустимых в стадии возбуждения уголовного дела (далее – стадия ВУД)[1]. В то же время задача, подлежащая решению в данной стадии, осталась неизменной. Как и прежде, она заключается в установлении наличия признаков преступления (ч. 2 ст. 140 УПК); наличие их влечет возбуждение уголовного дела (ч. 1 ст. 146 УПК), отсутствие – отказ в его возбуждении (ч. 1 ст. 148 УПК). Оставление указанной задачи без изменения говорит о том, что расширение возможных в стадии ВУД процессуальных действий предпринято лишь с одной целью – создания б*о*льших условий для принятия законных и обоснованных решений, которыми данная стадия завершается – очевидно, вследствие того, что нередко они являются необоснованными.

2. Почему велико количество необоснованных решений, завершающих стадию ВУД, прежде всего – постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела? Представляется, одна из причин этого кроется в непонимании правоприменителем того, что отказ в возбуждении дела возможен при *достоверном* установлении одного из обстоятельств, исключающих возбуждение дела (перечислены в ч. 1 ст. 24 УПК)[2]. Во всех иных случаях, т.е. когда невозможно прийти к такому выводу, дело подлежит возбуждению. К сожалению, ясного представления об этом УПК не дает, поскольку в ч. 2 его ст. 140 в качестве основания для возбуждения дела указано «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (неудачная формулировка, о чем подробнее будет сказано ниже). Действительное же предназначение стадии ВУД ни в чем ином, как в исключении дальнейшего судопроизводства, если уже в рамках данной стадии, подчеркнем, *достоверно* установлено одно из обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК. Иначе говоря, вопрос о возбуждении уголовного дела должен решаться в зависимости не от того, *достаточно* или *недостаточно* (в материалах проверки сообщения о преступлении) данных, указывающих на при-

---

теля следственного органа. Во-вторых, защита прав гражданина, в отношении которого необоснованно возбужденно уголовное дело, надежно обеспечивается прокурорским надзором (ст. 124 УПК РФ) и судебным контролем (ст. 125 УПК РФ).

[1] Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ.

[2] Другая причина незаконных отказов в возбуждении дел – не непонимание Закона, а нежелание увеличивать количество уголовных дел в производстве следователя, по сути, сокрытие преступлений. Решение данной проблемы лежит в плоскости, здесь не рассматриваемой.

знаки преступления, а от возможности либо невозможности сделать вышеуказанный *достоверный* вывод.

3. В практике же следователь из-за неудачной формулировки в ч. 2 ст. 140 УПК сосредотачивается на решении ложной задачи: пытается определить, имеется ли в материалах проведенной проверки сообщения о преступлении *некий* (*достаточный) объем* данных, указывающих на признаки преступления, или этот объем еще не достигнут. Придя к последнему выводу, он продолжает проверочные действия, в ряде случаев в течение 10 и более суток. При этом надо признать, что происходящая подмена решения задачи действительной решением задачи ложной порождена самим законодателем: изначально в ч. 2 ст. 140 УПК он использовал формулировку, завуалировавшую задачу, которую действительно надо решить в стадии ВУД, затем допустил продление ее срока вплоть до 30 суток[1], и, наконец, в марте 2013 г. существенно расширил круг процессуальных действий, возможных в ходе «доследственной проверки». Все это и подталкивает следователя к решению вышеуказанной ложной задачи, уводит от оценки собранных в течение первых трех суток «доследственной проверки» сведений, по результатам которой (оценки) при *достоверном* выводе о наличии одного из оснований, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК, следует отказать в возбуждении дела, а при невозможности указанного вывода - возбудить его.

Такое, на взгляд автора, правильное понимание задачи, требующей решения в стадии ВУД, со стороны следователей, а также прокуроров и судьей при проверке соответствующих постановлений следователей позволит исключить:

а) необоснованные постановления следователей об отказе в возбуждении дела, вынесенные по той причине, что отказ явился следствием не *достоверного* установления одного из указанных в ч. 1 ст. 24 УПК обстоятельств, а из-за вывода следователя о том, что в материалах проверки сообщения о преступлении нет «достаточных» данных, указывающих на признаки преступления;

б) ошибочные решения прокуроров и судей о необоснованности постановлений следователей (как о возбуждении, так и об отказе в возбуждении дел) – в тех случаях, когда сами прокуроры и судьи, проверяя названные постановления, исходят из вышеуказанной ложной задачи, в то время как следователь при вынесении постановления руководствовался задачей, действительно требующей разрешения в стадии ВУД.

4. Следующий вопрос: если предпринятые в марте 2013 г. законодательные меры не приведут к снижению числа незаконных и необоснованных постановлений, завершающих стадию ВУД, что еще предпри-

---

[1] Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ.

мет законодатель? Не исключено, еще больше расширит круг процессуальных действий, допустимых в указанной стадии, хотя резервов для этого все меньше. Не исключено, допустит в ней и применение если не всех, то некоторых мер процессуального принуждения, сейчас возможных только после возбуждения дела. Тем не менее, уже сейчас, по мнению автора, законодатель допустил явное несоответствие между *достаточно узкой* задачей, подлежащей решению в стадии ВУД, и *излишне широким* набором процессуальных средств ее решения. Заметим также: если законодатель действительно предпримет вышеуказанные шаги, граница между уголовно-процессуальной деятельностью *до* и *после* возбуждения уголовного дела, по сути, будет стерта. Но нужна ли в этом случае сама стадия ВУД, иначе говоря - в чем смысл постановления о возбуждении дела после того, как предварительное расследование фактически уже началось?

5. По мнению автора, проблему необоснованных постановлений о возбуждении уголовных дел и об отказе в их возбуждении следует решать не за счет расширения перечня процессуальных действий, допустимых в рассматриваемой стадии, а за счет изменения формулировки оснований для возбуждения уголовного дела в ч. 2 ст. 140 УПК. Возможный ее вариант: «2. Уголовное дело возбуждается, если по результатам проверки сообщения о преступлении невозможен достоверный вывод о наличии одного из обстоятельств, исключающих его возбуждение». Возможно, другие авторы предложат иные варианты требуемой новеллы.

6. Можно предложить, вернее, предлагается уже давно и многими юристами, другой вариант – исключить из судопроизводства саму стадию ВУД. В рамках доклада нет возможности изложить все аргументы за ее сохранение и ликвидацию (по этому вопросу есть обширная литература). Укажем лишь один, и, возможно, главный аргумент за сохранение status quo: в стадии ВУД уже начинается процесс доказывания, например, производится осмотр места происшествия (позитивный аспект), и, в то же время, в пределах данной стадии граждане защищены от применения к ним широкого спектра мер процессуального принуждения (также позитивный аспект). Но есть и контраргумент – возможность применения к участникам судопроизводства мер процессуального принуждения уже с момента регистрации сообщения о преступлении не снизит уровень защищенности их конституционных и иных прав, если применение этих мер обусловить соблюдением тех же гарантий, которые существуют в стадии предварительного расследования (применение принудительной меры по мотивированному постановлению следователя, а в ряде случаев судьи и проч.).

7. Пока же стадия ВУД существует, в заключение остановимся на некоторых новеллах 2013 года, которые могут вызвать проблемы в правоприменении.

Во-первых, согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК в стадии ВУД стало возможным предупреждение граждан о неразглашении данных «досудебного производства» в порядке, установленном ст. 161 УПК, а в ней – ссылка на ст. 310 УК РФ. Но ст. 310 УК РФ, как и до появления ч. 1.1 в ст. 144 УПК, предусматривает наказание за разглашение данных «предварительного расследования», что исключает возможность привлечения к уголовной ответственности лица, нарушившего запрет на разглашение данных, полученных следователем в предыдущей стадии, т.е. в стадии ВУД. Выход из создавшегося положения – установление в ст. 310 УК РФ ответственности за разглашение тайны именно «досудебного производства» (аналогичная корректировка нужна и в ст. 161 УПК).

Во-вторых, согласно новой редакции ч. 1 ст. 144 УПК в стадии ВУД стали возможны назначение и производство судебной экспертизы. При этом в ч. 1.2 той же статьи указано: «Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению». Но такие (назовем их для краткости «вторичные») экспертизы назначаются при недостаточной ясности заключения эксперта и по иным указанным в ст. 207 УПК основаниям. Наличие одного из них, безусловно, требует назначения «вторичной» экспертизы. Однако ее назначение в ч. 1.2 ст. 144 законодатель поставил в зависимость от одного лишь, причем даже не мотивированного ходатайства стороны. Это приводит к мысли, что производство экспертизы *до* возбуждения дела законодатель рассматривает, если можно так выразиться, как «неполноценное». Но, следуя такой логике, после возбуждения дела по требованию сторон надо проводить и «вторичные» осмотр места происшествия, освидетельствование – ведь ряд обстоятельств, установленных в ходе этих следственных действий при проверке сообщения о преступлении, не меняется, например, ширина дороги в месте ДТП или отсутствие у освидетельствованного лица фаланги пальца[1].

Еще один аспект – в ходе первичной экспертизы исследуемое вещество вследствие малого количества может быть истрачено либо, из-за

[1] Возможно, требование в ч. 1.2 ст. 144 УПК о производстве «вторичной» экспертизы законодатель установил потому, что при назначении и производстве экспертизы в стадии ВУД еще нет подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, т.е. лица, которым указанные статусы придаются позже, в стадии ВУД не могут использовать права, предусмотренные ст. 198 УПК (знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и проч.). Но и в ходе предварительного расследования экспертиза может быть назначена и даже произведена до появления в деле подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, тем не менее, в этом случае УПК не требует безусловного производства «вторичной» экспертизы по их ходатайству.

определенных способов исследования, измениться так, что станет непригодным для «вторичной» экспертизы. Значит, вышеуказанное ходатайство стороны не сможет быть удовлетворено - при том, что ч. 1.2 ст. 144 УПК требует его безусловного удовлетворения. Каковы последствия этого? Признание заключения эксперта, полученного в стадии ВУД, недопустимым доказательством? Очевидно, нет, если при назначении и производстве первичной экспертизы нормы УПК не были нарушены, а вот подпасть у участников судопроизводства «под подозрение» достоверность такого заключения может. И как его оценивать, например, судье при постановлении итогового судебного решения, если в ч. 1.2 ст. 144 УПК законодатель фактически указал на «неполноценность» заключения эксперта, полученного до возбуждения дела?

Заметим также, что ч. 1.2 ст. 144 УПК содержит и такое положение: «*Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении* (курсив автора – Л.Б.) сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статьей 75 и 89 настоящего Кодекса». Выделенные слова вкупе с содержащемся в той же ч. 1.2 ст. 144 требованием о производстве «вторичной» экспертизы заставляют задаться вопросом: если экспертиза назначена до возбуждения дела, а заключение эксперт составил после его возбуждения (т.е. сведения о преступлении, содержащиеся в указанном заключении, следователь получил уже в стадии предварительного расследования) – распространяется ли на данный случай обязательное удовлетворение ходатайства стороны защиты или потерпевшего о производстве «вторичной» экспертизы? При буквальном толковании ч. 1.2 ст. 144 УПК ответ отрицательный, но возможны и другие толкования данной нормы.

Ю.Е. Бужинская

Стадия возбуждения уголовного дела как защита прав и законных интересов граждан

Как известно, дореволюционный уголовный процесс не знал стадии возбуждения уголовного дела. Статьи 297 и 298 Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. называли лишь «законные поводы к начатию следствия» и обязывали судебного следователя «о всяком начатом им следствии доводить до сведения прокурора».

Первое упоминание о возбуждении уголовного дела как о стадии уголовного процесса встречается в Положении от 30.09.1919 «О военных следователях», а позднее – в Циркуляре Прокуратуры УССР № 103 «О порядке ведения дознания и следствия по делам о финработниках»[1]. При этом советские УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. также не

[1] Бюллетень НКЮ УССР. 1924. № 28.

выделяли возбуждение уголовного дела в самостоятельное доследственное производство[1].

Подобный подход в той или иной степени присутствует и в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве. Так, УПК Франции не содержит процессуального акта, обозначающего начало уголовного процесса, и связывает необходимость производства расследования с моментом «установления фактов нарушения уголовного закона» (ст. 14 УПК). При этом «французское дознание сопоставимо с тем, что в российском уголовном процессе принято называть «доследственной проверкой», т.е. с проверкой сообщений о преступлении, предшествующей принятию решения о возбуждении уголовного дела...»[2].

Однако в действующем законодательстве стадия возбуждения уголовного дела занимает в досудебном производстве особое место. Именно на данном этапе уполномоченным на то органам и должностными лицами разрешается целый ряд важных вопросов, в том числе:

- является ли сообщение о преступлении законным поводом возбуждению уголовного дела;
- содержатся ли в поводе сведения о признаках преступления;
- нет ли обстоятельств, исключающих производство по делу;
- по какой статье УК может быть квалифицировано преступление;
- какие меры следует принять для предупреждения или пресечения преступления;
- какие меры следует принять для сохранения и закрепления следов преступления[3].

Стадия возбуждения уголовного дела призвана также ограждать последующие этапы уголовного процесса, в частности стадии предварительного расследования, от рассмотрения фактов:

- которых в реальности не было;
- безусловно не являющихся преступными, то есть в которых нет хотя бы одного из обязательных признаков объективной стороны состава преступления, в том числе малозначительных (административных, дисциплинарных и иных проступков).

Например, обнаружен труп человека, при визуальном осмотре у трупа имеются повреждения, на место происшествия выехала следственно-оперативная группа. Судебно-медицинский эксперт в ходе осмотра не может установить причину смерти, труп направлен на судебно-медицинское исследование.

---

[1] Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 36.

[2] Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 309.

[3] Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М., 2009. С. 186.

Оснований для незамедлительного возбуждения уголовного дела у следователя не имеется, поскольку достаточных объективных данных о совершенном преступлении нет, ведь смерть человека могла иметь и ненасильственный характер.

Общеизвестно, что в некоторых случаях причина смерти устанавливается лишь по результатам химических и гистологических исследований, которые проводятся не менее месяца.

Как в таких случаях поступить следователю? Вариант действий должностного лица здесь только один: проведение так называемой доследственной проверки в стадии возбуждения уголовного дела.

Законодателем изменена правовая регламентация стадии возбуждения уголовного дела. Тем самым, решены проблемы, которые возникали из-за бюрократизированной стадии возбуждения уголовного дела, это, во-первых: признание доказательствами данных полученных при проверке сообщения о преступлении; во-вторых: расширение полномочий в стадии возбуждения уголовного дела.

Видится, что эти изменения направлены на соблюдения интересов потерпевшего, публичных интересов, направленных на раскрытие преступления, изобличение виновных и привлечение их к уголовной ответственности, а также на соблюдение интересов индивида, права и свободы которого могут быть нарушены в случае необоснованного возбуждения уголовного дела.

Возможность получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование являются теми законными «инструментами», имеющимися в распоряжении следователя для сбора и закрепления доказательств[1].

Безусловно, расширение полномочий следователя на стадии возбуждения уголовного дела не только сокращает стадию предварительного следствия и повышает ее качество, повышает процессуальную защищенность лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, но и исключит случаи необоснованного уголовного преследования и применения мер процессуального принуждения.

Теперь представим ту же ситуацию, но при условии законодательной ликвидации стадии возбуждения уголовного дела. Например, обнаружен труп, на место происшествия выехала следственно-оперативная группа. Следователь, констатировав наличие трупа, при-

---

[1] Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

ступает к расследованию: сразу назначает судебно-медицинскую экспертизу, проводит допросы свидетелей с соблюдением всех процессуальных прав, при необходимости – объявляет лицу о наличии в отношении него определенных подозрений и допрашивает его в качестве подозреваемого с участием адвоката, также обеспечивая ему права, предусмотренные уголовным судопроизводством, а через месяц получает заключение эксперта о нетравматическом характере имеющихся повреждений либо об отсутствии причинно-следственной связи между смертью гражданина и имеющимися у него телесными повреждениями.

В результате – необоснованное применение мер уголовно-процессуального принуждения, отвлечение времени и сил от расследования действительно опасных и тяжких преступлений.

Таким образом, значение данной стадии в том, что она обеспечивает законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, защищает права и законные интересы граждан, которые в случаях необоснованного возбуждения уголовного дела могли бы оказаться нарушенными, так как ряд граждан оказались бы неизбежно необоснованно втянутыми в процедуры расследования преступления[1].

Н.В. Буланова
О.А. Яловой

Можем ли мы сегодня отказаться от стадии возбуждения уголовного дела?

Законодательная регламентация стадии возбуждения уголовного дела и деятельность органов предварительного расследования по приему, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, всегда были предметом острых научных дискуссий. Несовершенство уголовно-процессуального закона и ошибки правоприменения позволяли и, к сожалению, позволяют подвергать обоснованной критике данную стадию уголовного процесса. А многократные изменения и дополнения, вносимые в УПК РФ в части, регламентирующей возбуждение уголовного дела, не только не решают всех существующих проблем, но и создают новые, на что справедливо указывается в юридической литературе[2]. Не стал исключением и Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, который,

---

[1] Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7(115).

[2] См., напр.: Володина Л.М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4(9). С. 11.

существенно расширив перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых допустимо при проверке сообщения (заявления) о преступлении, и предусмотрев возможность участия защитника на данной стадии уголовного процесса, еще больше размыл различия между стадией возбуждения уголовного дела и стадией предварительного расследования.

На этом фоне все громче и громче звучат предложения отказаться от возбуждения уголовного дела, начинать расследование с момента получения сообщения (заявления) о совершенном преступлении[1]. При этом в качестве аргументов за данное предложение приводится и уголовно-процессуальное законодательство зарубежных государств с устоявшееся системой уголовного правосудия (США, Франция, Германия и других), и опыт государств – участников Содружества Независимых Государств. В частности в качестве положительного, достойного подражанию примера, указывается опыт Украины, которая в 2012 г. отказалась от регламентации стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, приводится и собственный исторический опыт России, а именно: Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК РСФСР 1922, 1923 гг., которые не содержали норм о возбуждении уголовного дела[2].

Бесспорно, существующие вопросы, касающиеся правовой регламентации и статуса участников данной стадии уголовного процесса, и возможности использования полученных при проверке сообщения о преступлении сведений в качестве доказательств при последующем возбуждении уголовного дела, и производства отдельных следственных действий (в частности, экспертизы), а также проблемы, которые обусловлены ошибками и нарушениями закона со стороны правоприменителей (соблюдение сроков проверки сообщения о преступлении, законность и обоснованность их продления, законность и обоснованность принимаемых решений о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела и др.), требуют своего разрешения. Но можем ли мы сейчас безоговорочно отказаться от стадии возбуждения уголовного дела, не повлечет ли такое решение необходимость изменения правовой регламентации всего досудебного производства по уголовным делам, а также действующего порядка регистрации и учета преступлений. И не создаст ли это при принятии поспешных необдуманных решений еще больших проблем?

---

[1] См., напр.: Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58; Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 18; Володина Л.М. Указ. соч. С. 11.

[2] Володина Л.М. Указ. соч.

Предложение отказаться от стадии возбуждения уголовного дела продиктовано благими намерениями сократить сроки расследования преступлений, исключить саму возможность принятия незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела (что будет направлено на искоренение порочной практики сокрытия преступлений от учета), сосредоточить внимание на производстве следственных и иных процессуальных действий, сократив вероятность признания доказательств недопустимыми, обеспечить соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. Однако за рамками этих предложений остается ряд важных вопросов, на которые хотелось бы обратить внимание.

Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Данная норма закона также подвергается критике, а обсуждение вопросов, что такое «признаки преступления», как они соотносятся с понятием «состав преступления», какая совокупность сведений о совершенном деянии позволит его квалифицировать как преступление и является достаточной для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела продолжается до сих пор.

Однако такое законодательное решение представляется вполне обоснованным, особенно принимая во внимание необходимость разграничения административных правонарушений и уголовно-наказуемых деяний. Сегодня УК РФ и КоАП РФ содержат ряд смежных составов, для разграничения которых, необходимо установить предмет правонарушения, размер причиненного вреда, фактические обстоятельства содеянного (например, мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ) и кража, мошенничество, присвоение или растрата (ст. 158, 159 – 159.6 и 160 УК РФ); самоуправство (ст. 19.1 КоАП РФ и ст. 330 УК РФ), незаконный оборот наркотических средств (ст. 6.8 КоАП РФ и ст. 228 УК РФ). От этого зависит квалификация содеянного как преступления или административного правонарушения, а значит и выбор процессуальной формы, которая будет использоваться в дальнейшем. Сегодня такая проверка (с использованием для установления необходимых данных проверочных и следственных действий) осуществляется в стадии возбуждения уголовного дела, и по ее результатам принимается процессуальное решение, которое может быть обжаловано заинтересованными лицами в установленном законом порядке.

Достаточно сказать, что только за 9 месяцев 2013 г. органами внутренних дел рассмотрено более 21 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях. При этом лишь по каждому шестнадцатому сообщению (6,3%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1320,6 тыс. уголовных дел[1].

---

[1] URL: http://mvd.ru.

В случае отсутствия данной стадии уголовного процесса кто, когда и как будет оценивать наличие в поступившем в орган предварительного расследования сообщении сведений о совершенном или готовящемся преступлении? Какое решение должно приниматься в случае, когда даже для предварительного вывода о событии преступления требуется получение дополнительной информации?

Представляется, что отказ в принятии сообщения (заявления) недопустим даже в случае, когда в нем отсутствуют сведения, позволяющие сделать вывод о совершенном или готовящемся преступлении. Направление же таких сообщений для проверки оперативно-розыскным путем не даст желаемого положительного результата. Поскольку это может привести к еще большему затягиванию сроков проверки, ведь в отличие от УПК РФ Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» такие сроки не регламентированы. Это будет влечь нарушение права на разумный срок уголовного судопроизводства, права на судебную защиту и доступ к правосудию.

Признавая, что при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях допускается значительное число нарушений закона (более 70% от всех нарушений в досудебном производстве по уголовным делам), и сокрытие преступлений от учета является широко распространенной негативной практикой, все же трудно согласиться с тезисом о том, что «возбуждение уголовного дела по каждому сообщению о преступлении позволит нам к тому же иметь реальную картину о состоянии преступности в стране»[1].

Существующая правоприменительная практика проверки сообщений о преступлениях позволяет сделать вывод о том, что возбуждение уголовных дел по каждому поступившему сообщению с неизбежностью приведет в дальнейшем к прекращению их значительного числа в связи с отсутствием события либо состава преступления. Очевидно, что это не будет способствовать объективности уголовно-правовой статистики и не позволит составить реальную картину преступности. Более того, будет способствовать распылению сил и средств органов, осуществляющих дознание, предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность, не позволит сосредоточить внимание на выявлении и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений.

Еще одно обстоятельство, которое следует при этом учитывать, касается существующего порядка регистрации и учета преступлений. В настоящее время основаниями учета преступлений является как постановление о возбуждении уголовного дела, так и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям (например, в связи с истечением сроков давности привлечения к

---

[1] Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России//? Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.

уголовной ответственности, смертью подозреваемого)[1]. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела с неизбежностью повлечет необходимость одновременного изменения существующего порядка регистрации и учета преступлений. Однако данный вопрос остается без надлежащего внимания и проработки.

Решая судьбу стадии возбуждения уголовного дела, нельзя забывать, что этот этап уголовного судопроизводства был создан для защиты личности от произвола и беззакония. Если уж ранее законодатель ради такой цели пошел на существенное усложнение процессуальной деятельности, то в современных условиях надлежит не только сохранять, но и укреплять первую стадию уголовного судопроизводства как гарантию обеспечения прав и свобод человека[2]. И это в равной мере справедливо как для лица, которому преступлением причинен имущественный и (или) моральный вред, так и для лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела и осуществлении уголовного преследования.

А.В. Бутырская

Основания и повод возбуждение уголовного дела за создание преступного сообщества (преступной организации)

Еще в XIX в. законодатель предусмотрел ответственность за участие в деятельности «шайки», являющейся, по сути, организованным преступным сообществом. В ст. 923-926 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (1866 г.) под «шайкой» понималось составление сообщества для совершения ряда преступлений: разбой, зажигательство, выделка или привоз фальшивых денег, кража, мошенничество, подделка документов, привоз контрабанды, подкуп должностных лиц. Создаваться такое сообщество могло для совершения одного или нескольких заранее определенных преступлений. Участники этого преступного сообщества наказывались даже тогда, когда не совершали никакого преступления: закон карал за само составление шайки[3].

В связи с тем, что преступные сообщества посягают на важнейшие сферы общественной жизни страны, за последние десятилетие вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступле-

---

[1] Приказ Генпрокуратуры РФ № 39, МВД РФ № 1070, МЧС РФ № 1021, Минюста РФ № 253, ФСБ РФ №780, Минэкономразвития РФ № 353, ФСКН РФ № 399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений».

[2] Давлетов А.А., Кравчук Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса.

[3] Конспект по уголовному праву и процессу, составленный по лекциям профессоров Фойницкого, Случаевского, Сергеевского и др. Одесса, 1898. С. 108.

ний, предусмотренного ст. 210 УК РФ, трижды были предметом рассмотрения Верховного суда РФ.

Впервые признаки преступного сообщества (преступной организации), позволяющие возбудить уголовное дело, даны в определении Верховного суда РФ от 30.12.1999 по уголовному делу по обвинению гр-на Сергеева и др.[1] Впоследствии эти проблемы нашли свое отражение в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2008 № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»[2] и постановлении Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»[3].

При получении информации о создании преступного сообщества следователь должен принять решение о возбуждении уголовного дела.

Стадия возбуждения уголовного дела, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, на практике вызывает затруднение. Изучение эмпирического материала показало, что уголовные дела рассматриваемой категории, как правило, возбуждаются в ходе расследования криминального функционирования преступного сообщества, в процессе чего происходит сбор доказательств, указывающих на наличие признаков ч. 1 ст. 210 УК РФ.

В соответствии с ч. 2. ст. 140 УК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. По рассматриваемому составу основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 210 УК РФ является наличие данных о следующей преступной деятельности:

- создание лицом преступного сообщества (преступной организации), т.е. создание централизованной иерархической структуры, с целью систематического осуществления преступной деятельности, состоящей из организатора, руководителей, входящих в управленческий центр, и участников, способных профессионально совершать базовые преступления, распределенных в подразделения (организованные группы), а также иных лиц, выполняющих особые поручения, объединенных единым преступным умыслом, взаимосвязанных между собой, строго подчиненных установленным обязанностям, общим принципам, традициям и нормам поведения, обладающей набором криминальных, коррупционных, межрегиональных и иных связей;

---

[1] Определение Верховного суда РФ от 30.12.1999 на приговор Алтайского краевого суда от 8.10.1999 по обвинению С., Е. и Д. по ч. 2 ст. 210, ч. 4 ст. 228 УК РФ.

[2] СЗ РФ. 2008. № 8.

[3] Российская газета. 2010. 17 июня.

- руководство преступным сообществом (преступной организацией), т.е. реализация указаний организатора преступного сообщества, руководство непосредственной преступной деятельностью, а также структурными подразделениями, контроль, учёт, сбор денежных средств, добытых в результате преступной деятельности, и последующая передача их организатору, поддержание жёсткой внутренней дисциплины, принятие решений о применении материальных поощрений или взысканий, подбор руководителей структурных подразделений, а также передвижение лиц по иерархической системе, установленной в преступном сообществе (преступной организации);

- руководство структурными подразделениями преступного сообщества (преступной организации), т.е. непосредственное участие в совершении преступлений в составе вверенного структурного подразделения, сбор, учёт, передача денежных средств руководителю преступного сообщества (преступной организации), обеспечение и поддержка внутри подразделения дисциплины и конспирации, обучение вновь принятых в преступное сообщество членов правилам конспирации при совершении преступлений, методам и способам их совершения.

Вопрос о возбуждении уголовного дела по ст. 210 УК РФ ранее исследовался А.И. Романовым[1] и А.С. Цветковой[2]. По их мнению, возбуждение уголовного дела возможно изначально лишь при наличии данных, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий.

Не умаляя значения оперативно-розыскной деятельности, тем более, что факты возбуждения уголовного дела на основании только лишь оперативной информации имеют место, полагаю, что на одной лишь оперативной информации, не закрепленной процессуальным путем, возбуждение уголовного дела по ст. 210 УК РФ будет преждевременным и может повлечь за собой прекращение дела либо оправдание виновных. Ярким свидетельством этого являются результаты рассмотрения Оренбургским областным судом уголовного дела по обвинению «И», который оправдан по ч. 1 ст. 210 УК РФ в связи с тем, что выводы о создании преступного сообщества с целью сбыта наркотиков были основаны только на оперативно-розыскных данных[3].

О.Д. Жук полагает, что поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 210 УК РФ может служить как рапорт должностного лица, так и заявление, а также явка с повинной[4]. Не оспаривая мнение О.Д. Жука,

---

[1] Романов А. И. Первоначальный этап расследования уголовных дел об организации преступного сообщества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 110.

[2] Цветкова А.С. Процессуальные проблемы расследования уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8

[3] Уголовное дело № 02-11/2005 // Архив Оренбургского областного суда.

[4] Жук О.Д. Проблемы уголовного преследования в досудебном производстве

так как указанные поводы, возбуждению уголовного дела предусмотрены ч. 1 ст. 140 УПК РФ, мы лишь отметить, что с учетом специфики рассматриваемого преступления из заявления и явки с повинной следователю затруднительно сделать вывод о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, которые будут свидетельствовать о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ.

Потерпевшего в том смысле, в котором он предусмотрен действующим законодательством, по данному виду преступлений нет. Заявление от этого участника уголовного судопроизводства может быть подано в правоохранительные органы при совершении в отношении него членами преступного сообщества базового преступления (то есть, преступления, для совершения которого собственно и создано преступное сообщество), поэтому в нем не будут содержаться признаки, указывающие на создание самого преступного сообщества. В лучшем случае при рассмотрении такого заявления можно сделать вывод о деятельности преступной группы. Поэтому при наличии данного повода основания для возбуждения дела по ч. 1 ст. 210 УК РФ следствием могут быть и не усмотрены.

Сложным представляется и возбуждение дела по заявлению иного лица, даже в том случае, если оно обладает информацией о деятельности преступного сообщества, так как в соответствии с нормами УПК РФ срок рассмотрения заявления – 3 дня, а в исключительных случаях – 10 дней, что представляется недостаточным для установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренные ст. 210 УК РФ.

Продление доследственной проверки до 30 суток возможно лишь при наличие условий предусмотренных ч. 3 ст. 144 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ), то есть при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий, что, безусловно, расширяет круг возможности следователя для принятия мер направленных на установление оснований возбуждения уголовного дела.

Аналогичная ситуация может быть и по явке с повинной.

Поводом для возбуждения уголовного дела является и постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Здесь сражу же встает вопрос о наличии возможности у прокурора собрать соответствующий материал о создании преступного сообщества. Возникает вопрос и об источниках получении проку-

---

по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций): монография. М., 2004. С. 114.

ром такой информации. Сведения о создании преступного сообщества могут быть получены при осуществлении прокурорского надзора за уголовными делами, производство по которым приостановлено, хотя основную роль по этой категории дел должна играть оперативно-розыскная деятельность, в этом случае надзор за следствием должен сочетаться с надзором за ОРД.

Источник получения данных о создании преступного сообщества может быть и в уголовных делах, направляемых прокурором в суд (если речь идет о привлечении к уголовной ответственности отдельных участников этого криминального формирования по конкретным эпизодом преступной деятельности). Нельзя исключить и средства массовой информации, анализ различных направлений хозяйственно-финансовой деятельности коммерческих структур, наркоситуации в регионе и др.. В связи с этим напрашивается вывод, о том, что прокурор прежде чем направить такой материал в орган следствия, должен собрать «мозаику» и решить уравнение со множеством неизвестных, что на практике будет крайне затруднительно, а порой и невозможно.

Поэтому поводом для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 210 УК РФ о создании преступного сообщества (преступной организации) должен служить рапорт следователя, в котором на основе глубокого анализа имеющихся в его распоряжении материалов будут изложены основания для возбуждения дела.

В.М. Быков

Использование следователем специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела

Федеральный закон РФ от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Закон № 23) разрешил производство в стадии возбуждения уголовного дела назначение и производство судебной экспертизы[1].

Однако новый закон, при всей его положительной оценке нами, не лишен некоторых недостатков. Так, например, в нем нет никаких указаний на право следователя и дознавателя в стадии возбуждения уголовного дела истребовать заключение специалиста. Думается, что это упущение законодателя. Дело в том, что для производства судебной экспертизы, как правило, эксперту требуется определенное время для проведения исследования.

В некоторых случаях для обоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела следователю было бы достаточно получить

[1] Российская газета. 2013. 6 марта.

заключение специалиста, так как его получение не связано с исследованием объектов. Ранее мы уже отмечали, что заключение специалиста отличается от заключения эксперта тем, что специалист, в отличие от эксперта, по представленным ему объектам не проводит никаких исследований[1].

Эту нашу позицию относительно заключения специалиста поддержал Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Верховный Суд РФ указал, что специалист не проводит исследования вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами[2].

По нашему мнению, специалист, как правило, основывает свое заключение только на своем профессиональном опыте и внешнем осмотре представленного на заключение объекта, полного исследования объекта специалист не проводит. Ограничиваясь внешним осмотром представленных ему объектов – документов, предметов и веществ, специалист свои специальные познания и профессиональный опыт использует только для формирования своего суждения и мнения о сущности и отдельных признаках объекта, которые представляет в своем заключении. Практически для принятия следователем обоснованного решения о возбуждении уголовного дела этого заключения специалиста бывает вполне достаточно.

Закон № 23 дополнил ч. 1 ст. 144 УПК РФ новой ч. 1-2 следующего содержания: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению».

Под стороной защиты в соответствии с главой 7 УПК РФ в данном случае законодатель понимает не только защитника, но и подозреваемого, обвиняемого, законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, гражданского ответчика и его представителя. Следовательно, в соответствии с новой нормой ходатайство следователю о назначении дополнительной и повторной экспертизы имеет право любой из указанных участников уголовного процесса со стороны защиты.

---

[1] Подробнее о заключении специалиста см.: Быков В.М. Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. С. 21-24; Он же. Заключение и показания специалиста как новые виды доказательств // Право и политика. 2006. № 3. С. 131-136.

[2] Российская газета. 2010. 30 декабря.

Необходимость назначения дополнительной или повторной экспертизы объясняется тем, что поскольку судебная экспертиза проводилась на стадии возбуждения уголовного дела, то указанные участники уголовного процесса со стороны защиты, а также потерпевший, не могли воспользоваться своими правами, указанными в ст. 198 УПК РФ.

Обратимся к уголовно-процессуальному закону. В соответствии с ч. 1 ст. 198 УПК РФ участники уголовного процесса имеют право: знакомиться с постановлением следователя о назначении судебной экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление следователя о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы и давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

В связи с нарушением хотя бы одного из указанных в законе прав участников уголовного процесса со стороны защиты и поступлением от них ходатайства о проведении дополнительной или повторной экспертизы новый закон теперь требует, что следователь обязан это ходатайство удовлетворить. И, таким образом, новое назначение и производство дополнительной или повторной экспертизы является теперь для следователя обязательным.

Но не все так просто. Следователь, наряду с ходатайством стороны защиты о проведении дополнительной или повторной экспертизы, должен еще руководствоваться и другим законом, а именно, ст. 207 УПК РФ, которая как раз и регламентирует назначение дополнительной и повторной экспертизы. Новый закон, как известно, не отменил основания назначения дополнительной и повторной экспертизы, которые указаны в ст. 207 УПК РФ.

Так, ч. 1 ст. 207 УПК РФ устанавливает, что при недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела (а правильнее было бы, на наш взгляд, в законе указать «обстоятельств преступления») может быть назначена дополнительная судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту.

А в ч. 2 ст. 207 УПК РФ указывается, что в случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту.

Указанные в УПК РФ основания назначения дополнительной и повторной экспертизы стали не так давно предметом рассмотрения Пленума Верховного Суда РФ. В этом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28. «О судебной экспертизе по уголовным делам» рассмотрены наряду с другими вопросами также и основания назначения дополнительной и повторной экспертизы[1].

В п. 13 постановление Пленума Верховного Суда РФ уделено внимание дополнительной судебной экспертизе. Основаниями для назначения дополнительной экспертизы, как указывается в постановлении, являются недостаточная ясность или полнота заключения эксперта либо возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела. Далее в постановлении подробно разъясняется, что следует понимать под недостаточной ясностью и неполнотой заключения эксперта.

На наш взгляд, авторам постановления следовало указать еще одно основание назначения дополнительной экспертизы, а именно: когда в уголовном деле появились новые однородные объекты для исследования. Например, после исследования экспертом нескольких поддельных рецептов на получение лекарств, содержащих в себе наркотические средства, в ходе дальнейшего расследования было обнаружено еще несколько таких же рецептов с признаками их подделки. Кроме того, в постановлении Пленума следовало указать, что при назначении дополнительной судебной экспертизы доказательственное значение основной экспертизы не утрачивается.

В п. 15 постановления рассматриваются также основания назначения повторной экспертизы. В соответствии с ч. 2 ст. 207 УПК РФ повторная судебная экспертиза может быть назначена в случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или при наличии противоречий в выводах экспертов по тем же вопросам, производство которой поручается другому эксперту. При этом авторы постановления так раскрывают понятие необоснованности заключения эксперта: недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования.

Кроме того, как указывается в постановлении Пленума, суд также вправе назначить повторную экспертизу, если установит факты нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства при назначении и производстве судебной экспертизы, которые повлияли, или могли повлиять на содержание выводов эксперта. Однако опыт расследования и судебного рассмотрения уголовных дел показывает, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ основания повторной судебной экспертизы указаны неполно.

---

[1] Российская газета. 2010. 30 декабря.

На наш взгляд, в рассматриваемом постановлении должны быть указаны дополнительно следующие основания назначения повторной экспертизы: экспертиза проведена некомпетентным лицом; эксперт не ответил на все вопросы следователя или суда; последующее заключение специалиста оспаривает выводы эксперта; заключение эксперта противоречит другим доказательствам по уголовному делу; в уголовном деле имеются обоснованные ходатайства сторон о проведении повторной экспертизы[1].

Так как же следователю следует решать вопрос о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы? Поскольку при проведении судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела возможно будут возникать ситуации, когда права участников уголовного процесса со стороны защиты и потерпевшего окажутся полностью или частично нарушенными. Означает ли это, что любое ходатайство о таком нарушении влечет за собой обязательное назначение следователем дополнительной или повторной экспертизы?

Или следователь, получив ходатайство участников уголовного процесса со стороны защиты или потерпевшего о проведении дополнительной или повторной экспертизы, должен руководствоваться рекомендацией постановления Пленума Верховного Суда РФ? А Верховный Суд РФ указывает, что суд, в нашем случае – следователь, вправе назначить повторную экспертизу, если установит факты нарушения процессуальных прав участников судебного разбирательства при назначении и производстве судебной экспертизы, которые повлияли, или могли повлиять на содержание выводов эксперта.

Мы склоняемся ко второму варианту решения этой проблемы. Нам представляется, что в случаях, когда следователь назначил и провел судебную экспертизу в стадии возбуждения уголовного дела, и после этого к нему поступает ходатайство участников уголовного процесса со стороны защиты, то действия следователя должны быть следующими.

Прежде всего, следователь должен этих лиц познакомить с заключением эксперта, разъяснить его содержание, а также юридическое значение этого заключения эксперта для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела. При этом в распоряжении следователя имеются следующие варианты действий:

1) следователь отказывает в удовлетворении ходатайства заинтересованных лиц о назначение дополнительной или повторной экспертизы, ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда РФ и указывая на то, что допущенные нарушения прав участников уголовного

---

[1] См. подробно: Быков В.М. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий // Право и политика. 2011. № 2. С. 214-221.

процесса при назначении и производстве судебной экспертизы никак не повлияли на содержание выводов эксперта.

2) руководствуясь новым законом, следователь немедленно удовлетворяет ходатайство заинтересованных лиц и назначает дополнительную или повторную экспертизу;

3) следователь просит заинтересованных и подавших ходатайство лиц о назначении дополнительной и повторной экспертизы согласиться на время отложить разрешение заявленного ими ходатайства до проведения следователем других следственных действий – допроса свидетелей, подозреваемого или обвиняемого, назначение и производство других судебных экспертиз, после чего разрешить заявленное ходатайство о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы.

Оценим эти возможные решения следователя при заявлении ходатайств участников процесса со стороны защиты и потерпевшего с позиции нового закона. Первый вариант решения следователя нам представляется весьма сомнительным. По существу, следователь, оправдывая свою позицию постановлением указанного Пленума Верховного Суда РФ, и отказывая в назначении просимых участниками процесса судебных экспертиз, нарушает их права и законные интересы. К тому же надо иметь в виду, что рекомендации постановления Пленума Верховного Суда РФ были им сформулированы еще до принятия рассматриваемого нового закона.

Второе возможное решение следователя соответствует полностью новому закону, в котором указано, что заявленные ходатайства подлежат удовлетворению. Однако в этом решении содержатся и определенные минусы. Существует опасность, что новые судебные экспертизы будут формально проведены, но новых доказательств не дадут, значение их для законного разрешение уголовного дела окажется ничтожным и их проведение только может привести к волоките и нарушению сроков следствия.

Третий вариант решения следователя нам кажется предпочтительнее, если только лица, подавшие ходатайства о назначении дополнительной или повторной экспертизы, проявят добрую волю и добровольно согласятся со следователем, что целесообразно вопрос о назначении экспертиз следует на время отложить. На наш взгляд, отложенное решение о назначении просимых заинтересованными лицами судебных экспертиз, не ведет к нарушению закона. Однако следует иметь в виду, что в стадии возбуждения уголовного дела не все судебные экспертизы могут быть назначены. Так, например, С. Шишков обоснованно указывает, что «очные судебно-психиатрические экспертизы в порядке ст. 144 УПК проводиться не могут и не должны»[1].

---

[1] См. подробно: Шишков С. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Закон-

В.В. Бычков

К вопросу о сроках проверки сообщений о преступлениях

Законодателем продекларировано, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Однако, на мой взгляд, в стадии возбуждения уголовного дела конституционные права граждан не обеспечены на должном уровне.

С начала действия УПК РФ срок проверки сообщения о преступления не должен был превышать 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Однако срок проверки мог быть продлен до 10 суток (ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ в ред. от 18.12.2001). С 2003 г. проверку сообщений о преступлениях стало возможным продлевать до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Причем если изначально к условиям продления проверки до 30 суток относилось только необходимость проведения документальных проверок или ревизий, то в настоящее время – это производство документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, проведение оперативно-розыскных мероприятий. То есть если раньше длительная проверка касалась только сообщений об экономических преступлениях, то теперь – всех уголовно-наказуемых общественно опасных деяний.

Если только проверка сообщения о преступлении длится месяц, о каких разумных сроках может идти речь? Кстати к данной стадии не могут применяться положения ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства» УПК РФ, введенной законодателем в 2010 г., так как определение разумного срока уголовного судопроизводства начинается с момента осуществления уголовного преследования (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ). В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством под уголовным преследование понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Другими словами, уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, а в стадии его возбуждения «разумность сроков» не предусмотрена.

По мнению специалистов[1], нарушения в этой сфере носят распространенный характер.

Причем проблемность разумности срока данной стадии подчеркнута введением в норму ст. 144 УПК РФ требования о получении в ходе проверки сообщения о преступлении заключения эксперта в разумный

ность. 2013. № 10. С. 37-42.

[1] Меркушев Н.А. Надзор за соблюдением разумных сроков на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 4. С. 39-41.

срок (ч. 1). Однако законодательное требование не соотносится с ведомственными нормативными актами.

В Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденной Приказом Минюста РФ от 20.12.2002 № 347[1], сроки производства абстрактны и определяются руководителем экспертного учреждения. Хотя Методическими рекомендациями по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденных Приказом Минюста РФ от 20.12.2002 № 346[2] сроки производства судебных экспертиз устанавливаются в пределах 30 календарных дней.

В Методических рекомендациях по применению норм затрат времени на производство экспертиз для определения норм экспертной нагрузки государственных судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ, утвержденных Приказом Минюста РФ от 22.06.2006 № 241[3], сроки производства экспертиз также не определены. Хотя экспертизы дифференцированы по степени сложности на три категории: 1 – экспертизы, имеющие до трех признаков сложности; 2 – имеющие три признака сложности; 3 – имеющие четыре признака сложности. Причем срок производства судебных экспертиз, имеющих не менее пяти признаков сложности, в каждом конкретном случае согласовывается с лицом, назначившим экспертизу, с представлением обоснования, подписанного экспертом и согласованного с руководителем учреждения. При определении сложности судебной экспертизы рекомендуется учитывать следующие признаки: 1) многообъектность (более 3 объектов или более 200 листов материалов дела, представленных на исследование); 2) множественность поставленных вопросов (свыше трех вопросов,

---

[1] Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 5.

[2] Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 № 346 «Об утверждении методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Приказ Минюста РФ от 22.06.2006 № 241 (в ред. от 19.03.2008) «Об утверждении норм затрат времени на производство экспертиз для определения норм экспертной нагрузки государственных судебных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации и методических рекомендаций по их применению» // Бюллетень Минюста РФ. 2006. № 10.

требующих проведения исследований); 3) потребность в применении трудоемких методов и сложных инструментальных средств, технологический регламент которых превышает 5 дней, в проведении модельных экспериментов для решения конкретных экспертных задач; 4) необходимость разработки новых расчетных моделей и частных методик исследования для решения поставленных вопросов; 5) отнесение экспертизы к комплексной либо повторной, либо межведомственной; 6) необходимость выезда на место происшествия либо осмотра объектов, находящихся вне территории СЭУ, либо проведения исследования на базе других учреждений.

Согласно Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы, утвержденной Приказом МЧС РФ от 19.08.2005 № 640[1], экспертизы в судебно-экспертном учреждении или экспертном подразделении ФПС проводятся, как правило, в срок, не превышающий двадцати суток. Однако в случаях, когда требуется исследовать значительный объем материалов, применить продолжительные по времени методики исследования, а также при наличии значительного количества ранее назначенных и находящихся в производстве судебных экспертиз, руководителем судебно-экспертного учреждения или экспертного подразделения ФПС устанавливается иной срок производства судебных экспертиз.

В соответствии с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД РФ от 29.06.2005 № 511[2], срок производства экспертизы, как правило, не должен превышать пятнадцати суток. Однако может быть установлен более длительный срок производства экспертизы в случаях: исследования значительного объема материалов, применения продолжительных по времени методик исследования, при наличии в производстве у эксперта значительного количества экспертиз. Причем при наличии объективных оснований, указывающих на невозможность выполнения экспертизы в установленный срок, может быть установлен новый срок производства экспертизы. После устранения лицом (органом), назначившим экспертизу, причин, препятствующих производ-

---

[1] Приказ МЧС РФ от 19.08.2005 № 640 «Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 49.

[2] Приказ МВД РФ от 29.06.2005 № 511 (в ред. от 15.10.2012) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 35.

ству экспертизы, оно может быть возобновлено, при этом срок производства экспертизы продлевается на количество дней, затраченных на устранение данных причин. Кроме того, в случаях болезни, командировки эксперта, имеющего в производстве экспертизу, руководитель продлевает срок ее производства данным экспертом либо поручает производство судебной экспертизы другому эксперту по согласованию с лицом (органом), назначившим экспертизу.

На практике производство экспертизы может быть затянуто на многие месяцы. Поэтому в большинстве случаев сроки производства экспертизы согласовываются между экспертом и лицом, назначившим экспертизу, на основе личных взаимоотношений. А производство экспертиз, о которых не интересуются, отодвигается на неопределенный срок.

В настоящее время срок стадии возбуждения уголовного дела (до 30 суток – ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ) сравнялся с «обычным» дознанием без продления (до 30 суток – ч. 3 ст. 223 УПК РФ) и стал больше, чем срок сокращенного дознания с его продлением (до 20 суток – ч. 1 и 2 ст. 226.6 УПК РФ).

Тем самым, гарантируемая государством гражданину судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) отодвигается на неопределенное будущее.

Таким образом, стадия проверки сообщения о преступлении, так называемая стадия возбуждения уголовного дела, утратив былое значение и правозащитный потенциал[1], фактически превратившись в ещё одну форму расследования, является источником нарушения конституционных прав граждан и тем самым должна быть упразднена.

На мой взгляд, не стадия возбуждения уголовного дела и установленный процессуальный порядок этой стадии являются для потерпевшего единственной и необходимой процедурой доступа к правосудию, гарантированной ст. 52 Конституции РФ[2], а именно немедленное возбуждение уголовного дела. Дознание или предварительное следствие должно начинаться с момента получения сообщения о преступлении. Должностное лицо, уполномоченное принимать и разрешать сообщения о преступлениях, обязано немедленно выносить постановление о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о передаче сообщения по подследственности. Причем отказ в возбуждении уголовного дела может быть только в случаях явного

---

[1] Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38-40; Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.

[2] Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3-6.

отсутствия события преступления или состава преступления. В случае малейшего сомнения – возбуждение уголовного дела. Только в рамках возбужденного уголовного дела возможно полное обеспечение конституционных прав всех участников уголовного процесса.

С.В. Валов

Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra

Одним из дискуссионных вопросов дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства является модель начала уголовного судопроизводства. Сложились две научные концепции – отказа и сохранения стадии возбуждения уголовного дела, сторонники которых высказывают различные аргументы в пользу каждой из них. Каждый из аргументов в рамках названных концепций отражает определенные взгляды ученых, базирующиеся на восприятии ими фактов, явлений и процессов, характеризующих в историческом развитии выполнение возложенной на государство обязанности способствовать членам социума в самозащите принадлежащих им прав или защищать правовыми средствами нарушенные противоправными действиями права и свободы лиц, пребывающих на территории, находящейся под его юрисдикцией.

Полагаем, что дифференциация государством степени общественной опасности противоправных деяний закономерно влечет за собой разграничение видов, содержания и порядка судопроизводства и мер государственного принуждения, применяемых к нарушителям. На фоне данной тенденции поиск новых или совершенствование устоявшихся форм реагирования государства на противоправные деяния выглядит вполне обоснованным. Есть и два других следствия из данной тенденции: во-первых, многообразие нормативно установленных порядков реагирования уполномоченных государством должностных лиц и органов на заявления и сообщения о противоправных деяниях или происшествиях настоятельно требует согласования их между собой, выработки четких критериев, позволяющих правоприменителю, находящемуся в большинстве случаев в состоянии информационной неопределенности, облечь в нужную правовую форму свои действия и решения по применению делегированной ему государственной власти к конкретным юридическим фактам; во-вторых, исходя из общности отношений, возникающих между государством и личностью при рассмотрении обращений, при всем разнообразии нормативно установленных в законах порядков должны быть сформулированы общие для всех них положения.

В настоящее время установлено несколько видов порядка рассмотрения государством обращений (заявлений и жалоб) граждан и иных

лиц за содействием в реализации, восстановлении или защитой от нарушения принадлежащих им прав, свобод или законных интересов или нарушении законов и иных нормативных правовых актов. Правоотношения, связанные с реализацией закрепленного Конституцией РФ права на обращение в государственные органы, регулируются Федеральным законом РФ от 2.05.2006 № 59-ФЗ[1], за исключением обращений, которые подлежат рассмотрению в порядке, установленном федеральными конституционными законами и иными федеральными законами. Следовательно, порядок рассмотрения сообщений о преступлениях является одной из разновидностей реагирования государства на обращения, поступающие от находящихся на его территории лиц. Сравнительный анализ моделей рассмотрения обращений граждан и иных лиц к государству в различных порядках показывает, что до применения властных полномочий должностные лица и органы обязаны убедиться в достоверности представленной им информации и наличии достаточных юридических оснований для принятия мер в отношении тех субъектов материальных правоотношений, которые согласно утверждению другой стороны нарушили установленный государством правопорядок. Федеральным законом РФ от 2.05.2006 № 59-ФЗ предусмотрены ряд мер, позволяющих оставить обращение без ответа, не давать ответ на обращение, прекратить переписку и др. (ст. 11). В арбитражном процессе применяется оставление искового заявления без движения (ст. 128 АПК РФ). Гражданскому процессу известны отказ в принятии заявления о вынесении судебного приказа и отказ в принятии искового заявления (ст. 125 и 134 ГПК РФ). Невозможность применения мер административного принуждения должна быть зафиксирована мотивированным определением об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении (ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ). В этой связи норма о возможности отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном судопроизводстве (ст. 148 УПК РФ) не выглядит чем-то особенным в парадигме процессуальной науки и процессуального законодательства в целом. Отказ уполномоченного государством органа или должностного лица в возбуждении уголовного дела имеет несколько правовых последствий: во-первых, в решении содержится обоснованное и мотивированное указание на невозможность применить именно уголовно-процессуальные меры (власть) для защиты действительно или предполагаемо нарушенного права или законного интереса обратившегося к государству лица; во-вторых, в зависимости от результатов проверки сведений, изложенных в заявлении, решение должно определять дальнейшее направление действий государства по защите действительно нарушенного права или законного интереса обративше-

[1] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 2.05.2006 № 59-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

гося. Полагаем, что в связи с этим нормы УПК РФ, касающиеся формулировки решения об отказе в возбуждении уголовного дела должны быть согласованы с его функциональным назначением. В качестве одного из предложений может быть рассмотрена возможность расширения перечня решений, принимаемых по результатам проверки сообщения одновременно с отказом в возбуждении уголовного дела, например, включение в ч. 1 ст. 145 УПК РФ рекомендации обращения в суд в порядке гражданско-правового и иного судопроизводства. Большинство жалоб на решения об отказе в возбуждении уголовного дела вызвано тем, что считающее себя пострадавшим от противоправного деяния лицо видит в постановлении предписание о том, что из его ситуации «выхода нет». Указание в решении на принадлежащее ему право принесения жалобы неоправданно сужает алгоритм последующих действий пострадавшего по дальнейшей защите своего действительно нарушенного права в том порядке, который соответствует характеру и степени общественной опасности правонарушения.

Наиболее сложным с практической точки зрения является вопрос о формировании правовых средств проверки сведений, адекватных поступившей информации, и оценки правильности выбранного конкретным правоприменителем средств в том или ином случае. Оценка действий лиц, осуществлявших проверку заявлений и принимавших по ним решений, проводится, как правило, прокуратурой или судом. На практике именно от их мнения зависят правомерность принятого решения и достаточность мер по проверке сообщения. Выбранный исполнителем и его руководителем способ реагирования на сообщения о происшествиях не всегда удовлетворяет другого правоприменителя, обладающего правом оценки ранее принятого решения. Так, в 2011-2012 гг. отменено каждое 4 решение об отказе в возбуждении уголовного дела, принятое сотрудниками органов внутренних дел. По 12% из них одновременно были возбуждены уголовные дела[1]. Генеральная прокуратура РФ, указывая МВД России на несоблюдение требований законов, действующих в сфере уголовно-правовой регистрации, и создание препятствий потерпевшим на доступ к правосудию, обращает внимание, что «органами внутренних дел затрачиваются значительные силы и средства для проверки сообщений, не содержащих информации о преступлениях. Проводится большое количество процессуальных проверок по сообщениям о громко играющей музыке, посторонних лицах в подъездах домов … бытовых травмах некриминального характера»[2]. Вместе с тем, в разъяснениях порядка разрешения и регистра-

---

[1] Сведения по форме 2-Е за 2011 г. и 2012 г. М., 2012, 2013.

[2] Представление Заместителя Генерального прокурора РФ В.В. Малиновского в адрес МВД России от 13.05.2010 № 69-14-2010 о нарушении требований уголовно-процессуального законодательства при приеме, регистрации, учете и рассмотрении

ции материалов о дорожно-транспортных происшествиях указывалось, что производство осмотра места такого происшествия «в соответствии с требованиями УПК РФ не является само по себе основанием для проведения доследственной проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела в установленные ст. 144 УПК РФ сроки», лишь наличие достаточных данных о признаках преступления может расцениваться в качестве основания для начала такой проверки[1]. Следовательно, испытывающий дефицит времени и сведений правоприменитель, рассматривающий сообщение об имевшем место нарушении права, должен избрать из всего множества доступных ему вариантов единственно верный способ проверки изложенной в сообщении информации. С учетом того, что значительная часть моделей наиболее распространенных противоправных нарушений, предусмотренных отраслями материального права, отличаются друг от друга некоторыми сходными элементами своих составов, правоприменитель выбирает для проверки информации способ, соответствующий наиболее опасному нарушению, полагая, что начатая в определенном порядке проверка должна заканчиваться в соответствии с предусмотренным этим порядком решением. На этом фоне дифференциация в МВД России функций регистрации, проверки и разрешения сообщений о происшествиях привела к двум противоположным тенденциям, которые не могут игнорироваться приверженцами обеих концепций реформирования начала уголовного судопроизводства. Суть тенденций в следующем: в 2007-2013 гг. число зарегистрированных ОВД сообщений о различных происшествиях возросло с 20,5 до 28,3 млн, а доля среди них сообщений о преступлениях уменьшилась с 54,3 до 41,3%. При этом в общей массе сообщений, рассмотренных в уголовно-процессуальном порядке, доля решений о возбуждении уголовного дела сократилась с 26,6 до 15,1%. Следовательно, по 85% сообщений проводились процессуальные действия до возбуждения уголовного дела, а решение о его возбуждении не принималось. Более того, по 57% из всех для него не было найдено достаточных оснований[2].

Решение данной проблемы видится не в расширении перечня процессуальных действий, которые могут быть проведены до возбуждения уголовного дела, а в формировании отвечающей потребностям времени и возможностям правоохранительных органов предусмотренной отдельным нормативным правовым актом системы действий, позволя-

---

сообщений о преступлениях.

[1] Письмо начальника Главного управления по надзору за процессуальной деятельностью органов прокуратуры, внутренних дел, юстиции и исполнением таможенного законодательства Генеральной прокуратуры РФ А.П. Кизлыка от 3.11.2004 № 16-14-03.

[2] Используются ежегодные сведения по форме 2-Е за указанный период.

ющих при соблюдении установленных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина проверить поступившие в уполномоченные государственные органы сообщения о противоправных деяниях и принять решение о дальнейших действиях уполномоченных должностных лиц (органов) в порядке соответствующего судопроизводства. Рассматриваемая система должна включать в себя регистрационные действия, лежащие в основе формирования уголовной и прочей статистики, отражающей взаимосвязанные виды правонарушительства.

В завершение статьи приведем слова А.А. Квачевского, обращенные к реформаторам уголовного судопроизводства: «… идеи, свободно развертывающиеся во всей их полноте в области мышления, только в ней получают цельность и достигают совершенства, но при практическом приложении к различным обстоятельствам суровой, неуступчивой действительности, встречают неодолимый отпор, так что волею неволею должны пожертвовать ей хоть известною долей своего содержания и объема»[1]. В связи с этим дискуссия о направлениях реформирования начала уголовного судопроизводства должна идти конструктивно, с взаимным уважением системы аргументов и выдвигаемых предложений с обязательной оценкой разработанных проектов реформирования практическими сотрудниками.

Т.В. Валькова

О реформировании стадии возбуждения уголовного дела

Вопросы, возникающие при возбуждении уголовного дела, на протяжении продолжительного периода остаются в поле зрения и ученых-процессуалистов, и законодателей. В последнее время внесены существенные изменения в УПК РФ в части регламентации доследственной проверки и расширения полномочий компетентных должностных лиц правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела. Существовавший ранее дисбаланс полномочий следователя и сотрудника органа дознания, а также отдельные ведомственные преимущества[2] частично были устранены внесенными изменениями в ст. 144 УПК РФ.

---

[1] Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. СПб, 1866. С 15-16.

[2] См. подробно: Валькова Т.В. Правовая регламентация проверки сообщения о преступлении // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. (26.10.2012). М., 2012. С. 67-75.

Получив сообщение о преступлении, сотрудник правоохранительного органа: следователь, дознаватель, сотрудник органа дознания, обязаны его проверить в течение 3 суток, предусмотрено продление данного срока до 10, а по отдельным основаниям – до 30 суток. При проведении проверки допускается производство процессуальных и некоторых следственных действий, необходимость в которых обусловлена тем, что только при их производстве возможно установление признаков преступления или их отсутствие, и они не затрагивают существенно конституционные права и свободы человека. К таковым уголовно-процессуальное законодательство относит:

- процессуальные действия: получение объяснения; получение образцов для сравнительного исследования; истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ; требование о производстве документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов; дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий; требование от редакции, главного редактора соответствующего СМИ передачи имеющихся документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данных о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации (по сообщению о преступлении, распространенному в средствах массовой информации), а также

- следственные действия: назначение судебной экспертизы, участие в её производстве и получение заключения эксперта в разумный срок; производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов; производство освидетельствования (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Для производства других следственных действий, применения мер принуждения необходимо установить признаки преступления и принять процессуальное решение, свидетельствующее о необходимости уголовного преследования.

По результатам проверки сообщения о преступлении может быть принято из решений, указанных в ст. 145 УПК РФ: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности.

Несмотря на то, что внесенными изменениями устранены определенные противоречия и учтены предложения и практических работников, и ученых о возможности в необходимых случаях производства экспертизы, в настоящее время активно стал обсуждаться вопрос об упразднении стадии возбуждения уголовного дела.

Министерством внутренних дел предпринимается попытка проведения т.н. «второй волны» реформы МВД России. Расширенной рабочей группой при МВД Российской Федерации по дальнейшему рефор-

мированию органов внутренних дел составлена «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации», в которой закреплены основополагающие положения, касающиеся реформы. В их числе и упразднение стадии возбуждения уголовного дела[1].

Так, предусмотрено, что дальнейшее развитие системы учета и регистрации заявлений и сообщений о преступлениях предполагает введение международных стандартов, действующих в большинстве стран Европы, а также в США по этим вопросам. Представляется необходимым подготовить проект федерального закона о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Для разработки правовых новаций необходимо тщательно изучить существующий зарубежный опыт организации уголовного судопроизводства; выбрать наиболее оптимальную для нашей страны модель; определить комплекс требуемых изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство и с учетом экономической составляющей процесса перехода на нее обсудить такую возможность со всеми заинтересованными ведомствами – участниками уголовно-процессуальных отношений, широкой общественностью.

Пунктом 4.5 «Дорожной карты» предложено рассмотрение процессуальной модели, согласно которой по поступившему заявлению, сообщению о преступлении следователь, дознаватель, орган дознания начинают производство по уголовному делу.

Фактически возникает необходимость отказаться от института возбуждения уголовного дела в российском понимании, трансформировав его в институт начала уголовного судопроизводства. Данный институт должен включать следующую систему действий, реализуемую органами дознания на основе закона и с учетом конституционных гарантий прав человека: 1) принятие, регистрация сообщения о преступлении; 2) проверка сообщения о преступлении – собирание доказательств; 3) применение меры процессуального принуждения – задержание (сроком до 48 часов без судебного решения); 4) производство следственных действий (допрос подозреваемого, потерпевшего, свидетеля; обыск; прослушивание и запись телефонных переговоров и иных неотложных следственных действий).

Согласно положениям, содержащимся в «дорожной карте», институт начала уголовного судопроизводства реализуется органом дознания, о следователях ничего не сказано. Не совсем понятны содержание и разница проверки сообщения о преступлении – собирание доказательств (п. 2), и производство следственных действий (п. 4) в контексте предлагаемых нововведений. Если предлагается стадию возбуждения уголовного дела упразднить, то как таковой проверки существовать не

[1] URL: mvd.ru/upload.

будет, сразу возможно собирание доказательств путем производства следственных действий.

В теории уголовного процесса взгляд на значение и целесообразность стадии возбуждения уголовного дела сложился неоднозначный и нам представляется нецелесообразным отказываться от данной стадии уголовного процесса, достаточно немного изменить ее правовую регламентацию.

Ежегодно, по данным МВД России, рассматривается более 20 миллионов заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, и только почти по каждому шестнадцатому сообщению принимается решение о возбуждении уголовного дела[1]. Проводимая проверка позволяет быстро разграничить совершенные правонарушения и по степени тяжести и задействовать силы правоохранительных органов по их документированию.

Возбуждение уголовного дела является важной мерой реагирования государства на подготавливаемые, совершаемые и совершённые общественно опасные деяния. В настоящее время данная мера реагирования является достаточно эффективной и не требует значительных затрат времени. Проверочные действия направлены на установление признаков преступления, которые указываются в специальном процессуальном решении – постановлении о возбуждении уголовного дела, законность и обоснованность которого контролируется руководителями органа дознания и предварительного следствия, надзирающим прокурором и судом.

Копия постановления немедленно направляется прокурору, который безотлагательно проверяет наличие повода и основания для возбуждения уголовного дела, а при их отсутствии отменяет незаконное решение, тем самым не дает возможности органам расследования применять принудительные меры, затрагивающие и ограничивающие конституционные права и свободы граждан.

Копия постановления направляется также заявителю, тем самым он информируется о движении по своему сообщению и имеет возможность незамедлительно обжаловать правильность юридической оценки произошедшего сотрудниками органа дознания или предварительного следствия.

Выносимое постановление дает юридическое основание компетентным должностным лицам применять ограничения к гражданам в виде отдельных следственных действий, носящих принудительный характер (например, обыск, выемка, в том числе в жилище), а также задерживать по подозрению в совершении преступления и избирать меру пресечения.

---

[1] URL: mvd.ru/upload.

Если упразднить данную стадию, то фактически по любому сообщению сотрудники органа дознания и предварительного следствия получат возможность практически бесконтрольно использовать институты уголовно-процессуального права, в том числе мер принуждения и следственных действий, проводимых в случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения. Учитывая количество ежегодно поступающих и рассматриваемых сообщений, существенно увеличится нагрузка органов прокуратуры по надзору за законностью уголовного производства.

Мы предлагаем в условиях реформирования правоохранительной системы не ломать сложившуюся практику проверки сообщений о преступлениях и расследования преступлений, а расширить полномочия в стадии возбуждения уголовного дела – предусмотреть возможность допроса свидетелей, потерпевших, производства следственного эксперимента, выемки предметов, документов. Также предлагаем исключить ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, предусматривающую обязательность удовлетворения после возбуждения уголовного дела ходатайства стороны защиты или потерпевшего о производстве дополнительной или повторной экспертизы. На наш взгляд, такое дополнение идет вразрез с основаниями производства дополнительной и повторной экспертизы, установленными в ст. 207 УПК РФ и делает практически бесполезным проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Предлагаем дополнить ст. 144 УПК РФ и такими полномочиями, как:

- право беспрепятственно входить на территории и в помещения, занимаемые федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности и иметь доступ к их документам и материалам в целях проверки поступившего сообщения о преступлении;

- право входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление.

В.Ф. Васюков

Объяснение как процессуальное средство получения информации на стадии возбуждения уголовного дела

В соответствии с действующим уголовно-процессуальном законодательством любое сообщение о преступлении, поступившее от граж-

дан должно быть не только зарегистрировано, но и в обязательном порядке проверено в максимально сжатые сроки. При этом средствами проверки такого сообщения выступают процессуальные механизмы, предусмотренные статьей 144 УПК РФ.

Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ[1] перечень таких средств был расширен. Процессуальное закрепление получило такое проверочное действие как получение объяснений.

Напомним, что российский и советский уголовно-процессуальный закон содержали упоминание о данном механизме получения вербальной информации от граждан, которые стали жертвами, очевидцами преступления, или заподозренными в их совершении.

Так, в соответствии со ст. 254 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) при производстве дознания полиция была уполномочена «все нужные ей сведения» собирать посредством словесных расспросов. Этим же уставом предусматривалось две формы объяснения – письменная и устная. Например, «обвиняемый» мог дать полиции устные объяснения того, что он задержан по ошибке или недоразумению. При этом правом задержанного лица являлось требование занесения этих объяснений в протокол (ст.ст. 402, 403 УУС)[2].

В соответствии со ст. 415 УПК РСФСР органы дознания были уполномочены получать объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц. Такого рода объяснения были средствами получения информации в рамках сокращенной «протокольной» формы досудебной подготовки материалов. В свою очередь данный закон также прямо указывал на право уполномоченных лиц по поступившим заявлениям и сообщениям истребовать необходимые материалы и получать объяснения, однако без производства следственных действий (ст. 109)[3].

Современным уголовно-процессуальным законодательством до 4.03.2013 такое право не регламентировалось. При этом одним из самых распространенных средств получения информации о преступном событии в процессе проведения доследственных проверок являлись именно устные опросы граждан, которые фиксировались в протокольной форме под названием «объяснение».

Должностные лица, которым было вверено производство предварительных проверок сообщения о совершенном преступлении, дабы подтвердить законность проводимой процедуры, на протяжении десяти

---

[1] Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[2] URL: http://www.ex-jure.ru/law/news.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

лет ссылались на нормы федеральных законов, которыми предусматривалось право получения объяснений.

Например, в соответствии с п. 4 ст. 7 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» сотрудник Следственного комитета РФ при осуществлении процессуальных полномочий, возложенных на него уголовно-процессуальным законодательством РФ, вправе вызывать должностных и иных лиц для объяснений и производства следственных действий при осуществлении досудебного производства[1].

Право полиции получать необходимые объяснения по расследуемым уголовным делам и находящимся в производстве делам об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции предусмотрено п. 3 ст. 13 Федерального закона от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»[2].

Представляется, что отсутствие какого-либо упоминания о возможности получения объяснений в рамках уголовного судопроизводства самым негативным образом отразилось на доказательственном значении этой процессуальной формы получения информации[3].

После 4.03.2013 ситуация, к большому сожалению, практически не изменилась. Во-первых, упоминая о праве получения объяснения в ст. 144 УПК РФ, законодатель не предусмотрел порядок производства данного действия. Поэтому, не исключено, что органы дознания в дальнейшем продолжат оформлять устные опросы граждан «по старинке».

Во-вторых, следует учитывать, что доказательственное значение полученное объяснение может иметь только при условии соблюдения положений ст. 75 УПК РФ, которой предписывается, что недопустимым доказательством документ может стать при условии, если:

1) показания подозреваемого, обвиняемого были даны в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;

---

[1] СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

[2] СЗ РФ. 2011.№ 7.Ст. 900.

[3] Не секрет, что обыденной практикой большинства региональных органов предварительного следствия и судов стало полное игнорирование объяснений в качестве доказательств (как правило, они даже не указывались в обвинительных заключениях).

2) показания потерпевшего, свидетеля были основаны на догадке, предположении, слухе, показания свидетеля были даны без указания источника своей осведомленности;

3) получен без нарушений требований УПК РФ.

Основываясь на этих положениях можно с уверенностью сказать, что дабы стать доказательством по уголовному делу протокол объяснения по форме не должен уступать протоколу допроса.

Например, А.П. Рыжаков рекомендует оформлять объяснение в виде письменного документа, по форме аналогичного протоколу допроса свидетеля (потерпевшего), а в случае допроса лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, – протоколу допроса подозреваемого[1]. Следует согласиться с автором, в связи с тем, что нормами указанной статьи устанавливаются следующие правила:

1) лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении:

- разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ;

- обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ;

- обеспечивается возможность пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ.

2) участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

3) при необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении.

При этом акцентируем внимание на том, что выполнение всех предписанных правил ст. 144 УПК РФ, не гарантирует со стороны опрашиваемого лица соблюдение норм, посвященных обязанностям допрашиваемого. Так, опрашиваемое лицо не обязано отвечать на поставленные ему вопросы; не может быть подвергнуто приводу; а также не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний, соответственно может без по-

---

[1] Рыжаков А.П. Новые средства проверки сообщения о преступлении // СПС «КонсультантПлюс».

следствий для себя вводить в заблуждение органы предварительного следствия.

Не смотря на некоторые изъяны и шероховатости, в получивших новую интерпретацию нормах ст. 144 УПК РФ, следует отметить положительную тенденцию в уголовно-процессуальном законодательстве закрепления формально «утерянных» в свое время средств получения информации на стадии возбуждения уголовного дела.

П.В. Вдовцев

О необходимости дальнейшего совершенствования стадии возбуждения уголовного дела

4.03.2013 в УПК РФ были внесены очередные изменения, принципиально расширившие полномочия следователя (дознавателя) в стадии возбуждения уголовного дела. Необходимость подобного шага была обусловлена объективными потребностями правоприменительной практики. В целом данные нововведения, представляется, следует расценить положительно. Однако некоторые из них требуют пояснения и дальнейшего совершенствования.

Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь при проверке сообщения о преступлении вправе изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ. Учеными-процессуалистами и практическими работниками данное нововведение было воспринято неоднозначно. Как известно, самостоятельного процессуального действия «изъятие» не существует[1]. Оно является составной частью таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование, обыск, личный обыск, выемка. Соответственно, возникает вопрос, все ли из указанных следственных действий могут быть произведены в стадии возбуждения уголовного дела. Уголовно-процессуальный закон прямо указывает на возможность проведения при проверке сообщения о преступлении из перечисленных только осмотра и освидетельствования (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Прояснить же возможность осуществления прочих из них можно, лишь предварительно определившись с вопросом о допустимости в стадии возбуждения уголовного дела государственного принуждения. Традиционно считается, что применение такового в этой стадии ограничено. Это положение обусловлено стоящей перед стадией возбуждения уголовного дела задачей, которая в юридической литературе, как правило, формулируется следующим образом: установление оснований к возбуждению уголов-

[1] См., напр.: Цховребова И.А. Новые процессуальные средства проверки сообщений о преступлении: что изменилось // Российский следователь. 2013. № 21. С. 23.

ного дела и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу; установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления; выяснение обстоятельств, которые указывали бы на то, что в данном случае имело место преступное событие либо отсутствие такового[1].

Поскольку вывод о преступном характере исследуемого события может быть сделан только по завершении проверки сообщения о преступлении, постольку следователь в ходе самой проверки сообщения «стеснен» в возможности прибегнуть к государственному принуждению. Вот почему в данной стадии всегда было допустимо производство осмотра. Дело в том, что познавательные возможности названного следственного действия сводятся исключительно к визуальному исследованию места осмотра, ограничивая при этом возможность нарушения его целостности. Поэтому же в стадии возбуждения уголовного дела производство обыска и выемки всегда было запрещено. Познавательные возможности указанных следственных действий предполагают государственное принуждение в куда более значительной степени, допуская активный с принудительным преодолением возникающих препятствий поиск орудий преступления, предметов, документов, ценностей, имеющих значение для уголовного дела. Отличия осмотра, обыска (выемки) по признаку их познавательных возможностей подчеркивалось в юридической литературе и раньше. Как отмечает, например, В.Н. Курченко, если в жилище нужно найти и изъять предметы, обнаружить труп или разыскиваемое лицо, то производится обыск. Если же в жилище необходимо исследовать обстановку (наличие и характер повреждения двери, тип запорного устройства, расположение комнат, высоту и размер окон, цвет занавесок и т.п.), данная задача может быть решена путем проведения осмотра[2].

Согласно ч. 3 ст. 177 УПК РФ следователь уполномочен изъять обнаруженные в ходе осмотра предметы, если для производства их осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен. Полномочие же следователя в стадии возбуждения уголовного дела изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), предполагает, думается, не что иное, как реализацию названной в ч. 3 ст. 177 УПК РФ возможности. На это можно возразить, однако, следующее: ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает право следователя изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ, а также, наряду с этим правом, производить

---

[1] См., напр.: Уголовный процесс / под ред. И.Л. Петрухина М., 2001. С. 83; Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 17.

[2] Курченко В.Н. Основные ошибки судей при рассмотрении ходатайств о производстве обыска и выемки // Уголовный процесс. 2012. №4. С. 59.

осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов. Иными словами, зачем законодатель отдельно предусмотрел полномочие следователя изымать предметы и документы, если оно охватывается производством осмотра? Видимо, речь здесь должна идти о каком-то другом правомочии, возможно, о производстве обыска (выемки)? Но подобное толкование не отвечает природе стадии возбуждения уголовного дела. Если производство здесь обыска (выемки), т.е. тех следственных действий, характер которых отличается наивысшей степенью государственного принуждения, допустимо, то какие имеются резоны запрещать производство в этой стадии всех прочих следственных действий. Как представляется, таких резонов нет. А если в этой стадии возможны без ограничений все следственные действия, то она теряет свои границы и сливается со стадией предварительного расследования. Таким образом, положение о праве следователя при проверке сообщения о преступлении изымать предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ, может быть воспринято двояко: либо законодатель допустил очередную неточность, либо перед нами первый нерешительный шаг законодателя на пути к отказу от стадии возбуждения уголовного дела. Представляется, стадия возбуждения уголовного дела должна быть сохранена. Ее будущее видится во внесении соответствующих изменений, уточнений в положения уголовно-процессуального закона.

Н.А. Власова

К вопросу об упразднении стадии возбуждения уголовного дела

В настоящее время остро стоит вопрос об исключении из уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела. Инициаторы этого предложения в обоснование своих идей выдвигают следующие аргументы:

- процессуальный порядок возбуждения уголовного дела неизвестен ни российской дореволюционной, ни романо-германской, ни англосаксонской системе правосудия;
- существующая стадия возбуждения уголовного дела является причиной многочисленных нарушений – сокрытия преступлений от учета, принятия незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела и т.п., что затрудняет доступ граждан к правосудию;
- в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии расследования проводятся процессуальные действия, в результате которых фактически получается одна и та же информация. Это влечет необоснованные

издержки, трату сил и средств правоохранительных органов и граждан[1].

Попытаемся разобраться, действительно ли эти причины являются основанием для исключения стадии возбуждения уголовного дела либо ее необходимо сохранить реформировать.

Действительно, в дореволюционном уголовном процессе нет упоминания о возбуждении уголовного дела. Уголовно-процессуальное законодательство большинства стран Европы также не предусматривает процессуального акта о возбуждении уголовного дела, а регламентирует возбуждение уголовного преследования в отношении конкретного лица. В США решение о возбуждении уголовного преследования оформляется выдачей ордера на арест или обыск.

Однако тщательный анализ отечественного и зарубежного законодательства показывает, что как в дореволюционной России, так и в современных демократических государствах, несмотря на отсутствие процессуального акта о возбуждении уголовного дела, стадия рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях, предшествующая предварительному расследованию, существовала и существует. Прежде чем возбудить уголовное дело (или уголовное преследование), любое национальное законодательство требует установить с помощью предварительной проверки (ее суть не зависит от ее названия) достаточные на то основания[2].

Вместе с тем акт о возбуждении уголовного дела в современном российском уголовном процессе имеет принципиально иное значение по сравнению с возбуждением уголовного преследования по зарубежному законодательству.

Анализ УПК РФ свидетельствует, что в настоящее время процессуальный акт о возбуждении уголовного дела служит правовым основанием для дальнейших следственных и процессуальных действий, является необходимой предпосылкой расследования и судебного производства.

Несомненно, в стадии рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях устанавливаются основания для начала следующей стадии – расследования. Однако само решение о возбуждении уголовного дела должно служить юридическим основанием не для производства следственных действий как таковых, а для применения мер процессуального принуждения, которые должны быть допущены только на ста-

---

[1] Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7-10; Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография / отв. ред. И.С. Дикарев. М., 2012.

[2] См. подробно: Власова Н.А. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела: монография. М., 2001. С. 5-17.

дии расследования, когда уже нет сомнений в том, что совершенное деяние содержит признаки преступления. Именно в этом и должно состоять процессуальное значение акта о возбуждении уголовного дела.

Необходимо признать, что первые шаги в этом направлении уже сделаны: законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ в стадии возбуждения уголовного дела разрешено производить судебную экспертизу, получать образцы для сравнительного исследования, осмотр документов, предметов, трупов. Однако логика законодателя не совсем понятна – почему именно на эти следственные действия пал выбор? Дело в том, что производство ряда следственных действий существенно затрагивает основные права и свободы личности. К ним относятся обыск, наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, контроль и запись переговоров и др. Реальное принуждение содержат в ряде случаев и экспертиза, и освидетельствование, и получение образцов для сравнительного исследования. Иногда производство следственных действий до возбуждения уголовного дела недопустимо не только в силу того, что они связаны с принуждением, но и потому, что они направлены не на установление основания для возбуждения уголовного дела, а на изобличение конкретного лица в совершении преступления, что является задачей следующей стадии уголовного процесса.

На наш взгляд, в стадии возбуждения уголовного дела должно быть разрешено производство любого следственного действия, если оно не содержит реального принуждения и направлено на установление оснований для его применения (основания для возбуждения уголовного дела). Гарантией, защищающей права граждан, может быть согласие заинтересованных лиц на производство следственных действий в стадии рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях. Эти условия производства следственных действий до возбуждения уголовного дела должны быть закреплены в законе.

Расширение перечня следственных действий, производимых до возбуждения уголовного дела, не только устранит необходимость их дублирования, но и сократит время расследования уголовного дела, что позволит скорректировать срок всего досудебного производства, который должен быть единым и исчисляться с момента регистрации повода к возбуждению уголовного дела.

Следует согласиться с противниками стадии возбуждения уголовного дела, что здесь допускается большое количество нарушений. Однако данный факт не является основанием для ее ликвидации.

Если внимательно проанализировать статистические данные МВД, то картина выглядит следующим образом: в 2012 г.[1] было принято 6,4 млн решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Казалось бы, огромная цифра. Но она вовсе не свидетельствует о злоупотреблениях.

[1] Поскольку данных за 2013 г. еще нет, за основу взяты данные за 2012 г.

Во-первых, это решения, принятые по результатам рассмотрения сообщений о *происшествиях (*26,2 млн), а не о *преступлениях!* Во-вторых, из всех постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела было отменено 188 тыс., что составляет 2,9%. На наш взгляд, эти цифры свидетельствуют о нормальном рабочем процессе, в котором могут быть и ошибки, и нарушения. Абсолютно искоренить их невозможно. Это же относится и к укрытию преступлений от учета. Причин этого явления много – и негласное сохранение оценки результатов работы по проценту раскрываемости, и нехватка кадров, и др. Кстати, опыт Украины, отказавшейся от стадии возбуждения уголовного дела, свидетельствует, что количество незарегистрированных преступлений там возросло[1]. Более того, именно правомерный отказ в возбуждении уголовного дела предупреждает напрасные издержки и предотвращает бездумное растрачивание государственных средств.

Рыночная экономика обязывает просчитывать предполагаемые материальные затраты в уголовном судопроизводстве. Но почему-то реформаторы, выступая за упразднение стадии возбуждения уголовного дела, не хотят этого делать. За них расчеты блестяще произвел профессор А.Г. Волеводз[2]: в случае упразднения стадии уголовного дела в 2012 г. расследование было бы автоматически проведено, как минимум, по 27,39 млн заявлений о преступлениях и происшествиях, поступивших только в СК и МВД РФ. На это было бы потрачено 6814 млрд руб.[3], тогда как на 2014 г., например, общие расходы федерального бюджета запланированы в сумме 13960,1 млрд руб.

Добавим к этому, что на расследование тех 6,2 млн уголовных дел, в возбуждении которых обоснованно было отказано в 2012 г., было бы потрачено 1,5 млрд руб., а фактические расходы федерального бюджета в 2012 г. составили 12894, 9 млдр руб.[4]

Кроме напрасных затрат немедленное возбуждение уголовного дела влечет за собой незаконные и необоснованные задержания, аресты, обыски, предъявление обвинения и другие нарушения прав граждан, что также свидетельствует о необходимости сохранения и совершенствования данной стадии.

Для своевременного и обоснованного принятия решения в первой стадии уголовного процесса необходимо четко установить основания

---

[1] URL: http://cripo.com.ua.; http://racurs.ua.

[2] Волеводз А.Г. Половина госбюджета России ежегодно – цена возможной очередной реформы уголовного процесса. Пора бы остановиться. URL: http://viperson.ru.

[3] За основу А.Г. Волеводз взял данные ИПК СК РФ о средней себестоимости одного уголовного дела – 248781 руб.

[4] Федеральный закон от 30.09.2013 № 254-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2012 год» // СПС «КонсультантПлюс».

как для возбуждения уголовного дела, так и для предварительной проверки.

Уголовно-процессуальная деятельность начинается с момента поступления и регистрации повода к возбуждению уголовного дела. Однако поступившее сообщение может вообще не содержать никакой информации о преступлении. Например, о том, что соседи шумно себя ведут и мешают спать; утеряны документы и т.п. В таких сообщениях отсутствует даже намек на признаки преступления. Тем не менее, на практике нередко по таким сообщениям проводится предварительная проверка и выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Из изученных нами 150 «отказных» материалов 26 (17,3%) были посвящены подобным «происшествиям». Разумеется, такие сообщения не могут быть основанием для начала уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, одного повода недостаточно не только для возбуждения уголовного дела, но и для возникновения уголовно-процессуальных отношений. Для этого должны быть еще и основания.

Но если поводы для начала уголовного процесса ничем не отличаются от поводов к возбуждению уголовного дела, то основания для того и другого не могут быть одинаковыми. Разница состоит в том, что для начала первой стадии уголовного процесса достаточно предположения о наличии признаков преступления, а для принятия решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, т.е. для завершения этой стадии, необходимо достоверное знание о наличии или отсутствии этих признаков.

Закон к основанию для возбуждения уголовного дела относит достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК).

Правильное толкование понятий «признаки преступления» и «достаточные данные» предопределяет содержание уголовно-процессуальной деятельности на первом этапе уголовного процесса, а также определяет момент принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В законе четкого понятия признаков преступления нет. Среди ученых и практиков довольно распространено мнение, это есть не что иное, как признаки состава преступления. Для возбуждения уголовного дела необходимо наличие каждого из элементов, характеризующих общественно опасное деяние как преступление.

Это приводит к тому, что в стадии возбуждения уголовного дела очень часто стараются установить все элементы состава преступления, в том числе и субъект, и субъективную сторону, т.е. решить задачи, перед данной стадией не стоящие. Подобное толкование оправдывает в отдельных случаях несвоевременное возбуждение уголовных дел. Между тем, отсутствие каких-либо сведений о субъекте неочевидного

преступления (и, соответственно, о виновности) не только не исключает возбуждения уголовного дела, а скорее, предполагает необходимость этого. Если же основанием для возбуждения уголовного дела признать состав преступления, то незаконным станет каждый случай возбуждения уголовного дела по нераскрытому преступлению.

Анализ ст. 14 УК и ч.2 ст.140 УПК РФ позволяет сделать вывод, что в данном случае речь идет лишь об общественной опасности, противоправности и наказуемости деяния. Во избежание расширительного толкования основания для возбуждения уголовного дела и нерациональных затрат целесообразно было бы ч. 2 ст. 140 УПК изложить в следующей редакции: «Уголовное дело может быть возбуждено только при наличии признаков общественной опасности, противоправности и наказуемости деяния, о котором поступило сообщение и отсутствии обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела».

Понятие «достаточные данные» законом также не определено. В процессуальной литературе по этому вопросу существуют две противоположные позиции: 1) для возбуждения уголовного дела достаточно обоснованного предположения о факте совершенного преступления; 2) возбуждение уголовного дела возможно лишь при условии достоверного вывода о событии преступления.

Представляется, что обе позиции не совсем верны, поскольку речь идет о предположительном или достоверном установлении *факта* преступления. Но в стадии рассмотрения и разрешения сообщений о преступлении можно говорить лишь об установлении вышеназванных *признаков* преступления. А вот они-то должны быть установлены достоверно. Во-первых, закон требует законного и обоснованного возбуждения уголовного дела. Понятие же обоснованности предполагает достоверность сведений, при помощи которых устанавливаются обстоятельства, необходимые для принятия решения и соответствие вывода установленным обстоятельствам. Во-вторых, основанием для принятия любого процессуального решения, является доказанность или недоказанность тех или иных обстоятельств. В данном случае – наличия или отсутствия признаков преступления Решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела не может опираться на домыслы и предположения.

Важно уяснить, что производство каких-либо процессуальных действий для установления указанных признаков вовсе не обязательно по каждому сообщению о происшествии. В нем самом могут содержаться достаточные данные, указывающие на признаки преступления и отсутствие обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела. В таких случаях уголовное дело должно быть возбуждено немедленно. Однако чаще всего из сообщения не ясно, имеются признаки преступления в деянии или нет. В этих случаях для решения вопроса о возбуждении уголовного дела предусмотрена предварительная проверка.

Тем не менее, основание для производства такой проверки законом не установлено. Это приводит к тому, что распространена практика необоснованной проверки даже тех сообщений, которые содержат достаточные данные для возбуждения уголовного дела.

Основанием производства предварительной проверки может быть только отсутствие в полученном сообщении достаточных данных, необходимых для принятия законного и обоснованного решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела. При таком подходе предварительная проверка будет ограничена только теми случаями, когда данные о признаках преступления, содержащиеся в сообщении, носят предположительный характер, вызывают сомнение и еще недостаточны для принятия процессуального решения.

Таким образом, думается, что решение об упразднении стадии возбуждения уголовного дела было бы неуместным, противоречащим всей системе российского уголовного судопроизводства, влекущим негативные последствия. Усилия необходимо направить на совершенствование первоначальной стадии уголовного процесса с тем, чтобы законопослушное поведение стало выгодным, а нарушение закона – нет.

А.Г. Волеводз
П.А. Литвишко

Правовое регулирование стадии начала досудебного производства: международный и зарубежный опыт

На протяжении многих лет отечественные ученые-процессуалисты и практики обсуждают вопрос об упразднении такого института уголовного судопроизводства, как стадия возбуждения уголовного дела. Одновременно на протяжении этого же времени законодатель в интересах практики постоянно совершенствует правовое регулирование этой стадии уголовного судопроизводства. При этом реализованы многие достижения и предложения научных исследований в этой сфере.

Принятие Федерального закона от 4.03.2013 № 23-ФЗ[1], просигнализировавшего определенное размывание границы между доследственной проверкой и предварительным расследованием, активизировало дискуссию по вопросу о целесообразности сохранения в УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела[2]. Ныне можно с уверенностью опро-

---

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[2] См. напр.: Кожокарь В.В. Роль Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ в реформировании института возбуждения уголовного дела // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при рас-

вергнуть часто цитируемое утверждение Концепции судебной реформы о том, что «в виде такой «проверки» мы имеем суррогат расследования … При этом информация добывается непроцессуальными, то есть наименее надежными в контексте уголовного судопроизводства, средствами»[1]. Однако теперь это в основном, по используемому в Концепции выражению, «действия, облеченные в процессуальную форму»[2].

Совершенствуется не только законодательное регулирование данного института, но и его юридическое толкование и практическое применение. Так, разработчики упомянутой Концепции указывали, что «[с]охраняется опасность существенного нарушения прав граждан на этом этапе. Так называемые «отказные материалы» остаются им недоступными, хотя их изучение необходимо для обжалования состоявшегося постановления»[3]. Однако сейчас вопросы доступа заинтересованных лиц к материалам проверки разрешены Конституционным Судом РФ[4]. Наконец, в настоящее время Генпрокуратура РФ заняла конструктивную позицию по наболевшему вопросу о возможности направления за рубеж запроса о международной правовой помощи в рамках проверки сообщения о преступлении (а не только по уголовному делу) в соответствии с Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., к примеру, когда каналы Интерпола оказываются неэффективными, рекомендовав направление такого запроса[5]. Кроме того, получение материалов и доказательств за границей в рамках проверки возможно на основании межправительственных согла-

---

следовании преступлений: мат-лы межд. науч.-практ. конф. (14.11.2013). В 3-х ч. Ч. 1 (теоретические предпосылки). М., 2013. С. 211-215; Махмутов М.В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 7. С. 39-43.

[1] О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 (п. 5 разд. 12) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 145, частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью 5 статьи 30 Федерального закона «О полиции» и статьей 7 Федерального закона «О персональных данных»: определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 № 1251-О-О // СПС «Консультант-Плюс». См. также приведенные в нем другие определения и постановление Конституционного Суда РФ.

[5] Письмо первого зам. Генер. прокурора РФ А.Э. Буксмана от 24.03.2011 № Исуб-23/4-23720-11/27615 (№ 23/4-500-2009); письмо Генпрокуратуры РФ от 21.04.2011 № Исорг-82/2-15926-11/24056 (№ 82/2-2643-09).

шений о сотрудничестве в борьбе с преступностью[1], а также договоров межведомственного характера.

В настоящее время в государствах, «озабоченных» реформированием начальной стадии уголовного судопроизводства (Украина, Казахстан, Армения) делается упор на нормативном закреплении требования о начале расследования (досудебного производства) непосредственно после появления формального повода (заявления, жалобы, рапорта, явки с повинной) без рассмотрения вопроса о наличии оснований для этого – признаков преступления.

В обоснование такого реформирования, по большому счету, положено несколько аргументов, среди которых упоминается и международный опыт. Однако ссылки на него в данном случае являются неосновательными ибо относимые к нему источники свидетельствуют об обратном[2].

Так, правовое регулирование деятельности всех без исключения органов международной уголовной юстиции, имеющих весьма серьезный опыт осуществления уголовного преследования за самые тяжкие международные преступления, предусматривает, что единственное лицо, которое должно возбуждать разбирательство, это Обвинитель или заместитель Обвинителя, действующий в его отсутствие, или когда ему это поручено в ясно выраженной форме. Разбирательство в международных судах (трибуналах) не может возбуждаться потерпевшими или их представителями, или какой-либо неправительственной организацией, или правительством.

Согласно ч. 1 ст. 18 Устава Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., обвинитель [трибунала] начинает расследование *ex-officio* или на основе информации, полученной из любого источника, прежде всего от правительств, органов Организации Объеди-

---

[1] В число компетентных органов по 27 таким соглашениям на основании дипломатических нот включен и Следственный комитет РФ (подобные соглашения не затрагивают вопросов правовой помощи); СК России заключено 17 межведомственных соглашений о сотрудничестве. Кроме того, разрабатываемые в настоящее время в Минюсте России двусторонние межгосударственные договоры по вопросам взаимной правовой помощи по уголовным делам содержат положения о направлении запросов о правовой помощи в рамках проверки сообщения о преступлении.

[2] Международный опыт зачастую ошибочно отождествляют с опытом зарубежным. Международный опыт – опыт не зарубежных стран, а (1) соответствующие прецеденты международных судов, (2) нормы, регулирующие судопроизводство в наднациональных судах, и (3) международно-правовые документы, которые содержат рекомендации для использования во внутреннем законодательстве либо обязательства государств.

ненных Наций, межправительственных и неправительственных организаций. Обвинитель оценивает полученную или найденную информацию и принимает решение в отношении того, достаточно ли оснований для разбирательства.

Аналогичное правило закреплено в ч. 1 ст. 17 Устава Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1.01.1994 по 31.12.1994.

В Международном уголовном суде право возбуждения дела также принадлежит только Обвинителю (Прокурору). Согласно ст. 15 Римского статута Международного уголовного суда Прокурор может возбуждать расследование *proprio motu* на основе информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда. При этом Прокурор оценивает серьезность полученной информации. С этой целью он может запрашивать дополнительную информацию у государств, органов Организации Объединенных Наций, межправительственных или неправительственных организаций или из иных надежных источников, которые он сочтет подходящими, и может получать письменные или устные свидетельства в месте пребывания Суда. Если прокурор делает вывод о наличии достаточных оснований для возбуждения расследования, он или она обращается в Палату предварительного производства с просьбой дать санкцию на проведение расследования вместе с любыми подкрепляющими эту просьбу собранными материалами. Если Палата предварительного производства после изучения этой просьбы и подкрепляющих ее материалов сочтет, что имеются достаточные основания для возбуждения расследования и что это дело, судя по всему, подпадает под юрисдикцию Суда, она дает санкцию на возбуждение расследования.

Правила процедуры и доказывания Международного уголовного суда требуют наличия разумных оснований для возбуждения расследования (Правило 48).

Действующие в международных уголовных судах процессуальные правила не ограничивают Обвинителя (Прокурора) по срокам принятия решения о наличии оснований для возбуждения расследования, а сложившаяся на их основе практика свидетельствует, что от момента поступления в распоряжение прокурора информации до начала расследования может проходить весьма значительное время, порой даже более года.

Но при этом для принятия решения о возбуждении расследования требуются не только повод, но и достаточные основания.

Такое построение процессуальной модели деятельности международных уголовных судов основано на опыте государств-членов ООН, которые в правовом регулировании начальной стадии уголовного судопроизводства (досудебного судопроизводства) исходят из национальных традиций и потребностей собственной правоохранительной практики, а также экономических возможностей государства.

Данное обстоятельство требует от нас обратиться к зарубежному опыту правового регулирования начальной стадии уголовного судопроизводства, которое не является единым, как на это указывают отдельные исследователи, ссылаясь на некие «евростандарты», которыми, якобы, самостоятельная начальная стадия уголовного судопроизводства не предусмотрена. Так, украинский законодатель, в порыве евроинтеграционных устремлений отказавшийся от стадии возбуждения досудебного производства, подвергается непрекращающейся критике в Украине[1]. На очереди – аналогичный правовой эксперимент в Казахстане[2] и Армении[3]. Многие российские ученые и практики, тем не менее, пропагандируют внедрение подобного решения в уголовный процесс России[4]. Сторонники этого реформаторского подхода в России зачастую исходят из обремененности указанной стадии порочной практикой укрывательства преступлений и искажения уголовно-правовой статистики[5]; однако, на наш взгляд, эти негативные явления обусловливаются не процессуальными, а административными факторами, которые под силу устранить правоприменителям.

---

[1] Корж В.П. 1) Проблемы расследования преступлений в условиях нового Уголовного процессуального кодекса Украины // Актуальные проблемы расследования преступлений: мат-лы межд. науч.-практ. конф. (23.05.2013). В 2-х ч. Ч. 2. М., 2013. С. 172; 2) Процессуальное обеспечение прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Украины // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина… С. 218-219.

[2] Журсимбаев С.К., Кемали М.С. Позитивная важность сближения правозащитных механизмов // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина... С. 160.

[3] Гамбарян А.С., Оганесян А.А. Возбуждение уголовного производства в проекте нового УПК Республики Армения // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1(12).

[4] Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58; Волынский А.Ф. Новый УПК Украины – масштабный правовой эксперимент для России // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина…С. 121.

[5] Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК России и Украины: что удалось и к чему стремиться? // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина...С. 128-129.

В фокусе настоящей публикации – действующее, реформированное законодательство некоторых в прошлом социалистических стран Европы, характеризующихся, как известно, определенным стремлением на протяжении более двадцати лет дистанцироваться от прежних канонов государственного управления, в том числе построения уголовного процесса; большинство из них – члены ЕС «со стажем» либо имеют статус кандидата в ЕС. А также нашего восточного соседа – Китайской Народной Республики.

Так, в *Польше* институт процедуры проверки *(postępowanie sprawdzające)* был введен в УПК 1969 г. В прежнем польском УПК 1928 г. эта стадия процесса отсутствовала вследствие иного подхода к предварительному производству, задачей которого было лишь установить, имеются ли достаточные основания для начала судебного производства. Дознание осуществлялось прокурором или по его поручению полицией только по мере необходимости и заключалось в составлении служебных записок по результатам проведения опросов, оглашение которых на судебном следствии не допускалось. Судебное разбирательство могло осуществляться и без предшествующего ему дознания[1].

Действующий УПК Польши 1997 г.[2] (ст. 305-308) исходит из максимальной лимитированности и достаточности выполняемых на этапе проверки действий. В качестве цели рассматриваемой процедуры в литературе называется «проверка, допустимо ли вообще возбуждение следствия или дознания, а следовательно, имеет ли место ситуация «обоснованного подозрения совершения преступления»; в частности, проверка служит «предотвращению возбуждения и проведения излишних производств»[3].

Польскими юристами указывается, что «процедура проверки не может быть направлена на установление, совершено ли в действительности преступление, поскольку это является целью предварительного производства по делу … Она должна ограничиваться только проверкой обоснованности самого подозрения совершения преступления»[4]. Из такого понимания исходит и распоряжение Главного коменданта Полиции Польши 2004 г. о методике выполнения действий дознания и следствия полицейскими службами, предназначенными для раскрытия преступлений и уголовного преследования совершивших их лиц, в со-

---

[1] Szyprowski B. Postępowanie sprawdzające w procesie karnym // Prokuratura i Prawo. 2007. Nr 7-8. S. 162-163. См. также: Łupiński J. Czas trwania postępowania sprawdzającego // Prokuratura i Prawo. 2011. Nr 10. S. 83-112.

[2] Kodeks postępowania karnego: ustawa z dnia 6 czerw. 1997 r.: tekst ujednolicony na 26.11.2013 // Интернет-система правовых актов (ISAP) Сейма Респ. Польша: правовой портал. URL: http://isap.sejm.gov.pl/Download.

[3] Szyprowski B. Op. cit. S. 161.

[4] Szyprowski B. Op. cit. S. 161-162.

ответствии с которым (§ 38) «в ходе процедуры проверки полицейский не может выходить за рамки мер, необходимых для принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении производства, в частности, его действия не могут иметь целью установление лица, совершившего преступление, или его поимку. Не допускается проводить процедуру проверки после того как были произведены неотложные процессуальные действия»[1].

По принятии сообщения о преступлении орган, полномочный проводить предварительное производство, обязан вынести постановление о возбуждении или отказе в возбуждении следствия (дознания) незамедлительно. Постановление о возбуждении дела выносит прокурор, об отказе в этом – прокурор или полиция (в последнем случае прокурор утверждает постановление). Решение об отказе в возбуждении производства может быть обжаловано уполномоченными законом лицами, которые имеют также право ознакомиться с материалами проверки.

При необходимости орган (прокурор, полиция и некоторые другие ведомства) может потребовать представление дополнительных сведений к сообщению о преступлении или провести проверку. В этом случае постановление о возбуждении или отказе в возбуждении дела должно быть вынесено в срок не позднее 30 дней с даты получения сообщения о преступлении, однако это не касается случаев проверки органом собственной информации, позволяющей предположить, что совершено преступление. Постановление об отказе в возбуждении дела не выносится и по результатам проверки анонимных сообщений (в этих случаях составляются служебные записки, а прокурор может к тому же оставить анонимное сообщение без движения)[2].

В ходе процедуры проверки не могут проводиться экспертизы, а также любые процессуальные действия, требующие составления протокола (допрос обвиняемого, свидетеля, эксперта, осмотр, вскрытие и эксгумация трупа, следственный эксперимент, очная ставка, предъявление для опознания, обыск, выемка), за исключением только допроса заявителя в качестве свидетеля. Запрет на производство этих действий касается проверки не только сообщений, но и собственной информации органа.

Примерные перечни мероприятий, которые полномочный орган вправе проводить на стадии проверки, приводятся в ведомственных нормативных правовых актах – упомянутом распоряжении Главного

---

[1] Zarządzenie Komendanta Głównego Policji nr 1426 z dnia 23 grud. 2004 r. w sprawie metodyki wykonywania czynności dochodzeniowo-śledczych przez służby policyjne wyznaczone do wykrywania przestępstw i ścigania ich sprawców // Полиция Польши. URL: http://www.policja.pl/ftp/dzienniki .

[2] Zarządzenie Komendanta Głównego Policji…(§ 40).

коменданта Полиции[1], а также Регламентах внутреннего служебного распорядка органов прокуратуры общей юрисдикции и органов военной прокуратуры Польши[2] и включают в себя:

- проводимые полицией – направление письменных запросов в учреждения, получение дополнительной информации от представителя пострадавшей организации или контрольного органа, получение медицинской документации от пострадавшего лица или через прокурора (собранные таким образом документы после возбуждения дела могут являться доказательственным материалом[3]), проведение оперативно-розыскных мероприятий;

- проводимые прокурором – истребование от заявителя дополнительных документов или информации, требование проведения контроля, поручение компетентному органу проверки указанных в сообщении о преступлении фактов, истребование медицинской документации, касающейся пострадавшего.

В то же время еще до вынесения постановления о возбуждении следствия (дознания) прокурором или полицией могут быть проведены определенные следственные действия, не терпящие отлагательства (только в течение 5 дней со дня первого действия): осмотр, обыск, освидетельствование, дактилоскопирование и фотографирование подозреваемого, получение у него образцов крови, волос и выделений организма, предъявление его для опознания, допрос и другие необходимые действия только в отношении подозреваемого. В этих случаях срок следствия (дознания) исчисляется со дня первого действия.

В ходе проверки могут проводиться и внепроцессуальные действия – наблюдение, использование информаторов, опросы и другие оперативно-розыскные мероприятия, документируемые служебными записками (а не протоколами) и регламентируемые законами о полиции и других органах. Результаты этих мероприятий не обладают доказательственной силой, поэтому после возбуждения дела собранные таким путем сведения подлежат процессуальному оформлению по предусмотренным для доказательств правилам (в форме протоколов осмотра, допроса свидетелей, предъявления для опознания)[4].

---

[1] Zarządzenie Komendanta Głównego Policji…(§ 37).

[2] § 137-143 Rozporządzenia Ministra Sprawiedliwości z dnia 24 marca 2010 r. Regulamin wewnętrznego urzędowania powszechnych jednostek organizacyjnych prokuratury: tekst ujednolicony na 26.11.2013 // Legeo.pl: правовой портал. URL: http://prawo.legeo.pl/prawo; § 103-109 Rozporządzenia Ministra Sprawiedliwości z dnia 25 list. 2008 r. Regulamin wewnętrznego urzędowania wojskowych jednostek organizacyjnych prokuratury: tekst ujednolicony na 26.11.2013 // Legeo.pl. URL: http://prawo.legeo.pl/prawo.

[3] Szyprowski B. Op. cit. S. 171.

[4] Szyprowski B. Op. cit. S. 172-174. См. также по данному вопросу: Зажицкий В.И. Соотношение доказывания в уголовном процессе и познания, осуществ-

В случае поручения прокурором проверки другим органам он осуществляет надзор и процессуальное руководство такой проверкой[1].

В доктрине отмечается, что несмотря на то, что из закона прямо не следует обязанность проведения процедуры проверки (поскольку он оперирует словами «при необходимости»[2]), в пользу ее обязательного применения свидетельствует гарантийный характер соответствующего положения закона, выражающийся в обеспечении публичного интереса путем уголовного преследования всех преступлений, а также обеспечении интереса гражданина путем предотвращения необоснованного или преждевременного возбуждения производства[3].

Особенностью уголовного процесса в Чехии, Словакии и странах бывшей Югославии, за исключением Сербии и Хорватии, является то, что, выражаясь языком российского процесса, возбуждение уголовного дела в этих странах обусловливается началом уголовного преследования[4], совпадает с последним и возможно только после установления лица, совершившего преступление[5].

УПК Чехии[6] (гл. 9) устанавливает «процедуру до начала уголовного преследования» обвиняемого *(postup před zahájením trestního stíhání)*, которая возбуждается путем составления органом полиции служебной записки о начале (действий) уголовного производства *(zahájení (úkonů) trestního řízení)* на основании собственных сведений или заявления о совершенном преступлении; копия записки в течение 48 часов направляется прокурору. Как синонимичные термины для обозначения данной стадии процесса используются также «проверка» *(prověřování)* и «исследование» (*šetření,* в отличие от *vyšetřování* – «расследования»,

---

ляемого в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2010. № 7. С. 31-36.

[1] Szyprowski B. Op. cit. S. 164-165.

[2] Zarządzenie Komendanta Głównego Policji…(§ 37).

[3] Szyprowski B. Op. cit. S. 166-167.

[4] См. об этом понятии: Кругликов А.П. Что возбуждать: уголовное дело или уголовное преследование? // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 57-59.

[5] В этом контексте примечательно, что Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959 (п. 4 ст. 15) устанавливает, что передача просьб о помощи в проведении предварительного расследования до уголовного преследования *(investigation preliminary to prosecution)* может осуществляться непосредственно между юридическими органами (в русскоязычном переводе Конвенции – «расследований до предъявления обвинения», что не вполне корректно). См.: Бюл. междунар. договоров. 2000. № 9. С. 51-59; European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters (Strasbourg, 20.IV.1959) // Бюро договоров Совета Европы. URL: http://conventions.coe.int.

[6] Zákon o trestním řízení soudním (trestní řád): zákon ze dne 29. list. 1961 č. 141/1961 Sb.: ve znění zákona ze dne 20 března 2013 č. 105/2013 Sb. // epravo.cz: правовой портал. URL: http://www.epravo.cz.

проводимого только на последующей стадии – уголовного преследования).

В качестве целей этой начальной стадии процесса в законе названы выяснение и проверка фактов, обоснованно свидетельствующих о совершении преступления, принятие всех необходимых мер к установлению лица, совершившего преступление, закрепление его следов.

В противоположность польскому визави, в рамках проверки орган полиции Чехии имеет в своем распоряжении солидный арсенал следственных и иных процессуальных действий и уполномочен: истребовать объяснения от физических, юридических лиц и госорганов, мнения специалистов и экспертные заключения, необходимые материалы, производить осмотр предметов и места происшествия, требовать проведения исследования крови и других подобных действий, включая получение биологического материала, производить привод лица для дачи объяснения, задержание подозреваемого, выемку и арест имущества, а также не терпящие отлагательства другие меры процессуального принуждения; в исключительных случаях и по общему правилу с разрешения прокурора – некоторые оперативно-розыскные мероприятия, регламентируемые УПК (проверочную закупку, наблюдение за лицами и предметами и использование агента (оперативное внедрение), материалы которых могут использоваться в качестве доказательства).

Чешский закон достаточно подробно регулирует процедуру опросов и в отдельных случаях допросов в ходе проверки. Так, о содержании объяснения составляется служебная записка[1], которая служит прокурору, суду и обвиняемому для решения вопроса о производстве допроса давшего объяснение лица в качестве свидетеля. Законом установлены ограничительные условия использования упомянутой служебной записки в качестве доказательства в ходе рассмотрения дела судом. При последующем допросе в качестве свидетеля или обвиняемого лица, давшего объяснение, не допускается ознакамливать его с содержанием записки. При даче объяснения каждый имеет право на юридическую помощь адвоката. При необходимости получения объяснения от несовершеннолетнего об этом должен быть заранее уведомлен его законный представитель, кроме не терпящих отлагательства случаев. При получении объяснения действуют нормы о праве и обязанности отказа от дачи показаний, защите свидетелей, в т.ч. сохранении в тайне их персональных данных, возмещении расходов свидетелю.

В случаях если допрос или опознание нельзя отложить или повторить затем в суде, эти следственные действия проводятся в рамках

---

[1] Допрос же и другие следственные действия на стадии уголовного преследования фиксируются в протоколе.

проверки по ходатайству прокурора с участием судьи. На данном этапе в качестве свидетеля подлежит допросу также лицо младше 15 лет и лицо с ограниченными психическими возможностями, а также может быть допрошено лицо, чьи показания имеют решающее значение для начала уголовного преследования, и имеются основания полагать, что на такое лицо из-за его показаний может быть оказано давление или по другой причине будет оказано влияние на его показания. Если допросы этих лиц не были повторно проведены затем после начала уголовного преследования, протоколы их допросов могут быть оглашены, а записи допросов посредством видеоконференц-связи продемонстрированы на судебном следствии строго в установленных законом случаях.

Сроки проверки установлены исходя из подсудности: от 2 месяцев в случае подсудности единоличному судье до 6 месяцев при краевой подсудности, с возможностью их продления прокурором на неограниченный срок по мотивированному ходатайству органа полиции. По результатам проверки принимается решение о начале уголовного преследования и, соответственно, досудебного расследования *(vyšetřování)*, проводимого по общему правилу полицией Чехии, о прекращении или передаче дела либо об отложении уголовного преследования.

УПК Словакии[1] (§ 196–198) ограничил, в сопоставлении с УПК Чехии, набор процессуальных действий на стадии процедуры до начала уголовного преследования *(postup pred začatím trestného stíhania)*, отведя им роль средств дополнения заявления о совершении преступлении. Эти действия, проводимые прокурором или полицейским, включают в себя: допрос заявителя или потерпевшего, заподозренного лица, истребование письменных материалов от заявителя, другого лица или органа, привод для допроса. Устанавливаются права допрашиваемого на отказ от дачи показаний и юридическую помощь адвоката. Продолжительность этой стадии процесса – 30 дней с даты принятия заявления о преступлении, возможность продления данного срока законом не предусмотрена.

Уголовно-процессуальные законы[2] стран *бывшей Югославии*[1] также предусматривают доследственную стадию – до начала досудебного

---

[1] Trestný poriadok: zákon z 24. mája 2005 č. 301/2005 Z.z.: v znení zákona z 26. júla 2012 č. 236/2012 Z.z. // vyvlastnenie.sk: правовой портал. URL: http://www.vyvlastnenie.sk.

[2] УПК Словении (ст. 145-166): Criminal Procedure Act of the Rep. of Slovenia of 1995: as of 7 Sept. 2007 // Полиция Респ. Словения. URL: http://www.policija.si; УПК Хорватии (ст. 204-215): Criminal Procedure Code of the Rep. of Croatia of 2009 // ОБСЕ. URL: http://legislationline.org; УПК Сербии (ст. 280-294): Criminal Procedure Code of the Rep. of Serbia of 2011 // ОБСЕ; УПК Македонии (ст. 140-149): Code of Criminal Procedure of the Rep. of Macedonia // ОБСЕ; УПК Черногории (ст. 254-273): Criminal Procedure Code of Montenegro of 2010 // Суды

расследования (англ. *«pre-investigation»*, *«preliminary investigation»*). Последнее же *(investigation)*, как и в Чехии и Словакии, подразумевает под собой уголовное преследование (исключение составляют Сербия и Хорватия, где досудебное расследование возбуждается и по факту совершения деяния неустановленным лицом). Данная стадия допускает весьма широкий спектр проверочных, оперативно-розыскных, следственных и иных процессуальных действий, приводимых ниже (их перечень незначительно варьируется в зависимости от страны). Их целями являются установление лица, совершившего преступление, предотвращение его укрытия или побега, обнаружение и закрепление следов преступления и предметов, которые могут служить доказательством, а также сбор всей информации, которая может быть полезна для обеспечения успешного производства по уголовному делу.

Указанные действия, выполняемые, как правило, полицией под руководством или по поручению прокурора (его полномочия по процессуальному руководству особенно обширны в Черногории, Хорватии), включают в себя: истребование информации, в т.ч. банковской (за неисполнение соответствующих требований прокурора в Сербии и Хорватии на лицо может быть наложен штраф, а в Хорватии и заключение под стражу на срок до 1 месяца), осмотр и изъятие объектов, временное ограничение движения на определенной территории, меры по идентификации лиц и предметов, объявление в розыск лиц и предметов, задержание подозреваемого, личный обыск и обыск в жилище, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами. В Черногории и Македонии на данном этапе проводятся также предусмотренные УПК исследования с применением полиграфа (наиболее подробно они регламентированы в УПК Македонии), в Черногории – образцов голоса, антитеррористический рейд, постоянная запись в общественных местах, где часто совершались преступления, публичное предложение вознаграждения за предоставление информации, получение образцов ДНК для исследования. Обстоятельства, установленные в ходе данных действий и представляющие интерес для уголовного производства, а также обнаруженные и изъятые объекты указываются в служебной записке или протоколе.

Могут осуществляться вызов и привод (привод в Македонии требует согласия суда, в Хорватии – уведомления прокурора) граждан для получения от них информации (фиксируемой в служебной записке или протоколе, копия которых может быть предоставлена опрошенному лицу по его просьбе), при этом они не могут быть допрошены в каче-

---

Черногории. URL: http://en.sudovi.me/podaci.

[1] Кроме УПК Боснии и Герцеговины, который предусматривает только стадию расследования, оканчивающуюся вынесением обвинительного акта. См.: Criminal Procedure Code of Bosnia and Herzegovina of 2003 (Art. 213-225) // ОБСЕ.

стве обвиняемых, свидетелей или экспертов. Кроме того, в Черногории полиция обязана допустить при получении объяснения присутствие адвоката, если подлежащий опросу гражданин явился в его сопровождении; лицо может быть повторно вызвано для получения от него информации по тому же делу только с разрешения прокурора.

В *Македонии* протокол получения информации от лица, составленный прокурором или в его присутствии и подписанный опрошенным лицом, может использоваться в качестве доказательства в уголовном производстве. Напротив, в Хорватии такой протокол впоследствии изымается из материалов уголовного дела и не может использоваться в качестве доказательства. В Черногории прокурор вправе произвести допрос лица в качестве свидетеля, в котором, за исключением ряда ситуаций, вправе участвовать подозреваемый и его защитник; протокол такого допроса, подписанный свидетелем, может быть использован в качестве доказательства.

Допрос подозреваемого может быть проведен только в присутствии защитника по правилам допроса обвиняемого, подписанный подозреваемым протокол допроса может быть использован в качестве доказательства в уголовном производстве (в Черногории допрос проводится прокурором, а полицией только в исключительных случаях и при согласии подозреваемого). В Словении о показаниях подозреваемого, данных по его собственной инициативе в отсутствие защитника, составляется служебная записка, копия которой вручается подозреваемому под роспись.

Законы названных стран подробно регламентируют обязанности полиции по обеспечению права подозреваемого на защиту, порядок обжалования проведенных действий, применения аудио- и видеозаписи, запрет на применение средств принуждения к опрашиваемому, приобщение к материалам уголовного дела документов о проведении оперативно-розыскных мероприятий или их уничтожение, УПК Македонии – защиту лиц, дающих объяснения.

На рассматриваемой стадии полицией также проводятся: получение информации от лиц, содержащихся под стражей, с разрешения следственного судьи и в присутствии определенного им лица (следственного судьи, защитника); фотографирование подозреваемого и опубликование его фотографии (последнее в Македонии – с разрешения следственного судьи или суда, Черногории, Хорватии – прокурора), дактилоскопирование и взятие образцов буккального эпителия у подозреваемого и других лиц, введение сведений о личности в базы данных; в исключительных случаях и по общему правилу с разрешения прокурора либо следственного судьи или суда – установленные УПК оперативно-розыскные мероприятия (наблюдение за подозреваемым и иными лицами, контроль телекоммуникационной и почтовой связи, в т.ч. в частных жилых помещениях, проверочная закупка, оперативный экс-

перимент, оперативное внедрение, в т.ч. сотрудника полиции иностранного государства). Полученные при проведении ОРМ документы и предметы могут быть использованы в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве.

Сотрудники полиции вправе задерживать на срок до 6 часов лиц, обнаруженных на месте происшествия (а в Словении и проживающих за рубежом) и обладающих важной для дела информацией, для обеспечения допроса их следственным судьей (прокурором), если их допрос в будущем представляется затруднительным. Полиция вправе до прибытия следственного судьи (в Черногории – прокурора) провести осмотр места происшествия и назначить проведение экспертизы, за исключением экспертизы трупа и эксгумации.

На основании собранных сведений полиция составляет и направляет прокурору рапорт о преступлении с приведением перечня добытых доказательств, к которому приобщаются полученные документы и предметы.

До принятия решения о начале досудебного расследования (уголовного преследования) или отказе в этом, в том числе при неустановлении совершившего преступление лица, следственным судьей или судом (в Хорватии – прокурором или по его поручению следователем) могут быть проведены неотложные следственные действия, в особенности допрос свидетеля, чья явка на судебное разбирательство в силу возраста, болезни или других причин может оказаться проблематичной; в Словении в этих действиях вправе участвовать прокурор, потерпевший, подозреваемый и защитник.

Предельные сроки данной процессуальной стадии урегулированы не во всех странах бывшей Югославии. Досудебное расследование проводится затем следственным судьей соответствующего суда (в Сербии, Черногории и Хорватии – прокурором) и должно быть возбуждено в Хорватии в течение 90 дней со дня регистрации сообщения о преступлении, Сербии – не позднее 30 дней с момента уведомления прокурора о производстве полицией первого следственного действия. По результатам рассмотрения рапорта о преступлении и материалов к нему прокурором или следственным судьей может быть также прекращено производство или приняты иные перечисленные в законе решения.

В *Китайской Народной Республике* уголовное судопроизводства начинается именно с возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 83 УПК КНР[1] органы общественной безопасности или народная прокуратура в случае обнаружения признаков состава преступления либо подозреваемого в совершении преступления должны в пределах своей компетенции *возбудить дело* и приступить к производству предвари-

[1] УПК КНР // URL: http://chinalawinfo.ru/procedural.

тельного следствия. Наряду с непосредственным обнаружением преступления, поводами для возбуждения дела являются заявления любых организаций и лиц, потерпевших, которые кроме названных органов вправе обращаться и в суд с заявлениями о преступлении или с жалобами на нарушение их прав преступлением (ст. 84 УПК КНР).

В соответствие со ст. 85 УПК КНР заявления, жалобы, сообщения можно представлять в письменной либо в устной форме. Работники, принявшие устные заявления, жалобы, сообщения, должны составить протокол, а после прочтения протокола вслух и отсутствия в нем ошибок протокол подписывается или на нем ставится фамильная печать заявителем, лицом, подавшим жалобу или сделавшим сообщение. Работники, принимающие жалобы и сообщения, должны разъяснить лицу, подавшему жалобу и сделавшему сообщение, об ответственности за предоставление ложных сведении. Однако следует строго отличать клевету от жалоб и сообщений, в которых изложенные фактические данные хотя и содержат разночтения и даже ошибочные утверждения, но не содержат умышленно сфальсифицированных фактов и доказательств. Органы общественной безопасности, народная прокуратура либо народный суд обязаны обеспечить безопасность заявителя, лица, подавшего жалобу или сделавшего сообщение, а также их близких родственников. Если заявитель, лицо, подавшее жалобу или сделавшее сообщение, не желает, чтобы его имя и его действия по подаче заявления, жалобы, сообщения были преданы гласности, то вышеуказанные органы должны сохранить об этом тайну.

Согласно ст. 86 УПК КНР народный суд, народная прокуратура или органы общественной безопасности обязаны в пределах своей компетенции немедленно провести проверку фактов, содержащихся в материалах заявлений, жалоб, сообщений и явке с повинной, и если они сочтут, что существуют признаки состава преступления, требующие привлечения к уголовной ответственности, то по этому факту возбуждается дело; если же указанные органы не обнаружат признаков состава преступления либо если совершенное преступление малозначительно и не требует привлечения к уголовной ответственности, то дело не возбуждается, при этом о причинах отказа в возбуждении уголовного дела сообщается лицу, подавшему жалобу. Если лицо, подавшее жалобу, не удовлетворено принятым решением, то оно может ходатайствовать о повторном рассмотрении жалобы.

Надзор за исполнением законов на стадии возбуждения уголовного дела осуществляют органы народной прокуратуры КНР (ст. 87 УПК КНР), которые в случае необоснованного отказа в возбуждении дела обязаны потребовать от органов общественной безопасности разъяснения причин отказа в возбуждении дела. Если народная прокуратура считает, что органы общественной безопасности безосновательно отказали в возбуждении дела, то они извещают органы общественной без-

опасности о необходимости возбуждения дела, а органы общественной безопасности, после принятия такого извещения, обязаны возбудить дело.

Таким образом, потребность в стадии возбуждения досудебного производства в уголовном судопроизводстве рассмотренных зарубежных странах детерминируется стремлением обеспечить определенную процессуальную экономию, ограничить вторжение в права граждан и оценить, нужен ли вообще переход к следующей, более затратной и интрузивной, основной стадии предварительного расследования.

При этом рассмотренные УПК закрепляют «гибридную» доследственную процедуру, сочетающую в себе проверочные, включая оперативно-розыскные, мероприятия (документируемые служебными записками) и неотложные следственные действия (оформляемые протоколами) и оканчивающуюся в момент возбуждения досудебного расследования (уголовного преследования). Объем таких действий и цели этой процессуальной стадии могут существенно различаться в зависимости от страны. Материалы доследственного производства, как правило, могут использоваться в качестве доказательств только в оговоренных законом случаях. По сравнению с процессуальными действиями, проведенными прокурором или следственным судьей (органами юстиции), выполненные органами полиции действия обычно имеют меньшую доказательственную силу. Допрос свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте по общему правилу резервируются законом только для стадии расследования (уголовного преследования).

Международный и законодательный опыт даже немногих рассмотренных нами стран свидетельствует, что вопреки распространенному в ряде отечественных публикаций мнению данный этап производства явно не характеризуется минимальными временными рамками. Международным правом и законодателями рассмотренных государств они определены, как представляется, исходя из практических потребностей установления достаточных оснований для возбуждения уголовного дела

С.Н. Волочай

Судебная экспертиза в стадии возбуждения уголовного дела – важнейшее процессуальное средство повышения эффективности деятельности следователя

Действующий УПК РФ противоречив и во многом непоследователен. Особенно это заметно в регулировании досудебных стадий уголовного судопроизводства, в том числе и стадии возбуждения уголовного дела, которой мы уделяем внимание в настоящей статье.

Основное содержание процесса возбуждения уголовного дела составляет проверка сообщений о готовящихся или совершенных преступлениях и принятие по ее итогам процессуального решения. Нормативное регулирование указанного процесса постоянно наполняется прямо противоположными законодательными решениями по самым различным аспектам деятельности следователя.

Основная тенденция последнего десятилетия здесь, на наш взгляд, – включение в качестве средств проверки специальных исследований, документальных проверок, ревизий, то есть таких средств, которые не относятся к следственным действиям. Итогом применения указанных средств на практике является чаще всего информация, не имеющая силу доказательств и требующая проведения следственных действий (часто по существу дублирующих проверочные действия) для того, чтобы сведения, полученные еще в ходе проверки сообщения о преступления, приобрели доказательственный характер.

Таким образом, указанный характер так называемых предварительных исследований влек за собой, как минимум, отсутствие гарантии достоверности получаемых результатов, а также проблему сохранности и допустимости объектов исследований[1]. То есть, процессуальное решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении принималось, по–существу, на основе сведений, которые можно было поставить под сомнение.

Видимо понимая противоречивость сложившегося положения, законодатель вернул в качестве средства проверки следователем сообщений о преступлениях судебную экспертизу, уточнив, что он вправе «…назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок…»[2]. Казалось бы, наконец-то следователь получает возможность изучить свойства обнаруженных им документов, предметов, следов с помощью экспертов, владеющих современными экспертными методиками и могущих ответственно и обоснованно дать заключение по поставленным вопросам. Соответственно, следователь также примет обоснованное и законное процессуальное решение, ради которого он и использовал законное средство проверки информации о преступлении.

К сожалению, новые положения, введенные в ч. 1 и ч. 3 ст. 144 УПК РФ, не позволяют следователю в полной мере использовать

---

[1] Зайцева В.А. Применение специальных познаний сквозь призму Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Законодательство и экономика. 2013. № 6.

[2] Федеральный закон от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

предоставленные возможности и не гарантируют сокращения сроков предварительного расследования.

Рассмотрим более подробно данный тезис. Для уяснения существующей проблемы уточним, что наряду с судебной экспертизой в новой уголовно-процессуальной норме в качестве средств проверки указаны также исследования документов, предметов и трупов, производство которых следователь вправе требовать от специалистов, то есть сохранены также и иные способы установления значимых для принятия процессуального решения обстоятельств.

Введение судебной экспертизы в перечень средств процессуальной проверки, как многие надеялись, должно было ликвидировать практику так называемых предварительных исследований, отнимавших значительное время и материально-технические ресурсы экспертных подразделений, чьи сотрудники вынуждены после возбуждения уголовного дела повторно проводить исследования тех же самых объектов, но уже в рамках судебной экспертизы (по некоторым данным, доля «повторности» исследований по ряду экспертиз достигает 56%)[1]. Однако этого не случилось, как видно даже из содержания ст.144 УПК РФ. Пользуясь предоставленной законом возможностью и оставаясь в рамках требования о сроках принятия решения о возбуждении уголовного дела, следователи поручают производство исследований, по итогам которых получают справки, не имеющие процессуального значения. Затем принимают решение о возбуждении уголовного дела и вновь направляют те же объекты на экспертизу, ожидая примерно тех же ответов по содержанию, что и в справке. Теряется время, проводится бессмысленная повторная работа. И все только потому, что проверяя сообщение о преступлении, следователь использовал то средство проверки, которое для него было проще. Думаем, что законодатель должен исключить из частей 1 и 3 ст. 144 УПК РФ упоминание об исследованиях и возможности их проведения специалистами, сохранив судебную экспертизу в качестве средства процессуальной проверки.

Кроме того, норма, предусмотренная ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ, обязывает следователя после возбуждения уголовного дела, при наличии ходатайства со стороны защиты или потерпевшего о производстве повторной или дополнительной судебной экспертизы, удовлетворить это ходатайство. Считаем, что данное положение противоречит, на наш взгляд, нормам главы 15 УПК РФ, где указаны лица, имеющие право заявлять ходатайства, сроки и порядок их рассмотрения и принятия по ним решений. По положению ст. 144 УПК РФ следователь должен удовлетворить ходатайство о производстве экспертизы, даже не рассматривая вопрос об обоснованности заявленного ходатайства. Снова возникает потенциальная ситуация, когда одни и те же объекты по од-

[1] Зайцева В.А. Указ. соч.

ним и тем же вопросам будут исследоваться экспертом до возбуждения уголовного дела и после принятия решения о его возбуждении. Даже в случае, когда никаких законных оснований для производства повторной или дополнительной экспертизы не было. А в случае, если бы такое ходатайство было заявлено в отношении экспертизы, назначенной и проведенной в ходе предварительного следствия, то в нем было бы обоснованно отказано. Данная норма, на наш взгляд, выхолащивает смысл включения судебной экспертизы в качестве проверочного средства стадии возбуждения уголовного дела.

Подводя итог вышесказанному считаем, что судебная экспертиза как проверочное действие обоснованно включена в перечень законодательных средств процессуальной проверки, это положение необходимо всячески закреплять на практике, используя ее для решения вопроса о наличии признаков преступления в сообщении, поступающем следователю. Для этого необходимо исключить из частей 1 и 3 ст. 144 УПК РФ упоминание об исследованиях и возможности их проведения специалистами, сохранив вместо этого судебную экспертизу. Это даст в руки следователям эффективнейшее средство доказывания и ликвидирует нерентабельную практику предварительных исследований при проверке сообщений о преступлениях. Для усиления роли судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела необходимо также отказаться от положения части 1.2. ст. 144 УПК РФ и привести процедуру заявления ходатайства о производстве повторной или дополнительной судебной экспертизы и его разрешения в соответствии с общими правилами главы 15 УПК РФ.

Б.Я. Гаврилов

Институт возбуждения уголовного дела: пора расставить все точки

Существующий в российском уголовно-процессуальном законодательстве на протяжении 80 лет порядок начала производства предварительного расследования вынесением соответствующим должностным лицом органа дознания или органа предварительного следствия в соответствии с ч. 2 ст. 40.1, ч. 1 ст. 146 УПК РФ постановления о возбуждении уголовного дела:

во-первых, ограничивает конституционное право граждан на доступ к правосудию и влечет за собой исчисляемые миллионами процессуальные нарушения в этой стадии уголовного процесса[1];

---

[1] Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 64-70; Вицин С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал Россий-

во-вторых, является одной из основных причин резкого снижения за два последних десятилетия эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью[1];

в-третьих, является исключительно затратным с точки зрения человеческих и финансовых ресурсов на этот вид правоохранительной деятельности.

Более того, усложнение в связи с принятием УПК РФ правил возбуждения уголовного дела, введенного по инициативе бывшего Генерального прокурора РФ в виде процедуры обязательного получения на это согласия прокурора еще более осложнило криминогенную ситуацию по причине низкой эффективности работы правоохранительных органов по разрешению заявлений, сообщений о преступлениях. Следственная практика 2002-2007 гг. свидетельствовала, что получение согласия прокурора на возбуждение уголовного дела не смогло воспрепятствовать существованию так называемых «заказных» уголовных дел на что, по мнению Генерального прокурора РФ, были направлены данные изменения[2]. О негативных последствиях существовавших правил возбуждения уголовного дела весьма наглядно свидетельствуют статистические данные об увеличении в этот временной период в 2,3 раза числа преступлений, по которым лица, их совершившие, не установлены (с 881,4 тыс. в 2001 г. до 2 млн. 32 тыс. в 2006 г.) при росте количества зарегистрированных преступлений за указанный период всего на 31% (соответственно, с 2,9 млн. до 3,8 млн.).

Внесение Федеральным законом от 05.06.2007 г. №87-ФЗ[3] изменений, повлекших исключение прокурора из числа субъектов возбуждения уголовного дела, в т.ч. и изъятия у него полномочий по согласованию процессуального решения о возбуждении уголовного дела принципиально не изменило судьбу данного процессуального института и,

---

ского права. 2006. № 7. С. 58; Гирько С.И., Актуальные проблемы производства дознания // Юридический консультант, 2006. № 6. С. 14-17; Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2004. С. 341-345; Деришев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34-36; Яшин В.Н., Аксенов В.В. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела по новому Уголовно-процессуальному кодексу // Следователь. 2004. № 1. С. 22-24 и др.

[1] Гордиенко В.В. Законодательное установление уголовного проступка и исключение института отказных материалов // Российский следователь. 2010. № 15. С. 11-13; Гаврилов Б.Я. Указ. соч. С. 341-345 и другие публикации.

[2] Гаврилов Б.Я. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 7-8.

[3] Федеральный закон от 05.06.2007 №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О Прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

соответственно, не могло способствовать устранению его негативных последствий, которые значительно обострились. Это связано, в первую очередь, со значительным увеличением в последние годы (на 1,5-2 млн. ежегодно) количество обращений граждан и организаций с заявлениями о преступлениях в условиях сокращения численности сотрудников органов внутренних дел на 22%.

Статистические данные о количестве зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях	21,5	22,8	23,9	24,7	26,4	28,4

Одновременно в этих условиях официальная уголовно-правовая статистика с 2007 г. фиксирует ежегодное сокращение показателя регистрируемой преступности, который в 2013 г. достиг уровня 1991 г. (2,2 млн.), что, в первую очередь, связано с действием, так называемого «административного» фактора регулирования показателей преступности. Суть последнего заключается в том, что в практике деятельности органов внутренних дел на протяжении последних десятилетий укоренилась порочная практика, свидетельствующая о том, что в первый год после назначения руководителя органа внутренних дел (от городского, районного отдела до Министерства внутренних дел включительно) количество зарегистрированных преступлений резко увеличивалось. Тем самым выполнялись требования органов государственной власти, а также вышестоящих правоохранительных органов о наведении так называемого порядка в регистрации заявлений и сообщений о преступлениях. Однако уже на следующий год отмечалось сокращение показателя количества регистрируемых преступлений, на основании чего руководители правоохранительных органов отчитывались о своей «успешной» работе по борьбе с преступностью. Об этом достаточно подробно изложено в ряде работ автора[1].

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений в 1992-2006 гг.

[1] Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. Монография. М., 2008. С. 33-34; Он же. Актуальные проблемы конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве: монография. М., 2012. С. 60-67 и др.

Период	Всего зарегистрировано преступлений	+, - в % к АППГ	Смена руководства МВД
1983	1.398.239	+23,8	Федорчук В.В.
1984	1.402.694	+0,3	
1992	2.760.652	+ 27,3	01.1992 - 07.1995 Ерин В.Ф.
1994	2.632.708	- 6,0	Тот же Министр
1995	2.755.669	+ 4,7	07.1995 - 04.1998 К у л и к о в А.С.
1997	2.397.311	- 8,7	
1999	3.001.748	+ 16,3	05.1999-03.2001 Рушайло В.Б.
2000	2.952.367	- 1,6	Тот же Министр
2001	2.968.255	+ 0,5	03.2011 по 2003 Грызлов Б.В.
2005	3.554.738	+ 22,8	03.2004 Нургалиев Р.Г.
2006	3.853.373	+8,5	

Складывающаяся ситуация с регистрацией и учетом преступлений негативно воспринимается многими учеными и практическими работниками как МВД России, так и Генеральной прокуратуры РФ (В.В. Лунев, М.М. Бабаев, О.Н. Ведерникова, Б.Я. Гаврилов, С.Н. Иншаков, И.М. Мацкевич, В.С. Овчинский, В.Э. Эминов и др.)[1].

Сегодня преступления в уголовно-правовую статистику включаются исключительно в зависимости от процессуального решения органа дознания, дознавателя, следователя и их руководителей о возбуждении уголовного дела. Анализ статистических данных объективно свидетельствует, что сокращение показателей регистрируемой преступности обусловлено существенным увеличением в статистических данных количества зарегистрированных заявлений, сообщений о происшествиях удельного веса процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Доля последних к числу возбужденных уголовных дел за последние 20 лет увеличилась почти в 6,5 раз с 47,7% с 1992 г. до 3,7% в 2013 г.

[1] Исследования латентной преступности // Сборник материалов круглого стола. М., 2010.

Период	Возбуждено уголовных дел	Количество «отказных материалов»	Удельный вес к возбужденным делам (в%)
1992	2,8 млн.	1,3 млн.	47,7%
2013	1,76 млн.	6,7 млн.	380,7%

Это крайне негативно отражается на состоянии законности при рассмотрении заявлений, сообщений о преступлениях, поскольку прокурорами ежегодно признаются незаконными, необоснованными от 34% до 40% принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Сведения о количестве незаконных, необоснованных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела

Период	Вынесено решений об отказе в возбуждении уголовного дела	Из них признаны незаконными, необоснованными	Удельный вес (в%)
2008	5,3 млн.	1,8 млн.	33,9%
2013	6,7 млн.	2,7 млн.	40,3%

За последние 20 лет количество возбужденных уголовных дел из числа признанных незаконными, необоснованными и отмененными процессуальными решениями об отказе в возбуждении уголовного дела хотя и увеличилось почти в 6,2 раз (с 31,5 тыс. в 1991 г. до 190 тыс. в 2013 г.), однако их фактическое количество должно составлять не менее 2 млн., поскольку в числе 6,7 млн. «отказных» материалов в 2013 году более 1 млн. составляют заявления и сообщения о кражах чужого имущества, по которым лицо не установлено. Поэтому в силу ч. 1 ст. 148 УПК РФ такие процессуальные решения являются заведомо незаконными. Еще не менее 1 млн. составляют обращения граждан о причинении им различной тяжести телесных повреждений, которые фактически являются преступлениями.

Анализ приведенных ниже статистических данных наглядно свидетельствует о многообразии способов сокрытия от учета заявлений, сообщений, содержащих признаки преступления.

		2008	2010	2013
Количество зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях		21,5 млн.	23,9 млн.	28,7 млн.
	о регистрации заявлений как преступлений	3,2 млн.	2,2 млн.	1,78 млн.
	об отказе в возбуждении	4,5	6,0	6,7

Из них принято решение:	уголовного дела		млн.	млн.	млн.
	в том числе	за отсутствием состава (события) преступления	5,7 млн.	5,3 млн.	6,3 млн.
	о приобщении к уголовным делам		2,6 млн.	3,0 млн.	-
	о приобщении к материалам номенклатурного дела		4,5 млн.	5,8 млн.	7,3 млн.
Из отказных материалов:	признаны незаконными и необоснованными		1,8 млн.	1,5 млн.	2,7 млн.
	возбуждены уголовные дела		126,6 тыс.	159,8 тыс.	196 тыс.

Приведенные статистические данные свидетельствуют не только о массовых нарушениях конституционного права граждан на доступ к правосудию, но и влекут за собой иные негативные последствия, в т.ч.

- ежегодно до 300 тыс. сотрудников органов внутренних за нарушения ими учетно-регистрационной дисциплины привлекаются к различным видам ответственности, в т.ч. и уголовной;

- федеральный бюджет несет необоснованные расходы на данный вид процессуальной деятельности, поскольку количество только процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела с отмененными органами прокуратуры составило в 2013 г. более 12 млн., на которых затрачен труд не менее 30 тыс. сотрудников органов внутренних дел, не считая материальных затрат на бумагу и др. канцелярские принадлежности.

Соответственно, возникает вопрос: что делать? По мнению автора, реальными сегодня являются три пути:

первый, заключается в принятии на уровне Генеральной прокуратуры РФ совместно с правоохранительными органами жестких административных мер по наведению порядка в учетно-регистрационной дисциплине. Однако такие меры ранее (в 1983 и 2005 гг.) уже применялись и эффективно они действовали не более одного года[1];

[1] В 1983 г. с назначением на должность Министра внутренних дел СССР Федорчука В.В. десятки тысяч сотрудников милиции за нарушения учетно-регистрационной дисциплины были уволены и тысячи – привлечены к уголовной ответственности. Действие в 2005-2006 гг. совместного приказа Генпрокуратуры и МВД России от 16.05.2005 № 18/350 «О мерах по укреплению законности при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела» повлекло за собой увеличение с 700 сотрудников в 2004 г. до 2397 – в 2005 г., привлеченных за указанные нарушения к уголовной ответственности.

второй, заключается в реализации существующего мнения[1], что условия для умышленного сокрытия преступлений от регистрации создает сосредоточение в органах внутренних дел функций как по противодействию преступности, так и по формированию статистики о ее состоянии и результатах деятельности органов внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Исходя из этого полномочия по формированию и ведению массива статистических данных о состоянии преступности Генеральной прокуратурой РФ предлагалось передать органам статистики[2]. Однако проведенный в соответствии с приказом МВД и Госкомстата России от 7.10.2003 № 774/435 по согласованию с Генеральной прокуратурой РФ эксперимент в ряде МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ свидетельствует, что это предложение не только принципиально не решает рассматриваемой проблемы, но и требует значительных финансовых затрат[3];

третий путь, заключается в предложении о принципиальном изменении процедуры возбуждения уголовного дела с учетом исторического аспекта института возбуждения уголовного дела, как в России, так и в уголовно-процессуальном законодательстве государств с устоявшейся системой правосудия.

Один из аргументов наших предложений об исключении из правил досудебного производства процессуальной нормы о возбуждении уголовного дела заключается в том, что данной процессуальной нормы не знали ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922, 1923 гг.

Так, ст. 303 Устава уголовного судопроизводства устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказывать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка».

Процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в российский уголовный процесс была введена в целях ограничения политических репрессий рядом циркуляров Генерального прокурора ССР (1934-1937 гг.) в том числе циркуляром от 5.06.1937 № 41/26, пункт второй которого устанавливал, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному поста-

---

[1] Скоморохов Р.В., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М., 2006 С. 54-55; Исаев З.М. Проблемы искусственно-латентной преступности: дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2002. С. 132; Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Государство и право. 2000. № 1. С. 108-11.

[2] Письмо Генерального прокурора РФ В.В. Устинова от 17.06.2002 № 1-ГП-19-2002 «О мерах по обеспечению достоверности показателей состояния преступности и результатов борьбы с правонарушениями».

[3] Письмо Министра внутренних дел РФ Б.В. Грызлова Генеральному прокурору РФ В.В. Устинову (исх. № 1/4052 от 16.06.2004 г.).

новлению следственного органа, утвержденному прокурором». Однако в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной нормы она появилась лишь в УПК РСФСР 1960 г.

Соответственно, как отмечено, появилась и процессуальная норма об отказе в возбуждении уголовного дела с последствиями, отмеченными выше. В подобном случае ст. 309 и 312 Устава уголовного судопроизводства предусматривали, что «если судебный следователь…. не найдет достаточных оснований к производству следствия …сведения должны быть собраны…посредством негласного полицейского разведывания». Тем самым уголовно-процессуальный закон не предусматривал возможность отказа в возбуждении уголовного дела.

Не предоставляет полиции возможность отказать в расследовании при наличии заявления, сообщения о преступлении и уголовно-процессуальное законодательство тех же США, Франции, Германии и других государств с устоявшейся системой уголовного правосудия.

Еще одно негативное обстоятельство существующего сегодня законодательного регулирования процедуры возбуждения уголовного дела или принятия процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела заключается в том, что прямым его последствием являются искаженные данные уголовно-правовой статистики о состоянии преступности в России, уровень которой на 100 тыс. населения в 4-5 раз ниже, чем в абсолютном большинстве государств Европы и в 7,5 раз меньше, чем в Швеции.

Следует также заметить, что процессуальная норма о возбуждении уголовного дела неизвестна странам как с романо-германской, так и англо-саксонской системами правосудия. Например, полнота регистрации и учета преступлений в странах Западной Европы, США, Японии и других обеспечивается за счет того, что заявления о противоправных деяниях, не представляющих большой общественной опасности, после регистрации полицией ставятся на учет как преступления, а затем передаются ее сотрудникам для принятия мер по установлению виновного. Например, в Швеции как преступления учитываются все 100% заявлений, сообщений о противоправных деяниях.

Изложенное позволяет сформулировать вывод, что началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении, и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела по УПК РФ должны быть исключены, на что указывается в Дорожной карте дальнейшего реформирования ОВД РФ (п. 4.5) и о чем Министр внутренних дел В.А. Колокольцев высказал 17.10.2012 на Правительственном часе в Государственной Думе РФ[1].

---

[1] Безотказное следствие // Закон. 2012. № 11.

М.В. Галдин

Об ограничении конституционных прав граждан при производстве осмотра следователями Следственного комитета РФ в досудебном производстве

04.03.2013 принята новая редакция ч. 1 ст. 144 УПК РФ в соответствии с которой при проверке сообщения о преступлении следователь вправе производить такие следственные действия как осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования и назначение судебной экспертизы[1]. Стал возможен не только осмотр места происшествия и трупа, но и осмотр предметов, документов (ст. 176 ч. 2, 178 ч. 4 УПК РФ).

Положения закона о производстве осмотра места происшествия остались неизменными. Согласие на осмотр следует испрашивать лишь при его производстве в жилище. В соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь вправе возбудить ходатайство перед судом о производстве осмотра жилища. В исключительных случаях, когда осмотр жилища не терпит отлагательства, он может быть произведен без получения судебного решения. В этом случае следователь в течение 24 часов с момента начала производства данного следственного действия уведомляет суд, прилагая копии постановления и протокола осмотра жилища для проверки законности его проведения.

Иногда на практике возникает ситуация, при которой одни из проживающих в жилище лиц согласны на осмотр, а другие против этого возражают. В этом случае следует принимать в расчет реальность возражений и их наличность. Помимо этого, следует учитывать и необходимость применения принуждения для производства данного следственного действия. Если для осмотра жилища требуются совершение принудительных действий хотя бы в отношении одного лица, даже при наличии согласия иных лиц, то осмотр считается производимым без согласия, а значит необходимо получение судебного решения[2].

Право на неприкосновенность жилища охраняется ст. 25 Конституции РФ, в соответствии с которой никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установлен-

---

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. 06 марта.

[2] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова // СПС «КонсультантПлюс».

ных федеральным законом, или на основании судебного решения. Поскольку Основной закон страны имеет высшую юридическую силу и прямое действие, то получение судебного решения о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц в стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, является обязательным. Подтверждением тому служит практика Конституционного суда РФ, которым отказано в принятии к рассмотрению жалобы о признании не соответствующей ст.ст. 22, 23 и 25 Конституции РФ статьи 176 УПК РФ как позволяющей, по мнению заявителя, до возбуждения уголовного дела принудительно проникать в жилище для проведения в осмотра места происшествия без согласия проживающих там лиц или без судебного решения[1].

В качестве оснований для производства осмотра жилища, иного помещения признается наличие сведений о совершении преступления и необходимость фиксации обстановки, а также других имеющих значение обстоятельств. Вхождение в эти помещения может быть произведено в принудительном порядке[2], то есть с применением физической силы, вскрытием запертых дверей, ведущих в части осматриваемого помещения. Однако вскрытие сейфов, иных хранилищ, открывание дверей, ящиков в предметах мебели, а также прочие мероприятия поискового характера в рамках осмотра запрещены. Они могут быть произведены при обыске, который допустим только после возбуждения уголовного дела. Ранее уже высказывалось мнение о необходимости внесения изменений в ст. 177 УПК РФ, которые бы позволяли следователю вскрывать помещения не только при обыске, но и при осмотре[3].

Решение следователя об осмотре помещения в организации обязательно для ее администрации (ст. 176 ч.6 УПК РФ). Как правило, осмотр помещения производится в присутствии ее представителя. В случае невозможности обеспечить его участие об этом делается отметка в протоколе. То есть, закон не предусматривает получение согласия на производство осмотра помещения организации представителя организации, а также его обязательное присутствие при этом.

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ядрищенского Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 № 1658-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Кальницкий В.В. Глава 24. Осмотр. Освидетельствование. Следственный эксперимент. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Семенцов В.А. О допустимости производства отдельных следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2010. № 12. С. 7-10.

Частью 1 ст. 7 федерального закона «О Следственной комитете Российской Федерации» предусмотрено право беспрепятственно входить на территории и в помещения, занимаемые органами власти и местного самоуправления, а также предприятиями, учреждениями и организациями независимо от форм собственности, иметь доступ к их документам и материалам в целях проверки находящегося у него в производстве сообщения о преступлении или расследования уголовного дела. Сотрудник СК России имеет право входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление[1]. Данные полномочия не вступают в противоречие с требованиями УПК РФ, а могут быть реализованы в строгом с ними соответствии: обо всех случаях проникновения в жилище против воли проживающих в нем лиц сотрудники Следственного комитета обязаны уведомить суд.

Изъятие в ходе осмотра предметов возможно, когда для него требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен (ст. 177 ч. 3 УПК РФ). Согласно ст. 81 УПК РФ такие предметы могут быть признаны вещественными доказательствами и приобщены к уголовному делу. Окончательно вопрос об их судьбе решается при отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении уголовного дела или вынесении приговора. Изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы подлежат возврату в разумный срок лицам, у которых они были изъяты.

Если участвующее в осмотре лицо препятствует изъятию предметов, то к нему может быть применена физическая сила в форме удержания от нежелательных для следователя действий. Когда участвующее лицо прячет искомое в своем организме, предметах одетой на него одежды, то в рамках осмотра и до возбуждения уголовного дела произвести изъятие не представляется возможным. Другими словами, в ходе осмотра допустимо произвести в принудительном порядке изъятие имеющих значение предметов при условии, что целью такого осмотра является выяснение обстановки, но не собственно изъятие. В противном случае осмотр подменяет собой другое следственное действие, которыми чаще всего являются обыск, личный обыск либо выемка. Подобное указывает на нарушение порядка осмотра и может повлечь признание соответствующего протокола недопустимым доказательством. Отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный суд РФ отметил, что ст. 176 и 177 УПК РФ, которые, по мнению

---

[1] О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ // Российская газета. 2010. 30 декабря.

заявителя, допускают возможность изъятия обнаруженных в ходе осмотра предметов, документов и позволяют рассматривать гражданина в качестве объекта производимого осмотра, подменяя тем самым процедуру личного обыска, были применены необоснованно и незаконно[1].

Таким образом, ограничение прав участвующих при производстве осмотра лиц в стадиях возбуждения и расследования уголовного дела проводится по одним и тем же правилам. В большей степени это связано с тем, что сведения о процессуальном статусе участвующих в осмотре лиц, представителя администрации организации, а также лиц, проживающих в жилище, подробно в законе не изложены. При производстве осмотра необходимо учитывать условия применения принуждения. Во-первых, принуждение в уголовном судопроизводстве является крайней мерой, к которой обоснованным будет обращаться в исключительных случаях, когда убеждение оказалось неэффективным. Во-вторых, принуждение может применяться в минимально возможном объеме, необходимом только в целях производства следственного действия и не допускающем унижения чести и достоинства лица, а также опасности вреда его жизни и здоровью (ст. 9, ст. 164 ч.4 УПК РФ). В-третьих, принуждение должно дифференцироваться в зависимости от статуса участника[2].

Последнее из названных условий применения принуждения пока относится к стадии предварительного расследования, однако велика вероятность более четкого определения полномочий участников в стадии возбуждения уголовного дела. О справедливости такого вывода может свидетельствовать законодательный процесс реализации Концепции судебной реформы РСФСР[3]. В качестве отрицательной характеристики проверки сообщения о преступлении при ее принятии указывалось, что она превратилась в «суррогат» расследования, способный предрешить исход дела. В соответствии с положениями данной концепции «сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, должно быть воспринято как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела». Следуя такой идее, УПК

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Токманцева Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1258-О-О // СПС «Консультант-Плюс».

[2] Кальницкий В.В. Лекция 16. Следственные действия // Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013. С. 621.

[3] Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 88.

Украины от 13.04.2012 года[1] отказался от стадии возбуждения уголовного дела.

Реализация в наши дни Концепции судебной реформы РСФСР по данному направлению приобрела весьма оригинальную форму: стадия возбуждения уголовного дела за счет увеличения количества возможных в ней следственных действий сливается со стадией предварительного расследования. Досудебные стадии уголовного процесса объединяются, представляя собой единое досудебное производство. Его первоначальный этап предусматривает ограниченный частью первой ст. 144 УПК РФ перечень процессуальных средств. После возбуждения уголовного дела возможно применение всего комплекса процессуальных действий, в полной мере обеспеченного мерами государственного принуждения, которым предусмотрены обязанности участников, а также ответственность за их неисполнение. При этом порядок производства осмотра уже допускает возможность ограничения прав граждан до возбуждения уголовного дела.

А.И. Глушков
Н.В. Головко

Проблемы установления признаков торговли несовершеннолетними на стадии возбуждения уголовного дела

Возбуждение уголовного дела является первоначальным и обязательным этапом уголовного судопроизводства, в ходе которого полномочные государственные органы или должностные лица получают сведения о совершённом или готовящемся преступлении, устанавливают наличие (отсутствие) оснований для производства предварительного расследования и принимают решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. В теории уголовного процесса первую стадию уголовного судопроизводства именуют «возбуждением уголовного дела»[2], однако в юридической печати представлены и иные мнения по поводу её названия: рассмотрение сообщений о преступлениях[3], возбуждение уголовного производства[4], стадия разрешения во-

---

[1] URL: http://pravo-ukraine.org.ua.

[2] Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961; Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981; Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинской. М., 2009. С. 220; Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2005. С.153-154.

[3] Васильев А.Н. Рассмотрение сообщений о совершённых преступлениях. М. 1954.

[4] Павлов Н.Е. Возбуждение уголовного производства. М. 1992. С.6.

проса о возбуждении уголовного дела[1], стадия решения вопроса о необходимости расследования[2].

Среди учёных не прекращаются дискуссии и по вопросу о соотношении стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. В частности, представлены две взаимоисключающие точки зрения. Согласно одной из них возбуждение уголовного дела - стадия второстепенная, вспомогательная по отношению к предварительному расследованию. Обоснованию такой позиции в определённой мере способствуют авторы, которые оценивают досудебное производство по делу как одну из функций правосудия, а также процессуалисты, считающие, что в стадии возбуждения уголовного дела в некоторых ситуациях должны быть применимы те или иные действия (экспертиза, задержание, обыск и др.). Значительное число авторов считают стадию возбуждения уголовного дела самостоятельной. В этой связи следует отметить, что все стадии уголовного процесса объединены общими целями и принципами уголовного судопроизводства, однако каждая из них имеет и свои конкретные задачи, свой круг процессуальных действий и их участников. Возбуждению уголовного дела указанные признаки присущи в полной мере.

Как известно, перечень поводов для возбуждения уголовного дела исчерпывающе указан в диспозиции ч.1 ст. 140 УПК РФ. Между тем информация о фактах торговли несовершеннолетними может быть получена из Интерпола, из посольств, от правоохранительных органов иностранных государств; может содержаться в печатных публикациях, телевизионных и радиовещательных программах, в Интернете; может поступить от общественных неправительственных организаций, оказывающих помощь жертвам торговли людьми[3]; от служащих различных неправительственных организаций (работников досуговых учреждений, ферм, строек и др., оказавшихся свидетелями преступления), из сообщений так называемой «третьей стороны» (социальных работников, представителей образовательного учреждения или другой организации, друзей предполагаемой жертвы, а также любых частных лиц или организаций)[4].

Анонимные сообщения о любых преступлениях, включая торговлю несовершеннолетними, передаются в оперативные службы для уста-

---

[1] Михайленко А.Р. Вопросы теории и практики возбуждения уголовных дел в советском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Саратов. 1971. С. 9.

[2] Пидюков П.П. Отказ в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: автореф. дис. … канд. юр. наук. Киев. 1990. С.14.

[3] Дворкин А.И., Торбин Ю.Г., Смирнов Г.К. Торговля людьми в РФ: квалификация, предупреждение, расследование: учебно-практ. пособие. М., 2007. С. 88.

[4] См подробно: Абрамова С.Р., Усанов И.В. Раскрытие и расследование преступной торговли несовершеннолетними: монография. М., 2009. С.53.

новления признаков преступления. Это вызвано тем, что согласно ч. 7 ст. 141 УПК РФ такое заявление не может служить поводом для возбуждения уголовного дела. Однако, по нашему мнению, полностью игнорировать данные источники информации недопустимо по следующим причинам. Как показало проведённое исследование[1], в правоохранительные органы с официальными заявлениями о совершении преступлений указанного вида обращаются значительно реже, чем в общественные неправительственные организации, оказывающих помощь жертвам торговли людьми, включая несовершеннолетних.

В качестве причин, обусловливающих такое поведение жертв преступления, чаще всего называют их жёсткое и длительное изолирование от окружающего мира. В условиях ограниченной свободы передвижения они находятся в полной зависимости от своих эксплуататоров и в то же время опасаются преследования и наказания со стороны правоохранительных органов (например, за занятие проституцией, за нелегальное проживание или трудовую деятельность на территории России). Пострадавшие не доверяют правоохранительным органам и не уверены, что те могут оказать им реальную помощь. Одновременно потерпевшие боятся расправы и мести со стороны «своего хозяина» или торговца людьми, а также боятся огласки и моральных проблем (например, в случае занятия проституцией)[2].

Лишь небольшое количество жертв торговли людьми, в том числе несовершеннолетние, обращаются в полицию и возвращаются домой. Случаи пыток и убийств рабынь-проституток, в том числе, из России, достаточно часты. В России не существует точной национальной статистики в данной области. В этой связи ценность представляют любые экспертные оценки[3].

Учитывая изложенное, представляется целесообразным предусмотреть в уголовно-процессуальном законе в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела анонимные сообщения о готовящемся, совершаемом или совершённом факте торговли несовершеннолетних. В этой связи, на наш взгляд, необходимо дополнить диспозицию ч. 1 ст. 140 УПК РФ следующим положением: «5) анонимное сообщение о совершённом и готовящемся преступлении в отношении несовершеннолетних».

---

[1] Головко Н.В. Доказывание по уголовным делам о торговле несовершеннолетними: дис. …канд. юрид. наук. М., 2012.

[2] См. подробно: Тюрюканова Е.В., Синицын Ф.Л. Программы БДИПЧ по борьбе с торговлей людьми. Выявление жертв торговли людьми, а также предоставление им помощи и защиты в Российской Федерации (на примере Московского региона). 2008. С.50.

[3] См., напр.: Казанцев А. Торговля людьми. Страны СНГ стали главным поставщиком «живого товара» на мировой рынок рабов. URL: http://www.globoscope.ru.

Сведения, полученные их этих источников и указывающие на наличие признаков преступления, также могут являться основанием для возбуждения уголовного дела. Однако в большинстве случаев исходная информация является основанием для проведения оперативно-разыскных мероприятий (наблюдения, опроса, наведения справок, отождествления личности, исследования предметов и документов), позволяющих собрать достоверные факты, уточняющие первичную информацию, и принять необходимые меры воздействия в отношении лиц, причастных к подготовке или совершению торговли несовершеннолетними.[1]

Как показала судебно-следственная практика, всего 14% изученных уголовных дел о торговле несовершеннолетними были возбуждены по заявлениям граждан, причём большинство из них сделаны не самими потерпевшими, а их родственниками. Обычно в этом качестве выступают родители дочерей, уехавших на учёбу или заработки, или обладающие определёнными сведениями о характере их действительного рода занятий за рубежом, полученными из телефонного разговора либо письма.

Имели место случаи, когда с заявлением о возбуждении уголовного дела в полицию обращались родители несовершеннолетних, побывавших в сексуальном рабстве и вернувшихся из-за границы. Нередко при этом родители обладали информацией не только о роде деятельности детей, но и о личности преступников, осуществляющих вовлечении и перемещение девушек в страну назначения. Особенно это характерно для посёлков и небольших городов.

В 5% поводом к возбуждению уголовного дела послужили сообщения должностных лиц, прежде всего, представителей правоохранительных органов иностранных государств по результатам проверки подпольных притонов (борделей), в ходе которой были задержаны нелегально занимающиеся проституцией девушки. Большинство уголовных дел в сфере торговли людьми, в том числе несовершеннолетними, возбуждается в результате непосредственного обнаружения правоохранительными органами признаков преступления (81% изученных дел)[2].

По результатам опроса оперативных сотрудников и следователей, 1-е место по распространённости занимает такой повод, как непосредственное обнаружение правоохранительным органом сведений, указывающих на признаки преступлений (85,5% сотрудников), 2-е – заявление граждан (57,5% сотрудников), 3-е – сообщение должностных лиц государственных органов, предприятий, учреждений, организаций,

---

[1] Абрамова С.Р., Усанов И.В. Указ. соч. С.53.

[2] Шруб М.П. Методика расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации. Минск, 2009. С. 69-71.

объединений (13,5% сотрудников). Такие поводы, как явка с повинной и сообщение о преступлении в средствах массовой информации, не имеют распространения (3,5 и 2,5% опрошенных)[1].

Стадии возбуждения уголовного дела присущи определённые, носящий локальный характер задачи; они прямо предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством или вытекают из его положений, и заключаются в том, чтобы определить следующее:

- является ли информация о готовящемся или совершённом преступлении законным поводом к возбуждению уголовного дела (ч. 1 ст. 140, ст.ст. 141-143, ч. 5 ст. 318, ч. 1 ст. 319 УПК РФ);
- усматриваются ли в деянии, о котором поступило сообщение, признаки общественно опасного деяния (ч. 2 ст. 140 УПК РФ);
- по какой статье УК РФ оно может быть квалифицировано (п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ);
- вправе ли данный государственный орган и конкретное должностное лицо разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела либо имеющиеся материалы подлежат передаче по подследственности (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ);
- имеются ли обстоятельства, препятствующие возбуждению уголовного дела (ст. 24 и ст. 148 УПК РФ);
- не обладает ли лицо, в отношении которого возбуждается уголовное дело, статусом, влекущим особый порядок возбуждения такового (ст.ст. 447 и 448 УПК РФ);
- кем должно производиться дознание или предварительное следствие в случае возбуждения уголовного дела (ст.ст. 149, 151 УПК РФ);
- является ли достаточной имеющаяся совокупность сведений для принятия какого-либо решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ;
- какие меры надлежит предпринять для закрепления и сохранения следов преступления (ч. 2 ст. 140, ч. 3 ст. 145, ч. 4 ст. 144 УПК РФ).

Особенностью данного этапа уголовного судопроизводства является то обстоятельство, что участниками правоотношений являются ограниченный круг субъектов. Такие участники уголовного процесса, как подозреваемый, обвиняемый, защитник[2], законный представитель, потерпевший и его представитель, гражданский истец и гражданский

---

[1] Вместе с тем, необходимо отметить, что в практике имели место случаи возбуждения уголовных дел о торговле людьми по результатам проверки информации, предоставлявшейся журналистами, профессионально занимающимися освещением рассматриваемой проблемы.

[2] Следует уточнить, что согласно п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник может участвовать в уголовном судопроизводстве с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст.144 УПК РФ. Пункт введён Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

ответчик, их представители появляются только в стадии предварительного расследования, а, следовательно, не могут участвовать в процессуальных действиях по сбору доказательств на стадии возбуждения уголовного дела.

В то же время на данной стадии участвуют такие субъекты правоотношений, которые не встречаются на последующих этапах уголовного процесса: заявитель; лицо, явившееся с повинной; лица, дающие объяснения. Они в пределах установленной законом компетенции правомочны в стадии возбуждения уголовного дела принимать участие в доказывании.

Ещё одна особенность стадии возбуждения уголовного дела заключается в том, что здесь не допускается производство следственных действий (за исключением получения образцов для сравнительного исследования, назначения и прозводства экспертизы, осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов и освидетельствования), но предусмотрена процессуальная форма деятельности должностных лиц по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлении. К числу процессуальных (но не следственных) действий согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ относятся следующие: производство документальных проверок, ревизий, истребование документов и предметов, исследование документов, предметов, трупов; привлечение специалистов к участию в проверках, ревизиях, исследованиях; направление органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Учитывая изложенное, можно заключить, что возбуждение уголовного дела является обязательной стадией уголовного процесса и основанием для дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела. При получении в стадии возбуждения уголовного дела сведений о признаках любого преступления, включая торговлю несовершеннолетними, следует соблюдать требования УПК РФ так же неукоснительно, как и при получении доказательств в последующих стадиях уголовного судопроизводства. В противном случае любые сведения, полученные на данном этапе уголовного процесса, будут признаны недопустимыми и исключены из доказывания на основании ст.75 УПК РФ.

М.Р. Глушков

Об исчислении срока доследственной проверки

Российское уголовно-процессуальное законодательство традиционно рассматривает возбуждение уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса.

О целесообразности существования такого этапа судопроизводства споры ведутся десятки лет, он имеет как своих сторонников, так и противников. Отделение этого этапа от процедуры собственно расследования и, главное, его недостаточная правовая регламентация порождают ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться правоприменителям. К таким проблемам относятся, например, объем процессуальных полномочий следователя на этой стадии, соблюдение прав участвующих лиц[1] и др.

Особого внимания заслуживает такой проблемный вопрос стадии возбуждения уголовного дела, как исчисление срока доследственной проверки. Собственно срок проверки не вызывает разночтений – он установлен в законе вполне определенно, это трое суток, в течение которых согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь должен принять решение по сообщению о преступлении. Проблема заключается в том, как определять окончание этого срока. Ее практический смысл состоит в том, что от этого зависит, какую дату должен будет указать следователь в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела (или о возбуждении дела).

Следственная практика по этому, на первый взгляд, ясному вопросу в территориальных подразделениях Следственного комитета Российской Федерации складывается далеко неоднозначно.

Первая сложившаяся на практике точка зрения исходит из того, что дата вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должна отличаться от даты, в которую поступило сообщение о преступлении, на три. Например, если по КРСП рапорт об обнаружении признаков преступления зарегистрирован 10-го числа, то постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть вынесено 13-го числа или ранее. Таким образом, следователи, придерживающиеся этой точки зрения, полагают, что сутки, в течение которых поступило сообщение о преступлении, принимать в расчет не нужно.

Вторую, противоположную, точку зрения разделяют следователи, которые включают дату регистрации сообщения о преступлении в трехсуточный срок. У них постановление об отказе в возбуждении дела по дате будет отличаться от даты КРСП на два (12-е число для приведенного выше примера).

Опыт проведения занятий в формате «круглого стола» в Санкт-Петербургском филиале ИПК СК России показал, что примерно треть слушателей придерживается первой точки зрения, остальные – второй.

---

[1] Так, Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», вопреки ожиданиям, проблему не столько прояснил, сколько усугубил.

Однако при этом четко аргументировать свою точку зрения – будь то первая или вторая – следователи затрудняются, ссылаясь на то, что «так сложилось» в их регионе.

В юридической литературе рассматриваемый вопрос незаслуженно обойден вниманием. Авторы комментариев к УПК РФ не останавливаются на нем, видимо, полагая очевидным[1]. Однако, как мы увидели – это далеко не так.

Необходимо отметить, что указанная проблема характерна не только для срока доследственной проверки, но и для ряда других сроков, исчисляемых сутками. Так, например, ст.172 УПК РФ предписывает предъявить обвинение не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого; согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления соответствующего ходатайства следователь предлагает обвиняемому пригласить другого защитника и т.д.

Разные подходы к применению ч. 1 ст. 144 УПК РФ вызваны неоднозначностью самой нормы: буквальное прочтение ее текста ответа на вопрос не дает – в смысл фразы «принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения» укладываются и первый, и второй подходы.

Поэтому рассматривать проблему необходимо системно – через призму положений ст. 128 УПК РФ об исчислении процессуальных сроков.

Среди авторов, которые затрагивают вопрос исчисления сроков, мнения также разделились. Из тех, кто придерживается первой точки зрения (то есть полагает ненужным учитывать день поступления сообщения, вынесения постановления и др.), можно отметить Б.Т. Безлепкина, который в своем комментарии к УПК РФ приводит пример расчета срока, исчисляемого сутками[2]: допустим, 30 июля судьей вынесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Согласно ч. 11 ст. 108 УПК РФ, оно может быть обжаловано в срок не позднее трех суток со дня вынесения. Поэтому жалоба должна быть подана до истечения суток 2 августа (в июле 31 день). Свою позицию автор, однако, никак не аргументирует.

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2004; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.И. Радченко, В.Т. Томина, М.П. Полякова. М., 2006; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2008; Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2012.

Эту же точку зрения, и так же без аргументов высказывают И.О. Воскобойников и М.Г. Гайдышева[1] Они демонстрируют «абсурдность» противоположного подхода примером – если заявление о преступлении зарегистрировано в 23 часа 50 минут, то первые сутки истекают через 10 минут после регистрации повода. Здесь игнорируется очевидный контрдовод – если сообщение зарегистрировано в 00 часов 05 минут, то срок проверки, исчисляемый этими авторами, фактически составит четверо суток. Для нашего примера это будут без пяти минут сутки 10-го числа, плюс еще трое суток до 24 часов 13-го.

Верным же представляется другой подход, состоящий в том, что первые сутки, в течение которых поступило сообщение о преступлении, являются именно первыми, а не «нулевыми» как в рассмотренных выше примерах, и более того – учитываются как целые, то есть округляются в бóльшую сторону.

Действительно, согласно ч. 1 ст. 128 УПК РФ, для сроков, исчисляемых месяцами, не принимаются во внимание тот час и те сутки, которыми начинается течение срока. Об иных сроках, в том числе исчисляемых сутками, такой оговорки нет, значит, на них это правило не распространяется, поэтому должны приниматься во внимание те час и сутки, которыми начинается течение срока.

С учетом этого, смысл ч. 1 ст. 144 УПК РФ надо понимать так, что решение по сообщению о преступлении принимается в течение трех суток со дня его поступления, включая этот день[2].

Таким образом, положения ч. 1 ст. 144 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 128 УПК РФ позволяют утверждать, что сутки, в которые поступило сообщение о преступлении, должны включаться в срок доследственной проверки, поэтому процессуальное решение по зарегистрированному 10-го числа сообщению должно быть датировано как максимум 12-м.

Данную точку зрения разделяет И.В. Маслов, который, правда, ее никак не аргументирует. В его работе лишь приводится пример – «если сообщение о преступлении поступило в 10:00 1 января, то принять по нему решение необходимо 3 января не 10:00, а до 23:59»[3].

А.А. Жамков, также придерживающийся принципа «плюс два», считает, что в противном случае происходит смешение различных ка-

---

[1] Воскобойников И.О., Гайдышева М.Г. Проблемы формирования доказательственной базы при проверке сообщений о преступлениях // Адвокатская практика. 2013. № 5. С. 24.

[2] «День» в данном случае является синонимом «суток» – см. Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. URL: ozegov.info.

[3] Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. М., 2013. С. 33.

тегорий (масштаба) времени: часов и суток, которое представляется ему неверным[1].

Сказанное выше позволяет предположить причины, из-за которых мнения правоприменителей по вопросу срока доследственной проверки разошлись так кардинально. Дело в том, что ранее действовавший УПК РСФСР в ст.103 «Исчисление сроков» предусматривал для всех сроков правило, которое сейчас существует только для исчисляемых месяцами, – не принимать в расчет тот час и сутки, которыми начинается течение сроков. Поэтому следователи вполне обоснованно прибавляли к дате регистрации три дня (не включая первый) и именно на этот срок ориентировались как на предельный для проведения проверки. В некоторых регионах, как показывается практика, эта традиция сохранилась до сих пор.

С учетом изложенного, представляется необходимым во избежание разночтений внести определенность в нормативное регулирование данного вопроса и явно обозначить в УПК РФ момент, с которого начинается исчисление процессуальных сроков.

А.Ю. Головин
А.В. Матвеев

К вопросу о возможности ознакомления с материалами проверки сообщения о преступлении

Стадия возбуждения уголовного дела это первоначальная стадия уголовного процесса. В ходе данной стадии проверяется сообщение о преступлении с целью разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении. Результатом деятельности по проверке сообщения о преступлении являются материалы предварительной проверки – процессуальные документы (запросы, требования), протоколы административной деятельности, акты иных органов исполнительной власти, указывающие на признаки выявленного преступления, протокол осмотра места происшествия.

Одним их фактов ее окончания является момент возбуждения уголовного дела, о чем следователь выносит постановление. С этого момента вся информация по установлению обстоятельств совершенного преступления фиксируется в материалах уголовного дела.

Таким образом, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела является юридическим фактом, возникновения отношений, связанных с ознакомлением с материалами уголовного дела.

---

[1] Жамков А.А. Проблемные вопросы правового регулирования сроков и средств проверки сообщений о преступлениях экономической направленности // Российский следователь. 2009. № 4.

Следовательно, общественные отношения, связанные с ознакомлением с материалами уголовного дела, не являются предметом регулирования норм гл. 19 и гл. 20 УПК РФ.

Материалы предварительной проверки после возбуждения уголовного дела включаются в материалы уголовного дела, ввиду того, что содержат сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

УПК РФ предусмотрено право заявителя обжаловать решение, принятое по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (ч.2 ст. 145). Постановление о возбуждении уголовного дела является одним из таких решений, следовательно, оно должно подлежать обжалованию в суд, исходя из анализа ст.ст. 123, 125 УПК РФ.

УПК РФ не содержит прямого указания о судебном порядке обжалования возбуждения уголовного дела (ст. 125 УПК РФ). Судебная практика[1] и некоторые ученые[2] считают, что согласно этой статье, в суд могут быть обжалованы и иные решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, поэтому к числу решений, обжалуемых в судебном порядке, следует относить и постановление о возбуждении уголовного дела. «Участник процесса, не ознакомившийся с вынесенным в отношении него решением и его обоснованием, не в состоянии не только должным образом аргументировать свою жалобу на это решение, но и правильно определить, будет ли обращение в суд отвечать его интересам. Поэтому для обеспечения возможности судебного обжалования постановлений следователя, которыми нарушаются права личности, обвиняемому должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации, а форма и порядок ознакомления с материалами избираются следователем, прокурором или судом в пределах, исключающих опасность разглашения следственной тайны»[3].

Здесь мы столкнулись с проблемой определения статуса заявителя в уголовном судопроизводстве.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2002 «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст.116, 211, 218, 219 и 220 УПК РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан» // Рос. газета. 2003. 15 января.

[2] Петрухин И.Л. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела? // Российская юстиция. 2002. № 4 С.49. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003.С. 160.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 18.12.2003 № 429-0 «По жалобе граждан Березовского Бориса Абрамовича, Дубова Юлия Анатольевича и Патаркацишвили Аркадия Шавловича на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3. С. 67-70.

Среди процессуалистов в настоящее время нет единого мнения по данному вопросу. Одни полагают, что «по возбуждении дела лицо, от которого поступило заявление не перестает быть заявителем и не выбывает из процесса»[1].

Другие утверждают, что «заявитель, после подачи заявления о возбуждении уголовного дела, (при условии его возбуждения) и до момента признания его потерпевшим не имеет статуса участника уголовного процесса»[2], поэтому считать, что лицо, подающее жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела, обладает процессуальным статусом заявителя некорректно.

Формально данное лицо не обладает процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства, так как отсутствует юридическое основание для возникновения данного статуса. Так обретение статуса заявителя связано с подачей и регистрацией заявления о преступлении, составлением протокола устного заявления, потерпевшего – с вынесением постановления о признании потерпевшим, свидетеля – с момента вызова на допрос. Каким же статусом обладает лицо, подающее жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела?

Стадия возбуждения уголовного дела оканчивается с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении, решение о передаче сообщения по подследственности является промежуточным. В судебной практике и в доктринальных источниках при рассмотрении проблем подачи жалоб на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела лицо, подающее жалобу прокурору или в суд именовалось заявителем. Таким образом, логично предположить, что лицо, подающее жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела, обладает правами и обязанностями заявителя.

Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана»[3] и определение Конституционного Суда от 6.06.2000 № 191-0 «По жалобе гражданина Луценко М.М. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 113 УПК РСФСР»[4] подтвердили право заявителя на ознакомление с материалами проверки по заявлению о преступлении при отказе в возбуждении уголовного дела. Приведенное выше мнение Конституционного Суда РФ, а также точка зре-

---

[1] Демидов И.Ф. Заявитель в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 36. М., 1982. С. 87.

[2] Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 18.

[3] СЗ РФ. 2000. № 9. Ст. 1066.

[4] Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 1.

ния И.Л. Петрухина[1] о возможности подачи жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела, указывают на возможность применения аналогии в случае подачи ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела лицом, заявившем о совершенном преступлении, подающим жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела. При этом необходимо отметить, что предоставлению подлежат материалы проверки сообщения о преступлении и постановление о возбуждении уголовного дела. Протоколы следственных действий, являющиеся результатом последующей, после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, процессуальной деятельности, не подлежат предоставлению для ознакомления.

Таким образом, на границе стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, для лица, подающего жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела возможно ознакомление с материалами уголовного дела. Однако предоставленными могут быть лишь материалы предварительной проверки сообщения о преступлении и постановление о возбуждении уголовного дела.

В.В. Горский

Новый подход к доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме

Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ввел в УПК РФ новый процессуальный институт «сокращенное дознание».

Целью настоящей статьи является проведение анализа нововведений, касающихся процедуры доказывания на стадии возбуждения уголовного дела (в ходе т.н. процессуальной проверки сообщения о преступлении) при производстве дознания в сокращенной форме. Этому вопросу посвящена отдельная ст. 226.5 УПК РФ, ч. 1 которой устанавливает, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей. Достаточность эту, как видно, определяет дознаватель самостоятельно.

Далее законодатель конкретизирует свою позицию. В ч. 2 этой же статьи он установил, что дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, не производство кото-

[1] Петрухин И.Л. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела? // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 49.

рых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. Отсюда сам собой напрашивается вывод о том, что другие доказательства или вообще какие-либо сведения (при условии, что подозреваемый признает свою вину) собирать совершенно не нужно.

Изменения коснулись не только процесса собирания доказательств, но и их проверки. С учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Данная статья предоставляет дознавателю право:

- не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

- не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении;

- не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Как видно законодатель поставил знак равенства между объяснениями лиц и показаниями свидетелей, заключением эксперта и актом предварительного исследования специалиста[1], наделив их силой доказательств. При этом остается неясным вопрос с гарантиями, которые обеспечивают силу доказательствам (в их традиционном понимании). А именно с уголовной ответственностью за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста (ст.307 УК РФ). Так совершенно очевидно, что, во-первых, объяснения не являются показаниями, а во-вторых, лица (очевидцы), от которых отбирались эти объяснения, в силу прямого указания закона (ст. 56 УПК РФ) свидетелями не являются, о чем уже говорилось выше. К слову следует отметить, что и действия должностных лиц по фальсификации сведений в ходе доследственной проверки также не попадают под действие ст. 303 УК РФ.

[1] Данное обстоятельство вызывает особое недоумение, ввиду того что этим же законом разрешено назначать экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Законодателю в этом случае (как бы нелепо это не выглядело) следовало бы установить уголовную ответственность за фальсификацию материалов процессуальной проверки сообщения о преступлении. Тем более в 2012 г. в ст. 303 УК РФ уже введена ч. 4, устанавливающая уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности.

Подводя итог сказанному, следует констатировать, что в настоящее время исчезает грань между стадией возбуждения уголовного дела и стадией предварительного расследования. Более того, складывается впечатление, что не стадия предварительного расследования поглощает стадию возбуждения уголовного дела, а наоборот, стадия возбуждения уголовного дела, с ее урезанными доказательственными возможностями, поглощает стадию предварительного расследования[1].

Следует также отметить, что все эти нововведения напоминают «протокольную форму досудебной подготовки материалов», известную отечественному уголовному процессу, и от которой законодатель в 2001 г. решил отказаться. Данная форма заключалась в том, что по делам о преступлениях, перечисленных в ст. 414 УПК РСФСР, органы дознания не позднее чем в десятидневный срок устанавливали обстоятельства совершенного преступления и личность правонарушителя, получали объяснения от правонарушителя, очевидцев и других лиц, истребовали справку о наличии или отсутствии судимости у правонарушителя, характеристику с места его работы или учебы и другие материалы, имеющие значение для рассмотрения дела в суде. У правонарушителя отбиралось обязательство являться по вызовам органов дознания и суда и сообщать им о перемене места жительства. Об обстоятельствах совершенного преступления составлялся протокол, в котором указывалось: время и место его составления; кем составлен протокол; данные о личности правонарушителя; место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и другие существенные обстоятельства; фактические данные, подтверждающие наличие преступления и виновность правонарушителя; квалификация преступления по статье УК РФ; данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему ущерба. К протоколу приобщались все материалы, а также список лиц, подлежащих вызову в суд.

Начальник органа дознания, изучив протокол и приложенные к нему материалы, при наличии достаточных оснований возбуждал уголовное дело и формулировал обвинение с указанием статьи уголовного закона, предусматривающей данное преступление, о чем в протоколе делалась соответствующая запись. Лицу, в отношении которого воз-

---

[1] Идея отмены стадии возбуждения уголовного дела не нова, в настоящее время она реализуется в некоторых зарубежных странах (например, в новом УПК Украины), имея своих сторонников и противников.

буждено уголовное дело, разъяснялась сущность обвинения и его право знакомиться со всеми материалами уголовного дела, иметь защитника, заявлять ходатайства и обжаловать действия органа дознания. После чего уголовное дело направлялось прокурору, который в срок, не превышающий трех суток, принимал одно из следующих решений: 1) о направлении уголовного дела в суд; 2) о направлении уголовного дела для производства дознания или предварительного следствия; 3) о прекращении уголовного дела. В суде дело подлежало рассмотрению не позднее чем в четырнадцатидневный срок с момента поступления материалов в суд. При рассмотрении таких дел судья имел право возвратить его для производства дознания и предварительного следствия с учетом подследственности, если возникала необходимость выяснения существенных дополнительных обстоятельств, которые не могли быть установлены в судебном заседании.

Как видно такая форма как раз и заключалась в том, чтобы по очевидным делам небольшой тяжести, прямо перечисленным в законе, не тратить время на проведение следственных действий и на процессуальное оформление их результатов. Органы дознания в течение 10 дней должны собирать соответствующие материалы, оформить протокол, который, по сути, совмещает в себе и постановление о возбуждении уголовного дела, и постановление о предъявлении обвинения, и обвинительное заключение. После чего дело направляется прокурору, а затем в суд. И уже суд по итогам судебного следствия, в полном объеме исследовав все представленные материалы, вызвав и допросив свидетелей и потерпевших, выносит законный и главное обоснованный приговор.

Очевидно, что при таком порядке все доказывание (формирование доказательств) проходит непосредственно в суде. Практически так же, как сейчас это имеет место быть при рассмотрении дел частного обвинения, когда потерпевший (частный обвинитель) самостоятельно собирает различные материалы, сведения, относящиеся к делу, а силу доказательств они приобретают в ходе непосредственного их исследования судом.

По новому закону, ни о каком доказывании в традиционном его виде вообще не говорится – ни в суде, ни входе досудебного производства по делу. Теперь у нас есть так называемая доследственная проверка сообщения о преступлении; возбуждение уголовного дела; обязательное признание своей вины подозреваемым; собранные материалы и доказательства, между которыми стерта грань (как то объяснения лиц и показания свидетелей, заключение эксперта и акт предварительного исследования), в объеме достаточном для установления события преступления и виновности лица. При чем, достаточность эту определяет, как уже отмечалось, сам дознаватель. Главным условием соблюдения новой процедуры «доказывания» является отсутствие возражений со

стороны подозреваемого, его защитника, потерпевшего, его представителя. По окончании этой деятельности дознаватель составляет обвинительное постановление и через прокурора направляет его в суд, где дело рассматривается в особом порядке, т.е. без производства судебного следствия.

Таким образом, введение в российский уголовный процесс института сокращенного дознания логично продолжило тенденцию по установлению концепции «Признание вины – царица доказательств». Деятельность по проверке и оценке доказательств отсутствует теперь не только в суде, но и на стадии предварительного расследования. И поэтому можно с уверенностью утверждать, что по большинству уголовных дел[1] приговоры теперь будут выноситься «без суда и следствия».

М.В. Горский

Стадия возбуждения уголовного дела: анализ законодательных новелл

4.03.2013 в УПК РФ Федеральным законом № 23-ФЗ[2] были внесены достаточно серьезные изменения, касающиеся широкого круга вопросов на стадии возбуждения уголовного дела, а также введения новой формы предварительного расследования – сокращенного дознания. В рамках данной статьи рассмотрим наиболее принципиальные изменения.

Часть 3 ст. 49 УПК РФ была дополнена еще одним случаем, когда защитник вступает в уголовное дело: с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 настоящего Кодекса. Здесь хотелось бы отметить, что Уголовно-процессуальный закон говорит не о подозреваемом, а о лице, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Тем не менее, данному лицу предоставляется именно защитник (а не просто адвокат, как это сделано, например, в отношении свидетеля и лица, в помещении которого проводится обыск).

---

[1] Как отмечают сами разработчики данного закона – это 65% от всех уголовных дел. См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ// СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

Следует также обратить внимание на то, что перечень обстоятельств признания лица подозреваемым не был изменен. Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ; либо которое задержано в соответствии со ст. ст. 91, 92 УПК РФ; либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ; либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ.

Таким образом, можно констатировать, что лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, обладающее правом иметь защитника. В целом положительно оценивая данное нововведение следует отметить, что, к сожалению, УПК РФ не содержит норм, регулирующих возможность реализации данным лицом других процессуальных прав на стадии возбуждения уголовного дела. Например, права на ознакомление с материалами уголовного дела, права на заявление отводов участникам уголовного судопроизводства, права представлять доказательства и др. К тому же следует учитывать, что перечень следственных и процессуальных действий, возможных на стадии проверки сообщения о преступлении был сильно расширен данным пакетом изменений УПК РФ, о чем подробнее будет сказано ниже, что и требует более широких полномочий участвующих лиц.

Значительным изменениям подверглась ст. 144 УПК РФ. Часть 1 данной статьи изложена в новой редакции: Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Как видно из приведенного текста статьи, законодатель расширил перечень процессуальных и следственных действий возможных до возбуждения уголовного дела. Но ряд нововведений вызывает недоумение. Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ указано, что дознаватель, орган дознания, а также следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения. Если ранее объяснения отбирались при производстве такого оперативно-розыскного мероприятия как опрос соответствующими подразделениями, то теперь это вправе делать следователь. Остается не ясным, будет ли теперь получение объяснений от лиц считаться процессуальным действием или нет. К тому же, чтобы полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения стали доказательствами в соответствии с новой ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ должны быть соблюдены положения ст. 75 и 89 УПК РФ, т.е. фактически такие объяснения необходимо проводить по правилам допроса. Такое половинчатое решение законодателя представляется не совсем верным. Следует также отметить, что при дачи объяснений лицо не является свидетелем, а значит не обладает процессуальным статусом, не может реализовать процессуальные права. По нашему мнению, логичнее бы было написать, что на стадии проверки сообщения о преступлении следователь вправе проводить допросы.

Подобная завуалированность относится и к следующему положению той же ч. 1 ст. 144 УПК РФ: при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом. В данном случае законодатель опять уходит от прямого указания на производство конкретного следственного действия. Имеется ли здесь в виду только выемка или может эта формулировка включает в себя также и обыск, сказать сложно. Следует правда отметить, что, например, в соответствии с новыми Методическими рекомендациями по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме (утв. ФССП России 26.04.2013 № 04-7) дознаватель ФССП России в ходе проведения проверки в порядке ст. 144-145 УПК в праве истребовать предметы и документы, проводить их выемку в порядке ст. 183 УПК РФ.

Еще одной новеллой, о которой в последнее время в юридической науке ведется бурная дискуссия, стала возможность на стадии предварительной проверки получать образцы для сравнительного исследования, а также назначение и производство судебных экспертиз. Несмотря на то, что Федеральный закон от 4.03.2013 № 23-ФЗ ввел новую редакцию части 1 ст. 144 УПК РФ, в ней все равно остается некорректное сочетание с положениями из предыдущей редакции. А именно: в начале предложения указано, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного

органа вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, а в конце предложения осталась формулировка предыдущей редакции: в праве требовать исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов. От кого требовать исследования, чем такие исследования отличаются от экспертных исследований остается не ясным и усложняет правоприменение.

В указанной норме говорится о разумности сроков получения заключения эксперта. Но конкретные временные ограничения не указаны. Более того, необходимо отметить, что если ранее, до внесения изменений 4.03.2013, сроки проверки сообщения о преступлении ограничивались 3 сутками по общему правилу, с возможностью продления до 10 суток и 30 суток при необходимости производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов (а в редакции 2007 г. только для проведения документальных проверок и ревизий), то новая редакция ч. 3 ст. 144 УПК РФ устанавливает, что при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток. Таким образом, получается, что фактически сроки проверки сообщения о любом преступлении могут быть легко продлены до 30 суток, поскольку назначение судебных экспертиз и проведение оперативно-розыскных мероприятий возможны в рамках любой категории уголовного дела. И, если еще о производстве конкретной судебной экспертизы участвующие лица могут быть извещены, то извещать о производстве негласных оперативно-розыскных мероприятий их, конечно же, никто не будет, а значит они лишаются возможности реагировать на затягивание сроков проведение доследственной проверки.

Правда в ст. 144 УПК РФ вносится отдельная ч. 1.1., которая закрепляет, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. К сожалению, в этой статье не указано право участвующих лиц на информацию, на ознакомление с конкретными

материалами проверки, а именно в этом состоят наибольшие трудности на практике. Не ознакомившись с конкретными материалами, участвующие лица лишаются возможности мотивированно обжаловать действия (бездействия), решения соответствующих должностных лиц[1].

Вызывает также много вопросов и новая ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ, согласно которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Если внесенные 4.03.2013 в УПК РФ направлены на расширение возможностей так называемой доследственной проверки, на предание доказательственного значения собранным в ходе ее данным, то не понятно зачем законодатель тут же говорит, что подлежит удовлетворение ходатайство о дополнительной либо повторной судебной экспертизе. Получается, что мы все равно не доверяем действиям, проводимым на стадии возбуждения уголовного дела? Кроме того, приведенная норма является еще одной возможностью злоупотребления стороной защиты путем затягивания процессуальных сроков.

Серьезным изменениям подвергся институт понятых в уголовном судопроизводстве. Согласно новым положениям ч. 1 ст. 170 УПК РФ обязательное участие понятых необходимо только при производстве обыска (ст. 182 УПК РФ), выемки электронных носителей информации (ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ), личном обыске (ст. 184 УПК РФ) и при предъявлении для опознания (ст. 193 УПК РФ). В остальных следственных действиях участие понятых заменяется обязательным применением технических средств фиксации хода и результатов следственного действия[2]. Какие имеются ввиду технические средства фиксации опять не ясно. Пишущая ручка, линейка, печатная машинка, персональный компьютер, можно считать достаточными средствами фиксации? Почему было не указать, что обязательно применение технических средств фото-, аудио-, видеофиксации. А далее в этой же части статьи вообще содержится оговорка, что если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в про-

---

[1] См. подробно: Горский В.В. Тактические основы деятельности адвоката-представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России. М., 2011. С. 52-98. Правда необходимо учитывать, что в последние время ситуация начинает выравниваться, о чем свидетельствуют изменения УПК РФ от 28.12.2013 № 432-ФЗ, согласно которым потерпевший теперь имеет право получать копии различных процессуальных документов.

[2] Правда далее содержится оговорка, что в других следственных действиях, где ранее участие понятых было обязательным, сейчас они принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя.

токоле соответствующую запись. Какие имеются ввиду случаи невозможности применения технических средств опять не уточняется, что лишает возможности участвующих лиц реагировать на возможные злоупотребления следователем.

Таким образом, приведенные новеллы не разрешили имеющиеся проблемы стадии возбуждения уголовного дела, а, наоборот, добавили новые. Расширение возможных следственных действий в рамках доследственной проверки и увеличение ее сроков еще сильнее размыли границы между стадией возбуждения уголовного дела и предварительным расследованием, что окажет негативное влияние на все уголовное судопроизводство и защиту прав участвующих лиц.

Е.П. Гришина

Производство экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении

Интеграция России в международное, прежде всего, европейское, правовое пространство, предопределяет стремление нашего государства занять достойное место в мировом сообществе, продолжить процесс приобщения к общепризнанным ценностным ориентирам и обеспечить достойное существование и надлежащую правовую защиту своим гражданам. Политический курс Российской Федерации на построение правового государства в качестве необходимых условий своего существования предполагающего создание условий для полноценного воплощения прав, свобод и интересов личности, верховенство закона и признание государством социальной ценности институтов гражданского общества, находит непосредственное отражение в проводимой судебной реформе, одним из направлений которой является радикальное усовершенствование уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Возбуждение уголовного дела и уголовное преследование – публично-правовая деятельность, которая даже в самом что ни есть состязательном процессе сопряжена с неизбежностью применения правоограничительных мер, что в свою очередь никоим образом не вступает в противоречие с назначением уголовного судопроизводства, обозначенного в ст. 6 УПК РФ.

«Для того, чтобы выполнить назначение уголовного судопроизводства, – писала профессор П.А. Лупинская, – необходимо: установить, имело ли место событие, по поводу которого было возбуждено уголовное дело; кто совершил преступные действия (бездействие); виновность обвиняемого и мотивы преступления, а также другие обстоятельства, характеризующие происшедшее событие и личность обвиняемого. В ходе производства по делу может быть установлено, что событие

не имело места или обвиняемый не причастен к совершению преступления»[1]. Установление обозначенных обстоятельств начинается со стадии проверки сообщения о преступлении, имеющей важное организующее, ориентирующее, а иногда и определяющее судьбу уголовного дела значение.

Проверка информации о совершенных или готовящихся преступлениях существенно осложняется сложной криминогенной обстановкой в стране, только в январе-июне 2013 г. отделами внутренних дел России рассмотрено 16,09 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 6,3% больше, чем за семь месяцев 2012 г. Почти по каждому шестнадцатому сообщению (6,3%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1018,7 тыс. уголовных дел; зарегистрировано 1303,7 тыс. преступлений[2].

Доказывание в уголовном процессе начинается именно со стадии возбуждения уголовного дела, поскольку уже на этапе проверки сообщения о преступлении имеет место мыслительная деятельность по оценке сведений, свидетельствующих о достаточности данных, позволяющих прийти к выводу о наличии в деянии лица или лиц (установленных или неустановленных) признаков конкретного состава преступления, предусмотренного УПК РФ). Помимо прочего, уже на этой стадии допускается производство ряда следственных и иных процессуальных действий[3].

Одним из наиболее дискуссионных и в тоже время актуальных (с правовой и нравственно-этический позиций) вопросов, касающихся стадии проверки сообщения о преступлении был и остается вопрос о производстве судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

УПК РФ в редакции Федерального закона от 4.03.2013 № 23-ФЗ содержит принципиально новую, расширяющую перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, формулировку. Согласно законодательным нововведениям при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу,

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М., 2009. С. 282.

[2] Состояние преступности за январь-июль 2007 г. URL: http://www. mvd. ru.

[3] Левеев Ю.Е. Правые и нравственно-этические аспекты доказывания в досудебном производстве уголовного процесса России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 17-18.

принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Производство экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела в правоприменительной практике актуально для предварительного исследования микрообъектов, особенно наркотических, психотропных и сильнодействующих веществ. Подобное нововведение положило конец дискуссиям, не прекращавшимся с момента принятия УПК РФ 2001 г.[1]. И дискуссии эти были основаны, изначально на требованиях морального (нравственного) плана, а потом переходили с не писанных установок на строго формализованную правовую ткань.

В правовом государстве юридически оформленная (в том числе – процессуальная) деятельность зачастую представляет собой узаконенную мораль, признанные на государственном уровне ее требования и ограничения, такое положение вполне оправданно, поскольку «аморальное» право не может выступать действенным и просто приемлемым регулятором в любом обществе.

Оптимальную и соответствующую потребностям цивилизованного гражданского общества и правового государства модель взаимодействия правовых и нравственных норм в уголовном судопроизводстве, предлагает А.П. Гуськова: «Нравственные нормы, реализуемые в области уголовного судопроизводства, не отделяются от процессуальных норм, они включены в их содержание, являются «необходимым ингредиентом» правовых предписаний и определяют нравственный смысл и значение процессуальных норм, указывают этически допустимые способы их реализации. Поэтому, когда говорят о нравственных основах

---

[1] Глазунова И.В. Теоретические и правовые аспекты участия эксперта в досудебном производстве по уголовным делам (по материалам ФТС России): дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 158; Орлов Ю.К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2003. № 9. С. 20; Фесенко Н.П. Использование специальных знаний в производстве о таможенных правонарушениях и преступлениях: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 156; Коневец К.С. Способы собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 9; Аверьянова Т.В. Проблемы теории и практики судебной экспертизы // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. М., 2005. Ч. 2. С. 176.

уголовного процесса, то предполагают, что самим процессуальным нормам должен быть присущ определенный нравственный характер»[1].

Проведение исследований, требующих специальных познаний, на стадии проверки информации о преступлении осуществляется и в рамках оперативно-розыскных мероприятий (в том числе в ходе исследования предметов и документов), предусмотренных ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности»[2], поскольку выявление признаков преступлений является задачей не уголовно-процессуальной, а оперативно-розыскной деятельности.

Производство экспертизы до возбуждения уголовного считают оправданным и даже незаменимым следственным действием 98% опрошенных экспертов, 89% – следователей, 76% – дознавателей; 12% – сотрудников прокуратуры, при этом указывается две «классические», основные ситуации подобного производства: а) в случаи, не терпящие отлагательства; б) невозможность установить основания для возбуждения уголовного дела без получения заключения эксперта.

Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела предполагает устранение некоторых терминологических неточностей в действующем УПК РФ. Особую сложность представляет собой решение вопроса о защите прав и охраняемых законом интересов личности при производстве экспертизы на этой стадии, поскольку в этот период отсутствуют такие участники судопроизводства, как обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, которые наделяются обширным арсеналом прав при производстве экспертизы в соответствии со ст. 198 УПК РФ. Именно этот аспект был главным аргументом против производства экспертизы до возбуждения уголовного дела. Вместе с тем необходимо учитывать, что большинство преступлений (70-75%) совершаются в условиях неочевидности, т.е. когда преступник – лицо неустановленное, а значит, при любом порядке назначения экспертизы полностью обеспечить его права невозможно. Аналогичное положение вещей имеет место, если лицо, пострадавшее от преступления, не обращается с заявлением в правоохранительные органы, а сведения о совершенном против него противоправном деянии поступают дознавателю, следователю, прокурору из других источников. Не известен потерпевший – невозможно обеспечить в полном объеме его права.

Проведение экспертизы, в том числе и до возбуждения уголовного дела, может быть сопряжено с применением мер процессуального принуждения в отношении живых лиц. Подобного рода положение противоречит принципу неприкосновенности личности. Вместе с тем следу-

---

[1] Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. М., 2002. С. 84.

[2] Российская газета. 1995. 18 августа.

ет признать и то обстоятельство, что лицо может оказаться заинтересованным в том, чтобы в отношении него было проведено экспертное исследование (например, чтобы снять подозрение в совершении преступления).

Выход из подобной ситуации может быть только один – дополнить ст. 195 УПК РФ частью 1.2. следующего содержания: «1.2. Проведение до возбуждения уголовного дела экспертиз, сопряженных с мерами процессуального принуждения в отношения живых лиц, допускается только с письменного согласия этих лиц.

Лицам, давшим письменное согласие на проведении в отношении них экспертизы до возбуждения уголовного дела, предоставляются права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса».

Правовая природа производства экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении, представленная подобным образом, будет согласовываться не только с нормами уголовно-процессуального права, главным образом его назначением, но и с нравственно-этическими требованиями, предъявляемыми к уголовному преследованию, как особой, значимой в социальном, политическом и правовом плане деятельности.

И.С. Дикарев

О необходимости перехода от дискретной модели досудебного производства к континуальной

Особенностью российского уголовного процесса является построение досудебного производства как структуры дискретной (от лат. discretus), разделенной на две части – стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного расследования. Между тем, такая модель досудебного производства не является единственно возможной. В законодательствах зарубежных стран можно найти примеры иной – континуальной (от лат. continuus) – структуры досудебного производства.

Какая модель оптимальна для российских условий?

Доследственная проверка сообщений о преступлениях приходится на тот временной отрезок, который следует непосредственно за моментом получения правоохранительными органами информации о криминальном событии, то есть занимает время, наиболее благоприятное для установления обстоятельств происшедшего.

Однако ограниченность процессуальных (прежде всего познавательных) средств, которыми располагают органы расследования на стадии возбуждения уголовного дела, не только не позволяет в полной мере использовать преимущества первоначального этапа расследования, но и прямо тому препятствует.

Лишь незначительная часть результатов познавательной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела оформляется доказательствами (протоколы следственных действий, допустимых в ходе доследственной проверки). Большинство же материалов, полученных в ходе предварительной проверки без соблюдения процессуальной формы (объяснения, различные акты и т.п.), нуждаются в перепроверке, формировании на основе той же информации уголовно-процессуальных доказательств в ходе предварительного расследования.

Все названные проблемы отчетливо осознаются как теоретиками уголовного процесса, так и практическими работниками. В качестве средства их решения в юридической литературе высказываются многочисленные предложения о расширении перечня следственных действий, производство которых допускается на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в разное время исследователями предлагалось допустить в ходе доследственной проверки производство: судебных экспертиз[1]; получения образцов для сравнительного исследования[2]; допросов[3]; всех видов осмотра[4]; предъявления для опознания[5]; обыска и выемки[6].

В подобных предложениях проявляется отчетливая интенция к превращению предварительной проверки сообщений о преступлениях в полноценное расследование, к стиранию различий между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Причем сочувственное отношение к идее унификации уголовно-процессуальной формы стадий досудебного производства проявил и законодатель, внеся Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ[7] существенные дополнения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

---

[1] Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие). СПб., 2003. С. 110; Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография / отв. ред. И.С. Дикарев. М., 2012. С. 205.

[2] Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005. С. 135.

[3] Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 113; Шумилин С.Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. М., 2006. С. 227.

[4] Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 170.

[5] Головинская И.В. Практические проблемы возбуждения уголовных дел // Российский следователь. 2007. № 10. С. 3.

[6] Полищук Н.И. Новый взгляд на стадии уголовного процесса // Современное право. 2009. № 6. С. 89-92.

[7] Федеральный закон от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62

Еще одним препятствием для эффективной познавательной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела является отсутствие возможности применения на данном этапе уголовного судопроизводства процессуального принуждения. И снова теория уголовного судопроизводства видит выход из сложившегося положения в распространении на стадию возбуждения уголовного дела процессуального режима предварительного расследования. В частности, предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законе обязанность давать объяснения, представлять информацию и иные данные, необходимые для объективного исследования материалов проверки[1]; ответственность должностных лиц за непредставление или нарушение сроков представления истребуемых материалов[2].

Стремление превратить доследственную проверку в подобие предварительного расследования прослеживается и в идее наделения участников стадии возбуждения уголовного дела процессуальным статусом свидетелей, потерпевших, подозреваемых и др. Это выражается в предложениях признавать на стадии возбуждения уголовного дела граждан подозреваемыми[3]; «определить очевидцев и заявителей как свидетелей либо как потерпевших, если есть основания для признания их таковыми еще в стадии возбуждения уголовного дела»[4] и т.д.

На эти запросы законодатель откликнулся дополнением ст.144 УПК РФ частью 1.1, в которой предпринята попытка гарантировать основные процессуальные права участникам стадии возбуждения уголовного дела.

Федеральным законом 28.12.2013 № 432-ФЗ[5] законодатель обязал органы предварительного расследования принимать решение о признании потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела. Однако до полного решения проблемы обеспечения прав потерпевших на стадии возбуждения уголовного дела еще далеко, ведь

и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[1] Халиков А.Н. Доследственная проверка в отношении отдельных категорий лиц (раздел XVII УПК РФ) // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 48.

[2] Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 139.

[3] Газетдинов Н.И. О соотношении публичных и частных начал в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2007. № 17. С. 11; Зайцев О.А., Смирнов П.А. Указ. соч. С. 137.

[4] Газетдинов Н.И. Указ. соч. С. 11.

[5] Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2013. 30 декабря.

по-прежнему лицо, пострадавшее в результате совершения преступления, в ходе доследственной проверки не имеет возможности пользоваться всем комплексом прав, предоставленных законом потерпевшему.

Очевидно, что все перечисленные проблемы могли бы быть решены посредством ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, т.е. закрепления в уголовно-процессуальном законе такого порядка, при котором предварительное расследование начиналось бы с момента регистрации сообщения о преступлении.

Но законодатель на этот шаг пока не решился, он сохраняет традиционную для советского уголовного процесса систему, что свидетельствует о том, что стадии возбуждения уголовного дела придается определенная ценность, оправдывающая в глазах законодателя все существующие проблемы.

В советском уголовном процессе стадия возбуждения уголовного дела была важнейшей (если не сказать единственной) гарантией против произвольного применения стороной обвинения мер уголовно-процессуального принуждения. Дело в том, что по УПК РСФСР заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось с санкции прокурора, то есть фактически полномочия по принятию решения об аресте и право его санкционирования находились в руках должностных лиц, выступающих на стороне обвинения, – следователя и прокурора (ст. 96 УПК РСФСР). Так же, с санкции прокурора, могли проводиться и другие процессуальные действия, существенно ограничивавшие права и свободы личности.

И в этих условиях стадия возбуждения уголовного дела служила барьером для применения процессуального принуждения при очевидном отсутствии признаков преступления.

Однако с принятием Конституции РФ 1993 г., предусмотревшей более эффективный механизм защиты прав личности от злоупотреблений властью – судебный контроль за принятием решений, ограничивающих конституционные права личности, ситуация начала кардинальным образом изменяться. Процесс становления этого нового правозащитного механизма был запущен в начале 1990-х гг., когда в уголовное судопроизводство начали проникать первые ростки института оперативного судебного контроля[1]. С введением в действие УПК РФ 2001 г. данная система получила в уголовном процессе окончательное развитие.

В настоящее время вопрос о допустимости применения той или иной меры уголовно-процессуального принуждения, сопряженной с

---

[1] Закон РФ от 23.05.1992 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1389.

существенным ограничением конституционных прав и свобод личности, разрешается в рамках оперативных судебно-контрольных процедур, во-первых, независимым органом – судом, во-вторых, применительно к каждому процессуальному действию в отдельности.

Даже в тех случаях, когда в обстоятельствах, не терпящих отлагательства, соответствующие процессуальные действия производятся на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), суд, проверяя законность произведенного следственного действия, выясняет, прежде всего, имелись ли непосредственно перед производством данного процессуального действия предусмотренные законом основания.

Конструкция механизма обеспечения обоснованности процессуального принуждения в досудебном производстве приобрела новый вид, существенно отличающийся от того, который действовал в советском уголовном процессе. Обоснованность любого процессуального действия, сопряженного с ограничением конституционных прав и свобод личности, теперь оценивается судом индивидуально, с учетом конкретных обстоятельств дела и личности гражданина, к которому принуждение может быть применено. Стадия возбуждения уголовного дела как гарантия прав и свобод личности на этом фоне утратила всякое значение. В сравнении с судебным контролем правозащитный потенциал первой стадии уголовного процесса ничтожен[1].

А раз так, то издержки, порождаемые стадией возбуждения уголовного дела (в сфере доказывания, обеспечения прав личности и т.д.), оказываются ничем не оправданными. В изменившихся условиях дискретная структура досудебного производства не только не способствует решению задач уголовного процесса, но, напротив, создает многочисленные правоприменительные проблемы. Выход видится в исключении стадии возбуждения уголовного дела из системы уголовного процесса и переходе в организации досудебного производства по уголовным делам от дискретной к континуальной модели.

С.К. Журсимбаев

Необходима четкая правовая регламентация первоначального этапа уголовного судопроизводства

С самого начала введения института возбуждения дела все время существовала проблема «доследственной проверки». Нередко под видом «доследственной проверки» производилось фактически предвари-

[1] Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38-40.

тельное расследование дел. Данная проблема в Казахстане существует и по сей день.

Согласно действующему УПК Республики Казахстан решение по заявлению или сообщению о преступлении должно быть принято не позднее трех суток со дня его поступления. В необходимых случаях для получения дополнительных сведений, истребования документов или иных материалов, проведения осмотра, выемки предметов, документов, имеющих значение для дела, экспертизы этот срок может быть продлен начальником органа дознания, начальником следственного отдела до десяти суток, а в исключительных случаях – до двух месяцев».

В процессе совершенствования уголовно процессуального закона постоянно брала верх позиция тех ученых и практиков, которые ратовали за то, чтобы уголовное дело было возбуждено после основательной проверки.

Если обратиться к опыту работы других государств, то в США и Англии уголовный процесс не предусматривает специального акта, определяющего начало уголовного производства и не имеет детальной процессуальной регламентации. Также во Франции и Германии не выносится специальное постановление о возбуждении уголовного дела. Поступление информации о совершенном преступлении является основанием для принятия решений по выявлению, фиксации и исследованию фактических данных, которые впоследствии могут использоваться в качестве доказательств.

К сожалению, с советских времен над органами расследования довлеют, установленные сверху, следственные показатели. Для многих должностных лиц органов расследования основными показателями остаются не установление истины по делу и принятие своевременного, законного и справедливого решения, а количество направленных дел в суд. Отдельные руководители, прекращенные уголовные дела считают «работой следователя на корзину», поэтому требуют возбуждение дела при наличии только достаточных оснований.

Из-за уголовно-процессуальной политики, проводимой на этом отрезке досудебного производства, отдельные следователи вынуждены приспосабливаться и до возбуждения дела проводить различные следственные действия, в том числе, осмотры, изъятия документов и других вещественных доказательств, арестовывать счета и имущество, назначать специальные исследования и судебные экспертизы и допрашивать свидетелей, чтобы по нескольку раз не вызывать их по одному и тому же вопросу. А впоследствии, при необходимости отказа возбуждения уголовного дела, они слово «допрос» изменяют на «опрос» и материалы следственных действий по существу превращают в отказной материал. Если продолжать идти по этому пути, то мы можем дойти до того, что скоро уголовное дело будем возбуждать перед самым

предъявлением виновному лицу обвинения. В этих случаях, действительно будут исключены факты необоснованного возбуждения дела, но какой ценой?

Нам представляется, что необдуманное расширение сроков и пределов доследственной проверки может привести к большому сомнению в легитимности ряда следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Законодатель не учел, что необходимость проведения экспертиз, допускаемых в период доследственной проверки, зачастую требует и проведения других следственных действий, в частности, получения образцов, производства обыска или эксгумации трупа.

Кроме того, следователь, назначивший экспертизу в отдельных случаях должен обеспечить доставление к эксперту подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, если будет признано необходимым присутствие указанных лиц при проведении экспертизы. А если учесть, что подозреваемый и потерпевший имеют право с разрешения следователя присутствовать при производстве экспертизы, давать объяснения эксперту, то уже следователь обязан будет возбудить дело до назначения экспертизы, поскольку вышеуказанные лица могут получить соответствующий процессуальный статус только в рамках уголовного дела. Таким образом, следователь уже в процессе решения только одного вопроса оказывается в заколдованном круге.

Кроме того, право судебного обжалования постановления о возбуждении дела создают дополнительные сложности в начальном этапе расследования дел.

Несвоевременное возбуждение дела порождает различного рода слухи и предположения о предвзятости органов расследования. Волокита с возбуждением дела существенно ущемляет права пострадавших от преступления лиц. Только после возбуждения дела пострадавшее лицо получает статус потерпевшего и возможность реализовать, предусмотренные законом права.

Четкая правовая регламентация первоначального этапа уголовного судопроизводства своевременно приводит механизм уголовного процесса в движение, образует правовую основу для выполнения процессуальных действий в последующих этапах.

С.Е. Вицин полагает, что так называемая предварительная доследственная проверка – это по существу неправовые, квазисудопроизводственные процедуры, появившиеся в советском уголовном процессе[1].

---

[1] Вицин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6.

С.В. Бажанов считает, что как бы мы не ухищрялись ее называть, это есть ни что иное, как расследование, только проводимое с нарушением норм УПК и конституционных прав граждан[1].

«Собирание фактических данных в стадии возбуждения уголовного дела органом предварительного следствия (дознания), – как пишут И.Л. Петрухин и А. Рогаткин, – есть непроцессуальная процедура его деятельности». Эту процедуру следовало бы исключить из УПК, а стадию возбуждения уголовного дела ликвидировать из уголовного процесса[2]. Также один из известных казахстанских ученых М.Ч. Когамов полагает необходимым ликвидировать доследственную проверку оснований к возбуждению уголовного дела. Совершено преступление – следует сразу после приема, регистрации заявления или сообщения о преступлении переходить к его расследованию[3].

Перед органом расследования не стоят задачи привлечения к уголовной ответственности гражданина любой ценой и направления дела в суд. В принципе не каждое прекращенное дело можно считать необоснованно возбужденным, потому что для объективного рассмотрения заявлений и сообщений, как правило, необходимо проводить полноценные процессуальные следственные действия. Как правило, очень сложно без проведения всестороннего и объективного расследования дела определить отсутствие в деянии лица состава преступления. Если сравнить плюсы и минусы, то, несомненно, больше позитивных моментов от внедрения автоматического начала уголовного производства, без доследственной проверки.

Единственная нежелательная сторона его – это вероятность увеличения количества прекращенных дел. Если впоследствии выясниться отсутствие состава преступления несложно вносить коррективы в ежеквартальные статистические отчеты.

Благо уже есть наработанная практика. С 20.11.2012 действует новый УПК Украины, согласно которого каждое обращение о совершении правонарушения регистрируется в Едином реестре досудебных расследований. Теперь досудебное расследование начинается с момента внесения сведений в ЕРДР (по сути, эквивалент постановления о возбуждении уголовного дела). Следователь, прокурор должен сделать это безотлагательно, но не позднее 24 часов после подачи заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении правонарушения.

---

[1] Бажанов С. Оправдана ли так называемая доследственная проверка // Законность. 1995. № 1.

[2] Петрухин И.Л., Рогаткин А. О реформе уголовно-процессуального права // Законность. 1996. № 2.

[3] Когамов М.Ч. Резервы эффективности // Юридическая газета. 2010. 14 января.

Только недавно, 18.12.2013 прошла презентация проекта новой редакции УПК Республики Казахстан, из которого видно, что кардинально меняется первоначальная стадия уголовного процесса путем исключения из нее стадии доследственной проверки и возбуждения уголовного дела. Началом расследования будет являться регистрация заявления и сообщения об уголовном правонарушении либо первое неотложное следственное действие, предшествовавшее регистрации.

С учетом вышеизложенного полагаем, что настало время отказаться от давно укоренившейся политики смотреть на данную проблему только с точки зрения наличия судебной перспективы уголовного дела.

Е.А. Загрядская

Риск при возбуждении уголовного дела: факторы, вынуждающие следователя действовать в условиях риска

Как известно, риск возникает в связи с деятельностью человека и является ее неотъемлемой чертой практически в любой сфере[1]. Учитывая, что риск оказывает существенное влияние на процесс принятия решений, а расследование преступлений это последовательный процесс принятия и реализации следователем различного рода решений, направленных, в конечном счете, к одной общей цели – установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, установлению всех других обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу[2], закономерным является обращение к проблеме риска в деятельности следователя.

В русский язык термин «риск» пришел из европейских языков: так, в переводе с греческого он означает «утес, скала», в переводе с португальского – «скалистый, отвесная скала, опасность». Мореплаватели под этим словом понимали возникающие опасности, грозящие их судам[3]. Из словарей узнаем, что «риск» означает всякую возможность для личности или коллектива, вероятную опасность потерь, ситуативную характеристику деятельности, состоящую в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случаях неуспеха. Риск с позиции психологии может рассматриваться как ситуация выбора между двумя возможными вариантами действия (бездействия).

---

[1] Лифиренко С.А. Проблемы риска и пути их решения в управленческой деятельности // Административное право и процесс. 2010. № 3. С. 50-51.

[2] Солодов Д.А. Процессуальные и тактические решения следователя (сущность, проблемы оптимизации принятия): дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.

[3] Поляков Р.К. Развитие риск-менеджмента в предпринимательстве: концептуальный подход // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 1. С. 56-63.

Специфика риска в следственной деятельности состоит в том, что рискованным может оказаться как действие, так и отказ от него (бездействие) в обстановке, требующей от следователя активных действий.

Из анализа анкетирования, проведенного среди следственных работников территориальных следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации в Приволжском федеральном округе, следует, что действовать в условиях тактического риска следователя побуждает ряд обстоятельств, носящих объективный и субъективный характер. К первой группе можно отнести: дефицит времени (на это указали 66% опрошенных следователей, причем выбор данного варианта ответа практически не зависел от количества уголовных дел, одновременно находящихся в производстве данного следователя), дефицит доказательственной и ориентирующей информации (23% опрошенных), неопределенность законодательной регламентации (10% опрошенных), наличие случайности в ходе расследования (менее 1% опрошенных). К факторам субъективного характера относятся: личность рискующего субъекта (например, на недостаток знаний и умений у следователя указали 45% опрошенных), противодействие расследованию (16% опрошенных), угроза личной (физической) и служебной безопасности (6% опрошенных).

Ситуация тактического риска, побуждающая следователя действовать в условиях информационной неопределенности и дефицита времени, особенно характерна для стадии возбуждения уголовного дела[1]. Причем дефицит информации касается не только обстоятельств совершения преступления, но и обстоятельств, характеризующих психологические особенности участников уголовного процесса. Как нам представляется, при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица уже изначально присутствуют элементы риска. Сама формулировка нормы ст. 140 УПК РФ указывает на то, что основанием к возбуждению уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Закон не требует установления юридической квалификации деяния (ибо это невозможно на данном временном отрезке производства), но правоприменитель, принимая решение, обязан дать предварительную квалификацию. Это, в свою очередь, позволяет следователю лишь обозначить общий контур всех признаков преступления без точного и полного установления всех элементов состава преступления. По сути, на этапе возбуждения уголовного дела у следователя не может по определению быть полной уверенности в наличии состава конкретного преступления в деятельности лица, в отношении которого принято указанное выше процессуальное решение, так как законодатель позволяет

[1] Осипов Ю.Ю. Деятельность следователя в условиях тактического риска. Саратов, 1997.

ему установить его лишь в общем плане для скорейшего принятия решения о возбуждении уголовного дела. Дефицит информации о признаках преступления не освобождает органы уголовного преследования от принятия мер по установлению события преступления и изобличению виновных (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Поэтому изначально существует риск в принятии такого важного процессуального решения, как для самого следователя, так и для субъекта, в отношении которого оно принимается.

При принятии решения о возбуждении уголовного дела наличествуют и другие факторы риска, например, неопределенность законодательной регламентации. Как уже упоминалось выше, процессуальные решения о возбуждении уголовного дела должны приниматься при наличии достаточных данных (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Однако УПК РФ не раскрывает понятие «достаточности данных». П.А. Лупинская справедливо отмечает, что достаточность данных, всегда предметна (достаточна для чего-либо) и определяется применительно к определенному решению, исходя из его места во всей системе решений, стадии, в которой оно принимается, цели.[1] В связи с тем, что закон не устанавливает, какие именно и в каком объеме данные можно считать достаточными, оценка их достаточности в следственной практике значительно затруднена. С одной стороны, решение вопроса о достаточности данных зависит от уровня знаний о фактических обстоятельствах дела и от следственной ситуации, поэтому оценка достаточности информации, представленной в виде данных, вариативна и ситуативна. С другой стороны, оценка совокупности данных как достаточной, т.е. определение объема необходимой для принятия обоснованного процессуального решения информации, всегда имеет черты субъективности, так как дается конкретным правоприменителем. Полагаем, что в оценке достаточности данных реализуется усмотрение правоприменителя, поскольку проявление усмотрения связано не только с использованием оценочных категорий уголовного закона или относительно определенных предписаний уголовно-процессуального закона, но и с оценкой совокупности данных на основе внутреннего убеждения. В связи с этим в практической деятельности по расследованию преступлений часто возникают ситуации, когда оценка достаточности, данная следователем, не совпадает с оценкой достаточности, данной прокурором или судьей. Уголовно-процессуальным следствием несовпадения оценок достаточности данных является отмена прокурором решений (постановления о возбуждении уголовного дела) следователя, дознавателя (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). Однако полагаем, что факт отмены решения следователя (дознавателя) прокурором не всегда является следствием ошиб-

[1] Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве, их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 93-94.

ки следователя при оценке достаточности данных. Во многих случаях имеет место проявление объективной закономерности, а именно несовпадение усмотрения следователя, дознавателя, прокурора в силу различного уголовно-процессуального статуса и субъективного характера оценок достаточности информации, представленной совокупностью данных или доказательств.

Таким образом, достаточность как оценочный критерий информации, используемый в уголовном процессе при определении обоснованности решений, имеет черты неопределенности, которая образуется объективными ситуационными факторами и субъективным фактором, выраженным в усмотрении правоприменителя (следователем, дознавателем). В свою очередь неопределенность критерия достаточности образует неопределенность критерия обоснованности, который позволяет сделать только вероятностный вывод об обоснованности принимаемого процессуального решения. При этом очевидно, что без ясности в определении критерия обоснованности невозможно сделать однозначный вывод об обоснованности решения и риска[1].

Субъективные факторы риска, непосредственно, связанные с личностью следователя, влекут принятие решения о возбуждении уголовного дела, которое бывает:

а) основано на неправильно интерпретированной следователем информации, находящейся у него в распоряжении;

б) сформировано на недостоверных или недостаточно проверенных данных, имеющихся у следователя, в случае, когда он не знал об их «природе», и не осуществил их проверку;

в) построено на игнорировании части имеющихся в распоряжении следователя сведений.

Вынесение следователем решения о возбуждении уголовного дела при таких обстоятельствах может привести к негативным последствиям в форме возникновения следственных ошибок, в виде незаконного и необоснованного возбуждения уголовного дела, что в свою очередь, повлечет нарушение конституционных прав и свобод граждан. Такой риск в следственной деятельности неприемлем и не может быть оправданным. Данный риск, по сути, является итоговым для данной стадии уголовного процесса, так как отражается на дальнейшей «судьбе» уголовного дела.

Дача рекомендаций для минимизации риска при возбуждении уголовного дела достаточно проблематична, так как оно охватывает всю процедуру взаимодействия следователя с оперативно-розыскными сотрудниками, специалистами, понятыми и иными лицами с момента

---

[1] Лифиренко С.А. Законность и обоснованность как критерии допустимости тактического риска в деятельности по расследованию преступлений. URL: www.nauka-pravo.org/m/articles/view.

получения информации о возможном преступлении, и до момента принятия решения о возбуждении уголовного дела, или об отказе в таковом.

По мнению Ильюхова А.А., принимая то либо иное решение в условиях риска, следователь должен соблюдать определенные правила, а именно: соблюдать требования уголовно-процессуального законодательства и правила безопасности при совершении рискованных действий, проводить возможные оперативные и процессуальные действия для минимизации последствий риска, для чего ему необходимо четко обозначить перед собой поставленную цель и решаемую задачу в процессе следственной деятельности в условиях риска. Это, в свою очередь, позволит избежать с его стороны следственных ошибок[1]. Мы абсолютно согласны с данными рекомендациями.

В заключении хотелось бы отметить, что реформирование стадии возбуждения уголовного дела, направленное на существенное увеличение средств проверки сообщения о преступлении, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ, позволяет минимизировать такой фактор риска в деятельности следователя как дефицит доказательственной и ориентирующей информации. А увеличение оснований для продления сроков проверки до 30 суток значительно снизит дефицит времени для принятия законного и обоснованного решения.

Е.А. Зайцева

Быть или не быть стадии возбуждения уголовного дела?

В последние годы в науке уголовно-процессуального права не утихают дискуссии о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела. Сторонники радикального реформирования досудебного производства[2] в качестве аргументов ликвидации первоначального этапа уголовного процесса приводят статистику отмены незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, сведения об укрытых от учета преступлениях, указывают на неэффективность

---

[1] Илюхов А.А. Риск в деятельности следователя и его влияние на возникновение следственных ошибок // Российский следователь. 2011. № 7. С. 33.

[2] Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23-28; Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38-40; Кругликов А.П. Что возбуждать: уголовное дело или уголовное преследование? // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 57-59; Малышева О.А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2013.

проверочных мероприятий, длительный срок их производства, потребность в дублировании доказательственного материала путем его перепроверки уже в рамках стадии предварительного расследования.

И.С. Дикарев отмечает, что выделение возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса было обусловлены осознанием законодателем необходимости обеспечения дополнительных гарантий от произвола со стороны следственных органов, что имело место ранее в годы сталинских репрессий[1]. Теперь же, по мнению данного автора, с принятием Конституции РФ и введением оперативного судебного контроля ситуация кардинально изменилась: созданы надежные гарантии прав личности от необоснованного ограничения в правах.

Тем не менее, полагаем, преждевременно утверждать, что стадия возбуждения уголовного дела утратила свою былую роль «барьера», ограждающего жизнь обычного гражданина от массированного вторжения уголовно-процессуального принуждения.

Четкое соблюдение установленного порядка возбуждения уголовных дел выступает своеобразной гарантией неприкосновенности частной жизни граждан в ходе осуществления проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. До возбуждения уголовного дела, когда еще не известно, имело место преступление или иное правонарушение, закон ограничивает возможности применения уголовно-процессуального принуждения при проведении проверочных мероприятий, что вполне разумно и соответствует современной доктрине досудебного производства.

Не следует забывать, что, несмотря на предпринятую реформу органов внутренних дел, образование самостоятельного Следственного комитета РФ, общие критерии оценки эффективности работы органов предварительного расследования остались прежними. Пресловутая «палочная система» продолжает «подхлестывать» правоприменителей, которые в погоне за лучшими показателями готовы идти на многое… В этих условиях, когда стереотипы правоохранителей не изменились, сохранились привычные алгоритмы деятельности, а личный состав даже после «внеочередной аттестации» не стал относиться к человеку, его правам и свободам как к высшей ценности, отмена стадии возбуждения уголовного дела чревата серьезными последствиями. Что будет сдерживать сотрудников правоохранительных органов от неуемного, полномасштабного применения принуждения (процессуального и «непроцессуального»), когда при поступлении любого сообщения о преступлении они получат возможность осуществлять ограничение прав граждан с целью формирования благополучной статистики?

---

[1] Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела - причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11; СПС «КонсультантПлюс».

Можно изменить закон, реформировать систему правоохранительных органов, даже модифицировать критерии оценки эффективности их деятельности, но сложно этими политическими шагами изменить правосознание конкретных правоприменителей. Этот тезис подтверждается примерами из практики Украины, где действует новый УПК от 13.04.2012 (Закон № 4651-VI). А.С. Александров и М.В. Лапатников считают вполне приемлемой модель, воспринятую уголовно-процессуальным правом Украины[1], согласно которой уголовное производство начинается с момента регистрации любого заявления и уведомления об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований.

К чему привел отказ украинского уголовного процесса от привычной стадии возбуждения уголовного дела, которая фильтровала сообщения о реальных преступлениях и информацию о событиях, не требующих расследования? Об этом можно судить по мнениям практиков, которые отслеживали первые месяцы действия нового УПК Украины.

«К сожалению, вышло не совсем так, как планировалось, – отмечает Вячеслав Песков, старший юрист ЮФ «Василь Кисиль и Партнеры». – При этом на практике встречаются отдельные случаи, когда заявления о преступлении регистрируются как обычные обращения граждан, что в принципе исключает производство по ним в соответствии с нормами УПК Украины. В такой ситуации пострадавший сталкивается с обычным бездействием органов досудебного расследования, которое проявляется в невнесении заявления о преступлении в реестр»[2]. О манипуляциях с регистрацией заявлений в новых условиях упоминает и адвокат Евгений Стельмах[3].

Антон Жданов, старший юрист ЮФ «Саенко Харенко», отмечает, что существующий механизм позволяет инициировать уголовные производства по любой причине и в отношении любого лица, поскольку перед внесением соответствующих сведений в Единый реестр досудебных расследований надлежащая проверка наличия признаков состава преступления не проводится[4]. Можно представить, что означает в современных российских условиях начало уголовного производства без предварительной проверки для предпринимателя, чей бизнес с помощью уголовного процесса решили ликвидировать конкуренты!

---

[1] Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22; URL: http://www.iuaj.

[2] Новый УПК глазами практиков: первые итоги применения. URL: http://jurliga.ligazakon.ua/new/.

[3] Там же.

[4] Там же.

Процессуальные сроки для такого производства в Украине не установлены: их течение начинается с момента вручения уведомления о подозрении лица в совершении уголовного правонарушения. Ст. 219 УПК Украины дифференцирует сроки следствия и дознания: досудебное расследование должно быть закончено:

1) в течение одного месяца со дня сообщения лицу о подозрении в совершении уголовного проступка, который расследуется в форме дознания;

2) в течение двух месяцев со дня сообщения лицу о подозрении в совершении преступления (оно расследуется в форме предварительного следствия).

Таким образом, сроки производства до уведомления лица о подозрении в законе не оговорены, что фактически ведет к бесконтрольной протяженности во времени процессуальной деятельности следователя, который, кстати, не обязан сообщать заявителю о результатах работы по его заявлению о преступлении[1]. Насколько такая процедура соответствует требованию доступа потерпевших к правосудию?

А как сказывается на работе прокуроров, следователей и дознавателей новая система начала уголовного производства в Украине? Надо полагать, что нагрузка по оформлению всех поступивших поводов увеличилась в разы. Соответственно, прокурор, призванный надзирать за соблюдением законов подконтрольными ему следователями, также явно перегружен работой: за прокурором закрепляется 4-5 следователей и, соответственно, 300-400 уголовных производств[2]. Как в таких условиях могут соблюдаться разумные сроки и гарантированные права участников уголовного процесса?

Таким образом, анализ украинской модели показывает, что правоохранительная система этого государства оказалась не в полной мере готова к подобным новациям. С учетом этого возникает закономерный вопрос: а следует ли нам приобретать подобный опыт, или достаточно ошибок соседей? Еще не прошло и года с момента введения в действие положений федерального закона № 23-ФЗ от 4.03.2013, который значительно изменил облик стадии возбуждения уголовного дела, расширив арсенал средств доказывания за счет возможности производства судебной экспертизы, получения образцов для сравнительного исследования, проведения осмотров предметов и документов. Еще не наработана соответствующая практика применения его новелл, чтобы оценивать ее позитивность или неэффективность и делать судьбоносные выводы о нецелесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела. Время покажет!

---

[1] По сути, об этом пишет А. Корчинский: Минусы нового УПК. URL: http://www.segodnya.ua/ukraine.

[2] Там же.

Р.Г. Зорин,
Г.В. Суздалева

Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве: реанимация, совершенствование или верная погибель?

Стадия возбуждения уголовного дела (далее – ВУД) однозначно должна иметь право на существование. Ее исключение есть заблуждение. Да, стадия ВУД в настоящее время далека от совершенства. Действительно, возникают вопросы к правоприменителю и к законодателю. Есть большое желание помочь им обоим, а в итоге и страждущим помощи участникам уголовного процесса. По мнению авторов не стоит до основания разрушать то, что усердно создавалось десятилетиями и еще столько же работало. При этом стоит отметить, что любой правовой институт нуждается в совершенствовании, но это вовсе не значит, что все необходимо переворачивать с ног на голову просто потому, что мы вдруг так захотели, обратив свое пристальное внимание на один из них… Но что стоит за подобными решениями, экспериментами? Неизвестность, непредсказуемость. Уголовный процесс не место для непредсказуемых экспериментов. Совершенно прав А.В. Пиюк когда пишет: «Уголовный процесс – сложное многокомпонентное явление, система, стремящаяся к стабильности. Но, помимо прочего, данное образование, носящее социальный характер, обладает еще и огромной инерцией. Даже при нарушении основных требований, принципов процесса, неэффективном заимствовании не присущих ему норм и институтов, оно способно функционировать еще длительное время, при этом проблемы, возникшие при таком «реформировании», будут загнаны вглубь, участники судопроизводства и государственные органы, вынужденные действовать в новых условиях, если они не будут соответствовать историческим и социальным реалиям, будут искать «лазейки», возможности обойти предписания, ломающие установленный порядок. Качнувшись влево или вправо, система, даже поврежденная, пойдет назад, к стабильному положению, однако подобное «раскачивание» процесса, если оно происходит длительное время, может быть губительно для всего общества и государства[1].

Итак, обозначим круг проблем, с которыми традиционно приходиться сталкиваться на практике на стадии ВУД:

- проблемы доказывания на стадии ВУД в связи с дефицитом надлежащих средств и способов, кстати, искусственно созданных са-

[1] Пиюк А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве российской федерации в свете типологии современного уголовного процесса: монография. Томск, 2011.

мим законодателем. Так, в соответствие со ст. 173 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) предусмотрен только перечень следственных и иных процессуальных действий, которые могут быть проведены до стадии ВУД. При этом порядок проведения проверочных мероприятий при производстве проверки по заявлениям и сообщениям о совершенном преступлении не регламентирован, четко обозначенный перечень таких мероприятий отсутствует, формы закрепления результатов которых законодательно не предусмотрены.

- процессуальный статус участвующих заинтересованных лиц законом не определен, в связи с чем, последние не могут своими действиями активно влиять на ход и исход процесса, в том числе не процесс принятия промежуточных или итоговых решений на стадии ВУД;

- не предусмотрены сроки обжалования, а значит и отмены решений об отказе возбуждении уголовного дела;

- задачи и круг решений стадии ВУД определены неполно;

- нормами УПК не предусмотрен порядок ознакомления с материалами проверки, неполно определен круг субъектов, имеющих право на ознакомление с материалами проверки;

- проблема отнесения объяснения к источникам доказательств, поскольку уголовно-процессуальным законодательством этот вопрос четко не урегулирован. Соответственно, возникает обоснованный вопрос, можно ли отнести объяснение к другим источникам доказательств? Вместе с тем следует признать, что объяснение содержит по своей сути сведения, подлежащие установлению для определения наличия поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Однако они имеют более субъективный характер, излагаются в произвольной форме, поскольку процессуальный порядок их получения законом не предусмотрен. Кроме того, в ряде случаев возникает необходимость назначения судебной экспертизы (в частности судебной – медицинской) и получения экспертного заключения, на что, как известно, требуется время порой до одного месяца и выше. От экспертного судебно-медицинского заключения в свою очередь зависит решение вопроса о правомерности возбуждения уголовного дела, в котором, в частности, устанавливаются степень тяжести телесных повреждений, от которой зависит и квалификация исследуемого деяния. Разделяем мнение А.В. Солтановича, который предлагает дополнить ст. 173 следующим содержанием: «В исключительных случаях при необходимости получения экспертиз, актов ревизий инвентаризаций, ответов на запросы в компетентные органы иностранных государств и других документов для принятия решения по заявлению, сообщению о преступлении Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом исполняющим его обязанности, либо заместителем Генерального прокурора Республики Беларусь срок проверки по заявлению или сообщению о преступ-

лении может быть продлен до шести месяцев. Дальнейшее продление сроков проверки не допускается[1]. В настоящее время правом продления процессуальных сроков наделен Председатель Следственного комитета Республики Беларусь либо его заместитель. Вместе с тем, А.В. Солтанович выступает против допущения самой возможности приостановления сроков производства доследственной проверки.

Следует признать, что ознакомление с материалами проверки ставит в дальнейшем под удар весь комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности участников процесса. Ибо в случае отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и последующим возбуждением уголовного дела применение подобных мер теряет свою актуальность. И в связи с этим следует урегулировать нормативно обязанность органа уголовного преследования в части применения мер по обеспечению безопасности с момента начала проверки законности повода и оснований, т.е. на стадии возбуждения уголовного дела. Громада проблем и ярлыков автоматически навешивается на стадию досудебного производства. Расследование увязнет, увязнут и дела, как телеги с лишним грузом в ненастную погоду. Рассмотрим возможные и очевидные последствия исключения стадии возбуждения уголовного дела.

Итак, исключение стадии ВУД приведет к следующим негативным последствиям:

- необоснованное привлечение в качестве подозреваемого – обвиняемого. При этом возникает вопрос, как до возбуждения уголовного дела возможно определить процессуальный статус участника уголовного процесса и обеспечить права конкретного лица в том или ином процессуальном статусе. В то же время складывается ситуация, в которой для выдвижения подозрений достаточно объективного вменения, без наличия достоверно установленных признаков состава уголовно – наказуемого деяния;

- игнорируется задача установления характера и размера ущерба причиненного деянием, в котором усматривается признаки преступления. Так, а стадии возбуждения уголовного делу уточняется характер и размер причиненного ущерба в результате деяния, в котором усматриваются признаки преступления. Заявитель вправе давать объяснения по поводу причиненного ущерба, вносить исковое заявление. Соответственно, без стадии ВУД остается без должной юридической оценки факт того, что для ряда преступлений характер и размер ущерба явля-

---

[1] Солтанович А.В. О некоторых вопросах применения статей 173 и 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь / Проблемы укрепления законности и правопорядка наука практика тенденции: сб. науч. тр. Минск, 2011. Вып. 4. С. 197-202.

ется ключевым для наличия оснований начала производства по делу в рамках уголовного права;

- быстрое и полное раскрытие преступления задвигается на второй план, поскольку первичным является необходимость лишь фактически начать процессуальное производство;

- потеря определенных форм взаимодействия следствия и органов дознания, осуществляющих ОРД. Так, возникает вопрос обоснованности и законности начала производства по делу в ситуациях необходимости первичной разработки лиц, в отношении которых получена информация о возможной причастности к отдельным преступлениям (например, в сфере незаконного наркооборота, торговли оружием, торговли людьми, коррупционной и организованной преступности, когда достоверно факт противоправной деятельности еще не установлен (не задокументирован). Ведь в таких ситуациях граждане подозреваются в совершении тяжких преступлений без достоверного установления как факта самой противоправной деятельности, так и факта преступной причастности конкретного лица к такой деятельности;

- игнорируется установление обстоятельств, исключающих производство по уголовным делам, другие.

В итоге складывается ситуация, при которой правоохранительные органы, не разобравшись, врываются на полном ходу в стадию предварительного расследования без достаточных оснований, что дополнительно влечет увеличение сроков предварительного следствия и приводит не только к удорожанию уголовного процесса, но и ставит обоснованный вопрос о его законности. Цена вопроса? Игнорирование законных прав и интересов личности в уголовном процессе. При этом проверка законности наличия либо отсутствия оснований, ведущих к возбуждению уголовного дела, увязнет в стадии предварительного расследования и перейдет в разряд предмета доказывания, что само по себе абсурдно. Вот уже где дров нарубим… Примером негативных последствий исключения стадии ВУД служит вступивший в законную силу УПК Украины. Профессор В.П. Корж отмечает: «…в новом УПК Украины упразднена стадия возбуждения уголовного дела, поэтому в соответствие с требованиями ст. 214 УПК следователь не имеет права проводить проверку заявления о преступлении и осматривать место происшествия до тех пор, пока он не внесет в Единый реестр досудебного расследования в течение 24 часов, который ведет Генеральная прокуратура Украины (в рабочее время). Следователь начинает расследование без предварительной проверки. Любое лицо может оказаться в статусе подозреваемого. Кроме того, понятие и признаки подследственности не разработаны и не предусмотрены законодательными актами Украины. Все изложенное свидетельствует о низком качестве нового уголовного процессуального законодательства, что приводит к принятию неправомерных решений, неправильному применению норм

материального права, правовому нигилизму, ущемлению прав участников уголовного процесса[1]. «УПК Украины не содержит обязанности стороны обвинения вручать заявителю сообщение о внесении данных в ЕРДР. Нет этого и в отношении лица, относительно которого начато производство, т.е. проводятся процессуальные и следственные действия с целью привлечения лица к уголовной ответственности, а он об этом не знает и соответственно не может принять мер к своей защите. Это грубое нарушение Конституции Украины и международных документов о защите прав граждан, ратифицированных Украиной. УПК Украины не содержит требования предупреждать заявителя о преступлении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Таким образом, имеется возможность оклеветать любого неугодного человека. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела, очевидно, задумывалось как один из способов исключения укрывательства преступлений. Однако ожидаемого серьезного роста количества уголовных производств по сравнению с предыдущими годами не произошло. А.Н. Титов приводит и иные недостатки существующей в настоящее время процедуре возбуждения уголовного дела в Украине[2].

Исключение стадии ВУД в значительной степени повлияет и на качество ведомственного процессуального контроля (в частности, Следственного комитета Республики Беларусь). Поскольку отсутствует процессуальный документ – постановление о возбуждении уголовного дела, то и отсутствует возможность отмены руководителями следственных подразделений данного процессуального документа следователя и нижестоящего начальника следственного подразделения (а соответственно и такого процессуального решения). Это создает предпосылки необоснованного увеличения количества возбужденных уголовных дел при фактическом отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела и наносит удар по имиджу государства необоснованным и не соответствующим фактической криминогенной обстановке ростом уровня преступности. Не следует перегружать стадию предварительного расследования, напротив, ее надо совершенствовать, как и стадию возбуждения уголовного дела. Однако данное совершенствование должно быть разумным, способствуя формированию ясности правоприменения, а не его усложнению и запутыванию, в том числе посредством формирования несоответствия между законодательно урегулированными поводами и основаниями ВУД и фактическим уголов-

---

[1] Корж В.П. Проблемы реализации отдельных положений нового уголовного процессуального кодекса Украины // Библиотека криминалиста. 2013. № 6(11) С. 228-232.

[2] Титов А.Н. О начале досудебного производства в Украине // Актуальные проблемы хозяйственного гражданского уголовного права и процесса: мат-лы Межд. науч.-практич. конф: Донецк, 2013. С. 155-158.

но-процессуальным производством. Должны быть приняты все законные меры, направленные на обеспечение реализации законных права и интересов личности, общества и государства на стадии ВУД. Белорусский законодатель, напротив, усилил стадию ВУД, дополнив перечень следственных действий, производство которых является допустимым до возбуждения уголовного дела (ст. 173 УПК РБ) эксгумацией и освидетельствованием, кроме осмотра, судебных экспертиз, изъятия, получения образцов для сравнительного исследования. Полагаем, что этот перечень необходимо дополнить и выемкой. Достоинства стадии ВУД очевидны, поскольку на этой стадии осуществляется проверка законности происхождения повода и оснований, ведущих к возбуждению уголовного дела, либо к отказу в возбуждении уголовного дела.

В целях совершенствования данной стадии обозначим следующие пути решения проблемы:

- ввести статус заявителя с присущими ему права и обязанностями;
- ввести статус лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности и допуск защитника на стадии ВУД;
- расширить перечень следственных действий, производство которых является допустимым на стадии ВУД;
- усилить процессуальный, судебный контроль на досудебных стадиях;
- предоставить право заинтересованным лицам обжаловать не только итоговые, но и промежуточные решения на стадии ВУД;
- расширить комплекс прав свидетеля, наделив его, в частности, путем предоставления права представления доказательств, заявления отвода, предоставление адвоката в качестве представителя, других;
- регламентировать процессуальный срок обжалования решений (постановления) об отказе в возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении;
- необходимо расширить перечень обстоятельств, при наличии которых ходатайства подлежат обязательному удовлетворению в рамках доследственной проверки. К таковым, в частности, следовало бы отнести обстоятельства о вызове новых свидетелей, о представлении доказательств, о допуске либо о привлечении к участию в уголовном деле надлежащих субъектов. Например, о допуске законного представителя при участии несовершеннолетнего, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела. Эффективность процедуры рассмотрения и разрешения ходатайств зависит от ряда составляющих. Одним из указанных критериев, безусловно, является обеспечение своевременного и надлежащего доступа к правосудию. Несовершенство правового регулирования доследственной проверки ведет к заметному снижению эффективности и качества предварительного следствия[1].

---

[1] Зорин Р.Г., Клишин В.В. Актуальные проблемы правового регулирования

В.Н. Исаенко

Об оптимизации уголовно-процессуальной деятельности при проверке сообщения о преступлении

Несомненно, позитивным является принятие Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекса Российской Федерации», которым расширен перечень процессуальных средств проверки сообщения о преступлении. Благодаря этому появились более надежные гарантии: а) установления отельных обстоятельств предмета доказывания уже на данном этапе с формированием соответствующей доказательственной базы; б) обеспечения законности и обоснованности процессуальных решений по результатам проверки; в) получения дополнительных возможностей установления совершившего деяния лица до возбуждения уголовного дела; г) избавления следователя, дознавателя от обязанности процессуального исследования после возбуждения уголовного дела некоторых сведений, полученных в период проверки сообщения о преступлении не предусмотренными УПК РФ средствами. Таким образом, созданы более расширенные возможности решения органами предварительного расследования задач, установленных в ч. 2 ст. 21 УПК РФ. нормы которой предписывают определенным участникам уголовного судопроизводства в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают предусмотренные Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Несомненно также усиление гарантий соблюдения органами предварительного расследования требования ст. 6.1. УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства.

Анализ содержания ст. 144 УПК РФ в обновленной редакции позволяет утверждать о все большем стирании граней между так называемой доследственной проверкой, в ходе которой допустимо использование ограниченного перечня следственных действий и собственно предварительным расследованием, где следственные и иные процессуальные действия проводятся в полном объеме. Об этом свидетельствуют, в частности, нормы ч. 1.1. названной статьи, устанавливающие обязанность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, их права и обязанности, предусмотренные Кодексом следственных действий, а также обеспечивать соблюдение этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процес-

---

доследственной проверки // Законность и правопорядок. 2013. № 2. С. 56-60.

суальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен в п. 4 ст. 5 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения названных ранее участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Участники проверки сообщения о преступлении могут быть также предупреждены о неразглашении данных досудебного производства. При необходимости их безопасность обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Распространение названных требований на этап проверки сообщения о преступлении, с одной стороны, свидетельствует об усилении гарантий соблюдения закрепленного в ст. 11 и в других статьях УПК РФ принципа соблюдения охраны прав и свобод человека и гражданина на всех этапах уголовного судопроизводства, а с другой – дополнительно устраняет различия в правовых условиях проверки сообщения о преступлении и его расследования.

Досудебное производство по уголовному делу ориентировано: а) на установление признаков преступления как правовых оснований возбуждения уголовного дела о нем; б) на установление причастного к преступлению лица; в) на уголовное преследование этого лица с последующим принятием итогового решения по делу с учетом выявленных или сложившихся на период его принятия обстоятельств. Очевидно, что законодательное решение вопроса о возможностях получения доказательств уже на этапе проверки сообщения о преступлении более способствует их решению, повышает оперативность предварительного расследования. Наряду с этим представляется, что в содержании ч. 1 ст. 144 УПК РФ могли быть названы и другие следственные и иные процессуальные действия, выполнение которых не только, безусловно, необходимо в решении задачи установления признаков преступления, но и логически вытекает из характера разрешенной процессуальной деятельности на рассматриваемом этапе.

В частности, полагаем, что на данном этапе следует законодательно установить возможность производства допроса лица, обратившегося в правоохранительный орган с сообщением о совершении в отношении его преступлении. Существующая процедура получения объяснения предусматривает предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос согласно ст. 306 УК РФ, т.е. фактически за заведомо ложные показания о факте и преступном характере события, о котором он сообщает в правоохранительный орган, а также о совершившем его лице. Как правило, после возбуждения уголовного дела эти лица допрашиваются до признания их потерпевшими в качестве свидетелей с предупреждением об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ. Существует некоторое различие между

санкциями названных статей уголовного закона. В ч. 3 ст. 306 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за заведомо ложный донос с созданием искусственных доказательств обвинения, в то время как в ст. 307 УК РФ подобной нормы не имеется. Однако на момент принятия заявления о подобных фактах следователю, дознавателю не известно. Они устанавливаются и исследуются после начала расследования. Поэтому не усматривается препятствий для допроса заявителя с предварительным его предупреждением об уголовной ответственности за заведомо ложный донос и за дачу ложных показаний (в последующем содержание норм ст. 306 и 307 УК РФ может быть трансформировано в единую статью).

В пользу предложения о включении допроса заявителя и качестве свидетеля, а также допроса свидетелей – очевидцев в число следственных действий, производство которых возможно в ходе проверки сообщения о преступлении говорит и то, что на практике нередки случаи дачи пострадавшими от преступлений и свидетелями-очевидцами после возбуждения уголовного дела показаний, существенно отличающихся по содержанию от сведений, сообщенными ими в своих объяснениях, данных в ходе проверки сообщений о преступлениях.

Возникают также вопросы относительно процессуальной формы, в которую должны быть облечены показания лица, застигнутого, например, при совершении преступления. Подобные случаи – не редкость. Сам по себе факт задержания с поличным является с одной стороны, достаточным основанием для задержания и, соответственно для возбуждения уголовного дела, однако при условии, если, во-первых, в обнаруженном деянии имеются признаки преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, и, во-вторых, после возбуждения уголовного дела. Существующая редакция ч. 1 ч. 144 УПК РФ не предусматривает ни задержания в качестве подозреваемого, ни допроса лица в этом качестве, ни его личного обыска, хотя необходимость в производстве этих процессуальных действий, а также ряда очевидна. Допустимо лишь получение объяснения от такого лица при условии предварительного разъяснения ему права не свидетельствовать против себя. В то же время в ч. 1.1. с. 144 УПК РФ предусмотрена обязанность разъяснения участникам процессуальных действий, проводимых при проверке сообщения о преступлении, их права пользоваться услугами адвоката. Соответственно, возникает вопрос о том, кому может быть оказана такая услуга.

Определенным упущением считаем также отсутствие указания в ч. 1 ст. 144 УПК РФ на возможность производства выемки, потому что только в такой процессуальной форме возможно осуществить изъятие предметов, документов и иных объектов, в том числе направляемых на судебно-экспертное исследование. Поэтому придерживаемся ранее высказанного мнения о том, что законодательное решение задачи про-

изводства процессуальных действий будет способствовать предупреждению утраты доказательств, полученных на данном этапе, обеспечивать объективность уголовного преследования совершивших преступления лиц[1].

Резюмируя изложенное, полагаем, что целесообразно не только расширение перечня процессуальных действий, которые могут быть произведены при проверке сообщения о преступлении, но и рассмотрение вопроса об изменении существующей процедуры возбуждения уголовного дела. В настоящее время основанием принятия процессуального решения об этом является, как минимум, установление достаточного объема признаков запрещенного уголовным законом деяния, совершенного без очевидцев, либо установление таковых в действиях известного лица при отсутствии обстоятельств, предусмотренных ст. 24 УПК РФ. Устранение различий в направленности, содержании и сущности процессуальной деятельности в том и другом случаях позволяет, как представляется, отказаться от стадии возбуждения уголовного дела и существенно оптимизировать в законодательном порядке досудебное производство по уголовному делу в целом. В свете изменений, внесенных в ст. 144 УПК РФ, достаточным поводом и основанием для начала уголовно-процессуальной деятельности является зарегистрированное в установленном порядке сообщение о преступлении. Представляется в целом верной точка зрения А. Халикова о целесообразно установления нового уголовно-процессуального института – возбуждения уголовного преследования конкретного лица в качестве подозреваемого или обвиняемого[2]. При этом полагаем, что следует сохранить предусмотренные УПК РФ основания задержания лица в качестве подозреваемого и привлечения в качестве обвиняемого.

Ч.М. Исмаилов

Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России: проблемы теории и практики.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита обязанностью государства. Одной из форм защиты прав является и уголовное преследование, осуществляемое с применением процессуальных средств, предусмотренных в стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому одним из концептуальных и актуальных является вопрос за-

---

[1] Исаенко В., Папышева Е. О системе уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2009. № 6. С. 74.

[2] Халиков А. Собирание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. 2013. № 12. С. 57.

щиты прав в стадии возбуждения уголовного дела. В данной стадии, действительно, имеются много нерешенных вопросов: пробелы в правовом регулировании, в том числе в определении правового статуса участников процессуальной проверки сообщения о преступлении, порядка исчисления сроков разрешения сообщений (по существу они являются «беспредельными», в случаях многократных возобновлений проверки); и проблемы в практической деятельности: полноты учета сообщений (их укрытие), неоднократное принятие необоснованных процессуальных решений, принятие их, ориентируясь на судебную «перспективу», т.е. предрешение задач или принятие решений по соображениям целесообразности, а не законности.

Статья 145 УПК РФ, включена в раздел 7 УПК, именуемый «Возбуждение уголовного дела». В ч. 1 ст. 145 УПК предусмотрены три решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со статьей 151 УПК РФ. Анализ разрешения сообщений о преступлениях (безвестном исчезновении) в правоохранительных органах за 2012-2013 гг. показывает, что всего ими разрешено более 4 тыс. сообщений. Из них около 700 случаях принято решение о возбуждении уголовного дела, что составляет около 16%. Данный показатель является усредненным значением. В разных правоохранительных органах указанное значение в процентном отношении варьируется от 4 до 30[1].

В юридической литературе ведущими учеными А.Ф. Волынским и Б.Я. Гавриловым также отмечено, что по результатам процессуальной проверки сообщений о преступлениях, уголовные дела возбуждаются лишь в 7-10%[2]. Таким образом, в подавляющем большинстве случаях принимаются иные решения. Поэтому, представляется соответствующим требованиям нормативности, информативности и юридической технике структурирования разделов закона предлагаемые изменения наименования раздела 7 УПК РФ (возбуждение уголовного дела). Вариантами этого могут быть: «Процессуальная проверка сообщения о преступлении»; «Учет и разрешение сообщения о преступлении» или «Разрешение сообщения о преступлении». С учетом изложенного, ста-

---

[1] Архив прокуратуры г. Каспийска.

[2] См. подробно: Волынский А.Ф. Новый УПК Украины – масштабный правовой эксперимент для России // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (14.11.2013). Ч. 1. М., 2013. С. 121; Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК России и Украины: что удалось и к чему стремиться? // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (14.11.2013). Ч. 1. М., 2013. С.131.

дию возбуждения уголовного дела можно считать и как стадию процессуальной проверки сообщения о преступлении.

Хотя упомянутые статистические данные названными учеными приведены в пользу обоснования позиции отказа от стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе, они убедительно свидетельствуют и о необходимости изменения наименования раздела 7 УПК РФ.

Исключение стадии возбуждения уголовного дела станет кардинальным и концептуальным изменением в уголовном процессе, влекущим такие же изменения во всей уголовно-процессуальной деятельности. Но, как представляется, существенным является обоснование того, чем существенно продвинуло бы разрешение существующей проблемы защиты прав в случае отмены или отказа от стадии возбуждения уголовного дела.

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» внесены дополнения и в ст. 144 УПК, которые необходимо расценивать как существенное расширение процессуальных средств проверки сообщения о преступлении (назначение экспертиз, исследований, ревизий и т.д.)[1]. По сути это и есть реформа стадии возбуждения уголовного дела. Необходимость совершенствования средств доказывания (достаточных данных в данной стадии) вовсе не должно исключать рассматриваемую стадию. Установление фактических обстоятельств совершения преступления, их доказывание, предусмотренными УПК РФ средствами содержит определенное противоречие, разрешение которого имеет место не только в совершенствовании методики, но и в правовом регулировании. Поскольку способы, формы совершения преступлений меняются, и средства их доказывания должны совершенствоваться. И это объективный процесс, так как доказательства (достаточные данные), не предусмотренные УПК или полученные в нарушении его норм, являются недопустимыми.

Кроме того, если исключить стадию возбуждения уголовного дела, в иной стадии, режиме и процедуре объективное разрешение должны получать и те 85-90% учитываемых сообщений о преступлении, по которым принимаются иные решения. Не бесспорным, дискуссионным является и преимущества иной процедуры их разрешения.

В целом, соглашаясь с позицией А.В. Петрова о том, что стадия возбуждения уголовного дела, исходя из ее цели и задачи, не рассчитана на получение достоверного знания о совершении преступления, бо-

---

[1] Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ 2013. № 9. Ст. 875

лее того, оно и противоправно[1], мы не разделяем ее в части категоричности утверждения. В случаях, когда по материалам проверки принимаются процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (вследствие применения акта амнистии, истечение сроков давности) или по реабилитирующим основаниям, в связи с применением примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ (например, ст. 126 УК РФ), исходим из позиции достоверного знания о совершенном преступлении и установления всех признаков состава преступления в их совокупности, в противном случае, принятие и обоснование таких решений станет невозможным.

Помимо уголовно-процессуальной деятельности, стадия возбуждения уголовного дела носит и организационно-управленческий характер, которая реализуется в виде мобилизации сил и средств на расследование преступлений, посредством отказа в возбуждении уголовных дел по сообщениям, не содержащимся признаков преступления.

С учетом внесенных ФЗ от 4.03.2013 № 23-ФЗ изменений в УПК РФ, на наш взгляд, верно замечено М.Т. Коридзе о том, что в стадии возбуждения уголовного дела в число проверочных действий включены следственные, розыскные, административные действия, оперативно-розыскные мероприятия[2].

Нельзя не отметить, что расширение процессуальных средств проверки, возможность продления сроков проверки до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК) и неоднократного возобновления проверки, чревато смешением и подменой стадии предварительного расследования стадией возбуждения уголовного дела, с одной стороны, а с другой – способствует манипулированию отчетными данными, так как в определенной мере оценка эффективности дается по отчетным показателям, стало быть и искажению статистики. И самое главное, защита прав участников уголовно-процессуальной проверки сообщения, может «теряться» вот в этих манипуляциях. При таких обстоятельствах необходимы определенные ограничения, как по срокам, так и по процессуальным средствам проверки, отличающую стадию возбуждения уголовного дела от стадии предварительного расследования и сохраняющую процессуальное и функциональное назначение рассматриваемой стадии.

Еще до внесения изменений в УПК РФ от 4.03.2013, которыми существенно расширены полномочия органов расследования и процессуальные средства проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела, совершенно справедливо замечено в юри-

---

[1] Петров А.В. Признаки преступления как элемент основания для возбуждения уголовного дела// Законность. 2012. № 8. С. 51-55.

[2] Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и пути их решения // Новый юридический журнал. 2013. № 2. С. 162.

дической литературе о том, что процессуальная деятельность в этой стадии стала «непроцессуальной формой расследования», направленная на выявление судебной перспективы возбуждаемого уголовного дела[1]. Это еще один аргумент в пользу подтверждения довода подмены стадий или стирание граней между стадиями досудебного производства и необходимости их четкого разграничения, исходя из задач, решаемых на каждой стадии, сохраняя присущие каждой стадии особые или уникальные функции.

Для этого, в частности, полагаю необходимым:

- раскрыть в ст. 5 УПК РФ содержание понятий лиц участвующих «в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» и участников «проверки сообщения о преступлении», упоминаемых в ч 1.1. ст. 144 УПК, а также определить их статус. В настоящее время это является лишь усмотрением органов расследования, т.к. УПК РФ предусматривает соответствующий процессуальный статус лиц, вовлеченных в процесс, только на стадии предварительного расследования. Это не способствует и единообразному применению норм и формированию единообразной практики;

- исходя из взаимосвязанных положений ч. 3 ст. 144 УПК с ч. 6 ст. 148 УПК видно, что в ч. 3 ст. 144 УПК в качестве предельного срока проведения проверки по сообщению о преступлении предусмотрено 30 суток, а согласно ч. 6 ст. 148 УПК предусмотрена возможность установления сроков и за пределами 30 суток, в случаях возобновления проверки. И это является обычной практикой правоохранительных органов. С учетом изложенного можно сказать, что предельные сроки проверки сообщения о преступлении является не жестким требованием закона, а усмотрением уполномоченных должностных лиц применительно к конкретному сообщению проверки. Поэтому в ст. 148 УПК необходимо внести дополнения, упорядочивающие сроки проверки и ограничивающие усмотрение должностных лиц. Одним из вариантов этого может быть дополнение ст. 148 УПК РФ новой частью № «8» следующего содержания: «При возобновлении проверки в соответствии с ч. 6 и 7 настоящего Кодекса установление сроков проверки осуществляется в пределах сроков, предусмотренных в ч. 3 ст. 144 настоящего Кодекса. По истечении предельных сроков проверки при возобновлении проверки по сообщению о преступлении проводится расследование».

Из-за отсутствия специального закона о розыске безвестно исчезнувших лиц, проверки по сообщениям о безвестном исчезновении проводятся и в порядке, предусмотренном УПК РФ, а именно, используя

---

[1] Маслов И., Новиков А. Нерешенные проблемы стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2011. № 5. С. 85.

процессуальные средства проверки, предусмотренные в стадии возбуждения уголовного дела. При этом, какие-либо различия в проведении проверок между сообщением о преступлении и безвестном исчезновении не имеются, хотя не всякое сообщение о безвестном исчезновении является сообщением о преступлении. Важное значение при этом имеет использование, помимо процессуальных, и других проверочных действий, предусмотренных ч. 4 ст. 21 УПК РФ (требования, поручения и запросы). Процессуальные действия – это те действия, в проведении которых предусмотрены процедура, порядок, а иные проверочные действия (ч. 4 ст. 21 УПК) – действия, выполняемые органами расследования по которым процедура, порядок не установлены. Требования, поручения, запросы имеют существенное значение для информационного обеспечения и ориентирования направления розыска безвестно исчезнувших лиц в рассматриваемой стадии. Практика также свидетельствует, что в большинстве случаях безвестно исчезнувшие лица устанавливаются в ходе процессуальной проверки таких сообщений. В современных условиях по таким сообщениям стадия возбуждения уголовного дела является востребованной и необходимой.

Хотя процессуальная проверка по сообщению о безвестном исчезновению можно рассматривать как частный случай процессуальной проверки сообщений о преступлениях, в целом, правовое регулирование в стадии возбуждения уголовного дела нуждается в совершенствовании.

И.В. Казначей

Теоретические и законодательные аспекты применения технических средств на стадии возбуждения уголовного дела (за или против?)

Возбуждение уголовного дела – существенная стадия уголовного процесса, так как именно в ней разрешаются вопросы о наличии или отсутствии поводов и оснований к началу уголовного преследования. Главами 19 и 20 УПК РФ, закреплены основные положения стадии возбуждения уголовного дела с указанием ее субъектов, применяемых ими методах и средствах. В контексте отмеченного, актуальными видятся вопросы, связанные с возможностью субъектов стадии возбуждения уголовного дела применять технические средства. С этой целью надлежит рассмотреть два основных аспекта:

Во-первых, что такое технические средства в уголовном процессе и во-вторых, возможно ли их применять, в рамках стадии возбуждения уголовного дела.

1. Выступая в качестве инструментов социальной адаптации, технические средства, приобретают особое значение для правоприменителей при собирании, оценки и проверки доказательств. Тем ни менее, современное состояние российского уголовного судопроизводства далеко от совершенствования в области преемственности прогрессивных технических средств коммуникации. Данное утверждение основано на анализе правовой модели УПК РФ. Так, обращает на себя внимание отсутствие единого подхода законодателя к определению правовой природы технических средств в уголовном-судопроизводстве. Употребленные законодателем формулировки о технических средствах в как-то: «технические средства фиксации» ч. 6 ст. 164, «электронные носители» п. 5 ч. 2 ст. 82; «автоматизированная информационная система» ч. 1 ст. 30; «информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» п. 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ и т.д., не находят своего разъяснения в контексте ст. 5 УПК РФ, закрепляющей основные понятия. Подобное понимание правовой природы технических средств, влечет не ясность их применения всеми субъектами процедуры доказывания в области уголовного процесса. В связи с чем, видится необходимым дополнить ст. 5 УПК РФ базовым понятием: «технические средства коммуникации», универсальным для определения правовой сущности всех упоминаемых в УПК РФ «технических средств» и адаптированным к применению в уголовном судопроизводстве. Предложенное авторское понятие «технические средства коммуникации», редакцию ст. 5 с учетом пункта 54.1 в следующем виде:

«54.1) Технические средства коммуникации – средства технического обеспечения процесса сбора, проверки, оценки и использования сведений полученных из различных источников информации».

2. Анализируя стадию возбуждения уголовного дела, нельзя не упомянуть о производстве в ее рамках неотложных следственных действий, с применением «любых технических средств» в виду отсутствия их перечня, как то установлено в п. 6 ст. 164 УПК России. Однако возможность применить «любые технические средства», довольно спорна, в виду положений п. 8. ч. 4. ст. 166 УПК РФ устанавливающих конкретный перечень приложений к протоколам следственных действий. Иначе говоря, результаты, полученные с помощью технических средств коммуникации вне перечня приложений п. 8. ч. 4. ст. 166 УПК РФ, не допустимы.

Исследуя выявленное обстоятельство, следует обратиться к положениям ст. 141 УПК РСФСР, предполагающим выверенный список допустимых к применению технических средств: фото – киносъемка, составление планов, схем, получение слепков и оттисков следов, фонозапись. Узко ориентированный и императивно предписанный перечень технических средств коммуникации того времени не допускал их расширительного толкования, в результате чего частично заимствованные

из УПК РСФСР дефиниции, предопределили стагнацию в развитии возможностей технических средств и для современного УПК РФ. На этот счет, А.И. Винберг замечал, что: «Сложившаяся в ст. 141 УПК РСФСР пагубность формулировок, строго очерчивающих конкретный перечень технических средств, губительна, так как не предполагает возможность использования современных устройств фиксации и собирания доказательств. Единственным объяснением к этому, может быть нерасторопность и громоздкость документооборота бюрократической машины, способной изменить существующее положение вещей в УПК РСФСР»[1].

Обстоятельность научных суждений А.И. Винберга и ряда солидарных с его мнением ученых процессуалистов, подтверждается результатами проведенного опроса 240 респондентов из числа судей, работников органов предварительного расследования, адвокатов, сотрудников органов дознания в различных субъектах РФ. В рамках которого установлено, что 35% интервьюированных, возражают против какой либо конкретизации допустимых приложений к протоколам следственных действий, 65 % считают необходимым более корректно изложить указанную формулировку, с учетом дальнейшего развития технических средств коммуникации.

Опираясь на мнения ученых процессуалистов и результаты проведенного исследования, видится возможным изложить п. 8. ч. 4. ст. 166 УПК РФ в следующей редакции:

«К протоколу прилагаются чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а так же результаты использования технических средств коммуникации, в том числе с полученными или скопированными на электронный носитель сведениями, в ходе производства следственного действия».

Предложенной формулировкой достигается цель устранения современных процессуальных барьеров, устанавливающих ограничительный перечень допустимых приложений, подчас вовсе не используемых при производстве следственных действий.

---

[1] Винберг А.И., Корухов Ю.Г. Регламентация применения научно – технических средств // Соц. законность. 1983. № 10. С. 45-47.

А.Б. Калинкина

Отграничение умышленного причинение вреда повлекшие по неосторожности смерть от умышленного причинения смерти на стадии возбуждения уголовного дела

При возбуждении уголовного дела необходимо определить признаки преступления указанные в ст. 14 УК РФ – это общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость.

На практике распространенной ошибкой является привлечение к уголовной ответственности за умышленное убийство лица и причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Допускаемые ошибки объясняются в какой-то степени тем, что эти преступления по внешним признакам сходны. У них могут совпадать и некоторые признаки субъективной стороны, такие как мотив и цель преступления. В итоге это иногда приводит к тому, что анализ фактических обстоятельств совершенного преступления со стороны следственных органов и судов позволяют действия виновного, причинившего тяжкий вред здоровью, повлекший по неосторожности смерть, квалифицировать как умышленное убийство, исходя не из преступного намерения, а лишь из наступивших последствий – смерти потерпевшего.

Так, например, в период с 20 ч. 00 мин. 28.07.2007 до 04 ч. 00 мин. 29.07.2007 неизвестный в г. Нижнем Тагиле Свердловской области умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью гражданину Щ., нанес последнему множество ударов руками, ногами и неустановленным предметом в область головы и живота последнего, причинив своими действиями гражданину Щ. черепно-мозговую травму и тупую травму живота с повреждением печени, от которых последний скончался спустя непродолжительное время на месте происшествия.

В период с 18 ч. 30 мин. 20.01.2008 до 02 ч. 21.01.2008 гражданин К., находясь в состоянии алкогольного опьянения в городе Нижнем Тагиле Свердловской области, в ходе ссоры с Ш., умышленно нанёс в туловище принесённым с собой кухонным ножом не менее 10 ударов, причинив Ш. телесные повреждения в виде множества проникающих колото-резаных ранений груди и лица, с повреждением сердца и легких, в совокупности причинивших тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни в момент причинения и повлекших смерть Ш. спустя непродолжительное время.

В приведенных выше примерах в отношении неизвестного, в первом примере возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. А в отношении гражданина К., во втором примере вынесено постановление о возбуждении

уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В ст. 105 УК РФ непосредственным объектом является жизнь человека, а в ст.111 УК РФ здоровье человека, в качестве дополнительного объекта в ч. 4 ст. 111 УК РФ выступает жизнь. С субъективной стороны убийство может быть лишь умышленным, а причинение тяжкого вреда здоровью повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего предполагает наличие двух форм вины – умышленной по отношению к причиненному тяжкому вреду здоровью и неосторожной к более тяжкому последствию – смерти потерпевшего. Очень часто на практике бывает трудно определить, на что был направлен умысел, на что посягает преступник на жизнь или здоровье.

Анализ ч. 4 ст. 111 УК РФ показывает, что законодатель объединяет умышленное и неосторожное преступление, учитывая существующие зависимости. Эти преступления могут существовать самостоятельно, соответственно ч. 1 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). В сочетании же друг с другом, когда причиной наступления смерти является не само деяние, а его последствия, то есть тяжкий вред здоровью, данные два преступления образуют качественно новое преступление с двойной формой вины – причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека.

Преступление с двойной формой вины предполагает причинную связь между выполнением виновным умышленно действий, содержащих признаки основного преступления (ч. 1 ст. 111 УК РФ), и наступлением дополнительных, производных последствий (смерти человека – ч. 4 ст. 111 УК РФ), находящихся за пределами умысла, а соответственно и за пределами основного преступления и охватываются данные последствия неосторожной формой вины. Наличие этой причинной связи – характерная особенность сложного состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Иными словами, если основное последствие (тяжкий вред здоровью) и производное (смерть) не укладываются в единую линию развития причинной связи, содеянное нельзя квалифицировать по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Если, смерть обусловлена случайным, инфекционным загрязнением раны, внесенной во время ранения, то причинная связь между повреждением и смертью имеется. Однако данную причинную связь виновный не предвидел и не мог предвидеть. Так как эта причинная связь является случайной, она не охватывалась сознанием виновного и не может быть вменена в вину лицу, причинившему тяжкий вред здоровью. Если же смерть наступила в результате причинения тяжкого вреда здоровью, но причиненного по неосторожности, совершенные действия в целом образуют состав причинения смерти по неосторожности.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» в п. 3 указывает на то, что для отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего необходимо учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранение жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения. Таким образом, требуется тщательное установление объективной стороны преступления. Из этого следует, что если средство, орудие, способ, применяемое для нанесения вреда здоровью, не характерны для нанесения вреда здоровью или причинения смерти, то речи не может идти об умысле на причинение вреда здоровью, а тем более к наступлению смерти. Действия виновного могут быть квалифицированы как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности, если виновный действовал с прямым конкретизированным умыслом на причинение тяжкого вреда здоровью. Если же умысел был не конкретизирован, то деяние следует квалифицировать как убийство.

Руководствуясь Постановлением Пленума Верховного Суда РФ, при квалификации вышеуказанных примеров следует обратить внимание на способ и орудие совершения преступления, а также количество, характер и локализацию телесных повреждений. В первом случае неизвестный нанес множество ударов руками, ногами и неустановленным предметом в область головы и живота, во втором – гражданин К. нанёс в туловище кухонным ножом не менее 10 ударов, причинив телесные повреждения в виде множества проникающих колото-резаных ранений груди и лица, с повреждением сердца и легких. Во втором случае имеет место нанесение ударов в область жизненно важных органов (сердца и легких), влекущее причинение опасного для жизни вреда здоровью, кроме того, используется орудие в виде ножа. Таким образом, локализация ударов, их количество (не менее 10), орудие позволяет свидетельствовать о направленности умысла на убийство, а не на причинение тяжкого вреда здоровью. Это подтверждают и существовавшие между гражданином К. и потерпевшим взаимоотношения. Согласно материалам дела они постоянно ссорились, бывало дрались.

В своих работах посвящённых квалификации преступлений профессор Н.К. Семернева говорит, что, при анализе фактических обстоятельства, установленные при расследовании преступления, учитывая рекомендации Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999, можно сделать вывод, что при желании совершить умышленное убийство лицо использует для достижения преступного результата соответствую-

щие орудия или средства совершения преступления[1]. Кроме того, во всех случаях цель, мотив, направленность умысла должны устанавливаться на основе глубокого анализа обстоятельств совершения преступления (места, времени, способа), взаимоотношений виновного и потерпевшего, локализации ударов, причин совершения и прекращения общественно опасного посягательства. Несоблюдение этого правила, по мнению Н.К. Семерневой, и влечет ошибки в квалификации[2].

Подводя итог, можно предложить следующий алгоритм, которым следует руководствоваться для правильной квалификации:

- во-первых, необходимо установить способ, орудие совершения преступления, локализацию и количество ударов, мотивы и цели преступника, его предыдущее и последующее поведение, взаимоотношения с потерпевшим.

- во-вторых, необходимо установить, что явилось причиной смерти: само деяние или причиненный тяжкий вред здоровью, для этого необходимо исходить из протокола об осмотре места происшествия и заключения судебно-медицинской экспертизы.

При этом действия необходимо квалифицировать, безусловно, как убийство при наличии следующих признаков:

- направленности действий виновного на нарушение функций и анатомической целостности жизненно важных органов потерпевшего, например, ранение головы, глотки, гортани, трахеи, левой стороны грудной клетки;

- интенсивности действий виновного, то есть силы и множественности ударов, свидетельствовавшей о намерении причинить смерть потерпевшему;

- применении такого орудия или средства, которыми может быть причинена смерть потерпевшему, например, огнестрельное оружие, ножи, сильнодействующие и ядовитые вещества;

- наличии словесных угроз о лишении жизни.

При отсутствии хотя бы одного из вышеназванных признаков действия виновного нельзя квалифицировать как убийство.

Сложнее произвести квалификацию, когда смерть возникает от единичного удара кулаком с большой силой в жизненно важный орган, ножевой раны в бедро с ранением крупной артерии, от которых человек умирает. Подобные действия виновного, вероятнее всего, следует квалифицировать как умышленные действия, направленные на причинение тяжкого вреда здоровью с неосторожным отношением к последствиям – смерти потерпевшего. Если же будут добыты доказательства,

---

[1] Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. Екатеринбург, 2010. С. 104-105.

[2] Там же. С. 108.

свидетельствовавшие, что виновный действовал с умыслом на лишение жизни, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 105 УК РФ.

Следственные органы и суды при разграничении убийства с косвенным умыслом и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть, исходят не из отношения лица к последствиям своих действий – смерти потерпевшего, а придерживаются следующего правила: если смерть наступает вскоре после причинения тяжкого вреда здоровью, деяния квалифицируются как умышленное убийство, а если между названными моментами проходит более или менее продолжительное время, то как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности. Однако Г.Н. Борзенков справедливо подчеркивает, что мнение о том, что наличие значительного разрыва во времени между причинением травмы и наступлением смерти требует квалификации по ч. 1 ст. 111 УК РФ и исключает квалификацию содеянного как убийства, лишено каких бы то ни было оснований[1].

По нашему мнению, сознательное причинение повреждений, опасность которых для жизни достаточно очевидна, свидетельствует о наличии интеллектуального элемента умысла на причинение смерти, поскольку виновный предвидит возможность смертельного исхода. Даже если не установлено, что он желал смерти жертвы, при сознательном допущении смертельного результата, безразличном отношении к нему, содеянное представляет собой убийство с косвенным умыслом, а не преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Значение правильной квалификации трудно переоценить, ведь каждый раз речь идет о судьбе конкретного человека, а кроме того осуществлении таких принципов уголовного права, как законность, виновность, справедливость и гуманизм, поэтому очень важно суметь верно разграничить смежные составы преступлений, в частности убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть.

А.В. Капранов

Об оптимизации правового регулирования первоначальной стадии уголовного процесса

Эффективность реализации государственной функции охраны правопорядка, прав и свобод граждан, всех форм собственности во многом зависит от успешной деятельности на досудебных стадиях процесса. В связи с этим важнейшим условием реформирования уголовно-

[1] Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учебно-практическое пособие. М., 2008. С. 193.

процессуального законодательства выступает разработка концептуальной модели досудебного производства, наиболее рационально обеспечивающей выполнение названной функции. Необходимость в этом вызывается теми недостатками и негативными процессами, которые в своей совокупности характеризуют современное состояние досудебного производства, не способного оптимально решать поставленные перед ним задачи. Граждане, пострадав от преступления, порой оказываются беззащитными. Государство, принявшее на себя обязательства по восстановлению прав граждан, нарушенных в результате преступления, сегодня зачастую бессильно их выполнить. Статистические данные свидетельствуют о низкой эффективности деятельности правоохранительных органов, осуществляющих досудебное производство, в связи с чем актуально исследование понятий унификации, дифференциации, рационализации и оптимизации, ведущие, в конечном счете, к эффективности уголовного процесса.

В научной литературе существуют различные варианты определения эффективности. Термином «эффективность» обозначаются разнообразные явления: экономичность, полезность, результативность, целесообразность, в том числе и оптимальность. Нередко эффективность служит «мерилом общественной практики»[1]. Имеется в виду достижение результатов независимо от того, идет ли речь об оценке деятельности отдельного человека, многочисленных общностей людей или социальных институтов.

Экономический смысл термина «эффективность» сводится к достижению цели при наименьших финансовых затратах[2]. В науке управления эффективность определяется как достижение поставленных перед управляемой системой целей посредством соответствующих им усилий и затрат[3]. В теории права критериями эффективности выступают цели юридических установлений[4], способность применяемого средства содействовать ее достижению[5].

Для обозначения улучшения (реформирования) какого-либо процесса или отрасли человеческой деятельности в науке давно и широко используется категория оптимальность. Традиционно наиболее твердые позиции этой категории можно проследить в таких сферах научного знания как математика, кибернетика, теория управления.

---

[1] Тихомиров Ю.А. Понятие эффективности управленческой деятельности и условия ее достижения // Проблемы эффективности работы управленческих органов. М., 1973. С. 39.

[2] Бакеев В.А. Психологические проблемы повышения эффективности управленческих решений руководителей органов внутренних дел. М., 1983. С. 19.

[3] Баранов Н.Н., Кондратюк Л. В. Методика оценки деятельности следственного аппарата. М., 1976. С. 4.

[4] Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 30.

[5] Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989. С. 283; Лазарев В. В. Теория государства и права. М., 1992. С. 159.

Возбуждение уголовного дела является институтом досудебного производства безусловно нуждающимся в оптимальном правовом регулировании. Под процессом оптимизации первоначального этапа уголовного судопроизводства представляется необходимым понимать процесс совершенствования уголовно-процессуальных процедур стадии, выведении алгоритмов наилучшего использования уже имеющихся средств, а так же в выработке новых, наиболее точно соответствующих потребностям практики, складывающейся с учетом изменений регламентации стадии.

Оптимизация должна способствовать процессу совершенствования досудебного производства в целом, а так же его первоначальной части. Процесс оптимизации возбуждения уголовного дела должен состоять в приведении стадии в оптимальное, то есть наиболее выгодное, наилучшее, вовлеченных в стадию участников состояние, с рациональными и ресурсосберегающими процедурами, что позволит наиболее эффективно решать стоящие на этом этапе задачи, при неукоснительном обеспечении гарантий прав и интересов личности.

Представляется, что оптимизация в рамках стадии должна стремится не только к использованию имеющихся средств, но и к поиску новых уголовно-процессуальных процедур, особенно в свете многочисленных предложений о дополнении стадии дополнительными следственными действиями, как учеными, так и практическими работниками.

Понятие оптимизации применительно к стадии возбуждения уголовного дела следует выводить исходя из целей и задач этой стадии. В свете этого положения и в теоретическом, и в практическом плане актуально изучение эффективности такого элемента механизма правоохранительной деятельности, как установление действительных фактических обстоятельств по конкретному уголовному делу. Факторы, способствующие максимально быстрому и качественному установлению поводов и основания к возбуждению уголовного дела составляют юридическую структурную составляющую понятия оптимальности. Сюда можно отнести: использование технических средств фиксации, увеличение количества следственных (проверочных) действий, возможных до возбуждения уголовного дела и др.

Фактор времени и сроков чрезвычайно важен на этапе возбуждения уголовного дела. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении в пределах компетенции в максимально короткие сроки, постольку этого требует не только закон (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), поскольку потеря во времени может повлечь снижение ценности информации о произошедшем или готовящемся событии, а, соответственно, снизить показатель эффективности уголовно-процессуальной деятельности уже на стадии воз-

буждения уголовного дела, помешать раскрытию преступления по «горячим следам» и тем самым приблизить момент вынесения приговора в отношении виновного. Изучение материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях показывает, что одной из причин не установления лица, совершившего преступление, является несвоевременное возбуждение уголовных дел.

Социальную структурную составляющую понятия оптимальности стадии возбуждения уголовного дела представляют собой те обстоятельства, которые учитывают человека как высшую ценность. Сюда необходимо относить: эффективный механизм возбуждения уголовных дел, обеспечивающий права граждан через гарантии неотвратимости наказания и быстроты осуществления уголовного преследования и судебного разрешения уголовных дел; деятельность суда, прокуратуры за соблюдением гарантий прав граждан на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Необходимо особо отметить, что в соответствии со ст. 6 УПК РФ к назначению уголовного судопроизводства вообще относит защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а так же защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод соблюдение прав и свобод граждан, можно сделать вывод о том, что требование защиты прав и свобод граждан от необоснованного ограничения прав и свобод граждан и организаций распространяется и на первоначальную стадию процесса. Исходя из этого, а так же учитывая, что правовое положение участников данной стадии, не достаточно регламентировано УПК РФ, представляется, что одним из направлений оптимизации на рассматриваемом этапе в соответствии с назначением уголовного судопроизводства будет более четкое определение процессуального статуса лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства.

Таким образом, нами под понятием оптимальности на стадии возбуждения уголовного дела понимается совокупность обстоятельств, с одной стороны, выступающих в виде факторов, способствующих наилучшему, максимально быстрому и качественному установлению основания к возбуждению уголовного дела, а с другой – наиболее полно учитывающих человека как высшую ценность, эффективно удовлетворяющих потребности личности, вовлеченных в стадию возбуждения уголовного дела, так как эффективность в уголовно-процессуальном значении выступает структурной составляющей эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека.

Оптимальное состояние первоначального этапа уголовного судопроизводства, таким образом, зависит от целостной концепции досудебного производства по делу, которая в свою очередь, безусловно, зависит от модели уголовного процесса в целом, и, по нашему мнению, должно стремиться к сокращению срока производства, уменьшению

формализации и использованию всех доступных на сегодняшний день средств технической фиксации доказательственной информации, а так же построению организации и процедур функционирования эффективного судебного, ведомственного контроля и прокурорского надзора, а также социального контроля за первоначальным этапом досудебным производством по уголовным делам.

Ю.С. Каркошко

О процессуальных полномочиях руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела

Вопросы процессуального руководства в сфере уголовного судопроизводства постоянно изучаются в уголовно-процессуальной науке. Сохраняющаяся актуальность исследования данного вида уголовно-процессуальной деятельности объясняется его практическим значением, поскольку от надлежащего процессуального руководства напрямую зависит обеспечение порядка уголовного судопроизводства, контроля за единообразным применением норм закона лицами, осуществляющими расследование. В этой связи законодательство постоянно совершенствуется.

В УПК РФ уже после его принятия были внесены ряд существенных изменений и дополнений, которые принципиально изменили не только наименование «начальника следственного отдела» в «руководителя следственного органа», ввели должность начальника подразделения дознания, а главное затронули сущность их процессуального статуса. В их основе лежат федеральные законы от 06.06.2007 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым в УПК была введена ст. 40.1. Значительной модернизации после внесения изменений Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» была подвергнута ст. 39 «Начальник следственного отдела». Данная норма в новой редакции стала носить название «Руководитель следственного органа». Кроме этого в ст. 39 УПК РФ в дальнейшем еще вносились изменения, в том числе федеральными законами от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и от 28.12.2010 № 404-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»[1].

---

[1] Образцов А.В. Формирование понятия процессуального руководства в пред-

Вопросы процессуального руководства на начальной стадии уголовного судопроизводства – стадии возбуждения уголовного дела – достаточно разработаны и нормативно регламентированы. Согласно ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа, в частности, уполномочен: проверять материалы проверки сообщения о преступлении, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении.

Действующий уголовно-процессуальный кодекс содержит нормы общего характера, поэтому в Следственном комитете Российской Федерации такие вопросы при проведении «доследственных проверок» сообщений раскрываются в Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утвержденной приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 11.10.2012 № 72 (далее – Инструкция)[1]. В частности, в пункте 3 Инструкции говорится о том, что организация работы по обеспечению приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении, а также контроль за осуществлением этой работы возлагаются на руководителя следственного органа, который ежедневно осуществляет текущий контроль за поступающими сообщениями о преступлении и обеспечивает их неукоснительный прием, регистрацию и рассмотрение в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

К.А. Костенко отмечает, что вопросы осуществления контроля за приемом, регистрацией и разрешением сообщений о преступлении нашли отражение в ряде основных организационно-правовых актов СК России. Одним из основных является приказ Председателя СК России от 15.01.2011 № 1 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации». В пункте 1.2 данного приказа указано о том, что письменные указания в ходе рассмотрения сообщения о преступлении руководитель обязан давать при продлении сроков его проверки.

Другим приказом Председателя СК России от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Приказ № 2) также определены критерии осуществления контроля за приемом, регистрацией и разрешением сообщений о преступлении руководителями следственных подразделений. В пункте 1.2 указанного приказа внимание руководителей обращено на полное и объективное исследование обстоятельств,

---

варительным расследованием в системе уголовно-процессуального права // Российский следователь. 2013. № 21. С. 17.

[1] Российская газета. 2013. 6 марта.

подтверждающих наличие признаков преступления, необходимость направлять прокурору материалы об иных преступлениях в соответствии с пунктом 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, выявленных в ходе рассмотрения сообщения о преступлении, если имеются данные, указывающие на признаки иных преступлений, дачи письменных указаний при продлении сроков проверок.

Представляются взаимосвязанными с вопросами контроля за приемом, регистрацией и разрешением сообщений о преступлении требования пункта 1.3. Приказа № 2 об организации четкой системы дежурств в следственном органе, организации выезда на места происшествия и порядка работы на месте происшествия, необходимости выезда руководителя на места происшествия, особенно по сообщениям об убийствах и других особо тяжких преступлениях, а также имеющих повышенный общественный резонанс, т.к. эта работа проводится, как правило, в рамках проверки сообщения о преступлении[1].

Также следует согласиться с И.В. Чечулиным полагающим, что анализ практики реализации своих полномочий руководителем следственного органа на стадии возбуждения уголовного дела позволяет выявить ряд проблем, требующих разрешения законодателем. Так, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа вправе поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю, принимать уголовное дело к своему производству.

Исходя из буквального толкования указанной нормы закона, эти полномочия реализуются уже по возбужденному уголовному делу. Закономерен вопрос: распространяются ли указанные полномочия на деятельность руководителя следственного органа, реализуемую до возбуждения уголовного дела? Например, обладает ли названный руководитель правом поручать конкретному следователю проверку сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в порядке, предусмотренном ст.ст. 144, 145 УПК РФ. Закон на этот вопрос прямого ответа не дает. Вместе с тем 96% опрошенных следователей полагают, что руководитель следственного органа данным правом обладает[2].

Кроме того, «доследственная проверка» может представлять определенную сложность, вызванную числом лиц в отношении, которых проводится такая проверка, совершением поверяемых деяний на боль-

---

3 Костенко К.А. Организация и осуществление руководителем следственного подразделения контроля за исполнением требований закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях: методические (практические) рекомендации. Хабаровск. 2013. С. 12-15.

[2] Чечулин И.В. О полномочиях руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2013. № 21. С. 25-26.

шой территории, необходимостью выполнения значительного количества проверочных действий и иными подобными обстоятельствами. При таких обстоятельствах руководитель следственного органа должен быть наделен полномочиями поручать проверку сообщения о преступлении нескольким подчиненным следователям.

Представляется, что полномочие руководителя следственного органа поручать проведение проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении следователю либо нескольким следователям, а также изымать и передавать материалы проверки другому следователю должно быть сформулировано в виде дополнения п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ.

Деятельность по разрешению сообщений о преступлениях непосредственно затрагивает основные права и свободы граждан. Радикальные изменения законодательства, касающиеся стадии возбуждения уголовного дела, могут привести к негативным последствиям для физических или юридических лиц, для общества и государства, что накладывает высокую ответственность на законодателя, конструирующего и принимающего изменения в законодательство. Реализация мнения некоторых ученых-юристов и правоприменителей, предлагающих отменить данную стадию уголовного судопроизводства, способна привести к указанным последствиям. Предложения, сформулированные в данной статье, заключаются в уточнении имеющихся положений закона и носят характер последовательного улучшения действующего порядка возбуждения уголовного дела.

А.Е. Козлов
И.Н. Первушина

Стадия возбуждения уголовного дела: некоторые проблемы реформирования

Действующий УПК РФ, в определенной степени, (по-нашему мнению, к сожалению, в небольшой) сохранил преемственность с ранее действовавшим российским дореволюционным (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.) и советским уголовным судопроизводством (УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг., Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.).

Следует отметить, что, несмотря на коренные политические, экономические и идеологические изменения, происходившие в российском государстве (особенно в XIX-XX вв.), уголовное судопроизводство России, применительно к уголовно-процессуальной процедуре возбуждения уголовных дел, характеризовалось определенной стабильностью, что бесспорно, по-нашему мнению, следует признать в

качестве позитивного фактора в совершенствовании российского уголовного процесса.

Традиционно стадия возбуждения уголовного дела оперировала такими правовыми категориями, как заявление и сообщение о преступлении, прием и разрешение заявлений и сообщений о преступлении, органы дознания и предварительного следствия, поводы и основание для возбуждения уголовного дела, порядок возбуждения уголовного дела; решения, принимаемые по существу заявлений и сообщений о преступлении, а также процессуальные средства, т.е. процессуальные действия, разрешенные законодателем при производстве процессуальной проверки заявлений и сообщений о преступлении или, как ее зачастую называют, «доследственная проверка».

Процессуальная регламентация «доследственной проверки» вызывала и вызывает яростные споры процессуалистов, причем, как практикующие юристы, так и научное процессуальное сообщество, высказывают полярные мнения по существу «доследственной проверки».

Некоторые практикующие юристы и представители научного процессуального сообщества предлагают ликвидировать не только правовую категорию так называемой «доследственной проверки», но и, по примеру «цивилизованных государств», вообще ликвидировать стадию возбуждения уголовного дела.

Оппоненты первой точки зрения – предлагают, наоборот, расширить объем процессуальных действий при производстве процессуальной проверки заявлений и сообщений о преступлении, а также увеличить срок производства так называемой «доследственной проверки».

Позиция второй группы практикующих юристов и представителей научного процессуального сообщества нашла поддержку у законодателя и была реализована Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23, которым кардинальным образом был расширен объем процессуальных действий при производстве процессуальной проверки заявлений и сообщений о преступлении, предусмотренный ст. 144 УПК РФ.

Представляется, что при разрешении изложенной проблемы необходимо учитывать правовые национальные традиции российского государства, а также систему и сложившийся правовой статус правоохранительных органов России.

С учетом этого следует, по-нашему мнению, реализовать следующие мероприятия:

- придать процессуальному порядку проверки заявлений и сообщений о преступлении статус стадии уголовного процесса;

- сохранить стадию возбуждения уголовного дела, изъяв из нее правовые нормы, относящиеся к процессуальному порядку проверки заявлений и сообщений о преступлении.

Следует обратиться к проблематике соотношения понятий «повод» и «основание» к возбуждению уголовного дела.

Как известно, ряд авторов, по существу, отождествляют понятия «повод» и «основание» к возбуждению уголовного дела.

Так, С.Б. Росинский указал, что «…основание к возбуждению уголовного дела – это полученные из источников, перечисленных в п. 1-4 ст. 140 УПК РФ фактические данные о признаках преступного деяния и отсутствия обстоятельств, исключающих производство по делу»[1].

А.Л. Петров пишет, что при возбуждении уголовного дела необходимо исходить «…из достоверности самого факта, по поводу которого сделано сообщение»[2].

Другие авторы утверждают, что этих данных должно быть достаточно для полной уверенности в том, что преступление имело место.

Например, Д.Е. Панкратов отмечает, что для того, чтобы основание к возбуждению уголовного дела было «налицо», необходимо иметь вполне достоверный вывод о готовящемся или совершенном преступном деянии[3].

Однако, вопреки своему убеждению, авторы утверждали, что достаточно, если это деяние подтверждается с определенной степенью вероятности, если о нем есть серьезное предположение, вытекающее из конкретных фактических данных.

Таким образом, основание для возбуждения уголовного дела включает следующие элементы:

- имеются данные о признаках преступления;
- эти данные получены из процессуальных источников;
- эти данные являются достаточными хотя бы для предположительного вывода о наличии признаков преступления;

При помощи изложенных выше данных предположительно устанавливаются определенные элементы объекта и объективной стороны, если дело возбуждается по факту совершения или подготовки преступления.

Если же дело возбуждается в отношении определенного лица – необходимы также данные о субъекте преступления и его виновности.

Перейдём непосредственно к анализу норм УПК РФ, регулирующих стадию возбуждения уголовного дела.

Статья 140 УПК РФ перечисляет поводы и основание для возбуждения уголовного дела.

Положения, сформулированные в указанной статье, вызывают дискуссии среди процессуалистов.

---

[1] Россинский С.Б. Уголовный процесс России. М., 2008. С. 147.

[2] Петров А.Л. Проблемы на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2009. № 8. С. 44.

[3] Панкратов Д.Е. О сущности оснований для отказа в возбуждении уголовного дела // Российский следователь. 2008. № 15. С. 14.

Во-первых, законодатель не даёт чёткого определения, что следует понимать под поводом, а лишь приводит перечень возможных поводов.

О.А. Малышева указывает на то обстоятельство, что в нормах УПК РФ прямо не указаны в качестве повода к возбуждению уголовного дела результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), хотя возможность их использования предусмотрена ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[1].

Однако, представляется, что в этом нет необходимости, поскольку сведения, полученные в ходе ОРД, могут быть облечены в форму рапорта об обнаружении признаков преступления, которому посвящена ст. 143 УПК РФ.

Таким образом, недостатками регламентации института повода для возбуждения уголовного дела являются терминологическая некорректность положений закона, а также отсутствие четкого указания на то, что следует считать поводом к возбуждению уголовного дела по преступлениям частно-публичного и частного обвинения.

Вызывает вопросы понятие «основания для возбуждения уголовного дела», поскольку его формулировка дана законодателем достаточно абстрактна.

Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Возникает вполне уместный вопрос, какие основания следует считать достаточными и с какими критериями подходить к оценке имеющихся сведений?

Вполне обоснованно мнение исследователей о том, что объем данных, являющийся достаточным для возбуждения уголовного дела применительно к различным составам преступления, не является постоянной величиной и должен определяться следователем, дознавателем в зависимости от характера совершенного преступления, его индивидуальных особенностей и конкретных обстоятельств.

Понятие «достаточные данные» носит оценочный характер, поскольку правоприменитель в каждом конкретном случае, рассматривая вопрос о возможности принятия решения о возбуждении дела, анализирует имеющиеся сведения.

Полагаем, нецелесообразно закреплять в УПК РФ правила определения достаточности для всех возможных случаев, поскольку их может быть слишком много, в связи с чем невозможно использовать какую-либо иную формулировку, определяя основание для возбуждения уголовного дела[2].

---

[1] Малышева О.А. Возбуждение уголовного дела: теория и практика. М., 2010. С. 117.

[2] Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф Гуценко. М., 2010. С. 180.

Отдельно следует остановиться на необходимости составления органами предварительного расследования огромного количества процессуальных документов, многие из которых имеют чисто формальное значение.

Следует согласиться с А.Л. Петровым, который говоря о формальности стадии возбуждения уголовного дела, употребил термин «бумажность»[1].

Как отмечают исследователи «устранение из досудебного производства любого формального действия, любой лишней бумажки, придание ему динамичности, включение гласной оперативно-розыскной деятельности в состав уголовно-процессуального доказывания» является перспективным направлением модернизации уголовного судопроизводства.

В качестве следующей проблемой, можно обозначить процессуальный срок, предоставленный дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа для проверки сообщения о преступлении и принятия по нему решения. Это ещё один дискуссионный вопрос в литературе. Часть авторов считает, что их необходимо сокращать, в целях борьбы с волокитой, часть же полагает, что срок, закреплённый в УПК, недостаточен для принятия обоснованного и законного решения о возбуждении уголовного дела, и предлагает его увеличить. Существует также мнение о том, что в законе должно быть чётко сформулировано правило, в соответствии с которым в случаях, когда повод содержит достаточные основания для возбуждения уголовного дела, решение об этом должно приниматься немедленно.

В завершение изложенного следует обратить внимание на отсутствие определённости в позиции законодателя применительно к стадии возбуждения уголовного дела.

Безусловно, что помимо названных в настоящей работе проблем, существуют и другие, не менее серьёзные, осветить которые в полном объеме в данном исследовании не представляется возможным.

В.П. Корж

Проверка криминалистически значимой информации об организованной преступной деятельности в сфере экономики по УПК Украины и УПК РФ

В криминалистике проблема разработки методики доследственной проверки криминалистически значимой информации о преступлении не рассматривалась. Некоторые ученые считают, что криминалистиче-

[1] Петров А.Л. Проблемы на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2009. № 8. С. 45.

ские средства, приемы и методы, предназначенные для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, используются только для решения задач следствия. Данная точка зрения не бесспорна. Как показывает практика, первоначальная информация о признаках преступления не всегда содержит достаточные данные, необходимые для принятия решения о возбуждении уголовного дела (ст. 140 УПК РФ) или для начала расследования (ст. 214 УПК Украины). Поэтому, в большинстве случаев по поступившей информации о признаках преступления необходимо проводить доследственную проверку. Необходимость проведения проверки первоначальной информации о преступлении возникает в связи с неполнотой в ней данных о признаках преступления или сомнением в ее достоверности.

Полагаем, что доследственная проверка включает: получение, сбор дополнительной информации, ее накопление, анализ и оценку. Особенностью доследственной проверки информации о преступлениях, в том числе исследуемых, является то, что ее методика формируется на базе данных криминалистической характеристики. Эта информация включает данные о признаках экономического преступления и ОПГ, способах его совершения, обстановки, субъектном составе.

При проведении доследственной проверки следователь не собирает исчерпывающую информацию обо всех фактах экономического преступления и субъектном составе, а выявляет лишь данные, указывающие на признаки конкретного экономического преступления, признаки ОПГ, которых должно быть достаточно для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, так как в процессе расследования, помимо признаков конкретного экономического преступления, на основании которых может быть возбуждено уголовное дело, в задачу следователя может входить поиск признаков организованной группы, ее преступной деятельности и других обстоятельств, имеющих значение для дела. Они устанавливаются следственным путем.

Доследственная (предварительная или первичная) проверка криминалистически значимой информации о преступлении, должна производится в соответствии с уголовно-процессуальным законом. К сожалению, в УПК Украины (2012 г.) упразднены стадии возбуждения уголовного дела, орган дознания, институт предъявления обвинения, проведение традиционных следственных действий: выемки, очной ставки, допроса подозреваемого и т.д. С принятием этого УПК в Украине оперативные работники не проводят оперативно-розыскные мероприятия по выявлению членов ОПГ, экономических преступлений ими совершаемых, а проводят негласные (следственные) действия по указанию следователя, прокурора в процессе расследования. Это негативно отражается на практику противодействия организованной преступной деятельности в сфере экономики. В связи с этим, считаю более правильным подход российского законодателя, которым сохранены стадия

возбуждения уголовного дела, орган дознания, институты раскрытия и предупреждения, оперативно-розыскной деятельности.

В ст. 140 УПК РФ указан исчерпывающий перечень поводов к возбуждению уголовного дела. Таковыми являются не любые виды сообщений о преступлениях, а лишь те, которые перечислены в законе. Они служат юридическими фактами, имеющими процессуальное значение и порождающими процессуальные права и обязанности. В этой связи следует отметить, что доследственные (проверочные) действия (процессуальные), как и другие меры (непроцессуальные), принимаемые на данной стадии уголовного процесса, производятся при наличии повода и оснований к возбуждению уголовного дела.

Обязательное условие, создающее основания для доследственной проверки, связано с требованиями закона о том, что для возбуждения уголовного дела необходимы достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Исследователи проблемы признаков преступления к последним относят различные фактические обстоятельства, указывающие на возможность преступления.

Одной из важных задач, решаемых при проведении доследственной проверки заявлений, сообщений, иной информации об экономическом преступлении, совершенном ОПГ, является выявление признаков указанного вида преступления.

В юридической литературе выделяют уголовно-правовые и криминалистические признаки преступления. Знание первых необходимы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а последних – для выявления признаков преступления, определения тактики проверочных действий.

Следует отметить, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела следователь устанавливает совокупность признаков состава преступления с такой степенью их конкретизации и выяснения, чтобы сделать вывод о совершении конкретного вида преступления. Необходимость проведения доследственной проверки, как правило, обуславливается неполнотой информации о признаках объективной стороны экономического преступления, но нередко она относится и к другим признакам – организованной группы. В криминалистическом смысле признаки любого преступления – это определенное изменение реальной действительности, порожденные действиями или бездействием преступника, указывающие на возможность совершения данного вида преступления.

Таким образом, можно констатировать, что круг обстоятельств, образующих криминалистические признаки, значительно шире, чем уголовно-правовые. Применительно к исследуемому виду преступлений к нему относятся фактические данные, указывающие на возможность совершения экономического организованного преступления в сфере производства, внешнеэкономической, банковской, финансовой дея-

тельности, теневого производства и т.д., или на конкретном участке производственной деятельности, или при проведении конкретных финансовых операций, заключении внешнеэкономических контрактов. Это могут быть фактические данные, связанные со спецификой функций субъекта хозяйственной деятельности, особенностями их организационно-правового статуса, характером хозяйственных операций, бухгалтерского учета и коррумпированных, межрегиональных связей, криминальной активностью членов организованной группы, теневым производством, легализацией доходов и т.п.

Изложенное свидетельствует о том, что криминалистические признаки – это фактические данные, указывающие на возможность совершения экономического преступления организованной группой, преступной организацией, сообществом. Они весьма разнообразны, но любые из них могут быть познаны, выявлены при проведении оперативно-розыскных мероприятий, доследственной проверки и в процессе расследования. Совокупность конкретных фактов и их связей позволит следователю в дальнейшем познать и выявить событие конкретного экономического преступления и его субъектный состав.

Выявление признаков преступления требует от следователя решения другой очень важной задачи – выяснения достаточности выявленных признаков для принятия законного и обоснованного решения по материалам доследственной проверки. Это означает, что по своему характеру данные, содержащиеся в первичных материалах, могут быть признаны достаточными для возбуждения уголовного дела, если они содержат признаки определенного экономического преступления. При этом совокупность признаков должна быть таковой, чтобы ее можно было оценить как достаточную для возбуждения уголовного дела. Неполнота информации о признаках преступления и сомнения в ее достоверности требует сбора дополнительных данных, необходимых для принятия процессуального решения.

Таким образом, задача доследственной проверки – это проверка первичной информации о преступлении, сбор дополнительной, ее накопление, анализ и оценка для установления достаточности данных, указывающих на наличие признаков преступления. Указанная задача и ограничивает пределы доследственной проверки.

На методику проверки первичной информации оказывает определенное влияние источник информации. Если признаки экономических преступлений, совершаемых ОПГ, были выявлены в результате проведения ревизии, то необходимо истребовать акты ревизии и ее материалы, изучить их и строить проверку поступившей информации с учетом имеющихся данных о признаках и способах преступлений, лицах, причастных к его совершению и других обстоятельствах, имеющих значение.

Скрытый характер самого события экономического организованного преступления, совершенного как внутри легально действующего субъекта хозяйственной деятельности, так и в коммерческих структурах, специально созданных для преступного бизнеса (в том числе, лжефирм, лжебанков), приводит к тому, что организованные группы совершают указанные преступления в течение длительного периода и не попадают в сферу уголовного преследования. Своевременное обнаружение признаков экономических преступлений, выявление признаков организованной преступной деятельности и ее субъектов требует умелого использования следователем криминалистических методов. Это в значительной степени зависит от знания следователем (оперативным работником) криминалистической характеристики экономических преступлений, совершенных ОПГ, криминалистических признаков, указывающих их субъективный состав. Знание последних позволяет более оперативно обнаружить и выявить признаки указанного преступления: при организации оперативно-розыскной деятельности, проведении проверочных действий, назначении ревизий, проведении инвентаризаций в процессе расследования преступления.

Методика проверки первичной информации об указанных преступлениях включает анализ и оценку собранных материалов.

Оценка данных с точки зрения их полноты и достоверности начинается с момента поступления первичной информации и продолжается в течение всего периода проведения проверочных действий – до принятия процессуального решения. Недостаточность собранных материалов является основанием для проведения дополнительной проверки. Проведение доследственной проверки заявлений, сообщений, иной информации об экономическом преступлении, совершенном ОПГ, наряду с особым процессуальным порядком, имеет методические и тактические особенности. По нашему мнению, определенное научное и практическое значение имеет разработка криминалистических методов, приемов и средств, предназначенных для решения задач в стадии возбуждения уголовного дела. Методике доследственной проверки присущи определенные особенности. Во-первых, это задачи и пределы проверки; во-вторых, – приемы и средства проверки; в третьих, – методы, уголовно-правовые и криминалистические особенности указанного преступления; в четвертых, – характер поступившей информации об указанных преступлениях; в пятых, – своеобразие доследственных ситуаций.

Следует отметить, что методические и тактические особенности доследственной проверки в определенной степени зависят от характера поступившей информации, ее носителей и складывающейся доследственной ситуации. При получении информации о преступлении следователь должен рассмотреть ее и в случае невозможности принятия решения о возбуждении уголовного дела решить вопрос о производстве доследственной проверки. В этой связи следователь выясняет, какие обстоятельства, содержащиеся в первичных материалах, подле-

жат проверке, дополнению, уточнению. Он определяет, какие данные необходимо получить для принятия процессуального решения, а также способы их получения.

Полагаем, что именно данные криминалистической характеристики указанных преступлений, с учетом конкретной доследственной ситуации, позволяют определить основные направления доследственной проверки, тактические приемы и методы, реализуемые в данной методике. Решение проблемы противодействия организованной преступной деятельности в сфере экономики требует совершенствования уголовно-процессуального законодательства Украины. В связи с этим в ст. 214 УПК Украины целесообразно внести дополнения о проведении проверки информации о преступлении до внесения ее в Единый реестр досудебного расследования и до начала расследования.

Р.В. Костенко

Особенности процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела

В теории уголовного процесса многие учёные справедливо полагают, что процесс доказывания на различных этапах производства по уголовному делу обладает определённой спецификой, которая наиболее характерно проявляется в ходе возбуждения уголовного дела[1]. Эта же специфика осуществления доказательственной деятельности, на наш взгляд, по существу и отличает, разграничивает возбуждение уголовного дела от предварительного расследования. Однако, как показывает анализ законодательных предписаний, особенно в контексте ФЗ о внесении изменений в УПК РФ от 4.03.2013, наблюдается планомерное стирание границ между возбуждением уголовного дела и предварительным расследованием в пользу единого досудебного производства. Указанный вывод наглядно подтверждается детальным исследованием осуществляемого процесса доказывания в ходе возбуждения уголовного дела.

Выносимые решения на этапе возбуждения уголовного дела являются итогом деятельности по проверке сообщений о преступлении,

---

[1] Карнеева Л.М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 95; Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 91-97; Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966. С. 75; Левченко О.В. Презумпции и преюдиции в доказывании. Астрахань, 1999. С. 18; Сердюков П.П. Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела. Иркутск, 1981. С. 13; Шейфер С.А. Собирание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986. С. 55.

поэтому указанные в ст. 145 УПК РФ виды решений выступают в качестве итогового результата процесса установления в ходе доказывания следующих обстоятельств:

- влекущих за собой возбуждение уголовного дела;
- влекущих за собой отказ в возбуждении уголовного дела;
- являющихся основаниями передачи сообщения о преступлении по подследственности либо в суд.

Обстоятельства, влекущие за собой возбуждение уголовного дела, именуются в ч. 2 ст. 140 УПК РФ как «признаки преступления». Признаки преступления представляют собой обстоятельства совершения общественно опасного, уголовно наказуемого деяния, предусмотренного определенной нормой уголовного закона. Согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Признаки преступления как обстоятельства, влекущие за собой возбуждение уголовного дела, выясняются в ходе процессуальной деятельности по терминологии действующего закона с помощью «достаточных данных».

По мнению отдельных авторов, гносеологические предпосылки получения в стадии возбуждения уголовного дела достаточных данных процессуальными средствами есть основание рассматривать их доказательствами[1]. Уголовно-процессуальный закон прямо указывает, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

По своему происхождению «достаточные данные», указывающие на признаки преступления, могут быть получены в ходе уголовно-процессуальной деятельности, прежде всего, путём производства отдельных следственных действий. Согласно ст. 144 УПК РФ такими следственными действиями могут быть:

- получение образцов для сравнительного исследования;
- судебная экспертиза;
- осмотр места происшествия;
- осмотр документов;
- осмотр предметов;
- осмотр трупов;
- освидетельствование.

---

[1] Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993. С. 148-149.

Законодатель также определяет, что при проверке сообщения о преступлении могут быть использованы следующие разновидности иных процессуальных действий по собиранию доказательств:

- получение объяснений;
- истребование документов и предметов;
- изъятие документов и предметов;
- производство документальных проверок;
- производство ревизий;
- исследование документов;
- исследование предметов;
- исследование трупов;
- представление по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющихся в распоряжении средства массовой информации документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию.

Отдельным положением следует выделить предписание законодателя относительно возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий в ходе проверки сообщения о преступлении.

Полученные указанными способами собирания доказательств сведения необходимо оценить по вопросу их достаточности для того, чтобы возникло обоснованное предположение о наличии обстоятельств, влекущих за собой возбуждение уголовного дела[1].

Разновидностями процессуальной формой доказательств в ходе возбуждения уголовного дела могут быть протоколы следственных действий, вещественные доказательства, заключения экспертов, иные документы. В частности, по мнению отдельных авторов, материалы предварительной проверки оснований к возбуждению уголовного дела необходимо относить к числу иных документов как одного из видов доказательств[2]. В целом аналогичной позиции придерживаются и ряд

---

[1] Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе: Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. Иркутск, 1966. Т.2. С.26; Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 54.

[2] Белоусов А.В. О доказательственном значении объяснений, полученных в стадии возбуждения уголовного дела // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 3. С. 27; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекункова, А.К. Орлова. М., 1981. С. 123; Маевский В. Допустимость доказательств, полученных органами дознания до возбуждения дела // Российская юстиция. 2000. № 6. С. 38-39; Масленникова Л.Н. Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. С. 13; Меликян М.Н. О специфике доказывания в ходе предварительной проверки информации о преступлениях // Государство и право. 1998. № 10. С. 76-82; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В.М.

других процессуалистов, которые при этом указывают, что помимо иных документов на стадии возбуждения уголовного дела могут иметь место и представляться также и вещественные доказательства[1].

Достаточные данные должны быть относимы к обстоятельствам, образующим признаки преступления, то есть, к обстоятельствам, характеризующимся наличием в деянии противоправности, общественной опасности, виновности и наказуемости. При этом, трансформация достаточных данных, указывающих на признаки преступления, с точки зрения их относимости к уголовно-процессуальным доказательствам возможна в последующем, когда полученные сведения могут быть положены в основу других решений по уголовному делу.

Достоверность сведений, содержащихся в материалах проверки сообщения о преступлении, зависит от определённой их совокупности, которая позволяет сделать вывод о том, что полученная информация соответствует действительности. Между тем, нередко решение о возбуждении уголовного дела основывается и на предположительно установленных фактах. Хотя, надо полагать, наиболее предпочтительным вариантом является тот, который не исключает ситуации возбуждения уголовного дела при достоверном установлении события преступления и других обстоятельств.

Специфика установления обстоятельств, влекущих за собой возбуждение уголовного дела, сказывается и при выяснении обстоятельств, влекущих за собой отказ в возбуждении уголовного дела. В соответствие со ст. 24 УПК РФ основания отказа в возбуждении уголовного дела отождествляются с основаниями прекращения уголовного дела. Однако, обстоятельства, исключающие производство по делу, влекут не только невозможность возбуждения уголовного дела, но и прекращение уже возбужденного уголовного дела[2]. В этой связи одни процессуалисты пытаются провести аналогию между процессом выяснения обстоятельств, влекущих отказ в возбуждении уголовного дела, с процессом доказывания обстоятельств в последующих стадиях[3]. Дру-

---

Лебедева. М., 1996. С. 147; Шейфер С.А. Законность способа получения предметов и документов как фактор их допустимости / Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. Ростов-на-Дону, 2000. С. 38-88.

[1] Громов Н.А., Лисоволенко В.В., Затона Р.Е. Доказательственное значение представленных следователю предметов и документов // Следователь. 1999. № 2. С.2-6; Плетнев В. Проблемные вопросы собирания доказательств по новому УПК // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 49; Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10. С. 49.

[2] Гаврилов Б. О реальности российской уголовной статистики // Законность. 1999. № 6. С. 29.

[3] Карнеева Л.М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 94-96.

гие же утверждают, что сам процесс установления оснований отказа в возбуждении уголовного дела различается в зависимости от характера обстоятельств, а также от объёма и качества первичных сведений о преступлении[1]. При этом в науке российского уголовного процесса традиционно считается, что любое из обстоятельств ст. 24 УПК РФ, влекущих за собой не только прекращение уголовного дела, но и отказ в возбуждении уголовного дела, должно быть установлено с помощью доказательств[2]. «Под основаниями решения об отказе в возбуждении уголовного дела следует понимать достаточные доказательства о наличии одного из предусмотренных в законе обстоятельств»[3].

«Обстоятельства, относительно которых в законе указано, что они исключают производство по уголовному делу, в каждом отдельном случае устраняют возможность возбуждения дела лишь при условии, что то или иное обстоятельство этого рода вполне известно и несомненно уже в стадии возбуждения уголовного дела»[4]. Если же в ходе проверки сообщения о преступлении будет установлено отсутствие оснований к возбуждению уголовного дела, то есть отсутствие достаточных доказательств, указывающих на наличие признаков преступления, то в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела должен быть сформулирован вывод о недостаточности сведений, полученных в результате предварительной проверки сообщения о преступлении. Поэтому в данном случае в основе принимаемого решения об отказе в возбуждении уголовного дела может быть вероятное знание. Указанное обстоятельство не всегда учитывают те авторы, которые настаивают на том, что в основе принимаемого решения об отказе в возбуждении уголовного дела должно лежать не вероятное, а достоверное знание[5].

---

[1] Чувилёв А.А. Отказ в возбуждении уголовного дела: научно-практический комментарий к УПК РСФСР. М., 1997. С. 217.

[2] Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993. С.147; Карнеева Л.М. Доказывание при отказе в возбуждении уголовного дела // Советское государство и право. 1975. № 2. С.94-95; Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж, 1983. С. 97; Пидюков П.П. Отказ в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1990. С. 17; Темушкин О.П. Процессуальный порядок возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела / Уголовно-процессуальное право: учебник / под ред. П.А. Лупинской. М., 1997. С. 242.

[3] Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993. С. 149.

[4] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 17.

[5] Арсеньев В.Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе: Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. Иркутск, 1966. Т. 2. С. 45; Карнеева Л.М. Доказывание при

Вместе с тем, на наш взгляд, формулирование оснований отказа в возбуждении уголовного дела в ст. 24 УПК РФ в существующем виде не совсем точно соотносится с положениями ст. 148 УПК РФ. Согласно последней норме отказ в возбуждении уголовного дела возможен при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела. Так, ч. 1 ст. 148 УПК РФ гласит, что при отсутствии основания для возбуждения уголовного дела руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Основаниями же для возбуждения уголовного дела являются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Поэтому, исходя из предписаний ст. 148 УПК РФ, отказ в возбуждении уголовного дела предполагает наличие такого условия, при котором в ходе проверки сообщения о преступлении будет установлено отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Тогда как ст. 24 УПК РФ содержит перечень конкретных обстоятельств, при установлении которых возможен отказ в возбуждении уголовного дела. Таким образом, ч. 1 ст. 148 УПК РФ необходимо дополнить указанием о том, что основаниями отказа в возбуждении уголовного дела являются также обстоятельства, предусмотренные ст. 24 УПК РФ.

Г.В. Костылева
Н.Е. Муженская

О возможности совершенствования правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела

Изменения норм УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ[1], были направлены на разрешения некоторых актуальных проблем досудебного уголовного судопроизводства связанных, в частности, и с рассмотрением сообщения о преступлении.

Казалось бы, тем самым были решены проблемы, существовавшие ранее на стадии возбуждения уголовного дела. Однако внесенные изменения повлекли ряд новых проблем применения норм УПК РФ, непосредственно связанных с реализацией порядка возбуждения уголовного дела, рассмотрения сообщения о преступлении.

Ранее нами уже была высказана точка зрения о необходимости разрешения отдельных существующих проблем, в частности, о введении в уголовно-процессуальный закон РФ норм, устанавливающих процессуальный статус самостоятельного участника уголовного судопроиз-

---

отказе в возбуждении уголовного дела // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 96.

[1] Российская газета. 2013. № 48.

водства – заявителя; процедур его участия в производстве по уголовному делу, создания в органах внутренних дел достойных условий принятия от граждан заявлений о преступлении, пересмотра начала уголовного преследования и изменении момента начала уголовного преследования[1].

Так, продекларировав в указанном законе необходимость получения дознавателем, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа *объяснений*, законодатель не определил правовую природу такого понятия как «объяснение» и не установил порядок его получения.

Кроме того, в законе остался не установленным и процессуальный статус лица, у которого должно быть получено такое объяснение, что не позволяет определить конкретные его права, обязанности и ответственность, в том числе в части, касающейся уголовной ответственности такого лица за заведомо ложный донос о совершении преступления (ст. 306 УК РФ). При этом закон указывает на обязательность предупреждения «участников проверки сообщения о преступлении» только о неразглашении данных досудебного производства (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Законодатель по существу ввел в уголовный процесс и «новых» его участников: «лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении», «участников проверки сообщения о преступлении» и «участников досудебного производства» (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Этим лицам, как сказано в законе, предписаны «права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом», в том числе право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа. Кроме того, закон указывает, как отмечалось ранее, на обязательность их предупреждения о неразглашении данных досудебного производства, а при необходимости - обеспечения им безопасности, в том числе при приеме сообщения о преступлении.

Установив возможность истребовать документы и предметы, а также и изымать их, законодатель, в то же время, не указал, в каком именно порядке при проверке сообщения о преступлении это может быть осуществлено (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Согласно норм уголовно-процессуального закона, изъятие документов и предметов может быть

---

[1] Муженская Н.Е., Костылева Г.В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 7. С. 52-56; Они же. Момент начала уголовного преследования должен быть изменен // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2012. № 7-8. С. 48-52.

осуществлено при производстве целого ряда следственных действий: осмотра (ст. 177 УПК РФ), освидетельствования (ст. 179 УПК РФ), обыска (ст. 182 УПК РФ), выемки (ст. 183 УПК РФ), личного обыска (ст. 184 УПК РФ). Вместе с тем, ч. 1 ст. 144 УПК РФ предусматривает производство только осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, а также получение образцов для сравнительного исследования. В связи с этим возникает вопрос: допустимо ли производство при проверке сообщения о преступлении и всех тех следственных действий, которые предусматривают изъятие документов и предметов.

В целом, положительно оценивая изменения закона, связанные с закреплением возможности для дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа назначать при проверке сообщения о преступлении судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, следует однако заметить, что данная новелла повлекла за собой проблему неосуществимости для участников уголовного судопроизводства прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ.

Прежде всего, это связано с невозможностью ознакомления соответствующих участников уголовного судопроизводства с постановлением о назначении судебной экспертизы на данной стадии уголовного процесса. Кроме того, возникает вопрос о соотношении правового положения «новых» участников уголовного процесса, введенных в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, и тех, которые указаны в ст. 198 УПК РФ.

Вместе с тем, открытым остаётся и вопрос о «разумном сроке» получения заключение эксперта, тем более в ситуации, когда уголовно-процессуальный закон не содержит хоть сколько-нибудь точного указания на сроки производства судебной экспертизы.

Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ и предоставившие дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа возможность получать при проверке сообщения о преступлении образцы для сравнительного исследования, повлекли включение в ч. 1 ст. 202 УПК РФ предписания о возможности получения образцов почерка или иных образцов для сравнительного исследования «у иных физических лиц и представителей юридических лиц». Такое положение закона представляется некорректным и уязвимым при его реализации в ходе осуществления проверки сообщения о преступлении, поскольку оно обращено на неопределенно широкий круг лиц, правовой статус которых в уголовном процессе не определен, и их права не обеспечены. Кроме того, при производстве данного следственного действия непосредственно затрагиваются конституционные права гражданина: на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), а также на выражение добровольного согласия быть подвергну-

тым медицинским, научным или иным опытам (ст. 21 Конституции РФ).

Здесь же встает проблема рациональности сроков, установленных законом для проведения в рамках стадии возбуждения уголовного дела проверки заявлений, сообщений о преступлении. Суть проблемы заключается в том, что для осуществления полноценной проверки содержащихся в них сведений, установленный для этого законом 3-х суточный срок оказывается явно не достаточным (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В то же время имеющаяся возможность продление срока проверки до 10, а в отдельных случаях до 30 суток, приводит к затягиванию принятия процессуального решения и нарушению прав граждан (ч. 3 ст. 144 УПК РФ).

Все это позволяет сделать вывод о том, что стадия возбуждения уголовного дела «тормозит» расследование преступления, а поэтому должна быть упразднена. Расследование преступления должно начинаться сразу же с момента подачи гражданином заявления о преступлении, получения сообщения и иной информации о преступлениях и осуществляться в рамках уголовного преследования путем производства всех необходимых процессуальных и следственных действий. При этом процессуальное решение по заявлению, сообщению о преступлении должно быть принято в срок не позднее 24 часов с момента его поступления.

Таким образом, изменение момента начала уголовного преследования и перенос его на момент обращения лица с намерением сделать заявление о преступлении; наделение заявителя процессуальным статусом, а также отказ от стадии возбуждения уголовного дела, позволит защитить права граждан – участников уголовного процесса, рационально использовать процессуальные средства расследования преступлений.

А.В. Котяжов

Значение стадии возбуждения уголовного дела в деятельности следователя по розыску несовершеннолетнего, пропавшего без вести

Несовершеннолетний гражданин – субъект особой правовой защиты, реализация которой, при поступлении сообщения о его исчезновении, осуществляется уже на стадии возбуждения уголовного дела в ходе решения информационных и поисковых задач в т.ч. розыска пропавшего без вести.

Стадию возбуждения уголовного дела в аспекте процессуальной деятельности наиболее полно отражает проверка сообщения о преступлении – «совокупность тактических приемов, по организации и

планированию предварительной проверки, подготовке, проведению отдельных проверочных действий и их использованию в целях обеспечения собирания и исследования следов преступного события для принятия решения по сообщению об этом событии»[1]. Следует отметить, что на практике такая проверка осуществляется не только по сообщениям о конкретных преступлениях, но и по другим сообщениям о происшествиях, произошедших при обстоятельствах, нередко предположительного характера, указывающих на признаки преступления.

Рассмотрение заявления об исчезновении несовершеннолетнего и принятие по нему верного решения в порядке ст. 145 УПК РФ представляет значительную сложность ввиду отсутствия достоверной информации о судьбе и местонахождении ребенка, обладающего ввиду физической и психической незрелости высокой степенью виктимности, предполагающей наличие угрозы его жизни и здоровью. Поэтому все случаи исчезновения требуют проведения проверки и осуществления розыска пропавшего, но далеко не во всех таких случаях возбуждается уголовное дело.

По данным ГИАЦ МВД России в 2012 г. находилось в розыске 13455 несовершеннолетних, пропавших без вести, местонахождение и судьба 1382 детей, на конец года оставались неизвестными. Из них только 743 несовершеннолетних разыскивались в рамках возбужденных уголовных дел.

Изучение практики розыска показало, что подростки 12-14 лет в силу присущих данному возрастному периоду психологических реакций[2], вызванных глубокой перестройкой организма, подвержены самовольным уходам из дома. По факту исчезновения таких детей проверка, как правило, проводится формально, в результате принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела и розыск осуществляется в рамках розыскного дела. Из 21570 несовершеннолетних, объявленных в розыск в категории ушедших из дома, школ-интернатов, детских домов, а также бежавших из центров временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей, специальных школ и специальных училищ, 17 детей стали жертвами преступлений; судьба и местонахождение 1306 разыскиваемых остаются невыясненными[3].

---

[1] Ильин А.Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении / под ред. В.П. Лаврова. М. С. 12.

[2] Шиханцев Г.Г. Юридическая психология / под ред. В.А. Томсинова. М., 1998. С.28; Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983. С.256.

[3] Экспресс-информация «О розыске лиц, скрывшихся от дознания, следствия, суда, уклоняющихся от исполнения уголовных наказаний, без вести пропавших, а также установления личности граждан и неопознанных трупов». М.

По нашему мнению, одной из причин создавшегося положения является то, что розыскные средства, рекомендованные криминалистикой[1], применяются несвоевременно либо вообще не применяются. В результате обстоятельства исчезновения несовершеннолетних остаются невыясненными либо полученной информации недостаточно для вывода о наличии признаков преступления и соответственно для возбуждения уголовного дела, что зачастую ведет к негативному результату розыска и расследования в целом.

Специфику преступлений, связанных с исчезновением несовершеннолетних, выражают заблаговременно созданные виновным лицом условия острого дефицита исходной информации о судьбе и местонахождении потерпевшего, в результате чего уже при первоначальной проверке возникает неочевидная исходная следственная ситуация[2], которая характеризуется отсутствием потерпевшего, непосредственных очевидцев (свидетелей), данных о месте, времени, способе, обстановке совершения преступления; субъективностью первичных сведений, содержащихся в сообщении о преступлении.

В результате проведенного нами изучения 169 уголовных дел о преступлениях, связанных с исчезновением несовершеннолетних, установлено, что 28 (17%) уголовных дел возбуждены только после отмены необоснованно вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Только 11,2% уголовных дел были возбуждены сразу при поступлении заявления об исчезновении несовершеннолетнего.

Происходит это потому, что больше всего подается заявлений, не содержащих в себе конкретных данных о признаках преступлений либо каких-либо подозрений в отношении определенных лиц. Эти заявления обычно поступают от членов семьи пропавшего. Характерно, как справедливо указывал Г.Н. Мудьюгин, что «если преступники являются членами семьи потерпевшего, то они почти никогда не указывают конкретной причины исчезновения, в частности, не высказывают подозрений об убийстве исчезнувшего и тем более не называют возможных виновников преступления»[3].

Нередко в заявлении лишь в общей форме высказываются предположения о совершении убийства или похищения в отношении пропав-

---

[1] Коновалов Е.Ф. Розыскная деятельность следователя. М.,1973. С. 58; Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске. Волгоград, 1988. С. 6; Шурухнов Н.Г. Розыскная и поисковая деятельность следователя: Курс лекций по криминалистике. Вып. 10. М., 1999. С. 96.

[2] Согласно классификации, предложенной В.П. Лавровым: Исходные следственные ситуации как объект кафедрального научного исследования: сб. науч. трудов. М., 1991. С. 8.

[3] Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. М., 1967. С. 9.

шего без вести несовершеннолетнего либо вообще не указывается никакой причины его исчезновения. В данном случае источниками информации об обстоятельствах исчезновения несовершеннолетнего, наряду с поступившим сообщением, являются результаты розыскных действий следователя и оперативно-розыскных мероприятий органов дознания, осуществляемых, в том числе, в период доследственной проверки.

Розыскная деятельность следователя, входя в содержание уголовного судопроизводства (п. 9 ст. 5 УПК РФ), в тактическом отношении выходит за рамки расследования, поскольку оно еще не началось. Поэтому, применительно к розыску несовершеннолетнего, пропавшего без вести, наряду с его тактическими основами на первоначальном, последующем этапе расследования и в работе по приостановленному делу[1], можно говорить о некоторых тактических основах розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела.

По изученным нами уголовным делам установлено, что в ходе проведения широкомасштабных розыскных мероприятий на доследственном этапе были обнаружены 18 трупов, что составило 13% от всех разыскивавшихся по этим делам детей (предъявление для опознания проведено уже в рамках расследования), а также установлены 28 заподозренных лиц, что позволило провести розыскные тактические операции и обнаружить пропавшего без вести.

В аспекте рассматриваемой тематики представляет интерес позиция ученых, которые обосновывают необходимость закрепления в УПК РФ социальных задач стадии возбуждения уголовного дела: защита прав и законных интересов, охрана репутации личности, вовлеченной в орбиту процессуального интереса, от незаконных и необоснованных действий со стороны правоохранительных органов и иных лиц[2].

Как показывает практика на стадии возбуждения уголовного дела при проведении широкомасштабных розыскных мероприятий, проводится проверка значительного числа лиц на причастность к исчезновению ребенка (родственники, соседи, знакомые; лица, находившиеся на маршруте движения пропавшего либо в месте его последнего нахождения, ранее судимые и привлекавшиеся к уголовной ответственности за совершение преступлений против личности и др.), затрагивающая ряд конституционных прав граждан (неприкосновенность частной жизни личную и семейную тайну; неприкосновенность жилища и др.). Получение сведений о непричастности проверяемых лиц к исчезновению ребенка уже на стадии возбуждения уголовного дела отвечает за-

---

[1] Шурухнов Н.Г. Розыскная деятельность следователя // Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2009. С. 524.

[2] Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела // Новый юридический журнал. 2013. № 2.

конным интересам граждан и в целом назначению уголовного судопроизводства.

Н.В. Кривощёков,
А.А. Краснобородько

Принуждение при производстве освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела

Значимость освидетельствования для доказывания истины в уголовном процессе не вызывает сомнений. Освидетельствование одно из немногих следственных действий, которое может проводиться до возбуждения уголовного дела, что отражено в ч. 1 ст. 179 УПК РФ. Такое уточнение законодателя говорит о понимании значимости данного следственного действия и стремлении расширить право должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, проводить следственные действия в максимально короткие, сжатые сроки, что должно положительно отразиться на достижении целей уголовного судопроизводства в целом.

Однако принятых мер нормативно-правового характера недостаточно, поскольку при производстве освидетельствования остаются моменты, прямо не урегулированные в законе, что порождает ряд проблем, возникающих при применении правовых норм на практике.

Основным нерешенным вопросом является регулирование проведения освидетельствования в случае несогласия освидетельствуемого лица на выполнение данного следственного действия. В законе прямо сказано, что постановление следователя о производстве освидетельствования является обязательным для освидетельствуемого лица. Здесь же указано, что освидетельствование может быть проведено в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также свидетеля с его согласия. Исходя из буквального толкования данной нормы, можно сказать, что согласие на проведение освидетельствования необходимо получить только от свидетеля, тогда как в отношении подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего допускается провести освидетельствование в принудительном порядке. В определенных случаях допускается принудительное освидетельствование свидетеля (для оценки достоверности его показаний). При этом законодатель никак не комментирует ситуацию, когда освидетельствование проводится до возбуждения уголовного дела, и освидетельствуемое лицо фактически еще не имеет процессуального статуса.

Порядок и пределы применения принуждения при производстве освидетельствования по отношению к потерпевшему и свидетелю также вызывает споры как теоретического, так и практического характера. Норма п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ, в которой закреплено, что потерпевший

не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования[1], также не вносит какой-либо ясности, поскольку, во-первых, касается потерпевшего, т.е. участника уголовного процесса, возникающего после возбуждения уголовного дела; во-вторых, строго говоря, также не регулирует конкретные аспекты применения принуждения при производстве освидетельствования.

Прежде чем решать вопрос о допустимости применения принуждения при производстве следственных действий к тому или иному участнику уголовного судопроизводства, следует отметить, что принуждение может быть выражено как минимум двумя способами – посредством физического или психологического воздействия. Физическое принуждение предполагает ограничение права человека на неприкосновенность личности, и, в первую очередь, на телесную неприкосновенность, и выражаться оно при производстве освидетельствования будет в принудительном доставлении к месту проведения освидетельствования, в фиксации освидетельствуемого лица и тому подобных действий. Психологическое же принуждение подразумевает, прежде всего, вербальное воздействие. Оно связано с разъяснением неблагоприятных последствий отказа от освидетельствования и формированием страха наступления этих последствий у освидетельствуемого лица. К таким последствиям можно отнести, например, наступление уголовной ответственности или денежное взыскание. При этом можно говорить только о «честном» психологическом принуждении, без использования методов шантажа, запугивания и обмана. Можно сказать, что психологическое принуждение не затрагивает основные права лица, в отношении которого оно будет применяться.

В свете такого понимания принуждения при производстве следственных действий (и в том числе освидетельствования), считаем, что оно допустимо в той или иной мере ко всем участникам уголовного судопроизводства и лицам, не имеющим процессуального статуса, если это необходимо для успешного расследования уголовного дела. Не вызывает сомнений допустимость физического и психологического принуждения к подозреваемым и обвиняемым, тогда как многие процессуалисты считают недопустимым применение принуждения к потерпевшим и свидетелям при проведении любых следственных действий[2]. С нашей точки зрения, учитывая особенности конкретного уго-

---

[1] Введен Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

[2] Зинаттулин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность.

ловного дела (тяжесть преступления, общественный резонанс и т.д.), в отношении потерпевшего и свидетеля представляется допустимым провести освидетельствование с использованием психологического принуждения.

Вопрос о необходимости проведения освидетельствования до возбуждения уголовного дела и применения принуждения к освидетельствуемому лицу, не имеющему процессуального статуса, должен решаться следователем (дознавателем) самостоятельно, на общих основаниях, указанных в законе. При этом следователь (дознаватель) должен учитывать следующие особенности:

1) процессуальный статус освидетельствуемого лица после возбуждения уголовного дела (в перспективе);

2) интересы потерпевшей стороны;

3) отношение освидетельствуемого к совершенному правонарушению;

4) возможное будущее решение по материалам проверки заявления, сообщения о преступлении.

Вместе с тем, еще раз следует подчеркнуть, что прямое прочтение норм УПК РФ, регулирующих производство освидетельствования, ставит под сомнение как саму возможность его производства в отношении лиц, не обладающих процессуальным статусом, так и возможность применения принуждения при производстве этого следственного действия. Для того чтобы возможность проведения принудительного освидетельствования до возбуждения уголовного дела не вызывала сомнений, видится целесообразным внести прямое указание на это в ст. 179 УПК РФ.

С.Е. Кузнецов

К вопросу обсуждения необходимости стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве

Вопрос о необходимости стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве РФ, продолжает оставаться открытым как в научной среде, так и в правоприменительной практике. По данному вопросу сформировались две основные позиции. Согласной первой стадия возбуждения уголовного дела себя изжила и не отвечает требованиям гаранта от необоснованного вовлечения граждан в уголовный процесс, что явилось одной из основных причин введения указанной стадии. Вторая позиция заключается в необходимости наличия стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовно-

---

Казань, 1981. С. 110; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 126.

процессуальном законодательстве, указывая на то, что данная стадия выполняет задачу разумного и прицельного использования такого инструмента как предварительное следствие, когда имеются достаточные основания полагать о наличие признаков преступления.

Одним из аргументов противников стадии возбуждения уголовного дела, является факт потери доказательств, в виду отсутствия процессуальных возможностей их закрепления и изъятия, так как жесткая конструкция стадии возбуждения уголовного дела мешает быстроте и оперативности действий по расследованию преступлений «по горячим следам» поскольку существует запрет на производство следственных действий до принятия решения о возбуждении уголовного дела[1].

С дачной точкой зрения вряд ли можно согласиться. Исходя из смысла ст. 144 УПК РФ, основной задачей стадии возбуждения уголовного дела является проверка сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении, на предмет наличия состава, либо события преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации» внесены изменения в регламентацию стадии возбуждения уголовного дела, что позволило серьезно расширить арсенал доследственных мероприятий, выполнение которых стало возможным до возбуждения уголовного дела. Применение указанных мероприятий в сочетании с возможностями оперативно-розыскной деятельности, выполняемой по поручению следователя, реализует основную задачу стадии возбуждения уголовного дела. При этом, затягивание сроков проведения доследственной проверки, принятие незаконного и необоснованного решения зачастую является следствием неправильного применения инструмента доследственной проверки должностными лицами, что зачастую связано с их загруженностью. Данное не указывает на несостоятельность стадии возбуждения уголовного дела, а свидетельствует о

---

[1] Володина Л.М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела // Библиотека криминалиста. 2013. № 4(9). С. 5-11.

проблемах в области правоприменения. Указанное объясняет и статистические данные Генеральной прокуратуры РФ в части надзора за соблюдением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Прокурорами в первом полугодии 2013 г. отменено 13.271 незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела, число которых невелико по сравнению с незаконными постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела. Прокурорами либо их инициативе отменено в первом полугодии 2013 г. 1.373.422 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Здесь также отмечен рост правонарушений на 1,3% по сравнению с тем же периодом 2012 г.[1]

Также в обосновании своей точки зрения о необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела авторы, ссылаются на отсутствие указанной стадии в законодательстве большинства зарубежных стран, а также в отечественном законодательстве вплоть до принятия УПК РСФСР 1960 г. Так в соответствии со ст. 96 УПК РСФСР, утвержденного постановление ВЦИК 15.02.1923, «при наличие поводов указанных в ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса, и при наличии в заявлении указаний на состав преступления» органы предварительного расследования приступали к производству предварительного расследования[2]. Возникает вопрос, в какой форме производилась проверка наличия поводов указанных в УПК РСФСР, а также наличия состава преступления в сообщении о преступлении, если же только их наличие дает основание для производства предварительного расследования. Логично предположить, что данный этап в дальнейшем приобрел форму стадии возбуждения уголовного дела, так как в любом случае до принятия решения о расследовании необходимо удостоверится, как минимум, о наличие в сообщении о преступлении состава самого преступления, либо события преступления на что требуется определённое время и возможность проведения проверочных мероприятий.

Большинство авторов, критикуя стадию возбуждения уголовного дела, высказываются о необходимости ее упразднения, не предлагая какой-либо адекватной формы или стадии, которая послужила бы заменой. Таким образом, получается, что обсуждаемая стадия должна быть отменена только ради отмены, так как является рудиментом[3], ре-

---

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за 1 полугодие 2013 г. URL: http://genproc.gov.ru.

[2] Володина Л.М. Проблемы регламентации возбуждения уголовного дела //Библиотека криминалиста. 2013. № 4(9). С. 5-11.

[3] Головко В.Л. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1 Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 10-13.

ликтом социалистической законности[1], пережитка инквизиционного процесса.[2]

Исходя из сказанного, следует сделать вывод, что мнение об отмене стадии возбуждения уголовного дела является необоснованным. Мы придерживаемся второй позиции, которая заключается в необходимости сохранения и использования института возбуждения уголовного дела, который является незаменимым «фильтром» заявлений и сообщений о преступлении, что позволяет правоприменителю не возбуждать уголовных дел, где очевидно отсутствие состава преступления, либо его события, и реализовывать уголовное преследование в ситуациях, когда это действительно необходимо.

Лантух Н.В.

К вопросу о концепции реформирования начальной стадии российского уголовного судопроизводства

Третье десятилетие в Российской Федерации осуществляется реформирование уголовной юстиции. Анализируя законодательные изменения и новеллы, появившиеся в последние годы, можно утверждать, что идеи разработчиков Концепции судебной реформы 1991 г. не были восприняты и реализованы полностью. Так, институт судебного следователя «не прижился» в российском уголовном судопроизводстве, дознание как самостоятельная форма расследования, не была упразднена, конфигурация надзорных и контролирующих субъектов расследования органов существенно изменилась (что не добавило следователю независимости, а прокурору не оставило некоторых по своей природе прокурорских функций) конструкция эффективного досудебного производства не была сформирована. В настоящее время акцент проводимых в Российской Федерации правовых преобразований сместился именно на проблемы досудебного производства, организации и функционирования следственных аппаратов и органов дознания. На наш взгляд, сейчас необходимо создание четкой государственной Концепции реформирования досудебного производства, инициатором которой должна выступить, безусловно, Генеральная прокуратура РФ.

Для теории и практики уголовного судопроизводства наиболее важными становится решение проблем, связанных с первоначальным этапом производства по делу. Действующая регламентация возбуждения уголовного дела, ограниченность средств и методов получения

---

[1] Гущев В.Е. Народное обвинение в уголовном суде. Н.Новгород, 1998. С. 100-139.

[2] Бекетов М.Ю. Проблемы правовых основ взаимодействия следователя и органов дознания // Следователь. 2000. № 5. С. 17-20.

сведений об обстоятельствах дела, сопряженном с необходимостью искать возможности собирания доказательственного материала, – одна из причин неэффективности и тяжеловесности нашей правоохранительной системы. В стадии возбуждения уголовного дела фиксируется лишь факт обнаружения признаков преступления, что является законным основанием для проведения предварительного расследования. При этом сама потребность в возбуждении уголовного дела может быть обусловлена не только установлением бесспорных и очевидных признаков определенного состава преступления, но и необходимостью проведения следственных действий для установления таких фактических обстоятельств дела, которые невозможно установить посредством проверочных действий в стадии возбуждения дела[1].

В настоящее время практически завершена подготовка «Дорожной карты» структурных изменений в МВД. Суть этого эксперимента состоит в том, что следователей лишат возможности отказывать заявителям в возбуждении уголовных дел. В результате в статистике должны фигурировать только три показателя: возбужденные и прекращенные уголовные дела плюс дела об административных правонарушениях. По любому заявлению будет возбуждаться уголовное дело о происшествии. У полиции появится возможность в полном объеме проводить экспертизы, допросы, очные ставки и другие процессуальные действия. По их итогам будет выноситься решение о прекращении дела либо о проведении дальнейших следственных действий. Фактически возникает необходимость отказаться от института возбуждения уголовного дела в российском понимании, трансформировав его в институт начала уголовного судопроизводства. Данный институт должен включать следующую систему действий, реализуемую органами дознания на основе закона и с учетом конституционных гарантий прав человека: 1) принятие, регистрация сообщения о преступлении; 2) проверка сообщения о преступлении – собирание доказательств; 3) применение меры процессуального принуждения – задержание (сроком до 48 часов без судебного решения); 4) производство следственных действий (допрос подозреваемого, потерпевшего, свидетеля; обыск; прослушивание и запись телефонных переговоров и иных неотложных следственных действий). Новыми критериями оценки эффективности должны стать показатели выявления реального количества преступлений и иных правонарушений (снижения уровня их латентности), своевременности и качества реагирования на них, а также полноты и быстроты восстановления законных интересов заявителей[2].

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2009. С. 452-453.

[2] URL: http://www.police-mvd.ru.

Необоснованные и незаконные отказы в возбуждении уголовных дел – это застарелая и тяжелая болезнь правоохранительной системы; урон, который в результате несет общество, трудно переоценить. Вместе с тем вряд ли то, что предлагается, позволит решить проблему надлежащим образом, потому что не учитываются причины, которые порождают эту проблему. Даже если институт отказа в возбуждении уголовных дел будет упразднен, проблема вновь даст о себе знать, так как не будут устранены ее причины. Если исчезнут необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, то в противовес этому получит массовое распространение прямое укрытие от учета заявлений, сообщений о преступлениях, немотивированное и бездоказательное отнесение поступивших заявлений и сообщений к другой категории (не содержащих признаков преступлений) с целью непринятия по ним уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных мер, «списания в наряд», «помещения в номенклатурное дело» (такая проблема наблюдается и сейчас, но пока она не носит массового характера), либо что-то иное с тем же самым результатом. Обязательный характер проверки сообщений о преступлениях при наличии различия во взглядах среди ученых-процессуалистов на ее правовую природу, цели и задачи не прерывают острой полемики по вопросу о возможности осуществления доказывания в этой стадии. Ликвидация института отказа в возбуждении уголовного дела, безусловно, проблемы не решит, наоборот, усугубит противоречивый характер данного этапа при производстве по уголовным делам. С другой стороны, отказавшись от возбуждения уголовного дела по факту и начиная расследования момента получения сообщения (заявления) о совершенном преступлении, собрав необходимые доказательства причастности конкретного лица к совершению преступления органы предварительного расследования могли бы выносить акт (постановление о возбуждении уголовного преследования). Отсутствие доказательств причастности лица к совершению преступления означает необходимость дальнейшего расследования[1]. При отсутствии информации о виновном в совершении преступления исключается автоматически вопрос о приостановлении производства по делу, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено. При наличии оснований, предусмотренных законом, сохранялась бы возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

Так, полнота регистрации и учета преступлений в странах Западной Европы, США, Японии и других обеспечивается за счет того, что заяв-

---

[1] Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3; Францифоров Ю.В. Противоречия между возбуждением и прекращением уголовного дела, отказом в возбуждении уголовного дела // Следователь. 2004. № 12. С. 20.

ления о противоправных деяниях, не представляющих большой общественной опасности, после регистрации полицией ставятся на учет как преступления, а затем передаются ее сотрудникам для принятия мер по установлению виновного. В Швеции как преступления учитываются все 100% заявлений, сообщений о противоправных деяниях. В США в число индексных преступлений включено всего восемь основных видов преступлений: убийства, преступления, совершенные на сексуальной почве (в том числе изнасилования); нападения с целью нанесения тяжких телесных повреждений; кражи; роббери и грабежи с применением насилия; кражи автомобилей; мошенничества; преступления, связанные с наркотиками. Все «незначительные» преступления регистрируются как «индексные», однако полиция расследование по ним в полном объеме не проводит (аналогично и в Германии, где размер мелкой кражи, регистрируемой как преступление, составляет 50 евро). По УПК Российской Федерации эта процедура соответствует отказу в возбуждении уголовного дела, и, соответственно, «мелкие» кражи как преступления, в отличие от США и абсолютного большинства других государств мира, в России не учитываются, а фактически укрываются от регистрации путем незаконного, необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела (1 млн. ежегодно)[1]. Полицейское расследование, как правило, начинается после установления подозреваемого или в случае совершения серьезного преступного деяния, что аналогично возбуждению уголовного дела по российскому уголовно-процессуальному законодательству.

Характеризуя новеллы, введенные Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ, можно констатировать, что законодатель предпринимает первые шаги к стиранию грани между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования либо к ликвидации в будущем стадии возбуждения уголовного дела как таковой. До принятия этих правовых положений перечень предусмотренных для дознания процессуальных средств по собиранию доказательств практически не отличался от используемых в ходе предварительного следствия, что во многих случаях влекло необходимость продления процессуальных сроков. Сокращенный порядок производства дознания должен применяться, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения. Это экономит время и силы, и одновременно с тем является гарантией эффективности производства по делу для заинтересованных участников судопроизводства. Другие изменения, содержащиеся в упомянутом законе, важны в первую очередь, для следственных аппаратов Следственного комитета РФ, органов внутренних дел и

[1]Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2.

иных ведомств. Например, расширение полномочий органов предварительного расследования при проверке сообщений о преступлении. Основная цель поправок – предупреждение возможных трудностей при передаче уголовных дел от подразделений полиции в Следственный комитет РФ. Надо сказать, что данный вид дознания постепенно материализуется в практической деятельности, например, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 158 УК РФ, ст. 161 УК РФ, ч. 1 ст. 228 УК РФ и других.

В законе имеет место попытка пересмотреть традиционную парадигму доказательства и доказывания (в частности, жесткие правила допустимости доказательств, средств доказывания)[1]. При осуществлении производства в сокращенной форме допускается договорной способ установления фактов по делу. Предполагается уравнивание в доказательственном значении материалов доследственной проверки (объяснений, акта специалиста) с доказательствами, полученными в ходе официального расследования. Обвинение может основываться на материалах, полученных путем проведения «проверочных действий», то есть в ходе доследственной проверки. При этом следственные действия теряют «монополию» в доказывании. Тем самым отходит на второй план допустимость, приоритетное значение имеют относимость и достоверность сведений: неважно, каким путем получено доказательство, если его достоверность не подвергается сомнению участниками процесса.

Таким образом, вопрос о характере первоначального этапа производства по уголовным делам остается ключевым в уголовно-процессуальном праве во взаимосвязи с иными важнейшими правовыми институтами.

И.В. Макогон

Проблема стадий уголовного процесса на досудебном производстве

Анализируя работы, посвященные стадиям уголовного процесса на досудебном производстве, приходим к выводу о неоднозначном понимании вопросов их толкования и применения на практике[2]. Применительно к рассматриваемой теме анализ законодательства ряда зарубеж-

---

[1] Малофеев И.В.Сокращенная форма дознания: сложности реализации на практике // Уголовный процесс. 2013. № 6.

[2] Полищук Н.И. Новый взгляд на стадии уголовного процесса // Современное право. 2009. № 6. С. 89-92; Викулова И.С. Проблемы нормативной регламентации стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2010. № 2. С. 72-80.

ных государств показал, с одной стороны, имеется определенное единство комплекса ключевых институтов и понятий, регулирующих уголовное преследование на досудебных и судебных стадиях, а с другой – существенные различия, так как у них предпочтение отдается принципу целесообразности, а не принципу законности как принято в России[1].

Традиционно досудебное производство в уголовном процессе состоит из двух частей: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. И то и другое, а также иные этапы производства по уголовному делу в теории уголовного процесса принято называть стадиями уголовного процесса. Стадия (греч. stadion) – период. Ступень в развитии чего-либо, фаза, этап развития[2].

В литературе стадии уголовного процесса определяются как самостоятельные этапы уголовного судопроизводства, имеющие свои начало и конец, задачи и содержание, свой круг участников, их осуществляющих, и характер складывающихся между ними уголовно-процессуальных отношений[3].

Считается, что совокупность стадий образует систему уголовного судопроизводства. Однако представления об их логичности, количестве и названии, а также содержании различны и противоречивы. Например, многие ученые рассматривается вопрос о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России[4]. Мы поддерживаем данную точку зрения и высказываем свое видение решения данной проблемы.

Анализируя действующее законодательство, правоприменительную практику приходим к выводу о том, что современная стадия возбуждения уголовного дела не решает те задачи, ради которых она была введена в уголовно-процессуальное законодательство[5]. Необходимо отметить, что вопрос о целесообразности возбуждения уголовного дела как

---

[1] Булатов Б.Б., Николюк В.В. Уголовный процесс зарубежных стран. Омск, 1999. С. 4-5; Головко Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Ст. 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 10-13.

[2] Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994. С. 575.

[3] Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.И. Радченко М., 2006. С. 15-17.

[4] Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Избранные труды. СПб., 2011. С. 143-282; Володина Л.М. Новые проблемы возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвуз. сб. науч. тр. Уфа, 2003; URL: http://kalinovsky-k.narod.ru.

[5] Капранов А.В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов, 2005. С.4; Ковалева М.Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 18.

начального этапа уголовного преследования является сегодня особенно актуальным[1].

Актуальность вызвана тем, что в последнее время первоначальный этап уголовного процесса подвергся существенным изменениям. С момента вступления нового УПК РФ в законную силу в нормы, регламентирующие процедуру возбуждения уголовного дела и деятельность следователя, дознавателя, органа дознания и руководителя следственного органа, прокурора, много раз законами вносились изменения и дополнения[2]. Поэтому возникает необходимость в реформировании стадий уголовного процесса на досудебном производства и уголовного судопроизводства в целом[3].

Думается, что досудебное и судебное производство представляет собой единство логически построенных, закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей и может быть представлено следующими стадиями: полицейским дознанием, предварительным расследованием и судебным разбирательством.

Многие ученые указывают на отсутствие необходимости выделения отдельной стадии возбуждения уголовного дела называя её «атавизмом», полагая возможным обратиться к опыту Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и рассматривать досудебное производство в аспекте двух частей: 1) полицейского дознания, осуществляемого, помимо прочего, и в порядке оперативно-розыскной деятельности, 2) предварительного следствия[4]. По мнению Ю. Дершева, досудебное производство необходимо рассматривать в виде единой фазы уголовного процесса, предшествующей судебному разрешению уголовного дела. Уголовно-процессуальную часть досудебного производства должно предварять полицейское дознание, осуществляемое в рамках административного и уголовного законодательства, по проверке сообщений о противоправных действиях, выявлению преступлений и установлению поводов и оснований для начала процессуального производства по уголовному делу, которое в свою очередь следует исчислять с момента принятия процессуального решения или производства такого следственного действия как осмотр места происшествия, неограничивающих права и свободы участников уголовного судопроизводства без необходимости вынесения какого-либо право-

---

[1] Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38-40.

[2] Химичева Г.П. Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2; URL: www.optim.su/bh/default.

[3] Полищук Н.И. Новый взгляд на стадии уголовного процесса // Современное право. 2009. № 6. С. 89-92.

[4] Карякин Е.А. Стадия возбуждения уголовного дела: «за» и «против» // Современное право. 2004. № 12. С. 55-57.

устанавливающего акта[1]. Таким образом, не произойдет подмены стадии возбуждения уголовного дела стадией предварительного расследования.

Стадия полицейского дознания может быть представлена следующими этапами:

Первый этап: Проверка оперативно-розыскным путем сообщения (заявления) о факте совершенного преступления или обнаруженных признаков преступления правоохранительными органами и принятие, а в случае не подтверждения, не принятия, соответствующего уголовно-процессуального или оперативного решения.

Второй этап: При достаточности поводов и оснований возбуждается уголовное дело и проводится дознание (ч. 3. ст.150 УПК РФ) с составлением обвинительного акта или обвинительного постановления (традиционный институт дознания, одна из форм предварительного расследования).

Третий этап: При выявлении тяжких и особо тяжких преступлений и установления лица (лиц) совершившего (их) преступление оперативно-розыскные материалы передаются в структурные подразделения следственных органов для принятия соответствующего решения в рамках стадии предварительного расследования. Предварительное расследование производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания (ст. 150 УПК РФ). Здесь давно назрела проблема органам предварительного следствия (СК России) иметь свои оперативные силы (подразделения).

Стадия предварительного расследования также состоит из нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных этапов.

Первый этап: Возбуждение уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление, который начинается проверкой материалов оперативно-розыскным путем, обнаружением преступника, задержанием и заканчивается возбуждением уголовного дела (вынесением постановления) в отношении подозреваемого или отказе в нем, предоставлением подозреваемому защитника и допросом).

Второй этап: Привлечение лица к уголовной ответственности, который начинается сбором доказательств о причастности лица к совершению преступления и заканчивается привлечением лица, совершившего преступления в качестве обвиняемого (вынесением постановления) и его допросом.

Третий этап: Предварительное расследование, который начинается производством следственных действий, сбором доказательств, доказыванием виновности обвиняемого, установлением истины по уголовно-

---

[1] Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34-36.

му делу, разрешением ходатайств и заканчивается составлением обвинительного заключения.

Четвертый этап: Окончание предварительного расследования, который начинается с уведомления обвиняемого и его защитника, потерпевшего или его законного представителя об окончании производства по уголовному делу, ознакомления обвиняемого и потерпевшего с материалами уголовного дела, разрешением ходатайств обвиняемого, его защитника и заканчивается передачей уголовного дела прокурору для принятия законного решения в соответствии с УПК РФ.

Рассмотрим более подробно каждый из этапов стадии предварительного расследования.

Первый этап обозначен как возбуждение уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление (Раздел VII, гл. 19 и 20, ст. 140-149 и др.) и состоит из принятия уполномоченным на то лицом: дознавателем, органом дознания, следователем и прокурором поступившего заявления (сообщения) о преступлении (ст. 142 УПК РФ), обязательной его проверки и принятия по результатам рассмотрения сообщения о преступлении решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела или передачи материала по подследственности (ст.ст. 146, 148, 151 УПК РФ). Данный этап досудебного производства представляет собой, по сути, обнаружение достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 и ч. 1 ст. 146 УПК), уведомление заявителя о принятом решении (ч. 2 ст. 145 УПК). На этом этапе также осуществляется задержание подозреваемого в совершении преступления, возбуждение против него уголовного дела, предоставление ему защитника и допрос его в качестве подозреваемого[1].

На данном этапе уголовное преследование представляет собой важнейшую уголовно-процессуальную функцию – функцию обвинения. С учетом этого п. 55 ст. 5 УПК РФ устанавливает, что уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

На первом этапе стадии предварительного расследования заявление пострадавшего служит поводом к началу уголовного производства и одновременно является началом уголовного преследования. О возбуждении уголовного преследования можно судить и по возбужденному уголовному делу в отношении установленного лица, например в случае его явки с повинной (ст. 142 УПК РФ). Также принимается решение о

---

[1] Максимов П.В. Концепция возбуждения уголовного преследования по российскому уголовно-процессуальному законодательству XI-XX вв. (историко-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов, 2005. 10-15.

признании лица потерпевшим или его законным представителем (ст.ст. 20, 22, 42 УПК РФ).

Второй этап состоит в привлечении лица к уголовной ответственности и обеспечивает сбор доказательств о причастности лица к совершению преступления, привлечения лица, совершившего преступления в качестве обвиняемого по конкретной статье УК РФ и его допрос[1].

Уголовное преследование на этапе привлечения лица к уголовной ответственности предопределено появлением подозреваемого. Будучи задержанным, подозреваемый обусловливает возникновение официального, от имени государства, уголовного преследования. При появлении подозреваемого, органы предварительного расследования обязаны начать уголовное производство. Обнаружив достаточные данные, указывающие на признаки преступления, они должны «возбудить уголовное дело» и принять все предусмотренные законом меры к установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, к изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Доказывание вины лица, совершившего преступление, является обязанностью органов предварительного расследования. Подозреваемый и обвиняемый не обязаны доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Таким образом, уголовное преследование представляет собой обвинение и, наоборот, обвинение есть уголовное преследование. Это логически взаимосвязанные этапы стадии предварительного расследования.

Целью уголовного преследования на этапе привлечения лица к уголовной ответственности является изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Изобличение подозреваемого означает собирание доказательств, уличающих в совершении преступления лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, задержанное в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ, или лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. Изобличение обвиняемого представляет собой доказывание виновности лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или обвинительный акт или обвинительное постановление при сокращенной форме дознания.

Третьим, самым объемным, этапом является предварительное расследование (разд. VIII УПК РФ). Предварительное расследование определяет производство следственных действий, сбор доказательств, доказывание виновности обвиняемого, установление истины по уголовному делу, разрешение ходатайств и составление обвинительного заключения.

---

[1] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2010. С. 12-158.

Предварительным расследованием называется стадия потому, что окончательное установление виновности лица, совершившего преступления, происходит в ходе судебного следствия на стадии судебного разбирательства по уголовному делу. Данный этап заканчивается составлением обвинительного заключения или акта, или обвинительного постановления. Стадия предварительного расследования и ее этапы получила широкое и глубокое обоснование в уголовно-процессуальной теории и законодательстве Российской Федерации[1].

Четвертый этап стадии предварительного расследования на досудебном производстве связан с окончанием предварительного расследования, то есть с уведомление обвиняемого и его защитника, потерпевшего или его законного представителя с окончанием производства по уголовному делу, с ознакомлением обвиняемого и потерпевшего с материалами уголовного дела, разрешением ходатайств обвиняемого и его защитника и передачей уголовного дела прокурору для принятия соответствующего решения (п. 9 ст. 5 УПК). Этот этап стадии предварительного расследования, а также стадия судебного разбирательства (производства – раздел 9 УПК РФ) получили достаточно широкое освещение в теории и законодательстве[2].

В силу ограниченного объема, целью данной статьи явилось то, чтобы показать проблему нелогичности построения существующих стадий уголовного процесса на досудебном производстве (а практически их отсутствие, кроме стадии предварительного расследования) и предложить новую структуру стадий и этапов при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в будущем. Необходимо поддержать инициативы СК России[3] о внесении системных изменений в уголовно-процессуальный закон с учетом опыта отечественных и зарубежных ученых.

---

[1] Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства // Избранные труды. СПб., 2011. С. 143-282; Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2010. С. 12-158.

[2] Алексеев И.М. Деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3(55). С.65-69; Прокофьева С.М., Роганов С.А. Пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства в российской федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1(53). С. 112-116.

[3] О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 21.11.2011) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15; Интервью председателя СК России А.И. Бастрыкина «Российской газете» о законопроекте по обеспечению объективной истины // Российская газета. 2012. № 58.

Ю.С. Митькова

Проблемы института возбуждения уголовного дела в условиях реформирования органов внутренних дел

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ[1], вступившим в законную силу 15.03.2013, подверглась существенным изменениям правовая регламентация процедуры проверки сообщения о преступлении.

Законодательным новшеством стало расширение перечня следственных и процессуальных действий, производство которых допускается до возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа в ходе проверки сообщения о преступлении вправе осуществлять следующие проверочные мероприятия: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в установленном порядке, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов. Кроме этого, законодатель наряду с осмотром места происшествия и освидетельствованием, разрешил следователю, руководителю следственного органа, органу дознания, дознавателю, производить осмотр документов, предметов, трупов, назначать судебную экспертизу, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Подобное сглаживание различий между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, на наш взгляд, является стремлением законодателя повысить эффективность уголовного судопроизводства за счет все большей его формализации.

В самом общем смысле эффективность уголовного процесса можно определить как достижение его назначения, обозначенного в ст. 6 УПК РФ, по каждому уголовному делу с наименьшими затратами и при минимальном ограничении прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Потерпевший заинтересован, в первую очередь, в полном возмещении причиненного ему преступлением ущерба, а лицо, совершившее преступление, в обеспечении защиты от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Кроме этого, принципом разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) формируются «новые» временные границы

---

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ. URL: http://www.pravo.gov.ru.

осуществления уголовного преследования, которых обязан придерживаться правоприменитель при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Соблюдение данного принципа также в конечном итоге нацелено не только на обеспечение законных интересов участников, но и эффективности уголовного процесса в целом.

Указанные законодательные новеллы вызвали оживление продолжающихся в течение длительного времени дискуссий ученых-процессуалистов о перспективах существования института возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе[1] с точки зрения его значения для эффективности уголовного судопроизводства.

Противники ликвидации возбуждения уголовного дела как стадии уголовного процесса и как процессуального акта, определяющего границы между процессуальным и непроцессуальными средствами доказывания, мотивируют свою позицию тем, что до вынесения соответствующего постановления, невозможно должным образом обеспечить гарантии личности от необоснованного применения мер принуждения.

Дополнительным аргументом позиции указанной категории авторов является то, что в случае, если информация о преступлении не подтвердится в ходе осуществления предусмотренных УПК РФ действий, потребуется прекращение производства по делу, а это, как известно, существенно «портит» показатели деятельности органов предварительного расследования. По нашему мнению, это свидетельствует лишь о назревшей необходимости кардинального пересмотра системы существующих показателей и оценки их деятельности.

Между тем, обратившись к истории развития отечественного уголовно-процессуального законодательства, следует отметить, что еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г. «не знал» понятия возбуждения уголовного дела и возлагал на полицию обязанность «во всяком месте, во всякое время дня и ночи, не исключая и праздничных дней, принимать словесные и письменные заявления о преступных деяниях». «Имея налицо один из вышеуказанных поводов, чины полиции при-

---

[1] Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н.Новгород, 2002; Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 18; Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах правовой регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16; С. 54; Усачев А.А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72; Тетерюк А.Г. Прокурорский надзор за производством дознания: процессуальный и организационный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород. 2011. С. 16; Шейфер С.А., Петрова Н.Е. Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Государство и право. 1999. № 6.

ступают к расследованию дела – дознанию». Таким образом, достаточным поводом к началу производства дознания, служили любые сообщения о преступлении.

Институт возбуждения уголовного дела впервые введен в УПК РСФСР 1961 г. как средство защиты личности от существующего произвола в годы сталинских репрессий.

По рассматриваемой проблематике в настоящее время, кроме трудов ученых, имеется и официальное мнение, сформулированное расширенной рабочей группой по реформированию системы МВД РФ в «Дорожной карте»[1], где предложено оптимизировать деятельность органов полиции по реагированию на информацию о совершенных преступлениях и их расследованию путем упразднения института возбуждения уголовного дела, трансформировав его в институт начала уголовного судопроизводства. По мнению разработчиков «Дорожной карты», в таком случае деятельность органов дознания должна состоять из следующих действий: принятие, регистрация сообщения о преступлении; проверка сообщения о преступлении путем собирания доказательств; применение меры процессуального принуждения – задержание (сроком до 48 часов без судебного решения); производство следственных действий (допрос подозреваемого, потерпевшего, свидетеля; обыск; контроль и запись телефонных переговоров и иных неотложных следственных действий).

Гарантиями обеспечения прав и законных интересов личности при такой модели досудебного производства должны выступать прокурорский надзор и судебный контроль, а также в определенных пределах – ведомственный контроль.

Вряд ли кто-то станет оспаривать тот факт, что основная нагрузка по рассмотрению сообщений о преступлении и проведении по нему проверок «ляжет» на органы дознания системы МВД России. Однако, эти проблемы носят организационный характер и должны решаться на законодательном уровне компетентными органами власти, поэтому в настоящей публикации мы не станем их касаться.

Согласно действующим нормам УПК РФ по результатам проверки сообщения о преступлении может быть принято одно из трех решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности.

Для примера и определенной наглядности проблемы мы позволили себе обратиться к некоторым официальным статистическим сведениям.

Так, по имеющимся на официальном сайте данным статистики прокуратуры Волгоградской области за 2011 г.[2], в указанном периоде в

---

[1] Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации. URL: http://www.rg.ru.

[2] Отчет прокуратуры Волгоградской области НСиД за 12 месяцев 2011 г. URL:

ходе осуществления надзора за процессуальной деятельностью органов дознания прокурором было отменено 36886 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, из них подавляющее большинство составили соответствующие решения органов дознания МВД России – 35966. Постановления о возбуждении уголовного дела у прокурора вызывают меньше нареканий с точки зрения нарушений законности, о чем говорят цифры (отменено в 2011 г. – 294, из них, возбужденных органами дознания МВД России – 262).

Изучение официально размещенной на сайте прокуратуры Липецкой области за аналогичный период 2011 г. статистики[1] показывает, что в указанном отчетном периоде прокурором отменено 15299 постановлений органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела и 364 постановления о возбуждении уголовного дела.

Кроме этого, очевидно, что незаконные и необоснованные постановления об отказе в возбуждении, зачастую выносимые органом дознания неоднократно, затрудняют доступ к правосудию, как потерпевших, так и представителей стороны защиты и способствуют нарушению принципа разумного срока судопроизводства.

Приведенные сведения о количестве отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и их соотношение с отмененными постановлениями о возбуждении уголовного дела явно свидетельствуют о кризисе рассматриваемого правового института.

Таким образом, следует констатировать, что на сегодняшний день существует проблема института возбуждения уголовного дела и назрела реальная потребность реформирования как уголовно-процессуального законодательства в этой части, так и системы органов полиции с целью повышения эффективности уголовного судопроизводства и, прежде всего досудебной его части. Одним из способов ее разрешения автору представляется модернизация досудебного производства путем законодательного закрепления единой досудебной стадии, в ходе которой компетентные органы осуществляли бы деятельность по приему, регистрации, проверке сообщения о преступлении и его раскрытию и расследованию – в условиях эффективного прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля.

---

http://volgoproc.ru/newversion/cgibin/run.

[1] Отчет прокуратуры Липецкой области НСиД за 12 месяцев 2011 года. URL: http://www.lipprok.ru.

А.А. Мишенина

Стадия возбуждения уголовного дела: за и против

В юридической среде в настоящее время ведутся споры относительно необходимости существования стадии возбуждения уголовного дела в досудебном производстве. Имеют место как минимум две позиции.

Первая – современная стадия уголовного процесса становится «рудиментом» современного досудебного производства по уголовным делам. Имело ли место уголовное преступление, причастно ли конкретное лицо к его совершению, какие следственные и процессуальные действия необходимо провести для установления этих и других обстоятельств – все это возможно осуществить в ходе предварительного расследования, минуя предшествующую ей дополнительную стадию возбуждения уголовного дела.

Изменения в УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», существенно расширили возможности следователя на стадии возбуждения уголовного дела в части осуществлении ряда процессуальных и следственных следствий, получения в результате их информации, имеющей доказательственное значение при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Речь идет о возможности до возбуждения уголовного дела: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование.

Согласно ч. 1.2 ст. 144 УПК, если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению. Из смысла положений указанной статьи следует, что норма носит императивный характер, и, таким образом, при наличии ходатайства защитника или потерпевшего о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, следователь обязан «продублировать» проведение на предварительном следствии экспертизы, несмотря на то, что на стадии возбуждения уголовного дела она уже была проведена.

Вышеназванные новеллы уголовно-процессуального законодательства укрепили мнение сторонников позиции об отсутствии необходимости существования самостоятельной стадии уголовного процесса – возбуждения уголовного дела. Проводимые после возбуждения уго-

ловного дела процессуальные и следственные действия фактически дублируют ранее проведенные на стадии доследственной проверки (стадии возбуждения уголовного дела) проверочные действия, обуславливают увеличение процессуальных сроков, что в конечном итоге может послужить причиной нарушения принципа разумности срока уголовного судопроизводства.

Вторая, на наш взгляд, наиболее верная позиция – стадия возбуждения уголовного дела имеет право на существование, поскольку имеет самостоятельные задачи, круг участников правоотношений, содержание предмета правоотношений, процессуальные средства, сроки и решения[1].

Конституционным Судом РФ также отмечено, что возбуждение уголовного дела является начальной самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания для возбуждения уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью и подсудностью; актом возбуждения уголовного дела создаются правовые основания для последующих процессуальных решений органа дознания, предварительного следствия и суда[2]. Так, по своему содержанию стадия возбуждения уголовного дела представляет собой деятельность по приему информации о преступлении, оформлению и регистрации, рассмотрению этой информации, проведению, в случае необходимости, проверки для уточнения оснований к возбуждению уголовного дела.

Для принятия законного и обоснованного решения в стадии возбуждения уголовного дела должен быть разрешен целый ряд вопросов:

1. Является ли сообщение о преступлении поводом к возбуждению уголовного дела?

2. Содержатся ли в нем сведения о признаках преступления?

3. Имеются ли обстоятельства, исключающие производство по делу?

4. По какой статье Уголовного кодекса должно быть квалифицировано преступление?

5. Какие меры следует принять для сохранения и закрепления следов преступления?

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2006. С. 350.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации».

6. Есть ли необходимость проведения предварительной проверки, и какие при этом необходимо произвести действия. Важно отметить, что проверка заявлений и сообщений о преступлениях не является обязательным условием процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. Она проводится в случаях, когда в самом заявлении (сообщении) не усматриваются достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Если же такие признаки налицо, компетентные органы и должностные лица в соответствии с законом должны возбудить уголовное дело без ее проведения?

7. Вправе ли данный орган или должностное лицо разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела; подлежат ли материалы передаче по подследственности или подсудности (статья 145 УПК РФ)?

Целью данной стадии является установление процессуальных условий, необходимых для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела, то есть установление законности повода и достаточности основания для возбуждения уголовного дела или установление процессуальных оснований для отказа в возбуждении уголовного дела.

Наличие определенного установленного законом срока для производства действий и разрешения вопросов в стадии возбуждения уголовного дела позволяет следователю по ее результатам принять законное и обоснованное решение. В конечном итоге от решения, принятого по итогам доследственной проверки зависит успешность дальнейшего расследования уголовного дела.

Незаконное и необоснованное возбуждение уголовного дела всегда опасно. Нельзя не согласиться с А.Ф. Кони, полагавшим, что «уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности; ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и необоснованным привлечением его к уголовному делу»[1].

Таким образом, на сегодняшний день необходимость существования стадии возбуждения уголовного дела остается актуальной.

Следует отметить, что название стадии – «возбуждение уголовного дела» – не совсем верно отражает ее содержание. Это несоответствие отмечалось юристами и ранее. Наличие неточности в праве, а особенно в уголовном процессе, может привести к существенным нарушениям закона. Наименование уголовно-процессуальной деятельности должно точно отражать ее содержание.

Поскольку на данной стадии осуществляется рассмотрение (проверка) заявлений и сообщений о преступлениях, и по ее результатам может быть принято решение не только о возбуждении уголовного дела, представляется, что первоначальной стадии процесса наиболее

---

[1] Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. В 8 т. М., 1967. Т. 4.

полно соответствовало бы название «рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях».

А.А. Нечаев

К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела

Конституция Российской Федерации провозгласила высшей ценностью человека его права и свободы (ст. 2). Данное конституционное положение нашло свое отражение в ч. 1 ст. 6 УПК РФ, согласно которой уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Преступление, как наиболее опасный вид правонарушений, причиняет личности, правам и свободам граждан, обществу и государству серьезный вред. Это обязывает полномочные органы государства принять все предусмотренные законом меры для реализации норм уголовного закона и тем самым обеспечить защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Решение задачи защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, в значительной степени обеспечиваются эффективным предварительным расследованием.

В системном построении уголовного процесса, первой стадией уголовного судопроизводства является стадия возбуждения уголовного дела, выполняющая одну из главенствующих ролей во всей структуре уголовного судопроизводства, поскольку именно от успехов в данной стадии судопроизводства зависит разрешение цели и задач всего уголовного процесса.

Вместе с тем, как показывает судебно-следственная практика, на данной стадии уголовного судопроизводства происходит значительное количество случаев нарушения прав граждан и организаций, пострадавших от преступлений. Это в основном связанно с необоснованным отказом в возбуждении уголовного дела либо возбуждением уголовного дела в отсутствие к тому основания, что согласно ст. 7 УПК РФ является нарушением законности и как следствие не позволяет в полной мере обеспечить конституционное право граждан на доступ к правосудию, гарантированное со стороны государства.

Поэтому законное и обоснованное разрешение заявления, сообщения о преступлении является одной из наиболее важных и актуальных проблем в деятельности органов предварительного расследования. В

связи с этим, к этой стадии процесса всегда было привлечено внимание ученых и по настоящее время научные дискуссии продолжаются[1].

По нашему мнению, на сегодняшний день существуют два научных подхода к совершенствованию стадии возбуждения уголовного дела, принципиально отличающихся друг от друга.

Сторонники одного подхода считают, что стадию возбуждения уголовного дела необходимо сохранить (В.М. Быков, К.Ф. Гуценко, Г.П. Химичева и др.), путем внесения в нее тех или иных изменений, направленных на совершенствования деятельности органов расследования преступлений на данной стадии процесса.

Противоположной позиции придерживаются (Б.Я. Гаврилов, В.В. Гордиенко, И.Л. Петрухин и др.), которые полагают, что необходимо вообще отказаться от института возбуждения уголовного дела. Отметим, что данный подход к совершенствованию уголовного судопроизводства находит достаточное число сторонников, хотя законодателем она пока не воспринята.

Несмотря на многочисленные аргументы сторонников первого подхода к совершенствованию стадии возбуждения уголовного дела, мы разделяем мнение ученых процессуалистов, предлагающих отказаться от института возбуждения уголовного дела.

В частности, краткий анализ исторического развития и становления института возбуждения уголовного дела, показывает, что согласно Устава уголовного судопроизводства 1864 г. в XIX в. уголовный процесс в дореволюционной России начинался с возбуждения уголовного преследования, которое не отождествлялось с институтом предварительного следствия, предоставляя значительную свободу действиям полиции, прокурору, судебному следователю, суду при решении вопроса о начале предварительного следствия, поскольку не детализировал деятельность уполномоченных субъектов при наличии заявлений и сообщений о проступках или преступлениях[2].

Вместе с тем, УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. уже содержали отдельные главы «Возбуждение производства по уголовному делу», однако, это предполагало только необходимость проверки сообщений о преступлениях, результатом которой не обязательно являлось возбуждение уголовного дела. Самостоятельного процессуально-

---

[1] Володина Л.М. Проблемы и противоречия стадии возбуждения уголовного дела // Вестник криминалистики. 2010. № 3 (35). С.16; Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство.2010. № 2. С.7; Хитрова О.В. Начало уголовного процесса: научные концепции и перспективы правового регулирования // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: сб. мат-ов Всерос. науч.-практ. конф.: В 2-х ч. Ч. 2. М., 2012. С. 10-15.

[2] Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М., 1997. С. 238.

го акта о возбуждении уголовного дела не выносилось ни прокурором, ни следователем, ни органами дознания, ни судом, то есть процессуальная форма начального этапа уголовного процесса не определялась. Согласно ст. 101 УПК РСФСР 1922 г., при наличии в заявлении состава преступления и достаточности поводов, указанных в ст. 96 УПК РСФСР 1922 г., органы дознания приступали к производству дознания, а следователь – к производству предварительного следствия.

Аналогичный процессуальный порядок начала уголовного судопроизводства по уголовному делу предусматривал и УПК РСФСР 1923 г. Таким образом, прокурор, следователь, органы дознания, суд не были связаны формальными требованиями по началу производства по уголовному делу, что предусматривает ныне действующий институт возбуждения уголовного дела.

Процессуальный термин «возбуждение уголовного дела» впервые официально появился в резолюции по итогам выступления В.Я. Вышинского 23.04.1934 на первом Всесоюзном совещании прокурорско-следственных работников. Пункт 13 данного документа закреплял: «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место только по мотивированному постановлению соответствующего органа, утвержденного прокурором»[1]. Правовое установление об обязательном вынесении постановления о возбуждении уголовного дела было введено в деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры, суда Циркуляром Прокуратуры СССР от 5.06.1937 № 41/26, пункт второй которого повторил указанное выше требование В.Я. Вышинского о начале предварительного расследования путем вынесения постановления о возбуждении уголовного дела[2].

Однако до 1960 г. законодатель указанное требование о начале предварительного расследования вынесением специального постановления о возбуждении уголовного дела в УПК РСФСР (1923 г.) так и не внес[3].

Законодательство принципиально изменилось в 60-х гг. XX в., что нашло отражение в УПК РСФСР (1960 г.). В частности, в нем появилась самостоятельная процессуальная норма о возбуждении уголовного дела.

Данный институт уголовного судопроизводства нашел свое отражение и в УПК РФ (2001 г.).

Действующий на протяжении 12 лет, процессуальный порядок разрешения заявлений, сообщений о преступлениях на стадии возбужде-

---

[1] Власова Н.А. Теоретические и правовые основы стадии возбуждения уголовного дела: монография. М., 2001. С. 7-8 .

[2] Сборник приказов Прокуратуры СССР. М., 1939. С. 156.

[3] Гаврилов Б.Я. Латентная преступность и обеспечение конституционного права граждан на доступ к правосудию: монография. М., 2004. С. 54-55.

ния уголовного дела порождает ряд проблем процессуального и организационно-правового характера, приводящих к многочисленным нарушениям законности, незаконному и необоснованному ограничению прав граждан на доступ к правосудию, несмотря на наличие процессуальных и ведомственных гарантий законного и обоснованного разрешения заявлений, сообщений о преступлениях. Так, за указанный период времени правовые нормы, регулирующие стадию возбуждения уголовного дела, неоднократно подвергались значительным изменениям. Наиболее наглядно негативные последствия института возбуждения уголовного дела проявились в условиях действия УПК РФ (в ред. 2001 г.), когда действовала процедура обязательного получения согласия прокурора на процессуальное решение следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении уголовного дела[1], без чего невозможно было задержать подозреваемого, осуществить допрос потерпевшего, получившего телесные повреждения, могущие повлечь его смерть, и т.д.

За указанный период внесено более 25 поправок в правовые нормы данной стадии, что указывает на необходимость его совершенствования, не позволяя считать его полностью сформированным. Отмеченное в целом снижает эффективность досудебного производства по уголовным делам. Поэтому, предложения об отказе от института возбуждения уголовного дела, с нашей точки зрения, соответствуют принципам уголовного судопроизводства, его назначению и способствуют эффективному предварительному расследованию.

В подтверждении нашей точки зрения следует обратить внимание на положительный опыт зарубежного законодательства, например, с 2012 г. действует новый УПК Украины[2], который не предусматривает требование процессуального оформления постановления о возбуждения уголовного дела. В соответствии со ст. 214 УПК Украины каждый гражданин имеет право подать заявление или сообщить о совершенном уголовном правонарушении. Следователь, прокурор или иное должностное лицо, уполномоченное на принятие и регистрацию заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, обязаны принять и зарегистрировать такое заявление или сообщение. Не позже 24 часов после подачи заявления или сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, следователь, прокурор обязаны внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР) и приступить к расследованию.

---

[1] Впоследствии Федеральными законами РФ от 05.06.2007 ФЗ-87 и от 02.12.2008 ФЗ-226 данный процессуальный порядок был отменен.

[2] УПК Украины от 13.04.2012 г. № 4651-VI

Кроме того, также следует отметить, что процессуальная норма о возбуждении уголовного дела неизвестна странам как с романо-германской, так и англо-саксонской системами правосудия.

К сожалению, объем статьи не позволяет глубоко и системно проанализировать и оценить все взгляды, направленные на совершенствование стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, изложенное выше позволяет сделать некоторые обобщающие выводы.

Во-первых, институт возбуждения уголовного дела, исходя из краткого исторического анализа, не был актуален для органов предварительного расследования вплоть до вступления в действие УПК РСФСР 1960 г.

Во-вторых, только за период действия УПК РФ 2001 г. правовые нормы, регулирующие стадию возбуждения уголовного дела неоднократно подвергались изменениям. Вместе с тем, более 25 внесенных поправок в правовые нормы указанной стадии не позволяют считать данный институт полностью сформированным и эффективным.

В-третьих, предложение о ликвидации института возбуждения уголовного дела, каким бы радикальным оно не казалось, позволяет заложить предпосылки для более эффективного разрешения заявления, сообщения о преступлении, обеспечивая реализацию конституционного право граждан на доступ к правосудию.

С.Л. Нудель

Некоторые проблемы возбуждения уголовных дел и освобождения от уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов

Федеральным законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям»[1] в целях восполнения правового вакуума в сфере уголовной ответственности за незаконное перемещение через таможенную границу денежных средств и инструментов, образовавшегося после декриминализации «товарной контрабанды»[2], в УК РФ была включена ст. 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов».

---

[1] СЗ РФ. 2013. № 26. ст. 3207.

[2] Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362) из УК РФ была исключена ст. 188 и включены ст. 226.1 и ст. 229.1. Данная мера была вынужденной и обусловленной, в т.ч. неопределенностью, нечеткостью и неоднозначностью нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 188 УК РФ, влекущей

Оценивая в целом положительно криминализацию данного деяния необходимо обратить внимание на некоторые сложности, которые могут возникнуть в правоприменительной практике на стадиях возбуждения уголовного дела и освобождении от ответственности.

В частности, в Примечании 4 к ст. 200.1 УК РФ определено, что «лицо, добровольно сдавшее наличные денежные средства и (или) денежные инструменты, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Не могут признаваться добровольной сдачей наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, указанных в настоящей статье, их обнаружение при применении форм таможенного контроля, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию».

Таким образом, законодатель установил специальное основание освобождения от уголовной ответственности – т.е. предусмотренную в форме примечания к статье Особенной части УК РФ относительно самостоятельную уголовно-правовую норму, направленную на прекращение совершаемого преступления либо (и) предупреждение других, зачастую более тяжких уголовно наказуемых деяний, а также на выявление совершенного преступления посредством предусмотренного позитивного посткриминального поведения виновного, при наличии которого государство в лице правоприменителя обязано либо вправе освободить его от уголовной ответственности[1].

Вместе с тем, исходя из анализа положений Примечания 4 к ст. 200.1 УК РФ, ч. 2 ст. 75 УК РФ, ч. 2 ст. 28 УПК РФ, ст. 140 УПК РФ можно прийти к выводу о том, что добровольная сдача наличных денежных средств и (или) денежных инструментов должна рассматриваться как форма деятельного раскаяния, которая является основанием для возбуждения уголовного дела и указывает на наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

При этом, как отмечено в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[2], освобождение от уголовной ответственности в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим

нарушение фундаментальных принципов права (Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.

[1] Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 11.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

статьям Особенной части УК РФ, производится по правилам, установленным такими примечаниями, и выполнения общих условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ (совершение преступления впервые, явка с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба и вреда), не требуется.

Следовательно, для возбуждения уголовного дела и последующего применения специального основания освобождения от уголовной ответственности за контрабанду денежных средств или денежных инструментов достаточно факта добровольной их сдачи. При этом указанная добровольная сдача не может быть осуществлена:

1) до момента окончания преступления, которое будет признано таковым с момента незаконного пересечения таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС[1], т.е.:

а) перемещения денежных средств или денежных инструментов через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах (в т.ч. и совершения действий, непосредственно направленных на фактическое пересечение таможенной границы),

б) сокрытия денежных средств или инструментов от таможенного контроля путем использования тайников или иных способов, затрудняющих их обнаружение,

в) недостоверного декларирования или недекларирования денежных средств или инструментов (при единовременном ввозе или вывозе с территории Таможенного союза наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тыс. долларов США, указанные денежные средства и (или) дорожные чеки подлежат таможенному декларированию в письменной форме путем подачи пассажирской таможенной декларации[2] на всю сумму ввозимых наличных денежных средств и (или) дорожных чеков. При этом ввоз или вывоз физическим лицом иных денежных инструментов вне зависимости от их стоимости осуществляется только при условии таможенного декларирования[3]);

---

[1] Подпункт 19 п. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) (ред. от 16.04.2010) // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

[2] Решение Комиссии Таможенного союза от 18.06.2010 № 287 «Об утверждении формы пассажирской таможенной декларации и порядка заполнения пассажирской таможенной декларации». URL: http://www.tsouz.ru.

[3] Статьи 3 и 4 Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза (Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 № 51 «О Договоре о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможен-

2) после обнаружения должностными лицами таможенных органов денежных средств или денежных инструментов во время проведения таможенного контроля (ст.ст. 94-149 Таможенного кодекса Таможенного союза);

3) после их изъятия при задержании лица в порядке, предусмотренном ст.ст. 27.3-27.6 КоАП РФ или Главой 12 УПК РФ;

4) в период производства следственных действий по обнаружению и изъятию денежных средств или денежных инструментов: обыска, выемки, личного обыска, осмотра и выемки почтово-телеграфных отправлений (ст.ст. 182-185 УПК РФ).

К сожалению, ни уголовно-процессуальное, ни таможенное законодательство не дают ответа на вопрос, каким образом должна быть закреплена добровольная сдача денежных средств или инструментов. Очевидно, что данная процедура может быть оформлена в виде рапорта об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ), а также и в виде явки с повинной[1] (ст. 142 УПК РФ).

В соответствии с п. 9 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание по ч. 1 ст. 200.1 УК РФ проводится дознавателями таможенных органов, а предварительное следствие согласно п. 2 и 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ по ч. 2 ст. 200.1 УК РФ проводится следователями органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел. При этом согласно ч. 5 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие по ч. 1 ст. 200.1 УК РФ может производиться также следователями органа, выявившего эти преступления (в данном случае согласно ч. 4 ст. 150 УПК РФ необходимо письменное указание прокурора)[2].

Весьма важным является и вопрос о размере, подлежащих сдаче денежных средств или денежных документов. Представляется, что исходя из содержания Примечания 3 к ст. 200.1 УК РФ из всей суммы неза-

---

ную границу Таможенного союза» // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4867).

[1] Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 невозможность применения примечания не исключает освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные данной нормой, и вследствие этого оно перестало быть общественно опасным – так, может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 200.1 УК РФ, которое хотя и не сдало денежные средства или денежные инструменты, но при этом явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию указанного преступления.

[2] Предварительное следствие производится следователями СК России о преступлениях, совершенных должностными лицами СК России, ФСБ, СВР, ФСО, ОВД, ФСИН, ФСКН, ФТС, военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, лицами гражданского персонала Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей.

конно перемещенных наличных денежных средств и (или) стоимости незаконно перемещенных денежных инструментов подлежит исключению та часть, которая таможенным законодательством Таможенного союза разрешена к перемещению без декларирования или была задекларирована (при этом в рапорте об обнаружении признаков преступления обязательно должна быть отражена вся сумма незаконно перемещенных наличных денежных средств и все денежные инструменты, а также сумма добровольно сданных средств).

Нельзя не отметить, что согласно Примечанию 4 к ст. 200.1 УК РФ и п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений – так, освобождению лица, добровольно сдавшему денежные средства или инструменты, от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 200.1 УК РФ не препятствует привлечение его к ответственности за совершение, например, легализации денежных средств.

В заключение необходимо обратить внимание, что согласно п. 21 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ и в соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ обязательным условием принятия решения об освобождении от уголовной ответственности является согласие на это лица, совершившего преступление. Если лицо возражает против прекращения уголовного дела, производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

В связи с изложенным возникает весьма острый вопрос – учитывая последующее обязательное освобождение от уголовной ответственности при добровольной сдаче наличных денежных средств и (или) денежные инструментов, являющихся предметом преступления, в случае совершения контрабанды, стоит ли дополнить УПК РФ положением, позволяющим отказывать в возбуждении уголовного дела в данном случае. И отвечая на него, негативно следует сослаться на п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» согласно которому освобождение лица от уголовной ответственности не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление.

Таким образом, проведенный анализ позволит решить отдельные проблемы, возникающие в правоприменительной практике при возбуждении уголовных дел и освобождении от уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

А.В. Образцов

О процедуре возбуждения уголовного дела частного обвинения

С момента действия уголовно-процессуального законодательства в гл. 41 «Производство по уголовным делам, подсудным мировому судье» трижды вносились изменения и дополнения, признанные в большей степени упорядочить правоотношения, возникающие при рассмотрении мировым судьей дел частного обвинения[1].

В настоящее время процессуальный порядок возбуждения уголовного дела частного обвинения регламентирован достаточно четко и определено. Тем не менее, работа по совершенствованию процессуального порядка возбуждения уголовного дела частного обвинения продолжается не только на законодательном уровне, она активно проводится и в научной среде. Юридический мир активно высказывается по поводу совершенствования порядка возбуждения уголовного дела частного обвинения.

Процедура в уголовном процессе по делам частного обвинения обнаруживает ряд недостатков, которые на практике способны породить серьезные трудности, препятствующие достижению назначения уголовного судопроизводства[2].

Р.В. Ярцев, Н.А. Гордеева указывают на сложные и не всегда согласующиеся между собой законодательные конструкции в вопросе возбуждения уголовного дела частного обвинения[3].

Для усовершенствования анализируемой процедуры в действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ необходимо уточнить и дополнить отдельными правилами и процедурами. Для того необходимо в ч. 1 ст. 318 УПК РФ внести уточнения и указать, что уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 2. ст. 20 УПК РФ, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем не просто заявления в суд, а письменного заявления. Тем самым будет уточнена форма заявления. Это необходимо сделать потому, что УПК РФ в ч. 1 ст. 141 УПК РФ закрепляет

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 12.04.2007 № 47-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 16. Ст. 1827; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 06.06.2007 № 90-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

[2] Дикарев И. Проблемы начального этапа судопроизводства по уголовным делам частного обвинения // Мировой судья. 2009. № 5.

[3] Ярцев Р.В., Гордеева Н.А. Актуальные вопросы деятельности мировых судей в сфере уголовной юрисдикции // Мировой судья. 2008. № 11-12; 2009. № 1-6.

общее правило, согласно которому заявление о преступлении может быть подано в устном или письменном виде. В статье 147 УПК РФ, также регламентирующей порядок возбуждения уголовного дела частного и частно-публичного обвинения, содержится указание на то, что уголовные дела о преступлениях частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего.

Таким образом, ст. 147 УПК РФ не уточняет в какой форме должно быть сделано заявление. Между тем, анализ содержания ч. 5 ст. 318 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что такое заявление делается в письменной форме. Возникает вопрос о том, что даст закрепление письменной формы заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Во-первых, это внесет четкую определенность в правовое регулирование порядка подачи и принятия заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Во-вторых, это будет способствовать осознанному формированию волеизъявления заявителя.

Письменная форма заявления несет еще одну функцию, связанную со своевременным ознакомлением лица, привлекаемым к уголовной ответственности с содержанием заявления. Это правило будет способствовать реализации таких принципов уголовного судопроизводства, как: презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ); состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ); обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ). Поэтому в ч. 6 ст. 318 УПК РФ необходимо закрепить правило о том, что письменная форма заявления считается соблюденной, когда заявление было направлено лицу, привлекаемому к уголовной ответственности или же это лицо было ознакомлено с заявлением, посредством средств связи, фиксирующими содержание заявления и факт его получения.

Требования к такому письменному заявлению должны быть уточнены. Так, в настоящее время в п. 5 ч. 5 ст. 318 УПК РФ говорится о том, что в заявлении должен быть список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд. Представляется, что в п. 5 ч. 5 ст. 318 УПК РФ должно говорится не о списке свидетелей, а о данных свидетелей, которых заявитель пожелает вызвать в суд для дачи показаний. Причем в этом же пункте следует закрепить правило, согласно которому в ходе судебного разбирательства могут быть вызваны и другие свидетели.

Следует дополнить ст. 318 УПК РФ правилом о том, что в заявлении могут быть указаны и иные сведения, в том числе номера телефонов, факсов, адреса электронной почты, если они необходимы для правильного и своевременного рассмотрения дела, могут содержаться ходатайства, в том числе ходатайства об истребовании доказательств. Все это будет способствовать своевременному, всестороннему, полному и объективному рассмотрению уголовного дела частного обвинения, поскольку ст. 321 УПК РФ требует начать судебное разбирательство не ранее 3 и не позднее 14 суток со дня поступления в суд заявления.

Действующий ныне порядок заявления ходатайства сторонами, по сути, разрешает заявлять ходатайства только после того, как заявление было принято к производству (ч. 2 ст. 321 УПК РФ).

В соответствии с ч. 3 ст. 20, ч. 1 ст. 147, ч. 1 ст. 318 УПК РФ уголовные дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его представителя.

Однако для признания лица потерпевшим закон установил материальные и процессуальные основания (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) – лицу должен быть причинен физический, имущественный или моральный вред (материальное основание) и необходимо вынести решение в форме постановления о признании его потерпевшим (процессуальное основание). Поэтому называть лицо, подающее заявление по таким делам, потерпевшим нет правовых оснований, так как никакого решения о признании его потерпевшим никто не выносил, т.е. отсутствует процессуальное основание[1]. Мы присоединяемся к позиции А.А. Тушева, добавляя от себя лишь то, что на момент подачи заявления речь может идти только о заявителе, обратившемся к мировому судье за защитой своих прав и законных интересов от преступления.

Вызывает интерес предложение Р.В. Ярцева, Н.А. Гордеевой о внесении дополнения в ст. 51 УПК РФ, регламентирующую случаи обязательного участия защитника. Р.В. Ярцев и Н.А. Гордеева указывают, что такое участие обязательно, если судебное разбирательство по делам частного обвинения проводится с участием прокурора (п. 3.2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Отсутствие в перечне ст. 51 УПК РФ предписания об обязательном участии защитника, если по делу частного обвинения в порядке ч. 8 ст. 318 УПК РФ привлечен прокурор, сводит на нет усилия государства по обеспечению принципа состязательности и равноправия сторон. Представляется, что обязательное участие защитника в процессе в указанном случае обусловлено интересами правосудия, которые понимаются в первую очередь как назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ)[2].

Вышеперечисленные предложения, их обсуждение в научной среде, будет способствовать дальнейшему развитию производства по уголовным делам, подсудным мировому судье.

---

[1] Тушев А.А. О необходимости дальнейшего редактирования УПК РФ // Российская юстиция. 2009. № 1.

[2] Ярцев Р.В., Гордеева Н.А. Указ. соч.

Ю.П. Оноколов

Отмена стадии возбуждения уголовных дел поможет борьбе с преступностью и значительному сокращению латентных преступлений

Как отмечают различные авторы[1], фактическая преступность превышает зарегистрированную в несколько раз. Государство же в борьбе с преступностью применяет стратегию выборочного уголовного преследования, вследствие чего основная масса преступников в России не привлекается к уголовной ответственности, она с каждым годом все больше и больше подчиняет своим криминальным интересам других граждан и различные структуры государственной власти[2].

Проведенные отделом латентной преступности и криминологического прогноза НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ исследования показали, что при трехмиллионном уровне ежегодно регистрируемой преступности цифра латентной преступности в России составляет не менее 20 млн.[3]. Аналогичные цифры были получены и другими исследователями[4].

В.В. Лунеев и Б.Я. Гаврилов пришли к выводу о том, что фактическая преступность в несколько раз превышает преступность, о которой осведомлены органы уголовной юстиции, а известная им преступность – ту её часть, которая регистрируется и расследуется[5].

Даже согласно сведений Председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ А.И. Бастрыкина, до 30% взрослого населения страны ежегодно подвергается преступным посягательствам[6].

Как полагают учёные-криминологи, современная уголовная статистика отличается значительными искажениями, неадекватно отражая те криминальные процессы, которые происходят в обществе[1].

---

[1] Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 61-62; Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 280-287; Сухарев А.Я. Проблемы сравнительного правоведения в аспекте российской правовой реформы // Россия на рубеже тысячелетий. М., 2000. С. 113.

[2] Акулинина Е.А. Информационное обеспечение системы органов, осуществляющих борьбу с преступностью в современной России (криминологическая оценка): дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 99, 107.

[3] Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011. С. 23.

[4] Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение. М., 2008. С. 179.

[5] Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 280-300; Гаврилов Б.Я. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право, 2001. № 1, С. 47-62.

[6] Ямшанов Б. Преступник заплатит дважды // Российская газета. 2010. 26 авг.

На заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, в начале 2010 г., являвшимся в то время Президентом РФ Д.А. Медведевым было отмечено: «Уголовная статистика, как и статистика в целом, довольно лукавая вещь. Что абсолютно очевидно и о чём говорил в своём выступлении Генеральный прокурор – надо навести порядок с первичной регистрацией. Как она осуществляется, мы сами знаем: сначала записали, потом подумали, потом выслушали пожелания вышестоящих начальников – и нет ничего… у нас миллион преступлений – туда, миллион – сюда, непонятно, что вообще происходит»[2].

В настоящее время Генеральная прокуратура, СК, МВД, ФСБ, другие правоохранительные органы, как и суды общей юрисдикции, арбитражные и мировые, имеют свои информационные базы о правонарушениях и правонарушителях. Эти информационные базы и учёты часто не соответствуют друг другу, не являются взаимодоступными даже для должностных лиц правоохранительных органов и судов.

С 1.07.2010 суды начали публиковать на своих сайтах в Интернете основную часть судебных постановлений (которые обезличиваются), однако это не даёт возможности прокурору, следователю, судье либо оперативному работнику легко и быстро найти любые интересующие вопросы, в том числе данные о потерпевших, свидетелях, подробные статистические данные по каждому суду, личностные данные о правонарушителях, о совершённых ими преступлениях и административных правонарушениях.

Для организации же должного противодействия преступности, в том числе и её латентной составляющей, в стране необходимы достаточно полная общая информационная база, общий, унифицированный учёт преступлений и правонарушений всеми правоохранительными органами и судами по всей стране. Причем информация о каждом правонарушении и преступлении должна заноситься в общую информационную базу с момента подачи заявления либо поступления сообщения о совершенном правонарушении и преступлении. Доступ к этой информации должен предоставляться ограниченному кругу должностных лиц.

Анализируя то, что происходит в России с регистрацией преступлений, В.С. Овчинский обратил внимание на то, что с 2006 г. ежегодно, постоянно растет число заявлений, сообщений и иной информации о криминальных происшествиях (оцененных гражданами и организациями как криминальные). В 2006 г. таких заявлений было 19 млн. 305 тыс., а в 2009 г. их стало уже 22 млн. 789 тыс. Иными словами, «заявленная» преступность выросла на 3 млн. 484 тыс. фактов. Зарегистри-

---

[1] Гаврилов Б.Я. Латентная преступность и обеспечение конституционного права граждан на доступ к правосудию. М., 2004. С. 17.

[2] Российская газета. 2010. 5 марта.

рованная же преступность, которая даёт уголовную статистику и на которой строятся все оценки работы, в эти же годы постоянно ежегодно снижалась: с 3 млн. 855 тыс. в 2006 г. до 2 млн. 995 тыс. в 2009 г. и сократилась на 860,6 тыс. преступлений. Куда же уходили заявления и сообщения о преступлениях? Самая значительная часть – в пресловутые постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. «Отказные» постоянно, ежегодно увеличивались на фоне «снижения» преступности. С 4 млн. 596 тыс. в 2006 г. до 5 млн. 641 тыс. в 2009 г. Рост «отказных» за эти годы – на 1 млн. 45 тыс. Причем судьба самих «отказных» весьма проблематична. В 2006 г. по инициативе прокуроров отменено 1 млн. 423 тыс. «отказных», в 2007 г. – 1 млн. 472 тыс., в 2008 – 1 млн. 693 тыс., в 2009 – 1 млн. 827 тыс. Для манипуляций статистикой существуют совершенно экзотические основания. Например, в 2009 г. почти 5 млн. заявлений и сообщений «приобщены к материалам специального номенклатурного дела» (?!), 5 млн. 323 тыс. «переданы по подследственности (подсудности) или по территориальности». И эти показатели тоже превышают те, которые были в предыдущие годы[1].

В первом полугодии 2010 г., как отмечает В.С. Овчинский, граждане подали в органы внутренних дел 11 млн. заявлений о преступлениях, а зарегистрированы как преступления только 1 млн.[2]

По мнению Б.Я. Гаврилова, началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении, как это предусматривалось ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в связи с чем нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела должны быть исключены из УПК РФ. Он полагает, что сложности с решением вопроса о возбуждении уголовного дела способствовали тому, что в последние годы в 2,3 раза увеличилось число преступлений, по которым лица, их совершившие, не установлены (с 881,4 тыс. в 2001 г. до 2 млн. 32 тыс. в 2006 г.), при росте количества зарегистрированных преступлений за указанный период всего на 31% (с 2,9 млн. до 3,8 млн.). О многочисленности вынесения незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела свидетельствует, например, то, что в 2009 г. было принято 5,6 млн. решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Из них признаны незаконными или необоснованными и отменены по инициативе прокуроров 1,9 млн. решений органов дознания, дознавателей и следователей, из которых возбуждено 145,1 тыс. уголовных дел, хотя, по его оценке, должно было быть не менее 2 млн. уголовных дел. При этом количе-

---

[1] Исследования латентной преступности // Материалы «круглого стола», проведённого НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ. М., 2010. С. 66-71.

[2] Закатнова А. Договоримся о терминах // Российская газета. 2010. 23 августа.

ство возбужденных по инициативе прокуроров, по отказным материалам, уголовных дел за последние 15 лет увеличилось с 32,5 тыс. (в 1991 г.) до 146 тыс. (в 2005 г.) и этот уровень сохраняется. Между тем процессуальной нормы о возбуждении уголовного ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922, 1923 гг. не имели. Статья 303 Устава уголовного судопроизводства устанавливала, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказывать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка». Статьи 309 и 312 Устава предусматривали, что «если судебный следователь…. не найдет достаточных оснований к производству следствия …сведения должны быть собраны…посредством негласного полицейского разведывания». То есть уголовно-процессуальный закон не предусматривал возможность отказа в возбуждении уголовного дела, однако при этом заставлял государство служить интересам гражданина, заявление которого приводило в действие механизм уголовного преследования.

Не предоставляет полиции возможность отказать в расследовании при наличии заявления либо сообщения о преступлении и уголовно-процессуальное законодательство США, Франции, Германии и других государств с устоявшейся системой уголовного правосудия.

Нормы же УПК РФ о необходимости вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела, как считает Б.Я. Гаврилов, создают значительные затруднения в осуществлении конституционного права граждан на доступ к правосудию[1]. По его мнению, процессуальный порядок начала производства по уголовному делу должен быть принципиально изменен, с исключением из УПК РФ норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела[2].

Как обоснованно полагает А.П. Кругликов, возбуждение уголовного дела по каждому сообщению о преступлении позволит иметь реальную картину о состоянии преступности в стране, а предварительная проверка сообщений о преступлении, как и стадия возбуждения уголовного дела в целом, не нужны: возбуждение уголовного дела должно стать началом предварительного расследования преступления, сведения о котором содержатся в поступившем сообщении[3].

По мнению С.И. Гирько, о имеются все основания для отказа от процессуального действия, именуемого возбуждением уголовного де-

---

[1] Исследования латентной преступности // Материалы «круглого стола», проведённого НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ. М., 2010. С. 42-52.

[2] Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его применения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 18.

[3] Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.

ла, а производство по делу следует возбуждать (по сути – начинать) подачей заявления или сообщения о фактических событиях, содержащих противоправность[1]. Другие авторы тоже полагают необходимым ликвидировать возбуждение уголовного дела в качестве самостоятельной стадии процесса[2].

Проверка проводится в стадии возбуждения уголовного дела, но до возбуждения уголовного дела, то она может производиться в срок до 30 суток (ст. 144 УПК РФ), что равно полноценному сроку дознания (ч. 3 ст. 223 УПК РФ) и половине срока предварительного следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ). В течение этого срока не закрепляются, а часто и не сохраняются важные доказательства, что можно было бы сделать путем выполнения следственных действий. Подозреваемые могут создать себе фиктивные алиби, а свидетели могут уехать в иное место. В ходе проверки берутся многочисленные объяснения у потерпевших, свидетелей, которые затем, после возбуждения уголовного дела, для сообщения тех же обстоятельств в ходе допроса, снова тратят личное и служебное время на явку к дознавателю либо следователю. Причем проверку сообщений о преступлениях обычно осуществляют те же дознаватели и следователи, которые после возбуждения уголовного дела проводят предварительное расследование.

Полагаем, что не нужно тратить время дознавателю и следователю на доследственную проверку, а необходимо изменить УПК РФ так, чтобы сразу можно было возбуждать уголовное дело (либо просто начать производить расследование), немедленно начать сбор и закрепление доказательств и проводить полное расследование в соответствии с требованиями УПК РФ, а результатам расследования принять соответствующее решение, возможно и прекратив уголовное дело.

Прекращение уголовных дел органами расследования должно рассматриваться как нормальный (один из возможных) результат, соответствующий задачам установления истины по делу. Полагаем, что когда существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, необходимо немедленно возбуждать уголовное дело и устанавливать истину наиболее надежными средствами, то есть предусмотренными УПК РФ. В результате расследования дело должно либо направляться в суд, либо приостанавливаться для установления виновного лица, либо прекращаться, возможно с направлением мате-

---

[1] Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. 2010. № 15. С. 16.

[2] Вицын С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Усачев А.А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72.

риалов для привлечения к административной, дисциплинарной или гражданско-правовой ответственности.

В связи с изложенным представляется, что отмена стадии возбуждения уголовных дел, в сочетании с единой информационной базой правоохранительных органов и судов, будет являться эффективным инструментом противодействия преступности и её латентной составляющей.

Для этого полагаем целесообразным: 1) регистрировать каждое заявление о преступлении и по нему производить расследование с соблюдением требований УПК РФ; 2) внести в УПК РФ изменения, предусматривающие отмену необходимости вынесения постановлений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) в случае сохранения стадии возбуждения уголовного дела, принять изменения в УПК РФ, существенно упрощающие процедуру возбуждения уголовного дела и предусматривающие первичное разбирательство с соблюдением требований УПК РФ; 4) создать общий, унифицированный учет и общую информационную базу учёта происшествий, правонарушений и преступлений всеми правоохранительными органами и судами по всей стране.

Д.В. Осипов
В.А. Рязанцев

Выделение уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] в УПК РФ была введена глава 32.1, регламентирующая производство дознания в сокращенной форме. Нормы данной главы могут применяться только при наличии целого ряда условий (подозреваемый признает свою вину и им заявлено ходатайство о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме, потерпевший не возражает против применения такого производства и др.).

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 154 УПК РФ дознаватель, следователь вправе выделить в отдельное производство уголовное дело о тех подозреваемых, дознание по которым производится в сокращенной форме, если в отношении остальных подозреваемых или обвиняемых предварительное расследование производится в общем порядке.

Основанием для принятия решения о выделении уголовного дела является установление таких обстоятельств, с наличием которых закон

[1] Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875 // СПС КонсультантПлюс.

связывает возможность производства в отношении конкретного подозреваемого дознания в сокращенной форме. В частности, такими обстоятельствами являются:

- наличие удовлетворенного ходатайства подозреваемого и его защитника о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 2 ст. 226.1, ст. 226.4 УПК РФ);

- отсутствие обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

Необходимо учитывать и положения ч. 2 ст. 154 УПК РФ, согласно которым выделение уголовного дела не должно отразиться на всесторонности и объективности его расследования и разрешения.

В соответствии с положениями главы 32.1 УПК РФ принятие решения о выделении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 154 УПК РФ возможно только при производстве предварительного расследования в форме дознания.

Таким образом, субъектами, уполномоченными принимать такое решение, являются дознаватель, начальник подразделения дознания, его заместитель, руководитель группы дознавателей, а также следователи СК России и ФСКН, так как согласно п. 7-8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ они наделены правом производства дознания.

В соответствии с ч. 3 ст. 154 УПК РФ выделение уголовного дела производится на основании постановления дознавателя (следователя). Закон не регламентирует структуру и содержание данного постановления. На наш взгляд, оно должно соответствовать общим требованиям, предъявляемым к процессуальным документам, содержащим решения по делу[1]. Структура постановления о выделении уголовного дела должна состоять из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной.

В вводной части должны быть указаны следующие сведения: наименование, место и дата составления, данные о должностном лице, принявшем решение о выделении уголовного дела. Кроме этого, указывается номер уголовного дела, рассмотрев материалы которого, дознаватель (следователь) пришел к выводу о необходимости принятия такого решения.

В описательно – мотивировочной части должно найти отражение содержание уголовного дела, из которого производится выделение, изложение обстоятельств, свидетельствующих о наличии оснований, с которыми закон связывает принятие данного решения и его мотивировка.

В резолютивной части должно содержаться решение дознавателя (следователя) о выделении уголовного дела с указанием сведений о

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003. С. 52.

лице, в отношении которого оно осуществляется и весь перечень выделяемых материалов.

По нашему мнению, в выделенном уголовном деле обязательно должны содержаться оригиналы документов, свидетельствующие о заявлении подозреваемым, его защитником ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме и его удовлетворении. В частности, к таким документам следует отнести:

- ходатайство подозреваемого и его защитника о производстве дознания в сокращенной форме;
- постановление дознавателя (следователя) о его удовлетворении и производстве дознания в сокращенной форме;
- уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме.

Заверенные копии указанных документов, для подтверждения законности и обоснованности принятого решения о выделении, необходимо приобщить к основному уголовному делу.

Кроме того, в резолютивной части постановления должен быть указан номер выделенного уголовного дела.

Постановление о выделении уголовного дела составляется в трех экземплярах.

Один из них остается в выделенном деле, другой – направляется прокурору, третий – приобщается к основному уголовному делу.

УПК РФ не устанавливает каких-либо требований, которые касались бы сроков выделения уголовного дела после удовлетворения ходатайства подозреваемого и его защитника о производстве дознания в сокращенной форме. Принятие решения о выделении уголовного дела возможно сразу после удовлетворения названного ходатайства. Между тем, в случае необходимости проведения следственных действий с участием подозреваемого, заявившего ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, решение о выделении уголовного дела может быть принято после их выполнения. Так, например, если другие подозреваемые не признают своей вины в совершении преступления, то для устранения существенных противоречий в показаниях потребуется проведение очной ставки и участие в ней подозреваемого, заявившего ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме. После устранения указанных противоречий следует принять решение о выделении уголовного дела.

Выделенное уголовное дело регистрируется, ему присваивается номер, после чего оно принимается к производству дознавателем (следователем).

Срок предварительного расследования по выделенному в отдельное производство уголовному делу следует исчислять с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, из которого произведено выделение.

Н.В. Османова

Реализация института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела

Своевременное определение в стадии возбуждения уголовного дела субъекта расследования и выполнение им процессуальных полномочий, которыми он наделен при рассмотрении заявлений, сообщений о преступлениях, напрямую влияет на эффективность деятельности органов предварительного расследования в указанной стадии.

В отличие от предварительного расследования и судебного производства должностное лицо начинает свою деятельность по проверке заявления, сообщения о совершенном преступлении практически при отсутствии какой-либо доказательственной информации о преступлении и лицах, к нему причастных, что определяет сложность уголовного судопроизводства на данной стадии, ее значимость, поскольку впоследствии деятельность должностных лиц основывается на выводах, полученных на первоначальной стадии расследования преступления. Данный факт обусловил актуальность изучения реализации института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела, что позволило выделить ряд, на наш взгляд, важных аспектов:

Первое. Теоретический аспект.

Термин «подследственность», являясь названием вида единого родового понятия подведомственности, представляет собой часть уголовно-процессуальной компетенции и выполняет функцию связующего звена между полномочиями и осуществляющим их органом предварительного расследования соответствующего правоохранительного ведомства: на территориальном уровне – в городе, районе, ином межмуниципальном образовании; региональном уровне – в субъекте Российской Федерации; межрегиональном уровне – в федеральном округе; на уровне федерального следственного органа (Следственный комитет Российской Федерации, Следственный департамент МВД России, Следственный департамент ФСКН России, Следственное управление ФСБ России). Признаки же подследственности (предметный, территориальный, ведомственный, альтернативный и др.) распространяются на противоправные деяния, содержащие признаки преступления, наличие которых является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела.

Второе. Место института подследственности в УПК РФ.

Сегодня термин «подследственность» содержится в ряде статей УПК РФ (ст. 38, 109, 145, 146, 151, 152, 153), является одним из элементов, определяющих законность и обоснованность принятия процессуальных решений по заявлению, сообщению о преступлении: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела,

о передаче сообщения по подследственности (ст. 145 УПК РФ) и традиционно рассматривается как одно из общих условий предварительного расследования[1].

Законодателем определено место правовым нормам, непосредственно регулирующим правоотношения, возникающие на стадии досудебного производства между специальными субъектами в связи с решением вопросов о подследственности (раздел VIII УПК РФ «Предварительное расследование») среди общих условий предварительного расследования (гл. 21 УПК РФ). При этом необходимо учитывать, что институт подследственности закреплен не только в ст. 151 УПК РФ, но и в других нормах УПК РФ. В их числе: место производства предварительного расследования (ст. 152); соединение уголовных дел (ст. 153); производство неотложных следственных действий (ст. 157) и др.

Обращая внимание на место подследственности в уголовном законе, необходимо отметить, что нормы, её определяющие, не только не безосновательно содержатся и в других (помимо указанного выше) разделах УПК РФ – возбуждение уголовного дела (раздел VII), но и реально применяются на этой стадии. Констатируя изложенное, возникает справедливый вопрос о целесообразности размещения норм о подследственности, действующих на обеих стадиях досудебного производства, именно в разделе предварительного расследования. В связи с этим, представлялось бы разумным и логичным изложить название гл. 21 УПК РФ в следующей редакции: «Общие условия досудебного производства», но наличие в ней норм, касающихся только стадии предварительного расследования (например, ст. 158.1 – восстановление уголовных дел), не позволяет настаивать на данной точке зрения, дабы еще более не усложнять её разрешение в перспективе.

Хотя с другой стороны можно понять и логику законодателя при формулировании процессуальных норм, составляющих общие условия предварительного расследования (гл. 21 УПК РФ).

Содержание гл. 21 УПК РФ начинается с правовой нормы, определяющей формы предварительного расследования (ст. 150 УПК РФ). И вполне логично в этой связи, что в следующей процессуальной норме законодатель регулирует подследственность как между двумя формами расследования: предварительным следствием и дознанием, так внутри каждой из этих форм с учетом того, что, органы предварительного следствия имеются как в составе органов внутренних дел, органов ФСБ и ФСКН России, так и составляют самостоятельный федеральный орган государственной власти – Следственный комитет РФ.

В связи с изложенным представляется, на наш взгляд, целесообразным во избежание разночтения норм о подследственности и об общих

---

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. СПб., 1996. С. 297; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 363.

условиях предварительного расследования с целью обеспечения единства в построении уголовно-процессуальных норм исключить ст. 151 из гл. 21 УПК РФ и включить ее в качестве ст. 41.1 в гл. 6 УПК РФ.

Таким образом, соблюдение требований ст. 151 УПК РФ о подследственности не может являться обязательным условием исследуемой стадии уголовного судопроизводства, поскольку применение данного института в силу недостаточной регламентации законодателем осуществляется по аналогии со стадией предварительного расследования и реализуется лишь частично.

Третье. Особенности применения некоторых признаков подследственности в стадии возбуждения уголовного дела.

Необходимость соблюдения предметного признака подследственности возникает первоначально на стадии возбуждения уголовного дела фактически с момента осуществления проверки по заявлению, сообщению о преступлении и вынесения по ее результатам соответствующего решения. Вместе с тем фактически, исходя из норм УПК РФ, при разрешении заявлений, сообщений о преступлении, институт подследственности не может быть реализован в полной мере, в том числе ее предметный признак.

Однако с момента вступления в действие УПК РФ прокуратура Ставропольского края стала относить к нарушениям законности принятие процессуальных решений должностными лицами органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела, мотивируя это несоблюдением норм о подследственности, несмотря на то, что законодатель Федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ[1] специально в дополнение к нормам УПК РФ о процессуальном статусе органа дознания и полномочиях их должностных лиц предусмотрел в приложениях к УПК РФ бланки процессуальных документов о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела. Есть и соответствующее судебное решение Верховного Суда РФ по делу Чубревича, разъясняющее полномочия субъектов предварительного расследования по исполнению уголовно-процессуального законодательства о подследственности при разрешении сообщений о преступлениях[2]. И только в Информационном письме заместителя Генерального прокурора РФ В.В. Гриня от 29.10.2008 № 36-12-2008 требования прокуратуры Ставропольского края были признаны, по сути, незаконными[3].

---

[1] Федеральный закон от 08.12.2003 №161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4847.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

[3] О практике прокурорского надзора за исполнением уголовно-

В связи с чем полагаем, что принятие процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям отсутствия события преступления применение норм о подследственности при принятии процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела является юридически неправомерным, поскольку само противоправное деяние места не имело, поэтому и вопрос о подследственности является необоснованным.

Решение об отказе в возбуждении уголовного дела по иным основаниям, предусмотренным п. 2-6 ч.1 ст.24 УПК РФ, должно приниматься с учетом признаков подследственности, то есть должностным лицом органа расследования, к чей подследственности отнесено противоправное деяние в рамках одного правоохранительного органа.

В свою очередь исследование применения норм о подследственности в стадии возбуждения уголовного дела позволяет утверждать о существовании ряда проблем, обусловленных нарушением ведомственного признака.

Так, по факту гибели пенсионера в московском метро[1], наступившей в результате того, что его ногу зажало дверями поезда, протащившего его по всей платформе и ударившего мужчину о стену при въезде в туннель, следствие началось спустя 10 дней после трагедии. В нарушение норм ст. 151 УПК РФ доследственную проверку проводили сотрудники 4-го отдела полиции УВД на метрополитене, при этом своевременно не передав материалы проверки в подразделение Следственного комитета Российской Федерации. Решение о передаче данных материалов по подследственности было принято лишь после проведенной прокуратурой г. Москвы проверки по сообщению о случившемся происшествии.

Данный случай несоблюдения должностными лицами органа дознания ведомственного признака подследственности не является единичным, что мы связываем с отсутствием в органах внутренних дел специальных разъяснений относительно механизма их реализации в деятельности органов предварительного расследования при принятии в стадии возбуждения уголовного дела процессуальных решений по поступающим заявлениям, сообщениям о преступлениях в зависимости от их признаков, которыми они наделены.

К особенностям применения норм о подследственности следует также отнести и отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве указания момента, с которого по сообщению о преступлении, пе-

---

процессуального законодательства о подследственности при разрешении сообщений о преступлениях: Информационное письмо заместителя Генерального прокурора РФ от 29.10.2008 № 36-12-2008.

[1] По факту гибели пенсионера в московском метро возбуждено дело. URL: www.rg.ru.

реданному по подследственности, необходимо исчислять процессуальный срок разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении уголовного дела. На практике данное положение зачастую влечет наступление такого негативного последствия как превышение сроков, установленных ст. 144 УПК РФ на принятие решения по заявлению, сообщению граждан и организаций о совершенных преступлениях.

Хотя решение о передаче сообщения по подследственности носит промежуточный характер, но при этом, по нашей оценке, с момента его направления и до поступления в соответствующий орган или в суд срок увеличивается, как минимум, до двадцати суток, что влечет за собой нарушение закона. На практике же указанный срок, нередко, не имеет определенных временных ограничений. В редких случаях (и, к сожалению, в основном лишь после непосредственного обращения граждан с жалобами) данные факты находят свое отражение в материалах проверок контролирующих или надзирающих органов. Так, по ставшему известным случаю волокиты[1] в стадии возбуждения уголовного дела в Орджоникидзевском следственном отделе Следственного управления СК России, следователь которого неоднократно необоснованно в ходе проверки сообщения о гибели девятимесячного ребенка выносил постановления о передаче заявления по подследственности в орган дознания внутренних дел, срок принятия решения с момента подачи заявления и до возбуждения уголовного дела составил более трех месяцев, что явно противоречит принципу «разумности» процессуальных сроков.

Изложенное свидетельствует о несоблюдении в данном случае разумных сроков расследования и подтверждает нашу позицию о возможности отказа в стадии возбуждения уголовного дела в одних случаях в рамках одного ведомства от соблюдения предметного признака подследственности, а в других – напротив его неукоснительного соблюдения, что призвано способствовать уменьшению количества неоднократно передаваемых по подследственности заявлений, сообщений о преступлениях, а также сокращению сроков их проверки.

В статье затронуты лишь некоторые проблемы реализации института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела, решать которые следует взвешенно, продуманно с учетом мнений не только практических сотрудников правоохранительных органов, ученых, но и граждан, чьи права и свободы мы призваны защищать.

---

[1] В Екатеринбурге возбудили дело через три месяца после смерти младенца. URL: www.rg.ru.

А.Ю. Панов

Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях по материалам оперативных подразделений ОВД

На современном этапе развития России актуальным является вопрос повышения эффективности деятельности по противодействию налоговой преступности, наносящей значительный ущерб экономике нашей страны. Одной из причин низких показателей в данном направлении является наличие ряда неразрешенных проблем, связанных с проведением оперативно-розыскной деятельности по выявлению рассматриваемых преступлений и возбуждении по ее результатам уголовных дел.

1. Федеральным законом от 6.12.2011 № 407−ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ № 407) были внесены изменения в ст. 140 УПК РФ, согласно которым поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, являются только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Указанные изменения свидетельствуют о продолжении либерализации законодательства в сфере налогообложения, начатой с декабря 2009 года и перераспределении отдельных функций по выявлению и документированию правонарушений в данной сфере от МВД к налоговым органам. Несмотря на это в УК РФ остались все статьи, которыми регламентируется ответственность за совершение налоговых преступлений, что подтверждает общественную опасность их совершения, а также то, что задача по борьбе с данными преступлениями попрежнему остается за органами внутренних дел. Таким образом, возникла противоречивая ситуация, когда МВД РФ обязано обеспечивать экономическую безопасность государства в сфере налогообложения, но при этом ограничено в правах по осуществлению данной функции.

2. Согласно действующим нормативным правовым актам[2] сотрудники ОВД имеют право, как проводить оперативно-розыскные мероприятия для выявления налоговых преступлений, так и участвовать в

---

[1] СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7349.

[2] Федеральный закон от 7.02.2011 №3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; Приказ МВД РФ и Федеральной налоговой службы от 30.06.2009 № 495/ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» // Российская газета. 2009. № 173.

налоговых проверках, назначаемых на основании материалов, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности.

При этом законодательно не определено исчерпывающего перечня документов, необходимых для назначения проверки налоговым органом. Вопросы организации и сроков ее проведения, включения в состав проверяющих сотрудников ОВД оставлены исключительно на усмотрение руководителя налоговой инспекции. При их решении далеко не всегда учитываются интересы органов внутренних дел.

Кроме того, в настоящее время отсутствует нормативно урегулированный механизм представления налоговому органу материалов оперативно-розыскной деятельности, которые могут стать весомым аргументом, как при назначении проверки, так и важными доказательствами совершения налогового преступления. Они не могут быть приобщены к материалам выездных налоговых проверок (далее – ВНП) в качестве доказательственной базы, так как, согласно налоговому законодательству, к числу доказательств о совершении налогового правонарушения относятся только материалы, которые были получены в ходе «контрольных мероприятий».

3. Сотрудники ОВД, участвующие в ВНП, не наделены полномочиями (допросы, осмотры, выемки документов) должностного лица налогового органа, непосредственно осуществляющего проверку. Следовательно, проводимые ими мероприятия налогового контроля не являются доказательствами, так как получены не в соответствии с нормами налогового законодательства.

4. Возбуждение уголовных дел непосредственно по материалам налоговых органов, направляемых в подразделения Следственного комитета РФ (далее – СК России), зачастую затруднительно, поскольку они не содержат необходимой доказательственной базы по преступлениям, предусмотренным ст. 198-199.2 УК РФ. Такие признаки состава преступления как субъективная сторона (умысел), налоговые органы вообще не рассматривают в ходе проверок, ссылаясь на отсутствие законодательно установленной обязанности осуществлять юридическую квалификацию налоговых преступлений.

В связи с указанными обстоятельствами в органы внутренних дел из СК России поступают поручения о проведении проверочных и оперативно-розыскных мероприятий по материалам налоговых органов, не содержащих в себе практически никаких документов и сведений о наличии в действиях налогоплательщика признаков преступлений. В свою очередь, сотрудникам оперативных подразделений ОВД в ограниченные нормами УПК РФ сроки (10 суток), затруднительно провести всестороннюю и полную проверку по таким материалам, что приводит к вынесению необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел.

5. Действующим законодательством не определены четкие критерии повода для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.1 УК РФ.

Так, если в течение 2 месяцев со дня истечения срока исполнения требования по уплате налога налогоплательщик не уплатил задолженность, налоговые органы обязаны в течение 10 дней направить материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (п. 3 ст. 32 Налогового кодекса РФ).

Вместе с тем в случае, если налогоплательщик обратится в Арбитражный суд с исковым заявлением об обжаловании решения налогового органа, то по его ходатайству действие данного решения может быть приостановлено, а требование по уплате налога отозвано. При этом, исполнение обязанности налогового органа, предусмотренной п. 3 ст. 32 НК РФ, также приостанавливается до момента вступления в законную силу решения суда, и такие материалы не направляются в следственные органы.

В случае, если предположить, что материалы все же были направлены в подразделения СК России до рассмотрения Арбитражным судом, то, как показывает практика, следственные органы выносят постановления об отказе в возбуждении уголовных дел в связи с рассмотрением дела в Арбитражном суде. Впоследствии, в случае вынесения судебного решения в пользу налогоплательщика, следователи также отказывают в возбуждении уголовных дел, но уже в связи с преюдицией.

В то же время, согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко»[1], судьи, толкуя действующую редакцию статьи 90 УПК РФ, указали, что принятые в порядке гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по гражданским делам не могут рассматриваться как предрешающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого. Такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела.

Таким образом, следственным органам надлежит возбуждать уголовные дела по материалам налоговых органов, независимо от разбирательств в Арбитражном суде.

6. Отсутствие предусмотренного действующим законодательством механизма документирования налоговым органом правонарушений по

[1] СЗ РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

ст. 199.2 УК РФ «Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов».

Согласно действующему законодательству о налогах и сборах к полномочиям налоговых органов относится установление размера неуплаченных налогов и (или) сборов путем проведения контрольных мероприятий в рамках выездных, камеральных проверок, по результатам которых выносится соответствующее решение. В свою очередь, сокрытие денежных средств, за счет которых и производится взыскание налогов и (или) сборов, может выявляться только органами внутренних дел при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Однако, поскольку в настоящее время материалы, собранные оперативными подразделениями ОВД по факту совершения рассматриваемых преступлений, не могут являться основанием для возбуждения уголовного дела, ст. 199.2 УК РФ оказалась «не рабочей».

7. В случае если имеет место наличие обстоятельств, препятствующих проведению выездной налоговой проверки (период деятельности организации или физического лица, в котором согласно материалам органа внутренних дел были совершены налоговые правонарушения, ранее был проверен налоговым органом по соответствующим видам налогов (за исключением случаев реорганизации и ликвидации организации), а также, если материалы органа внутренних дел свидетельствуют о налоговых правонарушениях, совершенных в период времени, превышающий три календарных года, предшествующих году, в котором может быть вынесено решение о проведении проверки, то согласно действующему налоговому законодательству возникают основания для отказа налогового органа в принятии решения о проведении мероприятий налогового контроля по материалам, представленным органом внутренних дел, и следовательно налогоплательщик необоснованно избегает уголовной ответственности.

8. Действующие нормативные правовые акты, регулирующие порядок постановки и снятия с регистрационного учета, дают возможность налогоплательщику сменить место регистрации, несмотря на проводимые в отношении него контрольные либо оперативно-розыскные мероприятия. При этом НК РФ обязывает налоговый орган направить все документы, касающиеся налогоплательщика, в налоговую службу по новому месту регистрации. Если в отношении налогоплательщика проводились контрольные мероприятия, то акт и решение для осуществления фискальных функций также направляются в налоговый орган по новому месту регистрации. При этом налоговая служба не обязана извещать о случившемся СК России по месту совершения предполагаемого налогового преступления. В свою очередь, территориальные подразделения СК России по новому месту регистрации не могут принять процессуальное решение, так как согласно ст. 152 УПК РФ предвари-

тельное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, то есть по прежнему месту регистрации. В результате подобных нестыковок в нормативных правовых базах заинтересованных ведомств налогоплательщик уходит от ответственности, и причиненный государству ущерб не возмещается.

9. В настоящее время по-прежнему отсутствует соглашение о взаимодействии СК России и МВД России по вопросам противодействия налоговой преступности, что отрицательно сказывается на результатах служебной деятельности данных правоохранительных структур.

С учетом сказанного, в целях оптимизации решения задач по выявлению налоговых преступлений и возбуждению уголовных дел по фату их совершения существует необходимость оперативной переработки действующих нормативных правовых документов и принятия новых, регулирующих межведомственное взаимодействие органов внутренних дел, следственных подразделений и налоговых органов, а также дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего сферу налогообложения.

П.С. Пастухов

Следственный комитет России в контексте реформы досудебных стадий уголовного процесса

Вопросы, касающиеся реформирования процессуальной формы досудебного производства по уголовным делам не утрачивают актуальности на протяжении последних десятилетий. В свете обсуждения концепции нового УК и УПК РФ они приобретают особую остроту.

Как известно, существуют различные варианты реформы предварительного расследования. Недавно юридической общественности стало известно о Концепции комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ[1], в которой изложены весьма своеобразные взгляды относительно реформы органов уголовной юстиции и правовой формы их деятельности в досудебный период. Напрямую затрагивает данная Концепция и Следственный Комитет Российской Федерации (далее – СК России).

Вполне разделяем мнение о том, что некоторые авторы не в полной мере представляют различия досудебной стадии в англо-американском и романо-германском (континентальном) уголовных процессах[2]. На

---

[1] Подготовлена Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге для Комитета гражданских инициатив совместно с фондом «ИНДЕМ». URL: http://www.enforce.spb.ru.

[2] Боруленков Ю. П. Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19. С. 48.

что они рассчитывают, предлагая столь радикальные изменения? Как отразятся они на многострадальном «советско-российском» уголовном процессе? Сколько поколений юристов должно смениться, чтобы изменилось правопонимание? Такие вопросы возникают у каждого, кто встречался с подобными проектами и раньше. В полной мере они относятся и к данному творению очередных реформаторов. Уже по одной причине нереалистичности его базовых положений он должен быть отвергнут. О чем же идет речь?

Согласно данной Концепции подлежит ликвидации СК, ФСКН, да и само МВД (вместо него остается полиция). Это, конечно, очень смело: разгромить основные правоохранительные органы. Что же вместо них? Вместо них предлагается некая «криминальная полиция» и усеченный вариант СК (тоже, кстати, «полицейский институт»), которые и будут бороться с преступностью под руководством прокуратуры в форме «полицейского дознания».

Особую ненависть псевдореформаторов и их единомышленников вызывает СК России. Изрядная часть самой Концепции и ее хвалебных комментариев посвящена объяснению причин, по которым этот орган подлежит ликвидации: якобы он забюрокрачен, бесконтролен, некачественно расследует уголовные дела, «консервирует следственную форму», не вписывается в «обвинительную власть» и пр. В Концепции проводится известная идея о том, что ничем другим, кроме как «полицейским ведомством», СК России быть не может[1]. Смеем не согласиться с подобными характеристиками.

Создание СК России было в свое время назревшим решением, которое положило начало реформе предварительного расследования в верном направлении. Он стал результатом продуманной стратегии на создание системы сдержек и противовесов в системе правоохранительных органов, включая прокуратуру, действующих в досудебных стадиях уголовного процесса. Желание упразднить СК России, отдать всю борьбу с преступностью в одни руки – это нарушение системы сдержек и противовесов. Разделение следственной, процессуальной деятельности и ОРД есть необходимое условие законности и надежной подготовки доказательств.

Кстати, вообще остается загадочной институциональная природа «обвинительной власти», возглавляемой прокуратурой, о которой так любят рассуждать преобразователи нашей правоохранительной системы на западной манер. В Конституции РФ нет упоминаний ни о следственной, ни о прокурорской, ни обвинительной, ни полицейской вла-

---

[1] Головко Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 2. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 11-13.

сти. Значит, чтобы реализоваться замыслам реформаторов надо менять Конституцию РФ.

Не обоснован упрек в забюрократизированности СК России. Это орган в наименьшей степени поражен бюрократизмом по сравнению с полицией, прокуратурой. А число правонарушений среди его сотрудников не идет ни в какое сравнение с тем, что имеет место в МВД, других ведомствах.

Создание СК России в свое время кардинально оздоровило атмосферу предварительного расследования всех тяжких и особо тяжких преступлений. И теперь, после того как этот следственный орган показал свою эффективность ограничить его подследственность только «должностными преступлениями в силовых структурах» (хотя бы и в виде органа борьбы с должностной преступностью в госорганах) неприемлемо. В этом плане приводимый пример, с Сингапуром малоубедителен, как по причине явного несходства это города с Россией, так и правовых традиций.

Одной из ключевых идей анализируемой Концепции по реорганизации системы органов уголовной юстиции являет возвращение прокурору роли процессуального руководителя всеми органами «уголовного преследования». Всем известно, в 2007 г. на законодательном уровне произошло переосмысление форм и методов реализации имеющейся у прокурора функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, созданы определённые условия для превращения следователя в самостоятельную процессуальную фигуру[1]. Укрепление следственных органов – настоятельная необходимость сегодняшнего дня. Такова тенденция правового развития современной правоохранительной системы России, имеющая глубокие корни в ее правовых традициях, складывавших не одно десятилетие.

Мы разделяем мнение о том, что институт следователя является элементом уголовной юстиции[2]. Как отмечает Ю. Деришев, по своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе следственная власть является производной от власти судебной при полном тождестве их назначения[3]. Этот момент

---

[1] Боруленков Ю.П. О месте прокуратуры в системе органов уголовного преследования // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России): сб. мат-ов Всерос. науч.-практ. конф. В 2-х ч. Ч. 2. М., 2013. С. 11.

[2] Николюк В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном: монография. Красноярск, 2003. С. 7-11; Деришев Ю.В. Досудебное уголовное преследование по УПК РФ // Государство и право. 2004. № 12. С. 48-49.

[3] Деришев Ю. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования // Уголовное право. 2005. № 1. С. 82.

являлся определяющим для возникновения СК России и для дальнейшей модернизации предварительного следствия.

Концепция включает в себя предложение о ликвидации предварительного следствия. Ее идеологи исходят из того, что функции предварительного расследования вообще не должно быть. Однако в последних теоретических исследованиях на данную тему убедительно доказывается историческая обусловленность наличия в нашем уголовном процессе этой функции и особой процессуальной роли следователя, не как органа уголовного преследования, а как органа, осуществляющего полное, всестороннее и объективное расследование[1].

Следователь не должен рассматриваться субъектом функции уголовного преследования. Состязательная схема вообще неприменима к досудебным стадиям уголовного процесса. М.П. Поляков справедливо указывает на то, что в состязательном уголовном процессе на первом плане тезис – «правильно рассудить», а в розыскном – «правильно познать»[2]. Следствие отвечает требованию компетенции и компетентности в профессиональной уголовно–процессуальной деятельности; компетентным государственным органом (правоохранительным) движет мотив «правильно познать», т.е. установить объективную истину[3]. В познавательном плане следователь обязан установить объективную истину, т.е. выяснить все обстоятельства дела, в том числе смягчающие или даже исключающие ответственность обвиняемого. Это компетентный орган, независимый правовой характер деятельности которого определяется законом[4].

Нельзя не сделать замечание, касающееся желаемого авторами Концепции образа «криминальной полиции», подлежащей, по их мнению, созданию на базе СК России и соответствующих оперативных служб МВД и ФСКН. Упрекая СК России в монополизме и глобализме, они не хотят видеть этих явлений в проектируемой криминальной полиции. Ведь предлагаемая ими концепция фактически означает создание под эгидой МВД некоего обвинительного «монстра», наделенного неограниченными полномочиями по ведению и следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Это ли не угроза правовому государству и правам человека?

---

[1] Барабаш А.С., Брестер А.А. Метод Российского уголовного процесса: монография. СПб., 2013. С. 4; Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2010. С. 5.

[2] Поляков М.П. Опыт разработки и применения оригинального инструментария исследования научно–прикладных проблем уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 235-239.

[3] Там же. С. 239.

[4] Боруленков Ю.П. О концепте «юридическое познание» // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 188-192.

И последнее. Постоянные апелляции к западным развитым уголовно-процессуальным порядкам не убеждает по той причине, что порядки эти весьма отличаются друг от друга. Уже давно известно, что нет «европейских» стандартов состязательности. Это лишь красивые слова. Неоправданно и отождествлять состязательность со справедливостью уголовного судопроизводства, они – совершенно разные понятия.

Все вышесказанное в совокупности свидетельствует о несостоятельности проанализированной нами Концепции. Вопросы реформирования досудебных стадий уголовного процесса, разумеется, подлежат обсуждению, но на более высоком экспертном уровне.

Т.А. Паутова

Особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий по преступлениям имущественной направленности на стадии возбуждения уголовного дела

Стадия возбуждения уголовного дела на сегодняшний день остается важным элементом современного российского уголовного процесса, а эффективность осуществляемой на этой стадии процессуальной деятельности во многом предопределяет достижение назначения уголовного судопроизводства.

Суть ее заключается в том, что уполномоченные законом должностные лица и органы обязаны принять определенные процессуальные решения. Причем, для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении данные органы руководствуются наличием повода и основания к возбуждению уголовного дела.

Анализ практики показывает, что чаще всего поводами к возбуждению уголовных дел по имущественным преступлениям являются: заявления граждан (около 55%), сообщения организаций, учреждений, коммерческих фирм, должностных и материально ответственных лиц (28%), непосредственное обнаружение признаков преступления сотрудниками органов внутренних дел (14%); значительно реже – явка с повинной виновного лица или публикации в печати (3%)[1].

Эффективность раскрытия и расследования данных преступлений во многом зависит от правильной оценки и разрешения уполномоченным лицом сложившейся конкретной ситуации по уголовному делу. Обычно после получения сообщения о преступлении, целесообразно, прежде всего, опросить заявителя. Отметим, что основной проблемой при опросах указанных лиц является неполнота описания индивиду-

[1] Новик В.В. Криминалистические аспекты доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики. СПб., 2010. С. 47.

альных признаков предмета посягательства. Например, при опросе пострадавший Султанов Р.А. заявил: «…утром я проснулся и обнаружил, что нет моего сотового телефона «Nokia-610», который я приобрел в магазине «Планета».[1]

Исходя из этого, можно дать общие рекомендации по опросу лиц, пострадавших от преступлений имущественной направленности. Так, пострадавшему следует предложить детально описать каждую похищенную вещь, указать ее стоимость, степень износа и другие индивидуальные признаки. У лица также выясняется: не находил ли он на месте преступления какие-либо предметы, оставленные преступником; кто мог знать о том, что в квартире находятся именно такие вещи или ценности и где именно они были спрятаны; кто раньше проявлял к ним повышенный интерес; кому пострадавший их показывал и т.д.

Если совершение преступления наблюдал очевидец, то необходимо тщательно выяснить у него обстоятельства этого момента, то есть: откуда он наблюдал за совершаемым преступлением, видел ли его человек, совершающий преступление и т.д.

Анализ уголовных дел по преступлениям имущественной направленности дает основание для вывода, что обвинение строится, как правило, на признательных показаниях обвиняемого, показаниях свидетелей, потерпевших, т.е. личных доказательствах, и в меньшей степени на вещественных доказательствах, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия и в процессе расследования в целом. Отмечается низкое качество производства осмотра. Так, при осмотрах помещений, не выявляются «нетрадиционные» следы, оставленные преступником: микрочастицы волокон ткани одежды, лаков, красок, следы металлизации и т.п. Не все следователи, дознаватели знают о возможностях использования таких следов, не умеют должным образом применять приборы, входящие в комплект следственного чемодана, недостаточно используют возможности и квалификацию участвующих в осмотре специалистов-криминалистов при поиске и фиксации доказательств. Поэтому зачастую не выявляются все оставленные преступником следы; обнаруженные же следы должным образом не фиксируются для обеспечения сохранности содержащейся в них информации.

Исходя из вышеизложенного, при осмотре места происшествия следователям, дознавателям рекомендуется:

- обратить внимание на место и способ проникновения преступника на место совершения преступления;

- с участием специалиста осмотреть и зафиксировать следы, отобразившиеся в обстановке (следы орудий взлома, рук, зубов, ног, пятна

---

[1] Материалы уголовного дела № 16144291 // Архив Талнахского РОВД Красноярского края.

крови, следы транспортных средств, орудия взлома или их части, окурки и др.);

- выявить предметы, оставшиеся на месте происшествия, часть которых была похищена путем отделения от целого, и изъять их образцы с линией отделения;

- проверить, не остались ли на месте преступления и на прилегающей к нему территории орудия и инструменты, принадлежащие преступнику, предметы его одежды или их части; изъять их, обратив особое внимание на наличие или отсутствие на них каких-либо посторонних веществ;

- установить, какие следы и вещественные доказательства, свидетельствующие о факте пребывания преступника на месте происшествия, могли остаться на нем самом или на его одежде и обуви, а также на орудиях взлома и транспортных средствах, если он таковыми пользовался (металлические или древесные опилки, частицы краски, штукатурки или кирпича, отделившиеся от взломанной преграды, и т.п.);

- изъять образцы предметов, аналогичных похищенным, а также оставшиеся на месте происшествия различные этикетки, аттестаты, паспорта, фабричные ярлыки, упаковку от похищенных товаров и т.п. При отсутствии документов, указывающих на индивидуальный номер похищенного предмета, следует установить номера оставшихся на месте происшествия аналогичных предметов, а также осмотреть и при необходимости изъять документы, характеризующие похищенное;

- обратить внимание на наличие (или отсутствие) охранной сигнализации, ее состояние (включена, выключена, исправна или нет);

- проверить, нет ли следов инсценировки преступления (это могут быть неоправданные по объему разрушения запирающих устройств, различных преград, отсутствие следов преступника в тех местах, где они обязательно должны быть по характеру преступного события).

Кроме того, на стадии возбуждения уголовного дела для установления стоимости похищенного имущества может быть назначена товароведческая экспертиза. Кроме товароведческой, следователи, дознаватели могут назначать и другие экспертизы для исследования происхождения или механизма образования тех или иных следов, обнаруженных при осмотре места происшествия (дактилоскопические, трасологические, механоскопические, искусствоведческие и т.д.). В ряде случаев могут назначаться комплексные экспертизы, например, по исследованию материалов веществ и изделий.

Таким образом, мы рассмотрели особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий по преступлениям имущественной направленности на стадии возбуждения уголовного дела. При уяснении этих особенностей важно понять сам принцип их выявления − путем конкретизации обстоятельств, подлежащих доказыванию, указанных в ст. 73 УПК РФ. В дальнейшем эти обстоятельства

выясняются посредством производства различных следственных действий, тактика которых варьируется в зависимости от состава преступления, имеющейся информации, поведения участников уголовного судопроизводства и других факторов.

О.А. Петрухина

О необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела: на примере экологических преступлений

Согласно уголовно-процессуальному законодательству начальной и обязательной стадией уголовного судопроизводства по уголовному делу любой категории является возбуждение уголовного дела, представляющее собой целую систему процессуальных действий и отношений[1], гарантию соблюдения прав и законных интересов граждан, призванную устанавливать наличие либо отсутствие материально-правовых и процессуальных предпосылок расследования.

Рассмотрению теоретических и практических вопросов стадии возбуждения уголовного дела посвящено немало научных трудов, большая часть которых сводится к разрешению вопроса о значении, необходимости и содержании данной стадии[2].

В данном аспекте стоит отметить, что по большей части научные труды имеют уголовно-процессуальную природу, тогда как стадия возбуждения уголовного дела с точки зрения криминалистического содержания, как правило, лишь упоминается вместе с первоначальными следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями. Однако, от тактической грамотности проведения предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством действий на стадии возбуждения уголовного дела зависит конечный результат расследования совершенного преступления.

Ряд ученых (С.Е. Вицин, Н.А. Власов, Б.Я. Гаврилов, И.Л. Петрухин и др.) предлагает вообще отказаться от института возбуждения уголовного дела, указывая на то, что такого института не было в царской России, отсутствует он и в зарубежном законодательстве[3].

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 192.

[2] Алкперов Р.С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010; Никифоров С. Отмена постановления о возбуждении уголовного дела// Законность. 2011. № 1. С. 40; Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК // Государство и право. 2005. № 1. С. 68; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003.

[3] Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 7.

Например, Ю. Деришев считает, что стадия возбуждения уголовного дела носит формальный, «бумажный» характер[1]. А.П. Кругликов отмечает, что порой за время проверки утрачиваются важные доказательства по делу, что может затруднить расследование преступления, а иногда сделать невозможным его раскрытие[2]. И.С. Дикарев указывает, что стадия возбуждения уголовного дела более не выполняет тех задач, ради которых она была введена в уголовный процесс[3].

Очевидно, что подобные научные высказывания были ранее сформированы под влиянием Концепции судебной реформы 1991 г., согласно которой нецелесообразно сохранять в законе процедуру доследственной проверки сообщения о преступлении.

Однако автор, руководствуясь личным опытом работы в следственных органах, поддерживает мнение ученых (В.М. Быков, К.Ф. Гуценко, Г.П. Химичева, О.В. Хитрова и др.) о необходимости сохранения данной стадии с обязательным ее реформированием.

Проведенный нами опрос следователей показал, что 79% поддерживают данную позицию[4].

Возбуждение уголовного дела это не одномоментный акт, а определенный временной этап, включающий производство некоторых действий, и имеющий целью проверку каждого сообщения о любом преступлении, установление наличия или отсутствия признаков преступления, приводящий к формированию обоснованного решения следователя о необходимости возбуждения уголовного дела (либо отказа в этом).

То есть стадия возбуждения уголовного дела является существенной процессуальной гарантией от необоснованного возбуждения уголовного дела и, тем самым, защиты чести и достоинства лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство[5].

Содержание стадии возбуждения уголовного дела составляет уголовно-процессуальная деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении, включающая такие элементы как: прием и регистрацию

---

[1] Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российский следователь. 2003. № 8. С. 34.

[2] Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С.56-58.

[3] Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38-40.

[4] Нами было опрошено 109 следователей органов внутренних дел и Следственного комитета Тульской области.

[5] Виницкий Л.В., Ревенко Я.Д. Некоторые вопросы проверки сообщения о преступлении // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: сб. мат-ов 52-х криминалистич. чтений: В 2-х ч. Ч. 2. М., 2011. С. 155.

сообщения о преступлении; его проверку; принятие процессуального решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела[1].

По делам об экологических преступлениях данная стадия имеет особенное значение, обусловленное спецификой данных преступлений. Наличие значительного количества чрезвычайно сложных по своей структуре и использованию специальной терминологии нормативных правовых актов, регламентирующих порядок охраны окружающей среды от ее отравления, загрязнения и т.п., препятствует своевременному и грамотному принятию решения о возбуждении уголовного дела. Основываясь на материалах изученных нами уголовных дел, возбужденных по статьям главы 26 УК РФ, и, учитывая особенности конструкции составов экологических преступлений, мы пришли к выводу, что для окончательного решения вопроса о возбуждении уголовного дела об экологическом преступлении необходимым будет установление объективных признаков состава преступления, а это, в свою очередь, предполагает выполнение целого комплекса проверочных действий на рассматриваемой стадии уголовного судопроизводства.

Применительно к конкретному экологическому преступлению необходимо получить сведения, о том, какие именно экологические правила были нарушены, каким способом, какой именно объект окружающей среды пострадал, в чем выражено проявление свойств преступного воздействия, каковы предполагаемые источники, виновники и свидетели преступления.

Например, устанавливая основание к возбуждению уголовного дела по ст. 246 УК РФ следователю необходимо выяснить, имел ли место факт нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ (проектировании, строительстве, вводе в эксплуатацию) и факт нарушения экологической чистоты конкретного природного объекта, способ нарушения и наступление вредных последствий[2]. Для установления основания к возбуждению уголовного дела по ст. 255 УК РФ, следователю необходимо выяснить, имел ли место факт нарушения правил охраны и использования недр, каким способом были нарушены данные правила, наступили ли вредные последствия[3]. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 260 УК РФ, необходимо установить незаконность рубки, которая может быть выражена в нарушении ли-

---

[1] Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 37.

[2] Яковлева О.А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования экологических преступлений, связанных с нарушением правил охраны окружающей среды при производстве работ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 91.

[3] Захарова В.А. Теория и практика расследования нарушений правил охраны и использования недр: дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2011. С. 89.

цом общих запретов на рубку, в неполучении специальных разрешительных документов, нарушении условий таких разрешений[1].

Специфичность возбуждения уголовных дел об экологических преступлениях проявляется также в том, что для принятия обоснованного решения имеет значение наличие заключения государственной экологической экспертизы. Заключение может составить или дополнить основания для возбуждения уголовного дела. Отсутствие такого заключения практически в каждом случае возбуждения уголовного дела об экологическом преступлении приводит к затягиванию данной стадии, несвоевременному производству следственных действий, и как следствие, утрате криминалистически важной информации[2].

Кроме того, учитывая трудности в разграничении уголовно-наказуемого деяния и административного проступка, именно на рассматриваемой стадии подлежит решению вопрос о возбуждении уголовного дела или административного производства. На практике часто складывается такая ситуация, при которой на момент обнаружения экологического правонарушения еще не известна степень его общественной опасности (степень причиненного вреда окружающей среде), что затрудняет принятие решения о возбуждении уголовного дела. Особенно это проявляется при разграничении добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), незаконной охоты (ст. 258 УК РФ), незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и смежных составов административных правонарушений, закрепленных в главе 8 Кодекса об административных правонарушениях.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности возбуждения уголовных дел об экологических преступлениях, мы считаем, что стадия возбуждения уголовного дела подлежит сохранению как необходимый и целесообразный институт с дальнейшим ее реформированием.

М.Г. Полуяненко

К вопросу о взаимосвязи уголовно-процессуальных функций участников уголовного судопроизводства со стадией возбуждения уголовного дела.

При обсуждении вопроса о целесообразности сохранения или отмены стадии возбуждения уголовного дела нам так или иначе следует принимать во внимание сложившийся к настоящему времени баланс

---

[1] Фомина И.А. Методика расследования незаконной рубки лесных насаждений: по материалам регионов Восточной Сибири: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 91.

[2] Иванов П.Ю. Порча земли: криминалистическое обеспечение расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004. С. 81.

процессуальных функций и полномочий участников уголовного судопроизводства. Именно правильное понимание процессуальных функций раскрывает юридическую природу участника уголовного судопроизводства, его индивидуальные, присущие только ему, признаки. Проблема заключена и в том, что отечественное уголовное судопроизводство по-прежнему осуществляется на основании принципа состязательности сторон (ст.ст. 15, 244 УПК РФ) и в случае смешения стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования возникнет масса вопросов относительно объема полномочий участников уголовного судопроизводства и момента, с которого эти полномочия могут быть реализованы.

В уголовно-процессуальном законодательстве термин «функция» прямо не предусмотрен. Толковый словарь русского языка определяет функцию как «обязанность, круг деятельности»[1], а полномочие как «официальное предоставление кому-нибудь какой-нибудь деятельности, ведения дел»[2]. При этом, процессуальный статус характеризует положение конкретного субъекта по отношению к иным участникам уголовного судопроизводства, а полномочия выражают содержательную характеристику его возможностей[3]. Именно через полномочия участник уголовного судопроизводства выполняет свойственные ему функции и, тем самым, участвует в реализации общих (основных) уголовно-процессуальных функций, – функции обвинения, защиты и разрешения дела по существу[4].

М.С. Строгович оценивал процессуальные функции в качестве направления и вида уголовно-процессуальной деятельности[5], Я.О. Мотовиловкер как определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях такой деятельности специальное назначение и роль его участников[6], а В.П. Нажимов ставил такое направление деятельности в зависимость от выбора самим участником судопроизводства определенного вида поведения[7]. О.В. Химичевой отмечено, что функции и статус участника судопроизводства – понятия одного уров-

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80.000 слов и фразеологических выражений. М., 1994. С. 845.
[2] Там же. С. 545.
[3] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 14.
[4] Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 1999. С. 74
[5] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 188.
[6] Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С.67-76.
[7] Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73.

ня, где статус участника находит свою реализацию в процессуальных функциях, но степень такого участия ограничена статусом[1].

На наш взгляд необходимо согласится с Г.П. Химичевой, что уголовно-процессуальные функции как основные направления деятельности сторон уголовного судопроизводства не следует смешивать с уголовно-процессуальными функциями отдельных участников уголовного судопроизводства. В данной ситуации уголовно-процессуальные функции сторон представляют собой определенно направленную процессуальную деятельность в формате «защита – обвинение – разрешение дела по существу», а функции отдельных участников уголовного судопроизводства – вид такой деятельности, складывающийся в зависимости от поставленной задачи, цели, интереса либо от конкретной следственной ситуации[2]. Именно приведенная выше конструкция объясняет действия участников уголовного судопроизводства, когда эти действия не укладываются в систему основных функций: например, когда являющийся представителем стороны обвинения следователь вынужден проверять и проверяет избранную обвиняемым позицию защиты либо прекращает уголовное преследование в отношении подозреваемого (обвиняемого) по нереабилитирующим основаниям.

Некоторыми учеными количество данных функций расширяется[3], а при условии анализа функций с точки зрения цели деятельности каждого участника уголовного судопроизводства, можно утверждать о существовании нескольких десятков функций: например, П.С. Элькинд предложена классификация процессуальных функций по уровню, то есть в зависимости от назначения, роли и направления на основные, вспомогательные и побочные[4]. По мнению Н.А. Якубовича, каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности выступает носителем конкретных функций, где одни функции являются определяющими, а другие такого значения не имеют[5]. О.В. Химичевой предложена классификация уголовно-процессуальных функции на основополагающие, основные и дополнительные, где к основополагающим необходимо относить функции обвинения, защиты или разрешения дела, к основ-

---

[1] Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М., 2004. С. 102.

[2] Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 102.

[3] Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 47.

[4] Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 54-69.

[5] Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971. С. 57.

ным и дополнительным – функции конкретных участников судопроизводства[1].

Полагаю согласиться с тем, что участники уголовного судопроизводства вправе, а иногда обязаны одновременно выполнять несколько функций. Главная из данных функций отражает существо его процессуальной деятельности, а другие, в зависимости от ситуации, носят дополнительный либо вспомогательный характер. Следует согласится с Химичевой О.В., что к основополагающим необходимо относить функции обвинения, защиты или разрешения дела, а к основным – функции конкретных участников судопроизводства. Не вызывает возражений и то, что функции любого участника уголовного процесса являются связующим звеном между его процессуальным статусом и основополагающими процессуальными функциями.

Изложенное выше позволяет разделить точку зрения А.Б. Соловьева, Я.О. Мотовиловкера и Е.Д. Болтышева, что уголовно-процессуальные функции представляют собой систему разноуровневых и многофункциональных функций, в которой:

- необходимо сохранить каждую из основных функций в качестве неотъемлемого элемента указанной системы;
- перераспределение основных функций между существующими правоохранительными органами повлечет за собой их конкуренцию (что мы наблюдали и продолжаем наблюдать с 07.09.2007 в служебной деятельности органов прокуратуры и Следственного комитета РФ);
- дополнительные функции одного и того же правоохранительного органа не должны противоречить его основным функциям[2].

Безусловно, предпосылки к отмене самой стадии возбуждения уголовного дела имеются. Однако, именно эта стадия представляет собой условие сохранения сложившегося в течение длительной правоприменительной практики порядка приема сообщения о совершенном или готовящемся преступлений, пределов его проверки, вынесения решения о возбуждении уголовного дела. Кроме того, юридические последствия вынесения такого процессуального решения как возбуждение уголовного дела очевидны и сомнений, в общем, не вызывают: лица, вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства, наделяются определенным объемом прав и обязанностей, а само постановление о воз-

---

[1] Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: монография. М., 2004. С. 104.

[2] Соловьев А.Б. О функциях прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. М., 1997. С. 122. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 12-13. Болтышев Е.Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 27-29.

буждении уголовного дела определяет пределы расследования и, соответственно, пределы применения мер процессуального принуждения.

Как было указано выше, весь отечественный уголовный процесс построен на основании принципа состязательности сторон. В случае смешения стадий подобный подход утратит свое значение и на смену его вновь выступит необходимость введения в УПК РФ закрепленного ранее в ст. 20 УПК РСФСР принципа объективной истины (суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела), а затем и введения в систему принципов уголовно-процессуального закона задач уголовного судопроизводства, – борьба с преступностью, установление истины по делу и неотвратимость ответственности за совершенное преступление. В настоящее время в УПК РФ предусмотрено назначение уголовного судопроизводства (ст. 6), устанавливающего «правила игры» в состязательном процессе, где состязательность становится целью. Но принцип не цель, а сама процедура не может быть выше истины. В УПК РФ вопрос о цели уголовного судопроизводства показан только на уровне состязательно – выигрышного интереса сторон, которые являются только средствами. Безусловно, нет необходимости разрушать единство принципа состязательности сторон с объективной истиной и, тем более, противопоставляя их друг другу. Состязательность следует понимать как необходимую составляющую познавательного процесса, ведущую к истине, а не узко, формально, только как «выигрыш дела» одной из сторон на фоне пассивной роли суда.

В свете сказанного выше возникает вопрос: как отразится подобные изменения в уголовно-процессуальном законодательстве на сложившейся между участниками судопроизводства баланс разноуровневых и многофункциональных уголовно-процессуальных функций и полномочий? Полагаю, что подобные изменения на основные функции участников уголовного судопроизводства и их перераспределение повлиять не могут: прокурор, следователь, дознаватель по-прежнему останутся стороной обвинения, обвиняемый, подозреваемый и защитник – стороной защиты, дополнительные функции этих участников так же не будут противоречить основным.

Таким образом, сама идея отмены стадии возбуждения уголовного дела при условии введения в главу № 2 УПК РФ принципа объективной истины и задач уголовного судопроизводства наряду с предусмотренным в ст.6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства на функции участников уголовного судопроизводства не влияет и является в своей сути продуктивной.

И.А. Попов

О необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовно-процессуальном законодательстве

Возбуждение уголовного дела – это важная и значимая мера реагирования государства на подготавливаемые и совершаемые общественно опасные деяния. Поэтому применение данной меры реагирования должно быть оформлено соответствующим процессуальным решением (постановлением).

Важность и значимость стадии возбуждения уголовного дела в свое время отметили такие известные ученые-процессуалисты, как Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин, которые так оценили появление данной стадии: «Тем самым внедряется твердое начало законности в первоначальный период уголовно-процессуальной деятельности, придаются четкость, определенность и правовая устойчивость возникшим в ходе этой деятельности отношениям, обеспечивается защита прав и законных интересов граждан, исключается возможность произвола и беззакония»[1].

Период, предшествовавший принятию УПК РФ, характеризовался активной критикой стадии возбуждения уголовного дела с позиции состязательности судопроизводства. Этап проверки сообщений о преступлениях расценивался многими юристами как элемент советского репрессивного процесса[2], реликт социалистической законности[3], пережиток инквизиционного процесса[4].

В то же время нельзя не заметить, что приятый 22.11.2001 Государственной Думой Федерального Собрания РФ, одобренный 5.12.2001 Советом Федерации ФС РФ, УПК РФ не только сохранил, но и заметно «укрепил» возбуждение уголовного дела как самостоятельную стадию современного отечественного уголовного судопроизводства.

При этом существенно расширен перечень следственных действий, проводимых до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

Так, если в первоначальной редакции ст. 144 УПК РФ содержалось лишь требование произвести доследственную проверку, но не указывалось, какими способами это надлежит выполнить[5], то в редакции

---

[1] Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 30.

[2] Власов В.И., Гончаров Н.Ф. История розыскного процесса в России: законодательство и практика. Домодедово, 1997. С. 75.

[3] Гущев В.Е., Александров А.С. Народное обвинение в уголовном суде. Н., 1998. С. 100-139.

[4] Бекетов М.Ю. Проблемы правовых основ взаимодействия следователя и органов дознания // Следователь. 2000. № 5. С. 20.

[5] С приятием Федеральных законов: от 04.07.2003 № 92-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ частью 1 статьи 144 УПК РФ предусмотрено право соответствующих

Федерального закона от 04.03.2013 № 23 ФЗ (с учетом ранее принятых Федеральных законов: от 04.07.2003 № 92-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ) указанная выше статья УПК наделяет дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа правом: получать объяснения, образцы для сравнительного исследования; истребовать документы и предметы, изымать их в установленном УПК РФ порядке; назначать судебные экспертизы, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок; производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Все это, по мнению А.А. Давлетова и Л.А. Кравчука, с которыми мы солидарны, свидетельствует об отсутствии у нашего законодателя ясного представления о назначении стадии возбуждения уголовного дела, а также о специфике деятельности по проверке сообщений о преступлении в отечественном уголовном процессе[1].

Решая судьбу стадии возбуждения уголовного дела, нельзя забывать, что этот этап уголовного судопроизводства был создан еще в советское время для защиты личности от произвола и беззаконий. Если уж советский законодатель ради такой цели пошел на существенное усложнение процессуальной деятельности, то современному российскому законодателю, как нам представляется, надлежит не только сохранять, но и укреплять первую стадию уголовного судопроизводства как гарантию обеспечения прав и свобод человека.

Исследователи, выступающие против допуска следственных действий в стадию возбуждения уголовного дела, считают, что это приведет к существенным ограничениям неприкосновенности личности, жилища, тайны личной жизни, а в ряде случаев – к ущемлению чести и достоинства гражданина[2], к тому же сроки проверки сообщений о преступлениях будут существенно увеличены. Следовательно, создается дополнительная преграда на пути доступа граждан к правосудию.

должностных лиц требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

[1] Давлетов А.А., Кравчук Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса. URL: http://www.juristlib.ru.

[2] Григорьев В.Н., Прушинский Ю.В. Первоначальные действия при получении сведений о преступлении: учеб. пособие. М., 2002. С. 49.

Роль и значение стадии возбуждения уголовного дела заключаются в том, что:

1) своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела позволяет оперативно отреагировать на каждое совершенное преступление и приступить к установлению фактических его обстоятельств, что способствует выполнению общего назначения уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 УПК РФ.

2) акт возбуждения уголовного дела:

- определяет границу между непроцессуальной деятельностью по выявлению, обнаружению преступлений и лиц, их совершивших, в том числе, с использованием форм и методов оперативно-розыскной деятельности, и процессуальной деятельностью, связанной с установлением и доказыванием обстоятельств их совершения;

- служит процессуальным основанием для производства последующих следственных действий и применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Необходимо иметь в виду, что возбуждение уголовного дела – это не только вынесение следователем (дознавателем) соответствующего постановления, а система процессуальных действий, связанных с установлением поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, а также принятием одного из процессуальных решений, предусмотренных главой 20 УПК РФ («Порядок возбуждения уголовного дела»).

Указанная выше процедура, как нам представляется, является одной из важных уголовно-процессуальных гарантий соблюдения требований закона при выявлении, собирании и исследовании доказательств.

Таким образом, факт возбуждения уголовного дела означает решение компетентного должностного лица приступить к производству по уголовному делу и установить всю совокупность признаков преступления, причастность к нему конкретных лиц. Только после сбора и оценки собранных доказательств, следователь (дознаватель) может принять решение необходимости привлечения конкретного лица в качестве обвиняемого.

Нельзя полагать, что следователь, возбуждая уголовное дело, фактически обвиняет, осуществляет уголовное преследование в отношении конкретного лица в совершении преступления, поскольку такое предположение не соответствует ни закону, ни здравому смыслу.

Кроме того, следует отметить, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела обусловит необходимость реформирования института дознания в сокращенной форме (гл. 32.1. УПК РФ), которое в соответствии с ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ производится в порядке, установленной его главой 32 «Дознание».

Как свидетельствует практика, положения указанного выше института еще не достаточно активно реализуются в деятельности подразделений дознания органов внутренних дел. К тому же, его отдельные

положения нуждаются в совершенствовании. С реформированием указанного выше института, как нам представляется, возникнет ряд негативных последствий в процессуальной деятельности дознавателей по производству дознания в сокращенной форме.

Безусловно, изложенная нами выше позиция относительно важности и значимости стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе не бесспорна. Ряд ученых-процессуалистов имеют противоположную току зрения по данному вопросу[1].

К тому же неоднозначно процедура разрешения заявлений и сообщений о преступлениях регламентирована законодательством отдельных государств – участников Содружества Независимых Государств.

Так, в соответствии со ст. 174 УПК Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (в ред. от 13.07.2012)[2] по поступившему заявлению или сообщению о преступлении либо при непосредственном обнаружении признаков преступления орган дознания, начальник следственного подразделения, следователь или прокурор принимают одно из следующих решений:

1) о возбуждении уголовного дела;

2) об отказе в возбуждении уголовного дела;

3) о передаче заявления, сообщения по подследственности;

4) о прекращении проверки и разъяснении заявителю права возбудить в суде уголовное дело частного обвинения.

По-иному данная процедура регламентирована уголовно-процессуальным законодательством Украины. Так, в соответствии со ст. 214 УПК Украины[3] следователь, прокурор безотлагательно, но не позже 24 часов после представления заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр досудебных расследований и начать расследование. Следователь, который будет осуществлять досудебное расследование, определяется руководителем органа досудебного расследования.

Досудебное расследование начинается с момента внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований. Положение о Едином реестре досудебных расследований, порядок его формирования и ведения утверждаются Генеральной прокуратурой Украины по согласованию с Министерством внутренних дел Украины, Службой безопасно-

---

[1] В связи с ограниченным объемом нашей публикации считаем нецелесообразным комментировать их научные труды.

[2] URL: http://www.juristlib.ru.

[3] URL: http://www.gazeta-yurist.ru.

сти Украины, органом, который осуществляет контроль за соблюдением налогового законодательства.

Подводя краткий итог вышеизложенному, отметим следующее:

1) процедура возбуждения уголовного дела – одна из важных уголовно-процессуальных гарантий соблюдения требований закона при выявлении, собирании и исследовании доказательств;

2) своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела способствует выполнению общего назначения уголовного судопроизводства;

3) возбуждение уголовного дела является одной из важных уголовно-процессуальных гарантий соблюдения требований закона при выявлении, собирании и исследовании доказательств.

В.А. Расчётов

Об опыте возбуждения уголовного дела в доимперский период в России

В соответствии с нормами обычного права (по обычаям предков) следствие в Киевской Руси по различного рода тяжбам носило состязательный (обвинительный) характер, заключавшийся в том, что обиженная (потерпевшая) сторона (истец, челобитчик) публично предъявляла обвинение обидчику (ответчику) перед третьим лицом, уполномоченным сложившимся обычаем разрешать распри. При этом в период действия Русской Правды различия между уголовным и гражданским процессами отсутствовали.

Подобная процедура применялась, когда правонарушение было очевидным, т.е. правонарушитель был известен, и также явным был причинённый потерпевшей стороне ущерб и вред. Судебное следствие велось непосредственно судьёй (функции которого могли исполнять глава общины, а также князь или уполномоченные им лица) на основании представляемых сторонами тяжбы доказательств виновности и невиновности лица, являющегося ответчиком, или «божьего суда», если доказательств было недостаточно. То есть, как таковая стадия предварительного следствия (в современном её понимании) в уголовном судопроизводстве отсутствовала, соответственно отсутствовали и органы, на которые следовало бы возложить обязанности по его производству – ввиду отсутствия в них необходимости.

«Русская Правда описывала особые формы досудебного установления отношений между потерпевшим (будущим истцом, обвинителем) и предполагаемым ответчиком (обвиняемым). Это так называемый «свод» и «гонение следа»[1]. Своду предшествовал «заклич» будущего

[1] Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по

истца – т.е. публичное оглашение (как правило, на рыночной площади) о краже (пропаже) имущества. «И «свод» и «гонение следа» были некогда способами коллективной самопомощи соседских общин, требовавшими участия большого числа близких потерпевшему людей»[1].

Необходимо отметить, что возбуждение уголовного дела в те времена имело иную форму в отличие от современной. При наличии факта правонарушения истцом при содействии членов своей и соседских общин набирались доказательства виновности обидчика (ими могли быть очевидцы преступления, следы, ведущие к месту хранения похищенного, само похищенное имущество – «поличное») и предъявлялись субъекту, уполномоченному вершить правосудие. Очевидно, что с момента принятия правомочным лицом иска к производству, и отдачи необходимых распоряжений чиновникам, имеющим отношение к судебному процессу (возможно: ябетнику, вирнику, мечнику, отроку, емцу, дьяку и т.д.) имело место возбуждение уголовного дела, рассмотрение которого осуществлялось древнерусскими судебными органами, независимость которых обеспечивалась принципами публичности, очности, непосредственности исследования доказательств и свободной их оценки, устности, гласности и неприкосновенности личности[2]. При этом никакого процессуального решения о возбуждении уголовного дела в письменной форме не принималось.

«... в Русской правде процесс открывался иском или поклёпом со стороны отыскивающего своё право. Истец должен знать лицо, на которое он простирает свой иск, даже и в делах по воровству, когда хозяином найдена вещь, которая у него украдена. Исключение из сего общего правила составляло смертоубийство и покража бобра, в которых для установления иска достаточно одного факта преступления, хотя бы преступник был вовсе неизвестен»[3].

С усилением княжеской власти и введением христианства на Руси к состязательному процессу добавился и розыскной (инквизиционный) процесс. Вызвано это было частичной рецепцией римского (византийского) права при расследовании преступлений против власти, а также преступлений в отношении рецидивистов – «ведомых лихих людей», существование которых существенно подрывало веру подданных в способность государства выполнять свою защитную функцию.

истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 634.

[1] Там же. С. 636.

[2] Амплеева. Т.Ю. История уголовного судопроизводства в России (IX-XIX вв.): дис. … докт. юрид. наук. 2009. С. 143.

[3] Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса. 1849. С. 8.

Уже в Московском государстве возбуждение уголовного дела начиналась с рассмотрения уполномоченным лицом заявления потерпевшего, доноса, оговора, выбитого во время пыток по другому уголовному делу, а также инициативе самих государственных органов при наличии к тому оснований. «Возбуждение дела оформлялось «зазывной грамотой», в которой содержался приказ задержать и доставить обвиняемого в суд, если его местопребывание известно. В другом случае применялась «погонная грамота» - приказ местным властям найти и схватить преступника. Производство судебно-следственных действий было важнейшей задачей губных органов (губного старосты)»[1].

Интересен механизм начала розыскного процесса, который в доимперский период был следующим. Дело, в основном, начиналось по «челобитной» или «явке» (в настоящее время – это подача заявления о преступлении) лицу, уполномоченному вершить правосудие по соответствующему виду преступного посягательства. После принятия челобитной к рассмотрению, тяжущимся сторонам направлялись «приставные грамоты», что означало, что дело принято к производству судом, и они приглашались на суд. Согласно Судебнику 1550 г. эти грамоты могли доставлять приставы, недельщики, «ездоки». Для минимизации произвола с их стороны им предписывалось по прибытии в местность, где проживал ответчик, предъявить приставную грамоту представителю местной администрации (наместнику, волостелю, тиуну). От наместника он получал чиновника администрации – доводчика, вместе с которым и вызывали ответчика на суд. Ответчик заранее знакомился с иском и имел возможность готовить свои объяснения по нему. Готовность прибыть на суд к указанному в приставной грамоте сроку ответчик подтверждал, подписывая «поручную запись». Если он отказывался её подписывать и за него никто не давал поруки, то он арестовывался после объявления недельщиком об этом выборным от той местности. Арест и доставка обвиняемых в приказы по розыскным делам осуществлялась приставами и недельщиками, а в случае сопротивления задерживаемых применялась и военная сила местных стрельцов.

Из следственных действий, которые сейчас можно отнести к предварительному следствию, в тот период были: допросы в ходе «повального обыска», очные ставки (применялись в суде), изъятие поличного (в ходе выемки или обыска). Допросы большинства населения в месте совершения преступления, т.н. «обыскного люда», в ходе «повального обыска» проводили специально уполномоченные судьёй лица (в основном это были дьяки, владевшие письменной грамотой) под контролем судебных чиновников. Допрашивать обыскных людей нужно было каждого по отдельности, их подписи заверялись производившими по-

[1] Амплеева. Т.Ю. Указ. соч. С. 232.

вальный обыск чиновниками, которые по итогам своей работы должны были составить обыскную грамоту, скреплённую их подписями и печатями, и представить её в суд. Истцу и ответчику запрещалось присутствовать при этом следственном действии.

Наряду с повальным обыском мог применяться и «общий обыск», имевший целью установление факта преступления. Все опрашиваемые по обоим видам обысков должны были давать правдивые показания, в противном случае все обыскные люди подвергалась штрафу, а «лучшие люди» – телесному наказанию. В ходе изъятия поличного, наоборот, принимал непосредственное участие истец в присутствии пристава и понятых. Если изъятие производилось без пристава, то его результаты могли быть опорочены в суде заявлением ответчика о том, что изъятое имущество ему было подброшено истцом.

«Повальный обыск в Московском государстве стал основной административной мерой правительства по обеспечению общественного порядка. Кроме того, в процессе централизации и укрепления государственной власти именно результаты повального обыска становятся основанием применения следственной формы судопроизводства. Процедура повального обыска, таким образом, была важнейшим условием для определения тяжести совершения преступления. Если подсудимый по обыску оказывался лихим человеком, начиналось розыскное судопроизводство, включавшее в себя также задержание и допрос»[1]. В суде допрос всегда соединялся с пыткой.

«После принятия Уложения 1649 г. … роль государства в процессе стала главенствующей. Для начала расследования тяжких уголовных преступлений теперь совсем не требовалось наличия истца»[2].

Таким образом, следует сделать вывод, что стадия досудебного производства в исследуемый период в России не разделялась на стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного следствия.

Возбуждение уголовного дела знаменовалось отдачей судом распоряжений, свидетельствующих о его вступлении в процесс разрешения правового нарушения. Такой порядок, к слову, имеет место быть в США в настоящее время. «При наличии «достаточных оснований» для привлечения лица к уголовной ответственности сотрудник полиции или иного органа расследования составляет заявление о выдаче ордера на арест лица или обыск занимаемых им помещений. Заявление, хотя и является официальным документом, не считается оформленным актом возбуждения уголовного дела; под присягой оно представляется судье-магистрату, который должен проверить «достаточность оснований» и после этого выдать ордер или отказать в выдаче. Издание ордера явля-

---

[1] Амплеева. Т.Ю. Указ. соч. С. 234.
[2] Там же. С. 238.

ется процессуальным актом, формально означающим возбуждение уголовного преследования, а сам ордер на арест или обыск выступает первоначальным (а по менее серьёзным преступлениям — единственным и окончательным) актом обвинения и единственным документом, фиксирующим начало официального производства по делу»[1].

Ю.В. Родионова

О вопросе назначения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела.

Стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной и самостоятельной стадией уголовного процесса. Нарушения закона, допускаемые на стадии возбуждения уголовного дела, являются непреодолимым препятствием к осуществлению задач и достижению целей уголовного судопроизводства, ущемляют права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в том числе права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, закрепленные Конституцией РФ и Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

В первую очередь, необходимо напомнить, что стадию можно разделить на три этапа: установление повода и основания для возбуждения уголовного дела; проверка наличия или отсутствия оснований отказа в возбуждении уголовного дела; принятие мер по сохранению следов преступления.

Прежде чем перейти к непосредственному исследованию проблем стадии возбуждения уголовного дела, важно уделить внимание собственно сообщению о преступлении. Определение его сущности и видов, характеристика как повода для возбуждения уголовного дела позволяет более четко обозначить «острые углы» в правовом регулировании.

Повод для возбуждения уголовного дела – это явление объективной действительности, с которым закон связывает возникновение обязанности решить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Статья 140 УПК РФ насчитывает в себе четыре общих повода к возбуждению уголовного дела: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; 4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Также имеется один частный повод для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям (п. 1.1 ст. 140 УПК РФ).

---

[1] Пешков М.А. Особенности возбуждения уголовного дела в уголовном процессе США // Следователь. 1997. № 2. С. 77.

Часть 2 ст. 140 УПК РФ четко определяет, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных указывающих на признаки преступления.

Основание к возбуждению уголовного дела проверяют в ходе процессуальных действий, пределы которых установлены в ст. 144 УПК РФ.

4.03.2013 в результате принятия Федерального закона № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ», существенному изменению подверглась ст. 144 УПК РФ.

При принятии указанного закона очевидно стремление законодателя привнести в правовое регулирование процедуры проведения расширенной предварительной проверки, призванной повысить ее эффективность, избавить от необходимости повторного собирания сведений, фактически полученных в ходе доследственной проверки, на стадии предварительного расследования.

Однако отсутствие системного подхода при принятии указанного закона, слабая юридическая техника с использованием неоднозначных формулировок в очередной раз привели к тому, что из инструмента, призванного оптимизировать процесс сбора и использования доказательств в ходе расследования, он превратился в источник противоречий, которые могут иметь самые неблагоприятные последствия для доказывания по уголовному делу.

Ранее действовавшая редакция ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении предусматривала для дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа возможность требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Кроме того, в соответствии со ст. 176 УПК РФ отдельно устанавливалась норма, разрешающая производить осмотр места происшествия, документов и предметов до возбуждения уголовного дела.

Действующая редакция ст. 144 УПК РФ существенно расширяет полномочия дознавателя, органа дознания, следователя и руководителя следственного органа при проверке сообщения о преступлении, увеличивая объем процессуальных действий, производство которых возможно на данной стадии уголовного процесса. К ним в настоящее время относятся: получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, их изъятие, назначение судебной экспертизы, участие в ее производстве и получение заключения эксперта в разумный срок, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствова-

ние, требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, с привлечением к участию в этих действиях специалистов, дача поручений органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Наиболее проблемным вопросом применения норм ст. 144 УПК РФ является назначение судебных экспертиз.

В правоприменительной практике существует мнение о необходимости расширительного толкования норм уголовно-процессуального закона и распространения всего объема прав, предоставленных подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и свидетелю при назначении и производстве судебной экспертизы ст. 198 УПК РФ, а именно: знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту, присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта. В связи с этим возникает вопрос: должен ли/обязан ли следователь ознакомить лицо, в отношении которого проводится проверка по сообщению о преступлении, с соответствующими постановлениями и заключениями экспертиз? Каким образом знакомить указанных лиц, ведь процессуального статуса до возбуждения уголовного дела они не имеют?

Отвечая на первый поставленный вопрос, можно с уверенностью сказать, что при отсутствии должной правовой культуры и неполучением права на защиту, проведенные на стадии проверки сообщения о преступлении, процессуальные действия могут быть признаны полученными с нарушением закона, могут послужить основанием для признания незаконным возбуждение на основании данных материалов уголовного дел.

Отвечая на второй вопрос можно предположить, что положение ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ содержит то, что если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.

Таким образом, законодатель попытался ввести особый правовой режим для проведения судебных экспертиз на стадии производства проверки по сообщению о преступлении, предусматривающий наличие компенсирующей гарантии осуществления прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ в виде обязанности удовлетворения ходатайства о произ-

водстве дополнительной и повторной судебной экспертизы, тем самым предотвращая нарушение прав граждан.

Однако, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ предполагает наличие взаимоисключающих толкований в правоприменительной практике.

Толкование норм УПК РФ предусматривает, а суд при рассмотрении уголовного дела опирается на полное соблюдение конституционных и иных прав и обязанностей лица, независимо от того обладает ли он процессуальным статусом или нет. И, если следователь до возбуждения уголовного дела получил письменное доказательство хотя бы в виде расписки или подписи в постановлении о назначении экспертизы от лица, то это и будет доказательством того, что лицу разъяснили его право. В связи с этим после возбуждения уголовного дела у следователя, если заинтересованным лицом не будет подано ходатайство о проведении повторной или дополнительной экспертизе, нет оснований для проведения таковых повторно только для того, чтобы соблюсти права стороны защиты или потерпевшего после возбуждения уголовного.

Наличие указанной дополнительной гарантии свидетельствует о том, что ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ компенсирует отсутствие возможности реализовать какие-либо права на стадии производства проверочных действий.

С другой стороны, законодателем в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ указано, что стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению, но только после возбуждения уголовного дела. И как следствие, следователь не всегда может, в особенности, на стадии возбуждения уголовного дела, ознакомить с назначением экспертизы, так как не возможно установить лицо, которое необходимо знакомить. Например, по материалам налоговой проверки, которые направляются налоговым органом в следственное подразделение для проведения проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ, и по которым необходимо провести судебно-бухгалтерскую экспертизу.

В последствии, следователь назначает судебную экспертизу, никого с ней не знакомит, а по результатам проверки возбуждается уголовное дело и уже на стадии предварительного расследования знакомит в результатами экспертизы лиц, имеющих процессуальный статус.

После возбуждения уголовного дела, в случае получения ходатайства от стороны защиты или потерпевшего о проведении повторной или дополнительной экспертизы, следователь должен согласно ст. 144 УПК РФ его удовлетворить и соблюсти все требования главы 27 УПК РФ. Однако, необоснованное требование указанных лиц о проведении неоднократно таких экспертиз (2 или более раз, в связи с несовершенством конструкции ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ) после возбуждения уголовного дела регулируется ст. 207 УПК РФ, согласно которой следователь,

рассмотрев ходатайство, решает самостоятельно о необходимости проведения повторной или дополнительной экспертизы.

Подводя итог, можно сказать, что изменение нормы, регулирующей, рассмотрение сообщения о преступления, положительно отразилось на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку в настоящее время следователь может назначать различные судебные экспертизы и ставить в них вопросы, ответы на которые станут безоговорочным основанием для возбуждения уголовного дела.

Т.К. Рябинина
Я.П. Ряполова

Сохранение стадии возбуждения уголовного процесса: новые аргументы в старой дискуссии

С момента своего появления в отечественном судопроизводстве стадия возбуждения уголовного дела сконцентрировала множество крупных теоретических и прикладных проблем, связанных главным образом с принципами, формами и структурой уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе. Еще во время обсуждения проекта УПК РФ широкое распространение получила провозглашенная Концепцией судебной реформы в Российской Федерации идея о необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, о ее непроцессуальном характере, несовместимости с процессуальным доказыванием и т.д. Положения принятого в 2001 г. УПК РФ послужили благоприятной почвой для развития подобных взглядов, поскольку процессуальная форма проверки сообщения о преступлении была в нем представлена в значительно упрощенном виде. И если по прошествии лет с развитием отечественного законодательства в уголовно-процессуальной науке сложилось распространенное мнение о самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела, процессуальном характере предварительной проверки[1] в том виде, в котором она нормативно закреплена в УПК РФ, в авторских концепциях реформирования досудебного производства[2] предложение об исключении этой стадии звучит нередко в качестве первоочередной меры.

---

[1] Малышева О.А. Возбуждение уголовного дела: теория и практика: монография. М., 2008. С. 14; Щипицына В.В. Обеспечение прав граждан в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. … канд. юрид наук. Краснодар, 2010. С. 12.

[2] Халиков А.Н. Вопросы оптимизации досудебного производства // Российская юстиция. 2006. № 9. С. 50; Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. С. 34; Володина Л.М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. …докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1999; Ленский А.В. Досудебное (предварительное) производство в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Н.

Полагаем, в сложившейся дискуссии о перспективных и предпочтительных направлениях преобразования досудебного производства следует исходить из того, что процессуальная деятельность по выяснению наличия или отсутствия юридических и фактических оснований для возбуждения уголовного преследования должна быть сохранена независимо от принятых уголовно-процессуальных порядков. В пользу приведенной позиции можно привести следующие аргументы.

Основное процессуальное значение уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе на протяжении многих лет остается неизменным и заключается в том, что возбуждение уголовного дела выступает правовым основанием для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела[1], и это следует считать существенной правовой гарантией от необоснованного вовлечения личности в уголовное судопроизводство на последующих стадиях[2]. Химичева Г.П. полагает, что стадия возбуждения уголовного дела должна быть сохранена как неотъемлемая граница между предварительной проверкой наличия в сообщении признаков преступления и расследованием с широкой возможностью производства процессуальных действий, в т.ч. применения мер процессуального принуждения[3].

Как справедливо отмечает А.В. Капранов, стадия возбуждения уголовного дела имеет как исторические предпосылки существования в отечественном уголовно-процессуальном праве, так и аналоги в уголовно-процессуальном законодательстве иностранных государств: как в российском дореволюционном, так и в зарубежном законодательстве отсутствует именно процессуальный акт о возбуждении уголовного дела, но не деятельность, составляющая содержание данной стадии[4].

Мичурин В.С., рассуждая от противного, полагает, что ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела устранится своеобразный фильтр,

---

Новгород, 1997; Гуськова А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела российскому уголовному судопроизводству? // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: мат-лы межд. науч.-практич. конф. Ч. 1. Уфа, 2003. С. 62-63; Гусева И.И. Собирание доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1. С. 35-37.

[1] Строгович Т.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т.1. М., 1968. С. 10.

[2] Симонова Т.С. Проверка повода и установление основания для возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 5.

[3] Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. С. 98.

[4] Капранов А.В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С.14; Власова Н.А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2001. С. 22.

отсеивающий информацию о действиях, не содержащих признаков преступления или в силу указанных в законе условий, не подлежащих преследованию в уголовном порядке, а это в одинаковой мере важно как для обеспечения прав и законных интересов граждан, так и для предотвращения нарушений закона[1].

Высказываются также опасения иного рода: отсутствие специального решения о возбуждении уголовного дела способно негативно сказаться на сроках расследования, которые могут непомерно затягиваться, на обоснованности производства следственных действий, при этом будет затруднен контроль со стороны потерпевшего за ведением расследования в защиту им своих прав и интересов[2].

Стоит внимательнее отнестись к таким статистическим данным правоохранительных органов как соотношение количества вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и вынесенных в последующем постановлений о прекращении уже возбужденного уголовного дела.

Согласно данным, представленным ниже в таблице 1, значительный «отсев» дел, не имеющих так называемой судебной перспективы, происходит именно на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В дальнейшем, очевидно, доля прекращенных дел незначительна, а ведь это один из важных способов по устранению незаконно возбужденных уголовных дел, обеспечивающий своевременную защиту прав и законных интересов граждан[3].

Кроме того, если сопоставить вышеуказанные статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел и числе «отказных» материалов за 2006-2013 гг., окажется, что если следовать предложению ряда ученых и возбуждать уголовные дела по каждому поступившему сообщению (заявлению) о преступлении, количество возбуждаемых уголовных дел с каждым годом только увеличивалось бы, что не отражает общей тенденции его ежегодного снижения, а к 2013 г. количество возбужденных уголовных дел по сравнению с реальными статистическими данными возросло бы в 4,8 раза, следовательно, в 4,8 раза

---

[1] Мичурин В.С. Нарушения уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения: дис. ... канд. юрид.наук. М., 2004. С. 61.

[2] Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 313.

[3] Отчасти малую долю прекращения уголовных дел на стадии предварительного расследования объясняет устоявшееся мнение о том, что для следователя «безопаснее» необоснованно отказать в возбуждении уголовного дела, чем потом прекращать уголовное дело в ходе расследования. См. подробно: Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3-6.

возрастет риск уголовного преследования невиновных лиц, а также возможность принудительного вмешательства в сферу конституционных прав и свобод граждан.

Табл. 1. Сведения о результатах разрешения сообщений о происшествиях, количестве зарегистрированных и раскрытых преступлений, уголовных дел, поступивших в федеральный суд общей юрисдикции и мировому судье, за 2006-2013 гг.[4]

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Количество сообщений о происшествиях, зарегистрированных в органах внутренних дел, *из них:*	19 305 176	20 529 380	21 499 523	22 788 829	23 903 997	24 733 853	26 392 871	28 387 122
- возбуждено уголовных дел	3 262 617	2 991 385	2 632 572	2 445 492	2 183 199	1 982 367	1 861 362	1 761 545
- в возбуждении уголовного дела отказано	4 595 885	5 007 796	5 317 087	5 640 693	6 030 001	6 142 306	6 412 425	6 703 235
Количество зарегистрированных преступлений	3 855 373	3 582 541	3 209 862	2 994 820	2 628 799	2 404 807	2 302 168	2 206 249
Количество раскрытых преступлений (в т.ч. дел, прекращенных, направленных в федеральный суд общей юрисдикции и мировому судье)	1 794 517	1 775 165	1 713 445	1 650 951	1 430 977	1 311 846	1 252 779	1 238 235

[4] Общие сведения о состоянии преступности в России за 2006-2013 гг. // URL: http://www.mvd.ru; Оперативные статистические сведения о работе федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2006-2013 гг. // URL: http://www.cdep.ru .

Поступило в федеральный суд общей юрисдикции (кроме военных судов) и мировому судье	1 224 431	1 174 831	1 123 701	1 119 361	1 054 890	981518	947647	477697 (за I-е полугодие 2013 г.)

Изменения, регулярно вносимые в текст десяти ключевых статей седьмого раздела «Возбуждение уголовного дела» (ст. 140-149 УПК РФ), также свидетельствуют о большом желании законодателя сохранить первоначальную стадию, сделать деятельность на данном этапе более эффективной, отвечающей потребностям современной правоохранительной практики. Так, Федеральный закон от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] расширил арсенал процессуальных средств предварительной проверки сообщения о преступлении. Следователь, дознаватель, орган дознания и руководитель следственного органа получили права получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр документов, предметов. Отдельной нормой закреплены права участников проверки, а также правило о том, что в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. Данные изменения следует оценивать положительно, поскольку в какой-то степени они призваны устранить недостатки, присущие проверочной деятельности (дублирование исследований впоследствии экспертным путем, ущербность полученных объяснений с точки зрения их доказательственной ценности и некоторые другие). Вместе с тем, предвидя парирование приведенных доводов нашими оппонентами, отметим, что опасения по поводу расширения перечня следственных и иных процессуальных действий и вследствие этого подмены доследственной проверки предварительным расследованием представляются преждевременными.

Во-первых, круг этих действий сформулирован в ст. 144 УПК РФ исчерпывающим образом, именно в таком виде он в большей степени будет способствовать выявлению достаточного объема фактических данных относительно наличия или отсутствия признаков преступления

[1] Российская газета. 2013. 6 марта.

и принятия обоснованных решений о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела.

Во-вторых, данные новшества по своему содержанию не являются таковыми для долголетней практики доследственных проверок: и ранее отбирались объяснения, истребовались предметы и документы, проводились предварительные исследования предметов и документов, и все эти действия, безусловно, также затрагивали права и свободы их участников, только в этом случае они проводились с учетом реальной возможности дальнейшей трансформации их результатов в уголовных процесс, т.е. с оглядкой на судебную перспективу дела. При таком подходе была велика вероятность не только нарушения принципа процессуальной экономии, но и необоснованного отказа в возбуждении уголовных дел.

В-третьих, новая редакция ст. 144 УПК РФ, на наш взгляд, устранила очевидные противоречия в уголовно-процессуальной регламентации проверочной деятельности: так, ранее в ходе осмотра места происшествия допускалось изъятие предметов и документов, но не допускался их самостоятельных осмотр в рамках отдельного следственного действия, в этой связи было не ясно, каким образом следователь может оценить, например, необходимость передачи обнаруженных предметов соответствующему специалисту для производства исследований или целесообразность приобщения к материалам проверки представляемых (истребованных) предметов и документов без их предварительного осмотра. Или другой пример: закрепленная ранее в ст. 144 УПК РФ возможность проведения исследования трупа в ряде случаев не могла установить насильственного характера смерти потерпевшего, не позволяла проводить полноценного патолого-анатомического вскрытия трупа и комплекс иных экспертных мер, в целом не обеспечивала получение необходимых для возбуждения уголовного дела выводов, которые может дать только соответствующая судебно-медицинская экспертиза.

Таким образом, описанные изменения отнюдь не размывают границ между стадиями досудебного производства, а главным образом, оптимизируют деятельность правоохранительных органов, ведущих проверку сообщения о преступлении, повышая ее результативность, делая ее востребованной и состоятельной в доказательственном плане на протяжении всего уголовного процесса.

М.В. Смоляров

Поводы к возбуждению уголовного дела по Проектам Уголовных уложений 1754-1766 гг.

Современное уголовно-процессуальное законодательство, основанное на гуманистических принципах, обращает особое внимание на вопросы проведения расследований преступлений, а также надлежащего закрепления полученных доказательств. В истории уголовного и уголовно-процессуального законодательства России расследованию преступлений посвящено немало нормативных правовых актов, проектов нормативно-правовых актов. К последним отнесем Проекты Уголовных уложений 1754-1766 гг., которые можно признать самыми подробными документами середины XVIII в., точно регламентирующими поводы к возбуждению уголовного дела (такого понятия, конечно, Проекты не содержат, но в некотором роде подразумевают), вопросы проведения качественного расследования, установления истины по делу, порядка получения и закрепления доказательств.

В Проектах законодатель требовал обязательного проведения расследования (розыска или суда) после обнаружения преступления. Розыскные дела должны были осуществляться в отношении подозреваемых в совершении преступления, а также тех, кто пойман на месте преступления или частично изобличен, или по генеральному, положенному в должности, судебному следствию, определенному во второй главе Проектов, подозрительным явился. В иных случаях (например, дело злодейское присутствует, а подозреваемого нет) проводится суд. В суде лицо, которое подозревалось в совершении преступления на основе челобитного доношения и объявления, должны были допросить[1]. Поводом к началу расследования являлось: наличие доносительского доноса, или «письменному, а в нужном случае и по словесному объявлению, или по судейской должности». «Доносительский донос» или (в Проекте 1766 г. – «либо») объявление «подает всему следствию основание», указывалось в п. 3 гл. 1 Проектов. Не допускались доносы детей на своих родителей, мужей на своих жен, жен на своих мужей, крестьян или иных людей на тех, кому они служат (в последнем случае – возможность донести на своего начальника представлялась тем, кто получил неопровержимые доказательства преступности деяния своего

[1] В этом же пункте указанной главы подробно рассматривалось, в каких случаях дело рассматривает суд, а в каких производится розыск. См.: Проекты уголовного уложения 1754-1766 гг. (Новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / под ред. А.А. Востокова, предисл. Н.Д. Сергеевского). СПб., 1882. С. 1-3.

руководителя)[1]. При доносе на других подданных, представленном от преступника, находящегося под пыткой (она рассматривалась в качестве чрезвычайного средства для «сыскания истины»[2]), следовало провести подробнейшее следствие по фактам, изложенным преступником[3].

Но что делать, если о факте совершения преступления известно («о истине учиненного злодеяния известно будет»), но злодея не обнаружено в связи с отсутствием доносителя? Законодатель разъяснял в п. 5 гл. 2 Проекта, что в этом случае необходимо получить информацию от тех, кто по данному делу «изъяснение подать могут», то есть рассказать о фактах, представляющих интерес для следствия (если известно место совершения преступления, то тогда узнавали о подозрительных людях, находящихся в определенный момент возле данного места). Проект 1766 г. уточнял, что соответствующую информацию о преступнике вполне могут представить близко живущие люди («яко ближние самые соседи»). Всех подозрительных, идентификационные данные которых были названы, следовало допросить, а если они ничего о факте преступления не знают, данных граждан следовало отпустить, взяв с них «сказку» с подтверждением, «что им то, в чем допрашиваны, в тайне содержать»[4].

Кроме того, в Проектах крайне подробно, что было позитивным моментом (не позволяло должностным лицам злоупотреблять своим положением), прописывались вопросы получения доказательства. Одним из основных являлось собственное признание, хотя законодатель предписывал учитывать при разрешении дела все имеющиеся доказательства, собранные по делу.

При расследовании каждого уголовного дела в судебных органах судья должен убедиться, что истина по делу была установлена, и что в ней нет никакого сомнения, а также необходимо установить, кто совершил данное преступление[5].

Особо отметим, что в Проекте крайне подробно рассматривались вопросы документального подтверждения фактов совершения преступлений: так, например, при обнаружении мертвого тела необходимо было на место преступления прислать «члена [видимо, суда – Авт] с секретарем судебного органа» и врача («доктора или лекаря»), который бы четко смог установить причину смерти данного лица («подлинно ли убитому от полученных ран смерть приключилась»)[6]. Кроме того, врач

---

[1] Более подробно указывается в п. 1 гл. 3 Проектов. С. 5.
[2] Там же. Гл. 7. П. 1. С. 27.
[3] Там же. С. 5-8.
[4] Там же. С. 4-5.
[5] Там же. С. 3-5.
[6] Более подробно указывается в Гл. 2. п. 3 Проектов. С. 3.

должен был установить орудие совершения преступления («каким орудием убитый ранен был»)[1]. В городах (в Проекте 1766 г. – «а в приписных») данную процедуру проводили воеводы (Проект 1766 г. – кроме того, указывает на депутатов) «с приписью подъячьи», в уездах – комиссары, сотские, пятидесятские и другие, а также выборные (к таким относились крестьяне) и священник. По мнению законодателя, чиновники, осуществляющие осмотр, должны были подать в суд свидетельство с описанием фактических данных (наличие ран на теле и др.). Для составления данного свидетельства и понимания того, что необходимо сделать для его составления, уездам должны были предоставить специальную инструкцию[2]. Такой же порядок проведения следствия был и по факту обнаружения мертвого тела младенца[3].

Таким образом, Проекты Уголовных уложений представляли собой гуманистически-направленные акты, предоставляющие достаточно широкие права как для лиц, производящих расследование преступлений, так и для подозреваемого в совершении преступления.

В.Л. Согоян

Проблемные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при принятии процессуального решения в стадии рассмотрения сообщения о преступлении в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Конституция РФ, гарантируя государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45), возлагает на государство признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2).

Во исполнение указанных конституционных требований УПК РФ определил назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6).

В соответствии с п. 2.12. «Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений»[4] прекращение уголовного дела или отказ в возбуждении уголовного дела в связи с истечением

---

[1] Там же. Гл. 2. п. 3. С. 4.
[2] Там же. Гл. 2. п. 3. С. 4.
[3] Там же. Гл. 2. п. 4. С. 4.
[4] Совместный приказ Генеральной прокуратуры, МВД, МЧС, Минюста, ФСБ, Минэкономразвития, ФСКН от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»// СПС «Консультант плюс».

сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) относится к нереабилитирующиему основанию, что подтверждается содержанием ст. 78 УК РФ и решением Конституционного Суда РФ[1].

Прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию в качестве формы освобождения лица от уголовной ответственности возможно, в случае обеспечения гарантируемых Конституцией РФ прав граждан-участников уголовного судопроизводства[2].

Пунктом 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ установлено, что уголовное дело не может быть возбуждено, если сроки давности уголовного преследования истекли. При этом УПК РФ не предусматривает условия отказа в возбуждении уголовного дела или возбуждения уголовного дела, которые бы обеспечивали гарантируемые конституционные права участников уголовного судопроизводства и в частности, согласие лица, в отношении которого принимается процессуальное решение в виде отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования или его возражения на отказ в возбуждении уголовного дела по указанному основанию, что влечёт возбуждение уголовного дела.

Отсутствие в УПК РФ указаний о порядке принятия процессуального решения в стадии рассмотрения сообщения о преступлении в связи с истечением сроков давности уголовного преследования привело к правовой неопределённости и принятию правоприменителями взаимоисключающих решений.

Так, 24.05.2010 следователем СУ СК при прокуратуре РФ по Волгоградской области вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении К. на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, по признакам преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. К. обратилась в Центральный районный суд г. Волгограда с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ о признании незаконным указанного постановления следователя. Постановлением Центрального районного суда г. Волгограда от 13.08.2010 жалоба К. удовлетворена. Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 04.10.2010 постановление суда оставлено без изменения. В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора РФ поставил вопрос об отмене указанных судебных решений.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 786-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зубенко Елены Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 27 и пунктом 1 статьи 254 уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

[2] Курченко В.Н Давность в уголовном праве // СПС «Консультант плюс».

Президиум Волгоградского областного суда постановлением от 28.12.2011 надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ удовлетворил[1].

Мотивируя своё решение, Президиум областного суда указал в постановлении, что в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Данная норма уголовно-процессуального закона является безальтернативной и безусловной. Применив аналогию, судебные инстанции допустили расширительное толкование закона и распространили положения УПК РФ, регламентирующие прекращение уголовного преследования, на стадию принятия решения по результатам доследственной проверки. Уголовное преследование начинается только с момента возбуждения уголовного дела. Учитывая, что в отношении К. уголовное дело не возбуждалось, то и требования ч. 2 ст. 27 УПК РФ о невозможности прекращения уголовного преследования, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает, применению не подлежали, тем более, что заявитель не обладала статусом подозреваемой (обвиняемой). Отказ в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в том числе и пунктом 3, не нарушает прав и законных интересов лица, поскольку не влечёт для него каких-либо правовых последствий. Отказ означает, что государство не намерено осуществлять уголовное преследование гражданина.

Однако мнение заместителя Генерального прокурора РФ и решение Президиума Волгоградского областного суда о том, что отказ в возбуждении уголовного дела на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ не нарушает прав и законных интересов лица, поскольку не влечёт для него каких-либо правовых последствий, небесспорно.

Достаточно отметить, что отказ в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования относится к нереабилитирующему основанию. Фактически до возбуждения уголовного дела и проведения расследования органом дознания, дознавателем, следователем в постановлении утверждается о наличии в действиях (бездействии) конкретного лица признаков уголовно-наказуемого деяния. В связи с этим, решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, бесспорно, нарушает права и законные интересы лица, в отношении которого, без его согласия, вынесено такое решение.

В соответствии с пунктами 27, 28 «Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», учету подлежит каждое преступление независимо от времени его совершения, одним из

---

[1] Постановление Президиума Волгоградского областного суда от 28.12.2011 // Интернет сайт «Суды общей юрисдикции».

оснований которого является постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе, за истечением сроков давности уголовного преследования, а согласно п.40 Положения учету подлежат все лица, в отношении которых вынесено подобное постановление.

Вряд ли можно согласиться и с утверждением, что подобное решение не влечёт каких-либо правовых последствий.

Этот вывод опровергается, в частности, Определением Верховного Суда Российской Федерации от 6.10.2011 № КАС11-527[1].

Как усматривается из определения, судья в отставке К. обратился с заявлением в Верховный Суд РФ об отмене решения Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 01.03.2011 о прекращении его отставки судьи – председателя Балашихинского гарнизонного военного суда. В судебном решении отмечено, что постановлением руководителя 2-го военного следственного отдела ВСУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве от 29.10.2010 в возбуждении уголовного дела в отношении Кузнецова А.И. за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305, ч. 2 ст. 305 и ст. 292 УК РФ отказано вследствие акта амнистии и в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, то есть по нереабилитирующим основаниям, против чего К. не возражал. В возбуждении уголовного дела в отношении К. по признакам преступлений, предусмотренных статьей 292 УК РФ отказано с его письменного согласия и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

При таких данных, как указано в определении, суд признал законным вывод Высшей квалификационной коллегии судей РФ о том, что К. не вправе пребывать в отставке и сохранять членство в судейском сообществе, поскольку совершение им действий, содержащих признаки состава преступления, безусловно, является поступком, порочащим судью и тем самым умаляющим авторитет судебной власти, и влечет прекращение отставки судьи.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав.

Мнение о том, что в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования несостоятельно, так как на основании ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступ-

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 6.10.2011 № КАС11-527 // СПС «Консультант плюс».

ления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

Пунктом 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела определены как истечение сроков давности уголовного преследования. В данном случае, уголовно-процессуальный закон оценивает принимаемые на стадии досудебного производства решения органов предварительного расследования, как связанные с уголовным преследованием, не отличающиеся между собой, как для вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, так и для прекращения уголовного дела.

На основании изложенного полагаем, что при наличии достаточных данных об истечении сроков давности уголовного преследования в стадии рассмотрения сообщения о преступлении руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель должен выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии согласия лица, в отношении которого выносится такое решение, а при его возражении – возбудить уголовное дело.

Г.В. Стародубова

К вопросу о реформировании стадии возбуждения уголовного дела

Вопрос о сущности стадии возбуждения уголовного дела, о необходимости и целесообразности ее сохранения в российском уголовном процессе является одним из актуальных и часто дискутируемых. Внося изменения в УПК РФ в части регламентации данного порядка, законодатель дает основу для очередной дискуссии ученых и практиков.

Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ[1] в УПК РФ вновь были внесены изменения, в том числе в правовые нормы, регламентирующие порядок рассмотрения сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела.

Данные поправки позволяют обоснованно говорить о четко прослеживающейся тенденции постепенной ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, поэтапного сращивания данной стадии со стадией предварительного расследования. Дальнейшее эволюция уголовно-процессуального законодательства в русле обозначенной тенденции приведет к коренному изменению досудебного производства.

---

[1] Федеральный закон от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 марта.

В научной литературе существование стадии возбуждения уголовного дела подвергалось и подвергается критике. Отдельными учеными последовательно отстаиваться мнения о том, что систему уголовного судопроизводства следует изменить, упразднив стадию возбуждения уголовного дела. В обоснование такой позиции авторы указывают на то, что данная стадия есть пережиток советского публично-розыскного прошлого уголовного процесса, что она противоречит интересам оперативности выявления преступления и принятия обоснованных решений, является причиной потери времени в собирании доказательств[1].

По пути упразднения стадии возбуждения уголовного дела пошла Украина, где с 20.11.2012 вступил в силу новый, можно сказать, революционный для государства УПК[2].

Стадия возбуждения уголовного дела фактически была создана в советский период для защиты личности от произвола со стороны органов и должностных лиц самого государства, от необоснованного уголовного преследования. Она представляет собой своеобразный фильтр, препятствующий явно необоснованному возбуждению уголовного дела и, следовательно, необоснованному применению государственного принуждения.

Статистические данные Генеральной прокуратуры РФ в части надзора за соблюдением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства показывают следующее. Согласно отчету Генеральной прокуратуры РФ об основных результатах работы по надзору за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина по РФ выявлено в первом полугодии 2013 г. 1.734.429 нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. По сравнению с тем же периодом 2012 г. наблюдается рост такого рода нарушений на 3,4%. Если обратиться к статистическим данным за более ранний период, то в 2012 г. 3.428.095 нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. По сравнению с 2011 г. отмечен рост нарушений на 17,3%. Прокурорами в первом полугодии 2013 г. отменено 13.271 незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела, число которых невелико по сравнению с незаконными постановлениями об отказе в возбуждении уголовного дела. Прокурорами либо их инициативе отменено в первом полугодии 2013 г. 1.373.422 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Здесь также отмечен рост правонарушений на 1,3%

---

[1] См., напр.: Зажицкий В.И. Правовая регламентация деятельности по обнаружению признаков преступления // Правоведение. 1992. № 4. С. 102; Трусов А.И. Проект УПК: готов ли он стать законом? // Следователь. 1997. № 4. С. 13.

[2] URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show.

по сравнению с тем же периодом 2012 г.[1] Анализ аналогичной статистики за 2012 г. демонстрирует рост данных нарушений в 2012 г. на 11,1% по сравнению с 2011 г.[2]

Назначение уголовного судопроизводства в равной мере состоит и в защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений, и в защите личности от незаконного обвинения и уголовного преследования.

Приведенная статистика свидетельствует о том, что существующий механизм возбуждения уголовного дела, с которым связывается начало предварительного расследования, не включает в себя, необходимых гарантий прав лиц, пострадавших от преступлений, вследствие чего требуется его изменение. Но изменение, взвешенное и обоснованное, которое не повлечет всплеска необоснованного вследствие преждевременности применения мер государственного принуждения уголовно-процессуального характера к гражданам.

Упразднение стадии возбуждения уголовного дела неизбежно повлечет за собой изменение всей системы уголовного судопроизводства, как это произошло в уголовно-процессуальном законодательстве Украины.

Отечественный законодатель пока не столь радикален. Но последовательное изменение модели начального этапа уголовного судопроизводства, повторимся, свидетельствует о плавном поглощении стадии возбуждения уголовного дела стадией предварительного расследования.

Расширение перечня следственных действий, свидетельствует о расширении возможности применения государственного принуждения на этапе проверки сообщения преступления и закономерно влечет за собой существенное увеличение сроков проверки. Между тем стадия возбуждения уголовного дела имеет четко определенную задачу в условиях досудебного судопроизводства, которое носит по большей части публично-розыскной характер, не связанную с доказыванием. И в связи с этим данная стадия не нуждается в широком перечне допустимых следственных действий и длительных сроках проверки сообщения о преступлении.

Законодатель, осознавая расширение возможности применения государственного принуждения, попытался предусмотреть гарантии прав лиц, так или иначе вовлекаемых в уголовно-процессуальную сферу. В ст. 144 УПК РФ появилась ч. 1.1, в соответствии с которой лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке

---

[1] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за 1 полугодие 2013 г. URL: http://genproc.gov.ru.

[2] Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2011-2012 гг. URL: http://genproc.gov.ru.

сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

Однако предоставление лицу некоего набора прав и возложение на него обязанностей уголовно-процессуальным законом связывается в первую очередь с приобретением данным лицом определенного процессуального статуса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и т.д. после возбуждения уголовного дела либо в результате возбуждения уголовного дела.

Соответственно разъяснить им можно только общий набор прав, предусмотренных Конституцией РФ: право не свидетельствовать против себя, своего супруга (супруги) и близких родственников, право на квалифицированную юридическую помощь, право обжаловать действия и решения должностных лиц, которые затрагивают конституционные права и свободы граждан либо затрудняют доступ к правосудию. Именно на эти права и указал законодатель в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, но указал на них как бы «в числе прочих». Относительно этих прочих прав и обязанностей можно обосновывать и предлагать различные конструкции, связывая их с характером проверочных действий, проводя аналогию с перечисленными в законе участниками уголовного процесса, имеющими определенный процессуальный статус и процессуальные основания для его приобретения. Однако это будет лишь в теории: в рамках научной аудитории и на страницах научных изданий. Неопределенность процессуального статуса лишает лиц возможности пользоваться иными правами.

Еще одним «полушагом» относительно этапа проверки сообщения о преступлении стало изменение в ч. 3 ст. 49 УПК РФ, в соответствии с которым защитник допускается к участию в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Можно сказать, что тем самым законодатель указывает на дополнительное основание для получения процессуального статуса подозреваемого – начало осуществления проверочных процессуальных действий в отношении конкретного лица. Подозреваемый появляется еще до возбуждения дела, и это положение еще больше размывает границу, с которой фактически начинается предварительное расследование.

Вновь приходим к выводу о том, что стадия возбуждения уголовного дела в обозримом будущем будет упразднена, и для появления такого участника как подозреваемый будет достаточно получения информации, инициирующей уголовное судопроизводство.

Безусловно, требуется реформирование стадии возбуждения уголовного дела. И какой бы способ для этого ни избрал законодатель, должен быть найден баланс между защитой интересов потерпевших и

защитой лиц от необоснованного применения в отношении них принудительных мер и их уголовного преследования.

Если российский УПК по аналогии с УПК Украины откажется от решения о возбуждении уголовного дела, то на смену ему должен прийти более совершенный механизм начального этапа, который включал бы в себя с одной стороны гарантии доступа к правосудию для потерпевших и исключал бы нынешнее большое количество нарушений, выражающихся в незаконном отказе в возбуждении уголовного дела. В этом плане ныне существующая возможность обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела – одна из гарантий доступа к правосудию для пострадавших лиц и механизм осуществления «общественного» контроля за деятельностью органов предварительного расследования. И данной гарантией пострадавшие активно пользуются.

Упразднение решения о возбуждении дела требует закрепления в УПК РФ иной модели общественного контроля, дабы избежать незащищенности потерпевших от произвола правоохранительных органов, аналогичного тому, который наблюдается в настоящее время, но осложненного еще и несвоевременным информированием или неинформированием пострадавших о ходе уголовного судопроизводства. Несвоевременность обнаружения незаконного отказа от расследования преступления может повлечь за собой негативные последствия в виде утраты сведений, которые могли бы стать доказательствами по уголовному делу, упущения бесценного времени и т.д.

С другой стороны, согласно действующему законодательству решение о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица является основанием для приобретения им процессуального статуса подозреваемого с наделением этого лица соответствующей данному статусу совокупностью прав. Упразднение постановления о возбуждении уголовного дела влечет за собой необходимость закрепления в УПК РФ дополнительного основания для приобретения лицом статуса подозреваемого. Это основание должно обеспечивать своевременность приобретения права на защиту и получения возможности его реализовать.

В.Ю. Стельмах

К вопросу о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела

В настоящее время среди ученых процессуалистов и практических сотрудников правоохранительных органов происходит довольно оживленная дискуссия по поводу необходимости сохранения в российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела. Довольно

распространена позиция о необходимости ее ликвидации и слиянии со стадией предварительного расследования (нечто подобное произошло в Республике Украина после принятия нового УПК).

В науке уголовного процесса считается общепринятым, что каждая стадия представляет собой относительно обособленный этап судопроизводства, обладающий пятью признаками, совокупность которых и обусловливает ее существование этого этапа самостоятельной стадии: 1) наличием специфических задач; 2) кругом участников; 3) процессуальным режимом, то есть набором разрешенных процессуальных действий; 4) процессуальным сроком; 5) итоговым решением, завершающим соответствующую стадию. Думается, что первый из отмеченных признаков является основным для принятия решения о признании соответствующего этапа самостоятельной стадией уголовного судопроизводства. Остальные признаки, также имея существенное значение, тем не менее обусловлены первым и в известной степени «вытекают» из него.

В науке уголовного процесса выделяются различные задачи стадии возбуждения уголовного дела. Думается, что основными, характеризующими специфику именно данной стадии, являются две следующие.

Во-первых, данная стадия играет роль своеобразного фильтра, «отсеивая» случаи, не содержащие признаков события преступления как такового либо не позволяющие по установленным в законе основаниям осуществлять уголовное преследование в отношении конкретного лица. К таким случаям, перечень которых исчерпывающим образом предусмотрен в ч. 1 ст. 24 УПК РФ, закон относит: 1) отсутствие события преступления; 2) отсутствие в деянии состава преступления (в том числе недостижение лицом возраста привлечения к уголовной ответственности, а также принятие закона, устраняющего уголовную ответственность за конкретное деяние); 3) истечение сроков давности уголовного преследования; 4) смерть лица, совершившего преступление; 5) отсутствие заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения; 6) отсутствие специального разрешения уполномоченного государственного органа на возбуждение уголовного дела в отношении лиц, обладающих иммунитетами от уголовного преследования. В этих ситуациях в возбуждении уголовного дела должно быть отказано, следовательно, вся уголовно-процессуальная деятельность завершается на данной стадии уголовного судопроизводства.

Все указанные основания для отказа в возбуждении уголовного дела являются императивными, то есть применяются независимо от усмотрения следователя, прокурора и прочих участников уголовного судопроизводства. При этом закон оставляет в некоторых случаях возможность для продолжения уголовного преследования (расследование уголовного дела в отношении умершего лица для его реабилитации, либо возбуждение уголовного дела частного или частно-публичного

обвинения в общем порядке в случае установления зависимости потерпевшего от виновного), однако эти случаи предусмотрены как исключение из общего правила.

Отмеченная задача стадии возбуждения уголовного дела имеет существенное значение, поскольку ее правильная реализация позволяет производить уголовно-процессуальную деятельность, широко сопровождающуюся применением принудительных мер, только в тех случаях, когда преступное события действительно имело место. Этим, с одной стороны, достигается экономия процессуальных и ресурсных затрат правоохранительных органов, а с другой стороны, исключается необоснованное применение мер государственного принуждения.

Во-вторых, названная стадия, в случае принятия по ее результатам решения о возбуждении уголовного дела, предоставляет возможность производства предварительного расследования, то есть полномасштабного осуществления всех предусмотренных законом процессуальных действий, направленных на доказывание обстоятельств, входящих в предмет доказывания, с применением всех необходимых мер государственного принуждения. Такие действия, за некоторыми предусмотренными в УПК РФ исключениями, не могут осуществляться до возбуждения уголовного дела.

Как отмечалось, представляется, что именно две названные задачи и являются специфическими, присущими только стадии возбуждения уголовного дела. Остальные, выделяемые в науке (фиксация следов преступления) такой специфики не имеют и могут распространяться и на последующие стадии уголовно-процессуальной деятельности.

Анализ названных задач стадии возбуждения уголовного дела в контексте вопроса о необходимости ее сохранения как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства, позволяет сделать вывод, что возбуждение уголовного дела как этап уголовного судопроизводства имеет свои сугубо специфические задачи и обусловленное этими задачами место в структуре уголовно-процессуальной деятельности. Отсутствие стадии возбуждения уголовного дела в настоящее время не может быть компенсировано практически ничем. Ликвидация этой стадии неизбежно приведет к тому, что в каждом случае поступления заявления или иного сообщения о преступлении будет осуществляться уголовно-процессуальная деятельность в полном объеме (производство следственных действий, применение мер принуждения). Вместе с тем проведение такой деятельности по сообщениям о преступлениях, носящим ошибочный характер, приведет к распылению сил правоохранительных органов, которые будут вынуждены заниматься полномасштабным расследованием даже в тех случаях, когда отсутствие события преступления очевидно.

Более того, такая конструкция вступит в противоречие с назначением уголовного процесса, поскольку специфический механизм уголов-

но-процессуальной деятельности, созданный именно для раскрытия и расследования преступлений, будет использоваться в случаях, когда самого преступления нет в природе. По сути, произойдет искусственное внедрение уголовно-процессуальных средств и методов правового регулирования в иные сферы общественных отношений.

Поэтому, думается, стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве должна быть сохранена. Вместе с тем очевидно, что на практике перед данной стадией зачастую ставятся несвойственные ей задачи. Например, известны случаи, когда по сообщениям об экономических преступлениях (например, мошеннических действиях в сфере долевого строительства), следователями, на рассмотрение которых поступал соответствующий материал, давались задания оперативным сотрудникам опросить в полном объеме всех пострадавших (при том, что таковых подчас насчитывалось несколько тысяч человек), изъять и осмотреть всю документацию, назначить и провести исследования и экспертизы, позволяющие точно установить размер причиненного ущерба. Вряд ли нужно особо аргументировать, что в таких случаях предпринималась явная попытка произвести в стадии возбуждения уголовного дела полномасштабное расследование преступления.

С другой стороны, законодатель, постоянно наращивая совокупность предусмотренных в стадии возбуждения уголовного дела средств доказывания (о чем ярко свидетельствует последовательное расширение числа следственных действий, производство которых допускается до возбуждения дела), также вольно или невольно заставляет задуматься о развития тенденции слияния стадии возбуждения уголовного дела с предварительным расследованием. Кроме того, данный вопрос решается отнюдь не системно. Например, при введении все большего количества следственных действий, производимых в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе и тех, проведение которых возможно только строго в отношении конкретного лица (освидетельствование), законодатель по-прежнему исходит из того, что процессуальный статус в рассматриваемой стадии имеют только властные участники уголовного судопроизводства, из-за чего фактическая возможность проведения того же освидетельствования ставится под большой вопрос.

Наконец, серьезной проблемой для практических работников является существующая в настоящее время система показателей служебной деятельности, в рамках которой прекращение уголовного дела однозначно расценивается как прямое последствие его незаконного или необоснованного возбуждения, без учета конкретных обстоятельств, имевших место в том или ином случае.

Очевидно, что будет целесообразным сохранение стадии возбуждения уголовного дела, однако она должна носить кратковременный характер (максимум – 10 суток), отказ в возбуждении уголовного дела

допустим только в случае отсутствия события преступления либо невозможности уголовного преследования лица в силу иных обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК РФ, когда квалификация содеянного не представляет сомнений, а основания для отказа в возбуждении уголовного дела могут быть достоверно установлены средствами доследственной проверки сообщения о преступлении.

Также представляется разумным закрепление (в УПК РФ или совместных указаниях Генерального прокурора и руководителей правоохранительных органов Российской Федерации) правила о том, что в случае неустраненных сомнений о наличии преступления должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела.

И, наконец, необходима определенная корректировка действующей системы оценки показателей, когда вопрос законности возбуждения уголовного дела в случае его последующего прекращения будет решаться не автоматически, а после тщательного изучения в каждом конкретном случае всех обстоятельств, существовавших на момент принятия соответствующего решения. Функционирующая в правоохранительных органах система контрольно-методических следственных подразделений и с организационной, и с ресурсной точек зрения позволяет обеспечить надлежащее изучение уголовных дел для правильной оценки фактов, выявленных место на момент возбуждения уголовного дела.

Д.А. Сычёв

Генезис и направления развития стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе

Российский уголовный процесс в настоящее время в досудебной его части, как в силу своего исторического развития, так и современных социально-правовых реалий остается инквизиционным с развитыми началами публичности.

Переход к англо-американской модели чистой состязательности в оболочке прецедентного права думается непродуктивным как с позиций здорового последовательного традиционализма, так и по причинам финансового характера. С учетом изложенного, можно говорить о тяготении отечественного уголовного процесса в сторону классической романо-германской системы с постепенным отказом от элементов советского уголовного процесса. Такой курс и был задан Концепцией судебной реформы в РФ, одобренной 24.10.1991 Постановлением Верховного Совета РСФСР (далее – Концепция).

Исторически для русского уголовного процесса по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) было характерным наличие одной досудебной стадии – стадии исследования, которая по

утверждению Н.Н. Полянского «распадается на дознание и предварительное следствие»[1].

При этом по определению С.И. Викторского возбуждением уголовного преследования является такой «акт в процессе, которым доводится до сведения судебной власти о совершении преступного факта, указывается вероятный виновник сего деяния и представляется требование расследовать дело»[2].

Достаточным поводом к тому могло быть «объявление» очевидца или «жалоба» потерпевшего о преступном деянии, которые сами являлись очевидцами преступления, даже если в распоряжении следователя или прокурора отсутствуют иные улики (ст.ст. 298, 303 УУС).

В иных случаях, когда признаки преступления или проступка сомнительны, сообщаемые объявителем сведения должны были пройти фильтр полицейского дознания (которое осуществлялось согласно ст.ст. 252, 253, 254 УУС посредством розыска, словесного расспроса и негласного наблюдения), как в случае его непосредственного обращения в полицию, поступления туда информации о преступлении из иных источников – «по слуху (народной молве), или вообще, из источника, не вполне достоверного» или в силу специального поручения о том судебного следователя.

Задачей полицейского дознания было собрание предварительных сведений о совершенном преступлении, действительно ли происшествие случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка, которыми затем пользовался судебный следователь и прокурор.

Однако материалы дознания проведенного как полицией, так и должностными лицами присутственных мест могли лишь стать основой для дальнейшего по ним предварительного следствия или отклонены следователем с решающим мнением в таких случаях прокурора, который обладал исключительными правами как в инициировании уголовного преследования, так и в оберегании интересов лиц от незаконного его проведения[3].

Таким образом, уголовно-процессуальная и розыскная деятельность, предшествующая возбуждению уголовного преследования в дореволюционном уголовном процессе России, имела в себе определенные черты стадии возбуждения уголовного дела, между тем признать наличие таковой нельзя по причине отсутствия ее четкой регламентации и сроков такой деятельности.

---

[1] Полянский Н.Н. Уголовный процесс: лекции. СПб., 1911. С. 133.

[2] Викторский С.И. Указ. соч. С. 211.

[3] Полное собрание законов Российской Империи. Т. 39 (1864): Ч. 2. Ст. 263, 269, 281, 309, 310, 311, 314. СПб., 1867. С. 234-238.

Отечественный законодатель в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. в разделе «Возбуждение производства по уголовному делу» закрепил в качестве достаточного для начала уголовного преследования повод (заявление граждан и различных объединений и организаций; сообщение правительственных учреждений и должностных лиц; явка с повинной; предложение прокурора; непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда) с указанием в нем на состав преступления при малоограниченных дискреционных полномочиях органов дознания и следствия. Попыткой поставить заслон такому широкому «усмотрению уголовного преследования» в дальнейшем стали полномочия прокурора по «проверке первичного материала о преступлении»[1].

М.С. Строгович, теоретически обосновывая наличие стадии возбуждения уголовного дела в советском уголовном судопроизводстве, видел основное значение начального акта уголовного процесса в том, что он должен быть обставлен определенными процессуальными условиями, должен проводиться в определенных процессуальных формах, гарантирующих основательность возбуждения уголовного дела[2]. Но едва ли в законе для этого были серьезные основания: по-прежнему органы расследования не связывались специально установленной законом процедурой предварительной проверки и оформлением специального документа о начале уголовного преследования.

УПК РСФСР 1960 г. закрепил стадию возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной, имеющей своей целью установление оснований, необходимых для законного и обоснованного производства по уголовному делу. Законодатель регламентировал перечень проверочных процессуальных действий, сроки доследственной проверки, установил постановление о возбуждении уголовного дела в качестве процессуального акта открывающего расследование и возможность уголовного преследования. При этом своеобразной гарантией от необоснованного уголовного преследования стал запрет на проведение следственных действий и соответственно сбор доказательств в данной стадии. Единственным исключением из этого правила было проведение осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства, и с немедленным возбуждением уголовного дела после проведения такого осмотра (ч. 2 ст. 178 УПК РСФСР). Неслучайно совершенно справедливо замечал В.М. Савицкий, что «производство следственных действий до возбуждения уголовного дела опасно тем, что в результате

---

[1] Постановление НКЮ РСФСР от 25.08.1933 // Сборник постановлений и разъяснений НКЮ РСФСР. М., 1934. С. 219; Циркуляры Прокурора СССР от 20.04.1935 и 25.09.1936; Приказ Прокуратуры СССР от 29.10.1936 // Сборник приказов Прокуратуры СССР. М., 1939. С. 148-149, 154, 164.

[2] Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1941. С. 151.

уничтожается совершенно необходимый барьер, ограждающий жизнь граждан от вмешательства власти, создается атмосфера бесконтрольности в применении мер государственного принуждения»[1]. Введение дополнительного охранительного порядка стадии возбуждения уголовного дела было подкреплено всеобъемлющим надзором прокурора с полномочиями от дачи указаний о проведении конкретных проверочных действий органам расследования, самостоятельной проверки и инициирования уголовного преследования, до властного дезавуирования результатов проверки органов дознания или предварительного следствия на любом этапе.

Принятый в 2001 г. УПК РФ в целом сохранил подход к самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела, добавив в число допустимых в ней таких следственных действий как осмотр трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ) и освидетельствование (ч. 1 ст. 179 УПК РФ).

Современные авторы, отстаивающие правильность такого подхода, по-прежнему усматривают значение этой стадии в обеспечении законности и обоснованности возбуждения уголовного дела путем констатации реального наличия негативных уголовно-правовых отношений, создании условий для раскрытия преступлений и защиты прав и законных интересов граждан, обеспечении условий всесторонности, полноты и объективности расследования, достижении истины[2]. Актуальности сказанному добавляет и тот факт, что прокурора законодатель с 05.06.2007 фактически устранил из этой стадии, оставив за последним только право отмены необоснованного постановления о возбуждении уголовного дела и невнятного реагирования в адрес следственных органов в случае обнаружения признаков преступления или нарушений закона в порядке п. 2, 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Опору противникам стадии возбуждения уголовного дела, прежде всего, дают положения Концепции со взглядом на доследственную проверку как на «суррогат расследования» и об обоснованности рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела[3].

Заслуживает внимание позиция Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, Л.Д. Кокорева о том, что применение следственных действий в рамках доследственной проверки стирает грань между расследованием как особой формой деятельности государственных органов и иными вида-

---

[1] Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора. М., 1975. С. 102.

[2] Зеленецкий В.С. Возбуждение уголовного дела. Харьков, 1998. С. 29-43; Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 46.

[3] Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 88.

ми действий, связанных с проверкой данных о совершенном или предполагаемом преступлении. Проведение их до возбуждения уголовного дела противоречит самой природе, принудительному характеру, особому основанию государственно-властного принуждения, применяемого в ходе уголовного процесса[1].

Кроме того, А.П. Кругликов и И.Л. Петрухин критикуют наличие данной стадии за иллюзию коротких сроков расследования, ибо разрешенный законом 30-суточный срок проверки – это полноценный срок дознания (ч. 3 ст. 223 УПК РФ) или половина установленного законом срока следствия (ч. 1 ст. 162 УПК РФ)[2].

И.С. Дикарев также считает, что в новых условиях стадия возбуждения уголовного дела утратила былое значение, ее правозащитный потенциал в охране прав граждан ничтожен в сравнении с прокурорским надзором (ст. 124 УПК РФ) и судебным контролем (ст. 125 УПК РФ)[3].

Однако законодатель новеллами Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не добавил ясности исследуемому вопросу.

Не отказываясь от охранительной фильтрационной функции стадии возбуждения как таковой, был существенным образом расширен перечень допустимых в ней процессуальных проверочных и следственных действий. Так орган расследования получил права на получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование и изъятие документов и предметов, освидетельствование, производство различного рода осмотров и экспертиз, требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечения к участию в этих действиях специалистов. Более, того при соблюдении в ходе доследственной проверки определенных условий, в т.ч. гарантий на защиту при получении объяснений, закон признал за такими сведениями силу доказательств. При таких условиях можно говорить о проникновении уголовного преследования и защиты в саму стадию возбуждения уголовного дела. Само постановление о возбуждении уголовного дела (преследования) потеряло, таким образом, свою исключительность как стартового документа уголовного

---

[1] Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 170.

[2] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 2. М., 2005. С. 27, 28; Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. М., 2011. № 6. С. 56-58.

[3] Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования //Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38- 40.

преследования. Сказанное добавляет аргументов в пользу сторонников отказа от стадии возбуждения уголовного дела. Ведь еще Н.В. Жогин в свое время предупреждал, что расширение объема проверочных действий ведет к ликвидации стадии возбуждения уголовного дела[1].

В странах с опытом развития системы континентального права процесс инициирования начала уголовного преследования выглядит следующим образом. С момента регистрации сообщения о преступлении начинается так называемое полицейское дознание, проводимое под непосредственным контролем (надзором) прокурора. Его результаты – собранные полицией материалы получают юридическую оценку прокурора, в зависимости от которой им возбуждается публичное обвинение перед судебной властью, либо отказывается в его возбуждении, либо применяются альтернативные меры реагирования на преступление.

Примером тому является законодательство ФРГ и Французской республики, в которых за прокуратурой закреплено исключительное право по инициированию уголовного преследования. В соответствии с § 152 УПК Германии прокуратура возбуждает уголовное преследование во всех случаях совершения преступления. Во Франции согласно ст. 31 УПК ФР только прокуратура может начать против нарушителя судебное преследование посредством возбуждения уголовного иска. Похожим путем развиваются уголовно-процессуальные акты стран Балтии, Белоруссии, Польши, Казахстана и Украины.

Представляется, что заданный законодателем тренд рано или поздно приведет к отказу от стадии возбуждения уголовного дела. Однако при этом необходима существенная корректировка полномочий прокурора, за которым должно оставаться решающее слово в возбуждении (прекращении) уголовного преследования. И тут разумно подумать, с опорой, как на отечественный опыт, так и на классические континентальные системы права, как о возврате прокурору права возбуждения, права согласования с ним постановлений о возбуждении уголовных дел выносимых органами следствия и инициативного права законно прекратить расследование (уголовное преследование) на любой его стадии.

---

[1] Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С.41-45.

М.В. Хомич

Уголовно-правовая и процессуальная сущность стадии возбуждения уголовного дела

1. Правовая неустойчивость процессуальной стадии возбуждения уголовного дела подрывает процессуальные гарантии правоохранительного аспекта этой деятельности по отношению ко всем участникам уголовно-правового конфликта, в том числе субъектов, осуществляющих уголовное преследование. Прежде всего, проявляется это в несоответствии процессуальных предпосылок и оснований начала (открытия) уголовного преследования уголовно-правовым основаниям уголовной ответственности[1]. Собственно с указанными проблемами сегодня связанна дискуссия относительно того, что возбуждать – уголовное дело или уголовное преследование?[2].

2. Уголовное преследование открывается (должно открываться) с момента поступления информации, сообщения об обнаружении фактов, свидетельствующих о совершении деяния, содержащего признаки преступления, а не с момента возбуждения уголовного дела. С открытием уголовного преследования начинается и производство предварительного следствия, все следственные действия осуществляются в установленной процессуальной форме и имеют адекватную правовую и процессуальную значимость по отношению ко всем участникам уголовно-правового конфликта и участникам процессуальной деятельности[3].

3. Возбуждение уголовного дела и (или) отказ в возбуждении уголовного дела в национальном процессуально-правовом формате (УК и УПК Республики Беларусь) приемлемо для стадии возбуждения уголовного дела, прежде всего, по материально-правовым основаниям уголовного преследования. В сугубо уголовно-процессуальном отношении – это легитимация или отказ в легитимации публично-правовых свойств и процедур, связанных с осуществлением уголовного преследования по основаниям факта совершения или не совершения преступного деяния. Для возбуждения уголовного дела не требуется полная определенность в наличии всех признаков состава преступления. До-

---

[1] Жалинский, А.Э. Уголовно-правовое обвинение в структуре применения уголовного закона // Вопросы совершенствования правового регулирования и укрепления социалистической законности и правопорядка. Омск, 1988. С. 56-62.

[2] Кругликов, А.П. Что возбуждать: уголовное дело или уголовное преследование? // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 57-59.

[3] Грошевой, Ю.М., Каплина, О.В. Новый этап развития уголовно-процессуального законодательства Украины // Уголовное судопроизводство. 2013. № 1. С. 2-7.

статочно установления в произошедшем событии объективных признаков преступного деяния в его субъективно-объективом проявлении как это определено в уголовном законе (так, по фактам предполагаемого хищения должно быть установлено, что действительно имел место факт *присвоения* чужого имущества).

4. Цель первоначального этапа уголовного преследования (так называемой стадии возбуждения уголовного дела) состоит в установлении, прежде всего, материальных установочных предпосылок для начала и публично-правового расследования уголовно-правового конфликта. Материальными предпосылками являются объективные признаки установочного характера, свидетельствующие о реальности события совершения деяния преступного характера. При наличии таких исходных условий и принимается решение о возбуждении дела для продолжения уголовного преследования, а при их отсутствии – об отказе в возбуждении дела[1]. Это весьма ответственное процессуальное решение позитивно-прогностического характера. Дело в том, что если последующими процессуальными следственными действиями не будет доказан факт совершения преступления соответствующим лицом, то оно имеет право на реабилитацию и возмещение материального и морального вреда незаконным вовлечением его в орбиту уголовного преследования.

5. Возбуждение уголовного дела как процессуальный акт (действие) всегда предусматривает вынесение надлежащим должностным лицом решения о начале (продолжении) расследования конкретного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. В соответствии с УПК в постановлении указываются пункт, часть, статья УК, по поводу которых будет осуществляться производство (уголовное преследование).

Возбуждение дела является установочным процессуальным действием и решением относительно того, что определенное событие с достаточной долей вероятности свидетельствует о факте совершения преступления и необходимости продолжения уголовного преследования в форме предварительного следствия с целью формирования и доказывания обвинения конкретного лица в совершении преступления. Поэтому теоретическая конструкция процессуального закона о том, что только после возбуждения уголовного дела могут осуществляться все предусмотренные УПК следственные действия, есть не более как процессуальное недоразумение. Представляется, что и до возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о факте возможного со-

[1] Муравьев, К. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013. № 1. С. 106-112.

вершения преступления в порядке ст. 174 УПК[1] должны и могут проводиться необходимые следственные действия.

6. Допустимы следующие процессуальные ограничения для проведения соответствующих процессуальных (следственных) действий: необходимость предварительного санкционирования их проведения, когда такая санкция не получена. Физические лица, привлекаемые для дачи показаний в стадии возбуждения уголовного дела относительно факта совершения преступного деяния (лица, которые стали непосредственными или косвенными очевидцами преступного события), а равно привлекаемые для дачи показаний на предмет их возможной причастности к совершению данного преступного деяния должны допрашиваться в качестве свидетелей. Нет никаких оснований превращать такие показания в письменные объяснения, лишенные статуса свидетельских показаний, в рамках начатого (публично открытого) уголовного преследования по факту деяния (события) на предмет его оценки как содержащего признаки определенного преступления. Здесь важно обеспечить следующее: во-первых, право любого лица на отказ от дачи показаний, если истребуемые показания могут быть в последующем использованы в качестве доказательства его причастности к совершенному преступлению; во-вторых, при согласии лица давать свидетельские показания, оно должно быть предупреждено об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Наконец, свидетельствующее лицо должно свободно и открыто выразить свое отношение к тому, будет давать оно свидетельские показания без адвоката или при его участии и это должно быть зафиксировано в протоколе допроса.

Таким образом, возбуждение уголовного дела – это не возбуждение уголовного преследования (оно уже начато), а лишь процессуальная констатация факта совершения определенного, предусмотренного конкретной статьей УК преступления. Наличие предполагаемого факта, события преступления впервые с той или иной степенью вероятности констатируется в постановлении о возбуждении уголовного дела. Уголовное преследование из процесса проверки и оценки гипотетической информации о событии (факте) совершения преступления актом возбуждения уголовного дела предметно оформляется в дело о совершении конкретного преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК. Именно в постановлении о возбуждении уголовного дела дается первоначальная, пусть еще также гипотетическая квалификация деяния, но все-таки уголовно-правовая квалификация, которая выступает в качестве функционального основания пределов и предмета формирования, уточнения и доказывания обвинения.

---

[1] Все ссылки по тексту даются на Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

7. Возбуждение уголовного дела не может и не должно быть границей раздела допущения или недопущения определенных следственных действий до и после возбуждения уголовного дела. Именно по этой причине правоприменителями постоянно высказываются пожелания о необходимости расширения перечня следственных действий, которые могут проводиться до возбуждения уголовного дела, наконец, о ликвидации данной стадии досудебного уголовного преследования[1].

8. Все изложенное в конечном итоге приводит к вопросу: а необходимо ли возбуждение уголовного дела, может быть при наличии в полученном сообщении указания на деяние, содержащее признаки преступления, должно возбуждаться не уголовное дело, а уголовное преследование. Представляется, ставить в таком полярном отношении вопрос о судьбе акта (процессуального решения) возбуждения уголовного дела вряд ли следует, даже если признать, что возбуждение **уголовного** дела заведомо не означает обязательного и окончательного обнаружения признаков состава преступления**.** По-нашему мнению, в структуре формирования уголовно-правового обвинения в аспекте оценки в определенном событии материально-правовых оснований уголовной ответственности возбуждение уголовного дела в рамках уголовного процесса (уголовного преследования) на досудебной стадии должно быть сохранено как первое и базовое оценочное процессуальное решение органа, осуществляющего уголовное преследование. Все зависит от того, какую функционально-оценочную задачу решает (должно и может решать) возбуждение уголовного дела в формировании уголовно-правового обвинения. Если возбуждение уголовного дела есть установочно-процессуальное решение, фиксирующее наличие в известном событии объективно-материальных признаков преступного деяния, предусмотренного уголовным законом, то с точки зрения процессуальной формы оно задает необходимость продолжения уголовного преследования в формате оценки данного события как соответствующего преступления. И это решение имеет очень важное значение для участников уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и защиты, поскольку в нем впервые фиксируется факт оценки события как совершенного преступления определенного вида. Только после этого уголовное преследование осуществляется в рамках производства по факту совершения определенного преступления, предусмотренного уголовным законом. В так называемой стадии возбуждения уголовного дела решение об отказе в возбуждении уголовного дела и решение о возбуждении уголовного дела в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном отношении должны быть противоположно сопоставимы и согласованы.

---

[1] Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.

К числу уголовно-правовых оснований отказа в возбуждении уголовного дела следует отнести: отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом (п. 1 ч. 1 ст. 29); отсутствие в деянии состава преступления на основе однозначного вывода об отсутствии такого признака состава преступления, который не позволяет оценивать соответствующее событие как совершение определенного преступления лица (п. 2 ч. 1 ст. 29); вступление в силу закона, устраняющего преступность деяния (п. 10 ч. 1 ст. 29).

По уголовно-процессуальным основаниям в возбуждении уголовного дела отказывается в следующих случаях: в отношении лица имеются вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению либо определение (постановление) суда о прекращении производства по уголовному делу по тому же основанию (п. 8 ч. 1 ст. 29); в отношении лица имеется неотмененное постановление о прекращении производства по уголовному делу или постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же основанию (п. 9 ч. 1 ст. 29).

Ю.А. Цветков

Возбуждение уголовного дела в координатах Achsenzeit уголовного процесса

Когда мы ставим перед собой задачу постичь логику развития уголовного процесса от прошлого к будущему и определить координаты местонахождения этой науки на данный момент, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом куда более сложного порядка, не ответив на который, мы не решим и поставленной задачи. Ключевой для нас вопрос состоит в том, что, собственно говоря, является прошлым, а что – будущим уголовного процесса? Есть ли у него это прошлое и будущее, то есть возможен ли в принципе прогресс уголовного судопроизводства либо же никакого прогресса невозможно *ad hoc*? И если происходит некая смена процедурных декораций, то сам процесс, то есть русло, в котором протекает уголовное судопроизводство, остается неизменным?

Аналогичный вопрос, хотя и в более глобальном – мировом – масштабе поставил и по-своему весьма удачно разрешил один из самых мощных умов минувшего века Карл Ясперс. Для определения границ между историей и до-историей он выдвинул идею осевого времени (*Achsenzeit*). Именно в осевое время, которое охватывало период с 800 по 200 гг. до н.э., почти синхронно в ряде очагов цивилизации на Европейском, Азиатском и Африканском континентах произошло формирование человека нового типа, который существует и поныне, а

также тех предпосылок, которые сделали возможной саму идею прогресса и ее развертывание в истории человечества[1].

Здесь не ставится вопрос о том, должен ли в принципе уголовный процесс быть гибким, изменчивым и постоянно развиваться в ногу со временем или же, напротив, оставаться неизменным, как божественная литургия, которая и в XXI веке остается той же самой, каковой была установлена апостолами и отцами церкви на заре новой эры? Дабы в неизменности его форм отражались фундаментальные условия реализации самой идеи правосудия, некие освящённые временем правила игры, в постоянстве которых никто и никогда не усомнится. Нет, и это следует подчеркнуть: не смена процедуры, не ритуальная сторона судопроизводства нас интересует, но его сущностное развитие, а, точнее, возможность развития как таковая, понимаемая как его потенциальная историчность. И если возможность таковая есть, то где момент перехода её от потенциального к актуальному бытию, где то самое *Achsenzeit* уголовного процесса и по каким признакам его определить? Взять, к примеру, такой институт, как рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Является ли восстановление этого института в российском процессе шагом вперед по пути расширения демократических начал в уголовном судопроизводстве либо наоборот откатом назад, к традициям британского феодализма, абсолютно не соответствующим уровню развития современного общества и, как следствие, исключительной наукоёмкости судопроизводства?

Поставим вопрос еще более жестко: что такое прогресс применительно к уголовному процессу, в чём конкретно он выражается? Можно ли задать его столь ясными величинами, которые позволили бы с математической точностью вычислить этот прогресс? С этой целью необходимо обозначить те свойства, которым должны удовлетворять эти величины: (1) трансгрессивность (способность пронизывать все основные, в том числе и не совмещенные друг с другом институты уголовного процесса) (2) вариативность (это должны быть не константные, а переменные величины); (3) релевантность (соотносимость этих величин); (4) транспарентность (очевидность, явность и бесспорная определяемость как самих величин, так и характера их соотношения).

Две основных идеи, две доминирующие тенденции, а точнее, взаимопереплетение и противоборство двух тенденций, определяли и продолжают определять уголовно-процессуальную политику и само существо уголовного процесса всех времен и народов. Во-первых, это познавательная тенденция, формирующая направленность процесса на исследование юридически значимых обстоятельств и, в конечном ито-

---

[1] Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32-50.

ге, на установление истины (назовем её когнитивной или сокращенно *c*-тенденцией от лат. *cognito* – познание). Во-вторых, это охранительная тенденция, формирующая направленность процесса на защиту прав личности, тем или иным образом вовлеченной в поле уголовного судопроизводства (назовем ее дефендеретивной или сокращенно *d*-тенденцией от лат. *defendere* – защита). Объединим величины *c* и *d* единым понятием – координаты *Achsenzeit* уголовного процесса[1]. Имея такие координаты, удовлетворяющие четырем вышеназванным условиям, мы можем задать функцию, определив через неё прогресс уголовного процесса:

$$P_{уп} = f(c \cdot d)$$

Как следует из 3-го условия, величины *c* и *d* являются релевантными, и их соотношение по смыслу заданной формулы является функциональным, то есть взаимозависимым. Для того чтобы вычислить значение $P_{уп}$, следует оговориться, носит ли эта связь характер прямой либо обратной зависимости. Очевидно, что при усилении когнитивной тенденции в процессе ослабевает дефендеретивная тенденция, и наоборот, одновременное же усиление обеих приводит к их взаимной аннигиляции. Действительно, самым высоким когнитивным потенциалом обладала бы пытка, но она же имеет и самый низкий дефендеретивный показатель[2]. Следовательно, *c* и *d* являются обратно пропорциональными величинами, и эта взаимозависимость является транспарентной. Таким образом, соотношение между обеими тенденциями может быть задано формулой:

$$c\ (d) = \frac{1}{d\ (c)}$$

В таком соотношении при любом значении переменных верным будет следующий результат:

$$P_{уп} = f(c \cdot d) = 1$$

Тем самым с математической точностью доказывается, что прогресс в уголовном процессе невозможен: каким бы образом ни изменялись определяющие его тенденции, их произведение всегда будет равно единице.

---

[1] В качестве единиц исчисления *c* и *d* в силу «гуманитарной» специфики этих величин могут быть предложены единицы метрической системы исчисления, основанной на балльном методе, в самом упрощенном варианте: 1 – низкая, 2 – средняя, 3 – высокая.

[2] В ходе обсуждения проекта статьи на кафедре менеджмента деятельности следственного органа доцентом Л.А. Дмитриевой высказаны сомнения в высоком когнитивном потенциале пытки, поскольку её результатом может быть самооговор. Однако в данном контексте пытка понимается не как инквизиционная практика получения «царицы доказательств», а как средство извлечения потенциально проверяемой информации, в частности, указание места сокрытия трупа или закладки взрывного устройства и т.п.

При таких обстоятельствах становится очевидным, что решение вопроса о сохранении, ликвидации либо реформировании института возбуждения уголовного дела на прогрессе уголовного процесса не отразится, а лишь повлияет на усиление одной из вышеназванных тенденций при одновременном ослаблении другой. Однако курьезность самой дискуссии вокруг этого института связана с тем, что поборниками идеи реформирования вплоть до полного упразднения данного института одновременно выступают носители обеих тенденций. А это значит, что либо: (а) он не отвечает ни одной из этих тенденций, либо (б) носители одной из тенденций добросовестно заблуждаются относительно выгоды для себя от его упразднения, в то время как носители противоположной тенденции пользуются этим их заблуждением. Разрешение этого курьеза, равно как и установление сути спора, следует искать в координатах *Achsenzeit* уголовного процесса.

Позиция носителей *d*-тенденции прямо и недвусмысленно выражена в названии выступления процессуалиста из Самары В.В. Иванова на одном из научных форумов в ИПК СК России: «Действующий порядок проверки сообщений о преступлениях не отвечает интересам потерпевших». Не отвечает, по мнению автора, из-за того, что последнее слово в принятии решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела всегда остается за следователем[1], и никто, – ни суд, ни прокурор, – не вправе принудить следователя к возбуждению того или иного дела. В качестве иллюстрации докладчик привел пример, как сотрудница конной полиции приковала наручником к седлу лошади жителя Самары с целью доставления в орган дознания за якобы совершенное нападение на представителя власти, а лошадь побежала без наездницы, в результате чего гражданин получил травму головы, от которой впоследствии умер. Первоначально уголовное дело было возбуждено в отношении самого пострадавшего, в то время как по факту причинения ему сотрудником полиции вреда здоровью было отказано[2].

Возражая самарскому коллеге, следует указать, что в конечном итоге производство в отношении пострадавшего было прекращено, а сотрудница полиции была осуждена за превышение должностных полномочий, и институт возбуждения уголовного дела никоим образом не воспрепятствовал торжеству правосудия. Однако обращает на себя внимание другая сторона данного довода. Если абстрагироваться от вопроса о правых и виноватых в конкретно взятой ситуации, суть при-

---

[1] Иванов В.В. Действующий порядок проверки сообщений о преступлениях не отвечает интересам потерпевших // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (26.10.2012). М., 2012. С. 164-170.

[2] В опубликованном тексте статьи В.В. Иванова этого примера нет, однако о нем сообщают иные источники. URL: http://volga.ria.ru/sudy.

веденного выше аргумента сводится к тому, чтобы версия защиты по любому уголовному делу о виновности сотрудника полиции либо иного лица могла быть запросто институционализирована в конкретное уголовное дело в отношении данного лица. В этом, и ни в чем другом – квинтэссенция *d*-тенденции.

Другой последовательный представитель *d*-тенденции профессор МГЮА Л.М. Володина[1] утверждает, что данный институт нарушает права не только потерпевшего, но, оказывается, и обвиняемого: «Стадия возбуждения уголовного дела никогда не была гарантией, сколько-нибудь сдерживающей беззаконие и произвол в уголовном производстве. Напротив, нередко именно возбужденное уголовное дело в силу амбициозных представлений о его перспективе с легкой руки иных должностных лиц доводилось, во что бы то ни стало, до «логического конца», понимаемого как непременное постановление обвинительного приговора»[2].

Ни один практик не станет оспаривать того, что приведенный факт имеет место быть: если уголовное дело возбуждено, его всеми правдами и неправдами надо «загнать» в суд. Однако в аргументах профессора Л.М. Володиной происходит та же подмена мотивов, как и в самарском варианте. «Виновницей» такой порочной практики является вовсе не стадия возбуждения уголовного дела, а сложившаяся в следственных органах система оценки качества следственной деятельности, в силу которой прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям во всех без исключения случаях рассматривается как отрицательный показатель в работе.

Обратимся теперь к аргументам представителей *c*-тенденции. Расширенная рабочая группа экспертов при МВД России в 2013 г. составила Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел, в которой в качестве одной из мер, направленных на повышение доступности правоохранительной помощи, предлагается отказаться от института возбуждения уголовного дела и начинать производство по уголовному делу сразу же по получении сообщения о преступлении[3]. По мнению одного из авторов предложения профессора Б.Я. Гаврилова, данная мера должна снизить уровень латентности преступности, возникающей из-за сокрытия преступлений от учета[4].

---

[1] Основная работа Л.М. Володиной имеет символичное для *d*-тенденции название: «Механизм защиты прав личности в уголовном процессе». Тюмень, 1999.

[2] Володина Л.М. Стадия возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы расследования преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (23.05.2013). М., 2013. Ч. 1. С. 214.

[3] Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел РФ // Интернет-портал Российской газеты. URL: http://www.rg.ru.

[4] Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования // Актуальные проблемы расследова-

Позволим себе оставить без комментариев апелляцию представителей *с*-тенденции к аргументам, характерным для противоположной тенденции (доступность правоохранительной помощи и т.п.) и попытаемся и в этом случае установить истинные мотивы, которые движут органами внутренних дел в их реформаторских инициативах. И здесь для нас окажется бесценным украинский опыт функционирования правоохранительных органов в условиях отсутствия института возбуждения уголовного дела. Упразднение в УПК Украины стадии возбуждения уголовного дела было компенсировано приказом Генерального прокурора Украины от 14.11.2012 №113, позволявшим правоприменительным органам не приступать к уголовному производству, если в заявлении о возбуждении уголовного дела отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления[1]. И, несмотря на то, что 25.04.2013 данный приказ отменен ввиду его явного несоответствия положениям закона, практика, по сути, осталась прежней[2].

В свете украинского опыта становится очевидной конечная цель вдохновителей полицейской инициативы по упразднению института возбуждения уголовного дела. Отсутствие формализации начальной стадии уголовного судопроизводства создаст предпосылки для того, чтобы органы внутренних дел могли по своему собственному усмотрению, без какого-либо риска отмены постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела прокурором, запускать механизм уголовного судопроизводства в одних случаях, и тормозить его запуск – в других.

Представители органов внутренних дел, ратуя за упразднение института возбуждения уголовного дела, собираются выпустить джина из бутылки в надежде на то, что быстро сумеют его приручить. Однако хочется предостеречь их тем же аргументом, который автор настоящей статьи привел в ходе дискуссии профессору Л.М. Володиной. Докладчику был задан вопрос, отдаёт ли она себе отчет в том, что в случае реализации ее предложения об отмене стадии возбуждения уголовного дела, судьи, следователи, прокуроры и полицейские станут подозреваемыми одновременно по нескольким уголовным делам и, вместо того, чтобы выполнять свои прямые обязанности, будут то и дело давать показания? Вопрос этот искренне удивил и озадачил докладчика, что

ния преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (23.05.2013). М., 2013. Ч. 1. С. 226.

[1] Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 81.

[2] Корж В.П. Процессуальное обеспечение прав, свобод и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Украины // Конституция РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (14.11.2013). М., 2013. Ч. 1. С. 218-220.

весьма показательно: ведь безупречные идеалистические построения представителей *d*-тенденции весьма чувствительны к любому соприкосновению с реальной действительностью. А действительность такова, что весомая доля заявлений, по которым в СК России выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовных дел либо дается разъяснение об отсутствии оснований для проверки в порядке ст. 144 УПК РФ, – это заявления о привлечении к уголовной ответственности судей, следователей, прокуроров и иных сотрудников правоохранительных органов (в основном – полиции) по мотиву несогласия с их процессуальными действиями (бездействием) и решениями.

В нашем научном, да и вообще в юридическом, сообществе не принято просчитывать и прогнозировать негативные последствия реализации той или иной реформаторской инициативы. Но лишь самого беглого анализа в случае с обсуждаемой инициативой достаточно для того, чтобы понять: дивиденды от её реализации для каждой из тенденций весьма сомнительны, а вот негативные последствия более чем очевидны. Впрочем, на развитии уголовного процесса это всё равно никак не отразится, ибо само его развитие есть иллюзия, опровергаемая простым математическим расчетом.

О.И. Цоколова

О проекте федерального закона, исключающего стадию возбуждения уголовного дела

Стадия возбуждения уголовного дела на протяжении многих лет вызывает споры, критику и постоянно находится в сфере пристального внимания ученых-процессуалистов. Именно этой стадии уголовного процесса посвящены диссертации, научные монографии и статьи. Достаточно краткий период времени с момента поступления сообщения о преступлении и до момента принятия по этому сообщению процессуального решения: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении или о передаче по подследственности, – во многом определяет дальнейшую судьбу производства по данному конкретному факту преступления. От эффективности действий следователя, дознавателя, органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела во многом зависит, будет ли раскрыто преступление, установлено и привлечено к ответственности лицо, его совершившее, или правосудию в данном случае не суждено осуществиться.

ФГКУ «ВНИИ МВД России» в 2012 г. принял участие в рабочей группе, созданной в МВД России, по подготовке законопроекта о внесении изменений в УПК РФ, направленного на исключение стадии возбуждения уголовного дела из уголовного судопроизводства. Было предложено пересмотреть положения УПК РФ, которые препятствуют

началу производства расследования непосредственно по сообщению о преступлении без проведения предварительной проверки. В результате подготовлен проект федерального закона о внесении изменений и дополнений в УПК РФ, в соответствии с которыми производство предлагается считать начатым с момента поступления заявления или иного сообщения, содержащего признаки преступления. Каждое заявление подлежит регистрации в Едином реестре сообщений о преступлениях. Решение о начале производства принимает дежурный следователь или дознаватель в соответствии с компетенцией. При отсутствии события или состава преступления, или по иным основаниям, предусмотренным в главе 4 УПК РФ, уголовное дело подлежит прекращению. Процедуры отказа в возбуждении уголовного дела не предусматривается.

Для дальнейшей работы по этому проекту федерального закона необходимо изучение зарубежного опыта, прежде всего правоприменительного опыта Украины, где упомянутый Единый реестр сообщений о преступлениях уже действует. Для того, чтобы сделать выводы об эффективности принятых там процессуальных новелл, необходимо время, пока же критики со стороны украинских правоприменителей и ученых достаточно много.

По созданному нашей рабочей группой проекту федерального закона очевидны как положительные, так и отрицательные аспекты, о которых в настоящее время можно рассуждать только в рамках гипотезы. К положительным можно отнести следующие:

- исключение процедуры предварительной проверки сообщений о преступлениях сократит срок досудебного производства;
- будет исключено дублирование следственных действий по отношению к проверочным действиям;
- будут исключены предпосылки для волокиты по уголовным делам, связанные с затягиванием сроков предварительной проверки путем неоднократной передачи материалов по подследственности без возбуждения уголовного дела;
- повысится законность и обоснованность принятия процессуальных решений по уголовным делам, так как решения будут приниматься компетентными следователями и дознавателями.

К отрицательным аспектам исключения стадии возбуждения уголовного дела, совершенно очевидно, можно отнести следующие:

- при действующей штатной численности нагрузка на следователей и дознавателей явно возрастет, что приведет к снижению качества расследования;
- возрастет количество нераскрытых преступлений, так как расследовать придется и те происшествия, по которым в настоящее время выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;
- усилится принуждение в досудебном уголовном судопроизводстве, так как его применение будет допустимо в полной мере с момента

поступления сообщения о преступлении, а не с момента возбуждения уголовного дела, как это имеет место в настоящее время;

- можно прогнозировать увеличение коррупционной составляющей и злоупотреблений в связи с тем, что по любому заявлению, сообщению о преступлении будет проводиться расследование, применяться меры пресечения, следственные действия, включая обыски и выемки.

Можно приводить и другие аргументы за и против стадии возбуждения уголовного дела, но в любом случае прежде чем менять что-либо в действующем уголовно-процессуальном законе и внедрять в правоприменительную практику, необходимо теоретическую модель тщательно проверить, возможно в рамках законодательно дозволенного временного эксперимента в каких-либо типичных условиях деятельности правоохранительных органов.

В 2013 г. в МВД России был проведен эксперимент по апробации нового для органов внутренних дел порядка разрешения заявлений и сообщений о преступлениях с передачей данной функции следователям и дознавателям в пределах компетенции. Была подготовлена программа эксперимента, определены регионы для его проведения и сроки эксперимента – с мая по октябрь 2013 г. Был учтен опыт Следственного комитета России, следователи которого проводят проверку и отказывают в возбуждении уголовного дела своей компетенции, не передавая материалы органам дознания[1]. Однако результаты эксперимента показали, что в нынешних условиях при определенной штатной численности подразделения следствия и дознания органов внутренних дел при сохранении условий эксперимента на постоянной основе не смогут качественно работать, так как нагрузка возросла многократно. УПК РФ не запрещает применение проверявшегося в ходе эксперимента порядка рассмотрения заявлений и иных сообщений о преступлениях, но повсеместно он не может быть внедрен.

Также необходима в любом случае апробация каких-либо принципиальных изменений в стадии возбуждения уголовного дела. В любом случае задача отделения преступного от непреступного при отмене положений о возбуждении уголовного дела не будет ликвидирована, она лишь передвинется на более поздний этап досудебного производства, или даже в судебные стадии. Что касается собственно постановления о возбуждении уголовного дела, то его вынесение не вызывает особых проблем на практике, проблема в основном связана с некоторым до настоящего времени сохранившимся разделением проверочных действий, совершаемых в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, и след-

---

[1] Инструкция об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации: приказ СК России от 11.10.2012 // Российская газета. 2013. 06 марта.

ственных действий после возбуждения уголовного дела. Однако изменения, внесенные Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ[1], указывают тенденцию нивелировки различий процессуальной деятельности до и после возбуждения уголовного дела. Так что, возможно, более правильным будет идти по пути признания за результатами проверочных мероприятий такой же доказательственной силы, какую имеют результаты следственных действий. При этом стадия возбуждения уголовного дела сохранит свое значение.

В.Н. Чаплыгина

Особенности проведения следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела

Общеизвестным актом является то, что возбуждение уголовного дела выступает первой стадией уголовного процесса, преследующей цель установить, имеются ли правовые основания для того, чтобы начать производство по уголовному делу и осуществить процессуальные действия в полном объеме, включая при необходимости применение мер принуждения[2].

Современные процессы общественно-политических и социально-экономических преобразований в России повлекли существенные изменения во многих сферах жизнедеятельности, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства. Действующее уголовно-процессуальное законодательство заставляет по-новому взглянуть на многие научные положения, переосмыслить их с учетом изменений приоритетов в современной уголовно-процессуальной политике, когда права и свободы личности признаются высшей ценностью в обществе и государстве.

Федеральным законом от 4.03.2013 №23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были существенным образом реформированы некоторые уголовно-процессуальные институты, расширены права как лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений, так и лиц, осуществляющих предварительную проверку сообщений о преступлениях и расследование в целом. Трансформации были подвержены и возможности правоохранительных органов по производству следственных действий,

---

[1] Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс)».

[2] Коллегия юридической поддержки и судебного сопровождения Санкт-Петербург. URL: http://www.advokatum.ru.

осуществление которых допустимо до возбуждения уголовного дела, что в свою очередь требует должного анализа с учетом реалий настоящего времени и возможностей судебно-следственной практики.

Анализ уголовно-процессуального законодательства, позволяет утверждать, что к перечню следственных действий осуществляемых на данном этапе не реформированное уголовно-процессуальное законодательство относило лишь три: осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование.

Реалии современной действительности, свидетельствуют о расширении перечня следственных действий, производство которых допустимо до возбуждения уголовного дела и добавления к трем указанным: осмотра предметов, документов; судебной экспертизы и получения образцов для сравнительного исследования.

Осмотры предметов и документов являются одними из основных источников получения доказательственной информации и общему правилу проводятся в рамках тех следственных действиях, в рамках которых они изымаются[1]. При описании предметов, документов, веществ, жидкостей и других объектов необходимо указывать не только родовые, но и индивидуальные признаки, выделяющие его из числа однородных. В противном случае отсутствует тождественность объектов, приобщаемых к материалам уголовных дел, что влечет в дальнейшем признание полученных доказательств недопустимыми и прекращение дел за недоказанностью вины преступников.

Необходимость проведения осмотра предметов и документов как отдельного следственного действия до возбуждения уголовного дела спорная, но учитывая обязанность лиц, изымающих предметы и документы, описывать их индивидуальные особенности в проколах, которыми они изымаются, вполне объяснимая.

Еще одним из следственных действий, производство которого возможно до возбуждения уголовного дела является судебная экспертиза, вопрос о целесообразности производства которой на стадии возбуждения уголовного дела долгое время оставался дискуссионным. Более того, современная история развития уголовно-процессуальной доктрины подчеркивает, что будучи пять лет закрепленной в УПК РФ, возможность назначения судебной экспертизы (с 2002 г. по 2007 г.) в ходе предварительной проверки сообщений о преступлениях[2], так и не была практически реализована. Ни судебная, ни следственная практика на

---

[1] Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.03.2006 № 14-О06-6.

[2] См., например: ФЗ от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; ФЗ от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

стадии возбуждения уголовного дела не проводили экспертизы, имея в ч. 4 ст. 146 УПК РФ действующего в тот период времени законодательства, нормативные основания для их производства.

Наиболее остро потребность в производстве судебных экспертиз в рамках предварительной проверки возникает при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по делам о дорожно-транспортных происшествиях, причинении вреда здоровью, экономическим преступлениям и другим. Но максимальную актуальность производство судебных экспертиз на данной стадии имеет по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, оружия, боеприпасов и другим, когда в ходе их исследования применяются разрушающие методы, влекущие видоизменение объектов, уменьшение количества исследуемого вещества, а зачастую и невозможность последующего производства экспертиз (отстрел патрона, подрыв боеприпаса и т.д.).

В то же время, исследования предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела в отличие от экспертиз имеют преимущества в оперативности их проведения и преследования лишь одной цели: получения данных, указывающих на признаки преступления. Недостатками исследований предметов и документов являются: обязанность последующего назначения экспертиз, отсутствие информативности исследования, т.к. специалистами не описывается его методика, и невозможность проверяемости полученных результатов, в силу разрушения объекта исследования.

Имеется неопределенность и в процессуальном статусе лиц, чьи интересы затрагивает производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела в вопросах заявления ходатайств о выборе экспертного учреждения, отвода эксперта, возможности присутствия при ее проведении и других прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ.

Исходя из вышеизложенного, нам представляется, что проведение судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела необходимо при применении разрушающих и других методов исследований, влекущих видоизменение объектов, уменьшение их количества и не позволяющих в последующем проведение последующих экспертиз. В остальных случаях, исходя из ограниченности предварительной проверки материалов временными рамками, целесообразно прибегать к использованию исследований предметов и документов.

Последним из разрешенных следственных действий, производство которого допустимо на стадии возбуждения уголовного дела стало получение образцов для сравнительного исследования, предусмотренное ст. 202 УПК РФ. Сбор образцов для сравнительного исследования может рассматриваться и как оперативно-розыскное мероприятие, порядок производства которого закреплен в ст. 5 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ» и применяемое в прак-

тической деятельности оперативных подразделений правоохранительных органов.

Исходя из позиции Конституционного Суда РФ, который в своих определениях указал, что сбор образцов для сравнительного исследования как оперативно-розыскное мероприятие не означает лишение лица, в отношении которого оно проводится, государственной защиты его прав и свобод и права на квалифицированную юридическую помощь[1], допустив возможность его проведения до возбуждения уголовного дела в рамках предварительных проверок, полагаем вполне оправданным решение законодателя о разрешении получения образцов для сравнительного исследования как следственного действия на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, рассмотрев некоторые изменения уголовно-процессуального закона, касающиеся стадии возбуждения уголовного дела, мы пришли к следующим выводам:

а) расширение перечня таких следственных действий, как осмотр предметов, документов и получение образцов для сравнительного исследования, производство которых допустимо до возбуждения уголовного дела, ведет к оптимизации средств проверки сообщений о преступлениях и позитивно отразится на судебно-следственной практике;

б) необходимость производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела оправдана лишь при применении разрушающих методов исследования и последующей деформации объекта, его полного или частичного уничтожения, что позволит оценить методику исследования, избавит от необходимости производства последующей экспертизы, но увеличит сроки предварительной проверки;

в) законодательное закрепление возможности назначения и производства судебной экспертизы в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении, оставило не решенным вопрос о правовом статусе лиц, заинтересованных в ее проведении и возможности ими использования прав, предусмотренных ст.198 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела;

г) дальнейшее расширение перечня следственных действий, допустимых для проведения на стадии возбуждения уголовного дела, может

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 9.06.2005 № 327-О «По жалобе гражданина Чукова Анзаура Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 части первой статьи 6 и подпункта 1 пункта 2 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2007 № 342-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жерноклеева Павла Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

негативно сказаться на процессуальных гарантиях прав и свобод личности и привести к их грубым ущемлениям.

Д.П. Чекулаев

Начало досудебного производства по УПК Швейцарии

Возбуждение уголовного дела относительно «молодая» стадия отечественного уголовного процесса, неизвестная ни Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., ни первым советским УПК РФСФР 1922 и 1923 гг. Впервые законодательную регламентацию она получила в ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик, согласно которой суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. Т.е. «возбуждение уголовного дела» стало обязательным предварительным условием для дальнейшего производства по уголовному делу, что получило дальнейшую регламентацию в УПК РСФСР 1960 г.

Однако с момента закрепления этой стадии в отечественном уголовном процессе не стихают споры о целесообразности этого правового института. Различные, часто полярные точки зрения, высказываются и в современной научной литературе.

Например, И.Л. Петрухин писал: «Доследственная проверка – ядро процессуальной стадии возбуждения уголовного дела, но парадокс в том, что она в значительной мере проводится непроцессуальными методами, и тогда возникает вопрос, почему доследственная проверка включена в Уголовно-процессуальный кодекс. Ей не место в этом Кодексе, поскольку она носит административно-полицейский характер»[1].

Другая часть ученых, особенно сотрудников ведомственных учебных и научных учреждений, указывает, что стадия возбуждения уголовного дела является одной из гарантий прав и законных интересов граждан[2], выполняет роль своеобразного фильтра, который должен отсеивать информацию о действиях, не содержащих признаков преступления или не подлежащих преследованию в уголовном порядке[3].

---

[1] Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. 2. М., 2005. С. 28-29.

[2] Белозеров Ю.Н. Глава 31. Возбуждение уголовного дела // Курс уголовного судопроизводства: учеб. В 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. Т. 2: Досудебное и судебное производство. М., Воронеж, 2006. С. 13.

[3] Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. …

Некоторые авторы начали прямо указывать на необходимость наделения следователя, дознавателя на стадии возбуждения уголовного дела правом совершения следственных и иных процессуальных действий «по собиранию доказательств»[1].

Классическая континентальная схема выглядит совершенно иначе: после регистрации сообщения о преступлении открывается так называемое полицейское дознание, проводимое под непосредственным контролем (надзором) прокурора. По его окончании материалы дела (собранные «полицейские доказательства») ложатся на стол прокурора, который и дает им юридическую оценку, в зависимости от которой либо возбуждает публичное обвинение перед судебной властью, либо отказывает в его возбуждении, либо применяет альтернативные меры реакции на преступления[2].

Несмотря на разнообразие юридико-технических вариантов этой модели она не предусматривает специального акта «о возбуждении уголовного дела» на начальной стадии производства по уголовному делу. Возбуждение прокурором уголовного преследования (публичное обвинение, уголовный иск) открывает судебное, а не досудебное производство по уголовному делу.

В тех государствах континентальной системы права, где предварительное следствие производится судебно-следственными органами, прокурор направляет дело после возбуждения уголовного преследования следственному судье (Франция, Бельгия, Лихтенштейн).

В других государствах, где собственно предварительное следствие в настоящее время отсутствует (ФРГ, Австрия), прокурор после дознания передает дело непосредственно в суд.

Например, согласно ч. 1 пар. 160 УПК ФРГ как только прокуратура из донесения или иным путем получает информацию о подозрении в совершении преступления, для принятия решения о предъявлении публичного обвинения ей надлежит расследовать обстоятельства дела. При этом никакого формализованного процессуального решения для этого не требуется[3].

В последующем, после проведенного прокурорского (а чаще всего «полицейского» под контролем прокурора) дознания, если прокуратура считает целесообразным предъявление публичного обвинения, она

докт. юрид. наук. М., 2003. С. 18.

[1] Ряполова Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные вопросы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10, 19-21.

[2] Головко Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 12

[3] Трефилов А. Система Уголовно-процессуального кодекса ФРГ. Saarbruchen. 2011. С. 46.

делает в материалах дела отметку об окончании следствия и выдвигает его путем направления обвинительного заключения в компетентный суд (пар. 169а, ч. 1 пар. 170 Кодекса). Прокурор также вправе прекратить производство по делу (ч. 2 пар. 170 Кодекса). Как следует из пар. 175 УПК ФРГ, если суд после заслушивания обвиняемого признает ходатайство обоснованным, он принимает решение о предъявлении публичного обвинения. Исполнение данного решения возлагается на прокуратуру.

Таким образом «формализация» начала производства по уголовному делу, вынесение специального процессуального решения, в западноевропейских государствах отсутствует.

Представляется, что российскому законодателю также следует взвесить все «за» и «против» дальнейшего сохранения возбуждения уголовного дела как первоначальной стадии уголовного процесса. В любом случае, назрела необходимость деформализации этой стадии, а не усложнения и превращения её в «квази-расследование» до предварительного расследования, которое фактически имеет место в действующем уголовно-процессуальном законе. Особенно ярко эта тенденция проявилась после внесения в ст. 144 УПК РФ соответствующих изменений п. 8 ст. 2 Федерального закона от 4.03.2013 № 23-ФЗ, которым существенно расширен круг следственных и иных действий, предусмотренных в начальной стадии уголовного процесса[1].

В качестве возможного варианта реформирования стадии возбуждения уголовного дела, как и в целом досудебного производства, может послужить опыт Швейцарии. Согласно концепции нового «единого» для всей страны УПК (принят в 2007 г. после многолетней работы над ним, введен в действие с 01.01.2011) досудебное производство занимает «промежуточное» положение между классическим «западноевропейским» и «постсоветским» построением досудебных стадий уголовного процесса.

Как отмечается в литературе, рассматриваемый УПК воплотил в себе новейшие достижения мировой юридической науки. Он является результатом труда сотен экспертов, представлявших как романо-германские, так и англосаксонские страны, отражает наиболее прогрессивные и современные уголовно-процессуальные идеи[2]. Поэтому подход швейцарского законодателя к регламентации как начала производства по уголовному делу, так и в целом к досудебному производству, вызывает большой интерес.

---

[1] Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

[2] Трефилов А.А. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии: комментарий и перевод. М., 2011. С. 5.

Как предусмотрено ч. 1 ст. 206 Кодекса предварительное производство состоит из полицейского дознания и предварительного следствия, производимого прокуратурой. Согласно ч. 1 ст. 306 УПК Швейцарии полиция устанавливает посредством дознания на основе заявлений, указаний прокуратуры или по собственным данным обстоятельства, связанные с уголовно-наказуемым деянием. Полиция начинает дознание без вынесения какого-либо процессуального акта, что сближает эту форму с «западноевропейской» моделью. В ходе дознания полиция вправе (должна) сохранять и оценивать следы и доказательства, применять меры по розыску потерпевших и подозреваемых, допрашивать их, подвергать подозреваемых предварительному задержанию, т.е. наделяется необходимым комплексом полномочий по сбору и закреплению доказательств. При этом полиция поднадзорна прокуратуре и выполняет ее указания, что следует из ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 307 Кодекса.

По окончании дознания, а в некоторых случаях и без производства дознания, прокуратурой может быть «открыто» предварительное следствие (ст.ст. 308, 309 УПК). Это второй этап досудебного производства, в ходе которого прокуратура проводит заключительный допрос обвиняемого (ст. 317 УПК) и предъявляет обвинение в компетентный суд, если основания для подозрения в достаточной степени подтвердись (ч. 1 ст. 324 УПК). Предварительное следствие также может быть прекращено прокурором, если подозрение не подтвердилось. Отметим, что объем процессуальных прав участников процесса не зависит от этапа досудебного производства (полицейское дознание или прокурорское следствие), в отличие от УПК РФ, где на стадии возбуждения уголовного дела заинтересованным участникам процесса представляется минимум полномочий.

Как справедливо отмечает Л.В. Головко, швейцарцы пошли на компромисс. Наряду с полицейским дознанием сохранили следствие, но проводит его прокуратура. Они сочли, что прокурор – это тоже магистрат, и полностью система следствия не выхолащивается, если его ведет орган, более независимый чем полиция. Поэтому если мы признаем, что полный возврат к судебному следствию невозможен, то прокурорское следствие не самый плохой вариант[1].

Реализованная в УПК Швейцарии конструкция досудебного производства выглядит непривычно как для «западноевропейской», так и «постсоветской» моделей. Но основанный на компромиссах подход швейцарского законодателя в случае серьезного подхода к реформе досудебных стадий российского уголовного процесса, не ограничивающихся механическим «отказом» или, наоборот, дальнейшей «процес-

[1] Головко Л.В. Между гражданской и уголовной юстицией не может быть противостояния // Закон. 2013. № 8. С. 20.

суализацией» стадии возбуждения уголовного дела, может быть взят за основу дальнейшего обсуждения.

С.С. Чернова

Некоторые проблемы производства следственных действий на этапе проверки сообщения о преступлении

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[1] и постановлением Правительства Российской Федерации от 16.05.2011 № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг»[2] утвержден Административный регламент МВД России предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах МВД России заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях[3].

Указанный регламент определяет сроки, последовательность действий (административных процедур) при осуществлении полномочий по приему, регистрации и разрешению заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях.

Кроме того, деятельность по рассмотрению сообщения о преступлении частично урегулирована в ст. 144 УПК РФ, согласно которой указанные в ней лица обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции принять по нему решение в срок не позднее трех суток со дня поступления указанного сообщения. При этом, проверяя сообщение о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель

---

[1] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон РФ от 27.07.2010 г. № 210 // Российская газета. 30 июля 2010.

[2] О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг: постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 // СЗ РФ. 2012. № 28. Ст. 3908.

[3] Об утверждении административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах министерства внутренних дел российской федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: Приказ МВД РФ от 01.03.2012 № 140 // Российская газета. 2012. 1 августа.

следственного органа вправе провести ряд следственных и процессуальных действий (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

Так, запрещая до возбуждения уголовного дела производить следственные действия, закон делает исключение для осмотра места происшествия; осмотра трупа, освидетельствования, получения образцов для сравнительного исследования; назначения судебной экспертизы; изъятия предметов и документов в порядке, предусмотренном УПК РФ и их осмотра[1].

В соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. По данным изучения нами уголовных дел осмотр места происшествия проводился по 78,3% уголовных дел и «отказных материалов», аналогичные статистические данные приводят в своих работах и ученые-процессуалисты[2]. Вместе с тем при производстве этого следственного действия возникает ряд трудностей, приводящих к признанию полученных доказательств недопустимыми, а так же принятию незаконных и необоснованных решений на стадии возбуждения уголовного дела. В частности, УПК РФ, предусматривая получение согласия на осмотр жилища проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 УПК РФ), не определяет, требуется ли такое согласие в случае, когда жилище является местом происшествия. Поэтому перед осмотром места происшествия сотрудники правоохранительных органов, выезжая на кражи, грабежи, разбойные нападения, совершенные в жилище (квартире, частном доме), в ряде случаев спрашивают согласие проживающих в квартире лиц на ее осмотр.

Например, 9.09.2010 трое неизвестных лиц кавказской национальности, взломав дверь квартиры, избив и связав хозяина К., завладели денежными средствами в сумме 121 тыс. долларов США и золотыми изделиями. На место происшествия выехала следственно-оперативная группа, возглавляемая следователем И., который стал производить осмотр места происшествия, только получив согласие владельца квартиры, о чем сделал соответствующую запись в протоколе осмотра[3].

Подобное толкование закона, на наш взгляд является неверным и приводит к тому, что зачастую, прибыв на место происшествия (в квартиру, частный дом) при отсутствии жильцов, сотрудник право-

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 873.

[2] Троицкая Е.В. Отдельные следственные действия как процессуальное средство проверки сообщения о преступлении. Краснодар, 2012. С. 125.

[3] Взлом квартиры г. Москва // СПС «КонсультантПлюс».

охранительных органов не проводит осмотр до их прибытия[1]. В результате в ряде случаев осмотр приходится производить спустя длительный промежуток времени, что влечет утрату следов преступления, изменение обстановки и т.п.

Так, 2.07.2010 неизвестные преступники, взломав дверь квартиры гр. П., открыв путем подбора ключа сейф, похитили оттуда 216 тыс. долларов США. Обнаружив дверь данной квартиры вскрытой, соседка П. сообщила об этом в полицию. Прибыв на место происшествия следователь, выяснил, что хозяйка квартиры находится в отъезде, и не стал осматривать квартиру; возвратившись в ОВД, написал рапорт о том, что осмотреть место происшествия не представилось возможным в виду отсутствия жильцов, сославшись на требования ч. 5 ст. 177 УПК РФ. Потерпевшая П., появилась в г. Москве лишь через 3 недели и обратилась в органы внутренних дел. Только после этого был произведен осмотр места происшествия, однако следов преступления обнаружить не удалось, а уголовное дело пришлось приостановить[2].

Еще одним следственным действием, производство которого допустимо до возбуждения уголовного дела является осмотр трупа, поскольку от его своевременности и полноты во многом зависит дальнейший успех раскрытия и расследования отдельных видов преступлений.

Вместе с тем, Б.В. Пимонов отмечает, что именно при производстве такого следственного действия, как осмотр трупа, следователи допускают наибольшее количество ошибок:

- при осуществлении ориентации обнаруженных следов не указывают в расстояние от трупа до них;

- при описании следов не отражают их форму, однако площадь локализации указывают;

- при изъятии следов не описывают способ изъятия, упаковку и т.п.[3]

Следующее следственное действие, производство которого законодатель допускает до возбуждения уголовного дела – освидетельствование, представляющее собой процессуальный осмотр подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля для установления на их теле следов преступления или особых примет. Следовательно, освидетельствованию может быть подвергнуто лицо с определенным процессу-

---

[1] Вандышев В.В. Уголовный процесс: общая и особенная часть: учебник. М, 2012. С. 122.

[2] Взлом квартиры, г. Москва: отсутствие следов преступления // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Пимонов Б.В. Особенности производства осмотра трупа при расследовании уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях // Совершенствование деятельности по расследованию дорожно-транспортных преступлений: мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. в режиме видеоконференцсвязи (6.09.2012). Тюмень, 2012. С. 70.

альным статусом (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель), вместе с тем на этапе проверки сообщения о преступлении таковых вообще нет (вместо свидетеля – очевидец, вместо потерпевшего – пострадавший и т.п.). В связи с этим предлагаем дополнить ст. 179 УПК РФ, включив в нее указание на то, что на этапе проверки сообщения о преступлении освидетельствованию может быть подвергнуто лицо без процессуального статуса.

Еще одно следственное действие, производство которого возможно до возбуждения уголовного дела это назначение и проведение экспертизы. Федеральный закон от 04.03.2013 № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1] оставив указание на производство исследования, дополнил ст. 144 УПК РФ, рассматриваемым нами следственным действием, разрешив многолетнюю дискуссию ученых-процессуалистов, о необходимости производства экспертного исследования на этапе предварительной проверки.

Однако позволим себе заметить, что изменение законодательства оставило множество неразрешенных вопросов. Так, ст. 198 УПК РФ предусматривает определенные права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы. Вряд ли возможно говорить о соблюдении данного требования уголовно-процессуального закона при производстве экспертизы до возбуждения уголовного дела, поскольку на этом этапе еще нет процессуальной фигуры подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля.

Еще один упрек можно высказать законодателю по поводу нововведения, касающегося производства до возбуждения уголовного дела изъятия предметов и документов в порядке, предусмотренном УПК РФ и их осмотра, поскольку действующее законодательство допускает изъятие предметов и документов, в том числе, в ходе таких следственных действий как обыск, выемка. Поэтому установление в законе возможности изъятия предметов и документов в порядке, предусмотренном УПК РФ до возбуждения уголовного дела может привести к безграничному расширению круга следственных действий, предпринимаемых в ходе предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении.

На наш взгляд, устранение обозначенных пробелов законодательства и сложившейся правоприменительной практики положительным образом скажется как на соблюдении прав лиц, участвующих на этапе

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 873.

проверки сообщения о преступлении, так и упростит деятельность властных субъектов уголовного процесса.

А.В. Чубыкин

Значение стадии возбуждения уголовного дела

Существует мнение, что стадия возбуждения уголовного дела «настолько изучена, что обращение исследователя к этой теме можно расценить, если не как повторение пройденного, то, во всяком случае, как попытку представить известное в новом облике»[1]. Тем не менее, как отмечает А.А. Давлетов, нет ни одной стадии, которая не подвергалась бы в процессуальной науке критическому анализу с точки зрения ее оптимального построения. Однако всерьез ставится под сомнение целесообразность выделения лишь одной стадии – стадии возбуждения уголовного дела[2].

Диапазон мнений, высказываемых по этому поводу, весьма широк: от кардинальных изменений стадии возбуждения уголовного дела, вплоть до полного ее исключения из системы стадий уголовного процесса, до предложений ее дальнейшего законодательного совершенствования для обеспечения реальных гарантий соблюдения прав лиц, которые участвуют в этой стадии.

Представляется, что сторонники упразднения стадии возбуждения уголовного дела не учитывают реальную значимость данной стадии в уголовном судопроизводстве. Более убедительной представляется позиция ученых, считающих упразднение того или иного института самым простым способом решения проблем, имеющихся в практике его применения[3], и относящих стадию возбуждения уголовного дела к числу полноценных и обязательных стадий уголовного процесса[4], обладающей всеми необходимыми признаками самостоятельной стадии.

Ю.В. Прушинский, критикуя авторов концепции судебной реформы, видящих в институте предварительной проверки лишь помеху для скорейшего начала предварительного следствия и предлагающих по существу ликвидировать стадию возбуждения уголовного дела, верно указывает, что «элементарная логика требует ответа на вопрос о том,

---

[1] Бозров В. Лабиринты первой процессуальной стадии // Уголовное право. 2005. № 2. С. 72.

[2] Давлетов А.А. Проблемы процессуальной формы уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 100.

[3] Химичева Г.П., Химичева О. В. Возбуждение уголовного дела: противоречия в правовой регламентации // Закон. 2009. № 1. С. 45-52.

[4] Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 53.

какие проблемы подобная ампутация породит для всей системы уголовного судопроизводства в целом. Таких проблем немало, они являются гораздо более острыми, представляющими серьезную угрозу интересам личности»[1].

Бесспорным в науке уголовно-процессуального права является суждение о том, что существование любой стадии уголовного судопроизводства в первую очередь обусловлено ее назначением, конкретными задачами, стоящими перед ней. Н.Н. Полянский отмечал, что «каждое уголовное дело в своем течении как бы восходит с одной ступени на другую, высшую ступень. Это прохождение дела через ряд процессуальных ступеней (стадий) и называется движением процесса»[2]. На первой стадии процесса происходит проверка повода и установление основания для возникновения уголовного дела. Сущность стадии возбуждения уголовного дела состоит в том, что на ней принимается решение о начале принудительной процессуальной деятельности, результаты которой, в свою очередь, будут служить материалом для судебного разбирательства. Если же будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, уголовно-процессуальная деятельность завершится.

Возбуждение уголовного дела – это процедура официального начала предварительного расследования, т. е. только в случае возбуждения уголовного дела соответствующие государственные органы могут приступить к осуществлению в рамках дознания или предварительного следствия деятельности по установлению события преступления и лица, его совершившего, наступит следующая стадия уголовного процесса – стадия предварительного расследования. Именно на стадии возбуждения уголовного дела принципиально решается вопрос, получат ли развитие уголовно-процессуальные отношения.

В связи с этим, безусловно, справедливым является утверждение М.С. Строговича о том, что «возбуждение уголовного дела – правовое основание для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела»[3], что и является основным процессуальным значением этой стадии.

Стадия возбуждения уголовного дела также имеет социальное и уголовно-правовое значение. Социальное значение данной стадии за-

---

[1] Прушинский Ю.В. Первоначальные действия при получении сведений о преступлении: Процессуальные и организационно-правовые формы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000.

[2] Полянский Н.Н. Уголовный процесс: Уголовный суд, его устройство и деятельность: лекции. М., 1911. С. 132.

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. С. 10.

ключается в том, что от правильного разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела зависят эффективность и целесообразность дальнейшей деятельности правоохранительных органов, качество системы процессуальных гарантий, а также степень удовлетворенности населения функционированием системы органов уголовной юстиции[1].

Решение о возбуждении уголовного дела зависит, прежде всего, от результатов общей уголовно-правовой оценки юридически значимых обстоятельств, оценки деяния как преступления. В этом состоит важное уголовно-правовое значение стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме этого, как верно отмечает Л.А. Воскобитова, в современных условиях стадия возбуждения уголовного дела приобретает еще и важное конституционное значение. Статья 52 Конституции РФ устанавливает обязанность государства обеспечить потерпевшему от преступления доступ к правосудию. Именно стадия возбуждения уголовного дела и установленный процессуальный порядок этой стадии являются для потерпевшего единственной и необходимой процедурой доступа к правосудию. Своевременное возбуждение уголовного дела необходимо потерпевшим, чтобы получить возможность защитить свои права и интересы в суде[2]. Поэтому значение стадии возбуждения уголовного дела напрямую связанно, с одной стороны, с соблюдением конституционных принципов, а с другой, – с обеспечением основополагающего принципа уголовного права – неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Следует отметить также, что ученые, предлагающие «полностью и безоговорочно отказаться от так называемой доследственной проверки заявлений, сообщений о преступлениях и по их получении немедленно возбуждать уголовное дело и начинать расследование»[3], считающие, что возбуждение уголовного дела по каждому сообщению о преступлении не представляет никакой опасности для прав и свобод личности[4], не учитывают важный психологический фактор, особенно в тех случаях, когда речь идет о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

Дело в том, что у многих людей возбуждение уголовного дела в отношении определенного лица заведомо ассоциируется с его виновно-

---

[1] Малышева О.А. Возбуждение уголовного дела: теория и практика. М., 2008. С. 44-45.

[2] Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 4.

[3] Вицин С. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56.

[4] Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 40.

стью. Даже если в последующем уголовное дело будет прекращено, компенсировать моральные и психологические затраты данному лицу невозможно. Как верно указывает И.Б. Михайловская, важным является сведение до минимума негативных последствий, возникающих при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности[1]. Поэтому для исключения неоправданных подозрений граждан недопустимо безосновательно начинать уголовное преследование, только при наличии повода для возбуждения уголовного дела, необходима объективная проверка источников информации о преступлении. Как справедливо указывал А.Ф. Кони, «уголовное преследование – слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Отсюда необходимость самой точной проверки дошедших до прокурора сведений о событии преступления и об участии в нем определенного лица»[2].

В свою очередь, что касается возбуждения уголовного дела по факту совершенного преступления, можно признать в некоторой степени справедливыми суждения ученых, считающих, что первичная информация во многих случаях содержит достаточные данные о наличии признаков преступления, что позволяет принять решение о возбуждении уголовного дела незамедлительно[3], без проверки полученной информации. Тем не менее, как обоснованно отмечал А.Ф. Кони, «каждый опытный судебный деятель знает, как часто такая проверка обращает суровые очертания преступления в простой несчастный случай и как удостоверенная дознанием действительность опровергает тревожную молву, разбивает подозрение и рисует событие в его настоящем иногда несколько комичном виде»[4].

В юридической литературе также совершенно справедливо отмечается, что отмена стадии возбуждения уголовного дела выявит массу негативных обстоятельств, связанных с загруженностью органов расследования, которые будут начинать предварительное следствие в каждом случае появления повода к возбуждению уголовного дела. Ликвидация данного института приведет к еще большему желанию практических работников не реагировать на заявления и сообщения, которые, по их мнению, не связаны с преступлением, что может повлечь серьезные ошибки и злоупотребления[5].

---

[1] Михайловская И. Б. Социальное значение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 114.

[2] Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. В 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 171.

[3] Акперов Р. С. Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 7.

[4] Кони А. Ф. Указ. соч. С. 72-73.

[5] Горбунов И. Г. Значение стадии возбуждения уголовного дела в доказывании мошенничества // Закон и право. 2011. № 3. С. 75.

Отсутствие специального решения о возбуждении уголовного дела, изначально открывающего, как было отмечено, сам процесс расследования и фиксирующего наличие данных, указывающих на признаки преступления, способно негативно сказаться на сроках расследования, которые могут непомерно затягиваться; на соблюдении законных интересов граждан, ибо тяготы пребывания под следствием в качестве подозреваемого не должны быть неопределенно длительны. Отсутствие стартового акта, каковым служит решение о возбуждении дела, затрудняет контроль со стороны потерпевшего за ведением расследования в защиту им своих прав и интересов[1].

Следовательно, выделение возбуждения уголовного дела в самостоятельную стадию закономерно обусловлено тем, что лишь принятие в установленном законом порядке решения о возбуждении уголовного дела открывает возможность применения принудительных мер, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в том числе связанных с ограничением конституционных прав граждан. Исключение в современных условиях данной стадии из уголовного процесса означало бы устранение важнейшей гарантии, обеспечивающей защиту личности от незаконного вовлечения в сферу уголовного преследования, и возможности доступа к правосудию, что противоречит назначению уголовного судопроизводства.

Стадия возбуждения уголовного дела имеет конституционное, уголовно-процессуальное, уголовно-правовое и социально-психологическое значение, поэтому законодатель избрал правильную позицию, сохранив стадию возбуждения уголовного дела.

П.Д. Шалагинов

Плюсы и минусы изменения поводов для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях

Усложнение экономической ситуации во всем мире и в том числе в России требует от фискальных властей и правоохранительных органов более тесного взаимодействия в борьбе с финансовыми правонарушениями. Именно этим объясняется то, что в последние годы наше государство пытается найти оптимальные решения в налоговой сфере путем совершенствования правоприменения и внесения изменений в законодательство.

В связи с принятием Федерального закона от 6.12.2011 № 407-ФЗ[2], ст. 140 УПК РФ была дополнена ч. 1.1, которой установлено, что «по-

---

[1] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2004. С. 408-409.

[2] Федеральный закон от 6.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи

водом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, служат только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела», а в соответствии с подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ с 15.01.2011, уголовные дела данной категории отнесены к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России).

Президентом России 11.10.2013 года на рассмотрение Государственной Думы был внесен и 10.12.2013 принят в первом чтении проект № 357559-6 федерального закона, которым предполагается исключение из УПК РФ ч. 1.1 ст. 140[1].

В Пояснительной записке к проекту федерального закона отмечается то, что ранее внесенные Федеральным законом от 6.12.2011 № 407-ФЗ изменения являются одной из основных причин низкой эффективности раскрытия налоговых преступлений, в связи с чем существенно затруднено использование в уголовном процессе имеющихся результатов оперативно-розыскных мероприятий, проводимых органами внутренних дел РФ в рамках борьбы с налоговой преступностью. Проектом федерального закона устанавливается общий порядок рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 198-199.2 УК РФ, что обеспечит комплексный подход к противодействию экономическим преступлениям, реализации возможностей правоохранительных органов и использованию поискового потенциала оперативно-разыскной деятельности для документирования налоговых преступлений и установления умысла на их совершение[2].

Следовательно, поводами для возбуждения уголовного дела, в том числе по налоговым преступлениям, будут как и ранее служить: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (ч. 1 ст. 140 УПК РФ).

Попытаемся спрогнозировать как соответствующие изменения скажутся не только на результативности обнаружения и раскрытия налоговых преступлений и пополнения бюджета РФ, но и на эффективности взаимодействия налоговых органов со СК России и МВД России.

1. Процессуальные аспекты взаимодействия СК России и Федеральной налоговой службой, связанные с передачей материалов нало-

---

140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7349.

[1] Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: http://www.duma.gov.ru.

[2] Там же.

говыми органами для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, регулируются Соглашением от 13.02.2012 № 10М62-12/ММВ-27-2/3 (далее – Соглашение) и являющимися его неотъемлемой частью Протоколами № 1 и № 2.

В Протоколе № 1 к Соглашению установлено, что основанием для направления налоговыми органами материалов в следственные органы СК РФ является вступившее в силу решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, повлекшего неуплату или неполную уплату налога (сбора), при условии соблюдения перечисленных в п. 3 ст. 32 НК РФ требований, а также документального подтверждения обстоятельств, позволяющих предполагать факт совершения нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления. Нами уже отмечалось то, что недостаточность правовых ресурсов (а именно отсутствие полномочий на осуществление оперативно-розыскных действий) не позволяет эффективно устанавливать такие обстоятельства[1]. Предусмотренные НК РФ мероприятия налогового контроля с каждым годом совершенствуются, но все равно не могут обладать тем потенциалом, который есть у оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с этим, мы считаем, что налоговые органы в некоторой степени заинтересованы в принимаемом федеральном законе, потому как с них будут в определенной степени сняты «непрофильные» функции, которые в свое время решала налоговая полиция.

Вместе с тем стоит оговориться, что порядок передачи материалов, предусмотренный Соглашением, также продолжит действовать. В некоторой степени это увеличит объем и разновидность форм взаимодействия налоговых и правоохранительных органов, потребует от них более слаженной и профессиональной работы.

2. Анализ появляющейся в последнее время информации дает основания говорить о том, что вопрос о механизме взаимодействия ФНС России, СК России и МВД России остается открытым.

Уже неоднократно за последние месяцы Президент России на встречах с руководителем ФНС России заострял внимание на данном вопросе[2]. Из этих сообщений стало известно, что ведомствами по поручению Президента России создана рабочая группа для того, чтобы рассмотреть возможности корректировки законодательства, эффективно использовать информацию налоговой службы совокупно с материалами оперативно-розыскной деятельности.

---

[1] Шалагинов П.Д. О некоторых проблемах взаимодействия налоговых органов со Следственным комитетом России // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мате-лы Межд. науч.-практич. конф. В 3-х ч. Ч. 2. М., 2013. С. 395-400.

[2] Официальный сайт Президента России URL: http://kremlin.ru/news.

В.В. Путин полагает, что «в законе можно зафиксировать обязанность правоохранительных органов, в том числе СК России, запрашивать соответствующие документы из налоговых органов, с тем, чтобы в деле документы из налоговой службы всегда присутствовали»[1]. Соглашение и в настоящее время предусматривает информационное взаимодействие. Следовательно, должен быть продуман более серьезный механизм, своего рода «фильтр», предполагающий учет мнения налогового органа до возбуждения уголовного дела. Вместе с тем пока неясно, какой порядок может быть разработан.

Если речь будет идти о проведении в обязательном порядке по требованию СК России в ограниченные сроки выездной налоговой проверки совместно с сотрудниками МВД России в отношении конкретной организации, то это достаточно проблематично по следующим причинам.

Во-первых, Приказом МВД России и ФНС России от 30.06.2009 № 495/ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений»[2] предусмотрен комплекс необходимых для проведения действий, требующих временных затрат. Относительно сроков в нем установлено, что «не позднее десяти дней с даты поступления материалов налоговый орган направляет уведомление в орган внутренних дел, направивший материалы, о принятом по ним решении: о назначении выездной налоговой проверки (с указанием срока начала ее проведения, но не позднее квартала, следующего за кварталом поступления материалов из органов внутренних дел в налоговый орган)». Аналогичные положения закреплены в Протоколе № 2 к Соглашению. Сама выездная налоговая проверка может продолжаться до двух месяцев (ч. 6 ст. 89 НК РФ). Оканчивается проверка составлением Справки, а в течение двух месяцев со дня ее составления уполномоченными должностными лицами налоговых органов должен быть составлен Акт (ч. 1 ст. 100 НК РФ).

В свою очередь Инструкция утвержденная Приказом СК России от 11.10.2012 № 72 «Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации»[3] устанавливает достаточно ограниченные сроки (до 30 суток) на проведение доследственной проверки.

Во-вторых, потребуется пересмотреть положения НК РФ по количеству выездных налоговых проверок (не более двух в течение календарного года (ч. 5 ст. 89 НК РФ). Кроме того, в рамках выездной нало-

---

[1] Официальный сайт Президента России URL: http://kremlin.ru/news.
[2] Российская газета. 2009. № 173.
[3] Российская газета. 2013. № 48.

говой проверки может быть проверен период, не превышающий трех календарных лет, предшествующих году, в котором вынесено решение о проведении проверки (ч. 4 ст. 89 НК РФ), а сроки давности по некоторым составам налоговых преступлений более длительные (ч. 2 ст. 199 – срок давности 10 лет). Эти обстоятельства в проекте закона не учитываются.

Следовательно, механизм проведения «срочной» совместной проверки практически невозможен без еще более детального изменения действующего законодательства. Полагаем, что эти процессуальные вопросы можно было бы решить путем принятия отдельных Протоколов к действующим Соглашениям о взаимодействии с СК России и МВД России.

3. Как констатирует С.В. Бажанов «проведенное главным управлением процессуального контроля СК России обобщение показывает, что в нормативно определенные сроки проведения процессуальных проверок по сообщениям о налоговых преступлениях ведомственные следователи укладываются с трудом, что обусловлено необходимостью: а) проведения документальных проверок, направленных на исчисление сумм неуплаченных налогов, с учетом полученных в ходе процессуальных проверок дополнительных данных, а также процентного соотношения сумм неуплаченных налогов к общей сумме налогов, подлежащих уплате; б) назначения и производства финансово-хозяйственных и бухгалтерских исследований; в) установления контрагентов предприятия-налогоплательщика; г) опроса работников предприятия-налогоплательщика, сотрудников фирм-контрагентов»[1].

Вызывает опасение то, что материалы проведенной сотрудниками органов внутренних дел на стадии доследственной проверки в части экономической составляющей могут быть худшего качества, нежели представленные налоговыми органами по итогам выездной налоговой проверки.

В этой связи, на наш взгляд, для выявления и расследования налоговых преступлений необходимо создание новых подразделений в структуре привлечение СК России и МВД России и привлечение в них специалистов обладающих знаниями в финансово-налоговой сфере.

Кроме того, неизбежно нашим ведомствам предстоит более открытое и современное сотрудничество в области укрепления налоговой дисциплины и раскрытия преступлений.

---

[1] Бажанов С.В. Проведение процессуальных проверок о налоговых преступлениях следователями Следственного комитета // Законность. 2012. № 6. С. 41-45.

Т.Н. Шамонова

Стадия возбуждения уголовного дела - важная составляющая досудебного производства

Вопросы о необходимости рассматриваемой стадии уголовного процесса и, в частности основного ее содержания – проверки сообщения о преступлении, в последние годы все чаще становятся предметом научной дискуссии. При этом наряду с мнением ряда ученых о полном отказе от данной формы, другие представители научного сообщества в своих предложениях о совершенствовании уголовного судопроизводства высказывались о том, что стадия возбуждения уголовного дела требует существенного пересмотра в интересах защиты прав личности. Поэтому следует внести в нормы УПК РФ о порядке рассмотрения сообщений о преступлении определенные коррективы.

С учетом такого рода предложений законодателем в период 2003-2013 гг. исследуемая стадия неоднократно претерпевала изменения. Причем настолько, что они, как представляется, постепенно привели к размыванию границ между проверкой заявления о преступлении (ее итог – решение о возбуждении уголовного дела) и стадией расследования его обстоятельств. Несмотря на это, все же считаем новеллы закона положительными для следственной практики.

Так, в соответствии с новой редакцией ст. 144 УПК[1] в ходе проверки заявлений о преступлении субъекты расследования «…вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов», привлекать к ним специалистов, и осуществлять помимо осмотра места происшествия такие следственные действия: осмотр документов, предметов и трупов, освидетельствование людей; истребовать документы и предметы, изымать их и получать образцы для сравнительного исследования. В числе значимых дополнений названной проверки, существенных для следственно-экспертной практики, – производство судебной экспертизы[2]. Названные выше следственные действия, нам представляется, выбраны законодателем не случайно, необходимость их осуществления была обоснована требованиями подготовки последующей экспертизы. Учитывая это, увеличен и срок проверки сообщения до 30 суток.

Если исходить из позиции практических работников, подобные изменения могут и должны способствовать качественной «доследственной» проверке, обоснованному принятию решений о возбуждении дела

---

[1] В ред. Федерального закона РФ от 9.03.2010 № 19-ФЗ // Российская газета. 2010. 12 марта.

[2] Федерального закона РФ от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» // Российская газета. 2013. 6. марта.

или в отказе в этом. К тому же увеличение срока проверочной деятельности может повлиять и на соблюдение расследования в процессуальные сроки. Не секрет, что для следователей и оперативных работников это имеет большое значение. Нередко на качество проверки заявлений влияли именно недостатки времени и невозможность выполнения необходимых процессуальных мер, в связи с чем нарушались установленные законом сроки (трое, а исключение – десять суток), а также оформлялись «задним» числом следственные действия и др.

На наш взгляд, принятые изменения ст. 144 и ряда других норм УПК РФ свидетельствуют и о попытке законодателя позитивно решить вопрос о правах личности на данной стадии. Идеи Конституции, отраженные в дополнениях уголовно-процессуального закона, закрепили в процессуальной деятельности важность соблюдения основных прав, свобод и охраны интересов конкретных участников проверки. Новое содержание норм УПК, несмотря на ряд упущений - некий прорыв вперед. Подробнее это излагалось в нашей публикации 2013 г.[1]

Разделяем мнение некоторых процессуалистов о том, что изменение сути проверочных мероприятий свидетельствует также и о стремлении законодателя увеличить возможности доказательственной деятельности осуществляющих доследственную проверку лиц, и тем самым обеспечить большую достоверность информации о наличии признаков преступления[2]. Но при этом

Е.А. Зайцева полагает, что новеллы закона от 6.03.2013 № 23-ФЗ на практике «способны породить значительные проблемы правоприменения в виду их непродуманности, противоречивости и поспешности». Так, детально не регламентированы случаи, когда в этой стадии требуется провести судебную экспертизу (не любые экспертизы), хотя объективно необходимость этого существует. Автор считает невозможным и получение любых образцов у любых лиц без оговорок о мере возможного принуждения и добровольности дачи образцов, без указания их вида[3]. На наш взгляд, подобная регламентация в ст. 144 была бы излишней, УПК указывает на обязательность только некоторых экспертиз (ст.196), а в остальном следствие исходит из потребности той или иной экспертизы. Криминалисты предлагают свои рекомендации с целью эффективности расследования, а указанные изменения закона,

---

[1] Шамонова Т.Н. О правах личности в досудебном производстве УПК России // Конституция Российской федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений (14.11.2013): мат-лы Межд. науч.-практ. конф. В 3-х ч. Ч. 2. М., 2013. С. 400-405.

[2] Зайцева Е.А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона от 4.03.2013 № 23-ФЗ // Проблемы отправления правосудия по угол. делам в современной России: теория и практика: мат-лы V Межд. науч.-практ. конф. (11-13.04.2013). Курск, 2013. С. 73-79.

[3] Там же. С. 76-77.

конечно, должны повлечь их разработку. Для получения образцов в ходе проверки также не нужна детализация этой процедуры, т.к. в тексте ст. 144 даются ссылки: «в порядке, установленном настоящим Кодексом», т.е. имеется в виду ст. 202 УПК.

Вместе с тем возражения ученых против стадии возбуждения уголовного дела в основном сводятся к позиции разработчиков Концепции судебной реформы 1991 г., а именно, о нецелесообразности сохранения в УПК проверки сообщения о преступлении и необходимости при возбуждении дела устанавливать истину более надежными средствами – процессуальными действиями. Авторы исходили из положений ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. о том, что «жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка»[1]. В связи с указанным поясним, что изменения, внесенные в УПК России в период с 2003 г., пополнили содержание ст. 144 именно процессуальными действиями. О ссылках на Устав 1864 г., УПК РСФСР 1922, 1923 гг. О.В. Хитрова верно замечала, что эти законы «предназначены для регулирования правоотношений в иных исторических, социальных, экономических, политических условиях…», а простое копирование неуместно. Нам близка и позиция автора: «деятельность, «связанная» с преступлением, должна регламентироваться исключительно уголовно-процессуальным законом. При наличии юридического факта - сообщения о преступлении, возникают уголовно-процессуальные отношения: иной их правовая природа быть не может». Ее разделяют и другие авторы: процессуальные отношения (ст. 141-143УПК) формируются «еще при приеме заявлений о преступлении. Постановление же о возбуждении дела и есть его начало, необходимость начать следствие, исследуя обстоятельства преступления»[2].

Не все исследователи с приведенными суждениями согласны. Так, судья С.М. Коцюмбас считает, что достижение целей доследственной проверки сообщений о преступлении осуществляется на практике непроцессуальными способами и средствами, что означает их низкую эффективность, как в собирании доказательств преступления, так и в установлении его признаков[3]. Да, такое нередко на практике случается,

---

[1] Устав уголовного судопроизводства 1864 г. URL: http://constitution. garant.ru.

[2] Хитрова О.В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела: за и против // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: сб. Всерос. науч.-практ. конф. В 3-х ч. М., 2011. Ч. 1; Зинатуллин 3.3., Туров С.Ю. Некоторые размышления о путях совершенствования досудеб-ного производства по уголовным делам: сб. Межд. науч.-практ. конф. Уфа, 2012.С. 59-65.

[3] Коцюмбас С.М. К вопросу о начальной стадии возбуждения уголовных дел // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной Рос-

но это не означает, что отказ от такой проверки будет способствовать эффективности результатов расследования.

В обоснование сходных доводов некоторые ученые заявляют, что существующая процедура начала расследования препятствует доступу потерпевшего от преступления к правосудию, чем нарушается его конституционное право (ст. 52 Конституции РФ), и является одной из причин резкого снижения в последнее десятилетие деятельности по борьбе с преступностью. Указанное подкрепляется статистическими данными решений об отказе в возбуждении уголовного дела по итогам проверки, т.к. часть подобных решений как необоснованные прокурорами отменяется[1]. Не будем вдаваться в анализ статистики, поскольку и наш опыт, и современная практика, не отрицают имеющихся недостатков в проверочных действиях в исследуемой стадии. Их причины кроются вовсе не в самой стадии возбуждения уголовного дела, а во многом объясняются как слабой профессиональной подготовкой следственных и оперативных кадров (особенно с начала 90-х гг. в связи с переустройством нашего государства), так и существующими перекосами в регистрации преступлений, и упущениями на законодательном уровне (разделяем приведенные выше замечания Е.А. Зайцевой).

Взгляд представителей изложенной позиции на суть «доследственной» проверки и отказ от процессуальной формы возбуждения уголовного дела, считая основанием для начала производства по уголовному делу заявление, сообщение о преступлении с «письменным указанием начальника органа дознания, руководителя следственного органа» о начале такого производства»[2] (подражая уголовно-процессуальному законодательству Латвии 2005 г. и Украины 2012 г.), на наш взгляд, противоречит положениям Конституции РФ и принципам уголовного процесса нашей страны о правах личности и охране ее интересов. Подобные указания руководителей на основании непроверенной информации о будто бы совершенном преступлении нельзя назвать не иначе как произволом в отношении граждан, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию. Из практики известно: множество таких заявлений не соответствует действительности в силу различных причин и мотивов, в том числе с целью устранения конкурентов по бизнесу или компрометации отдельных лиц. Такие заявления, к сожалению,

---

сии: теория и практика: мат-лы V Межд. науч.-практ. конф. (11-13.04.2013). Курск, 2013. С.119-123.

[1] Гаврилов Б.Я. Реалии и мифы возбуждения уголовного дела // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: мат-лы 50-х Криминалист. чтений. Ч. 1. М., 2009. С. 106-112; Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Гос-во и право. 2005. № 1. С. 64.

[2] Рекомендации Всерос. науч.-практич. конф. 26.05.2011 в Москве.

стали обыденными при капитализации отношений, идеале денег в современном российском обществе.

Поскольку большинство предложений о кардинальном реформировании уголовного процесса высказано до принятия рассмотренных нами изменений УПК России Федеральным законом от 6.03.2013, то полагаем, что к данным вопросам следует вновь вернуться лишь после апробирования на практике нового содержания доследственной проверки. Отрицательные результаты правоприменения новелл и соответствующее мнение самих практических работников, а не только представителей науки, возможно, и приведет законодателя к решению об отказе от проверочных мероприятий и введения иного порядка возбуждения уголовного дела по сообщениям о совершенных или готовящихся преступлений.

О.В. Шипунова

К вопросу о необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе

Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2).

Проводимая в настоящее время в России судебно-правовая реформа одной из основных целей имеет повышение эффективности деятельности правоохранительных органов, в том числе органов уголовного судопроизводства. Указанные задачи в той или иной мере решаются на всех стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела.

Вопрос о том, является ли возбуждение уголовного дела стадией уголовного процесса и необходима ли она, в уголовно-процессуальной литературе ставился и обсуждался неоднократно.

Выделение возбуждения уголовного дела в особую стадию судопроизводства, завершающуюся принятием мотивированного письменного решения (постановления) специально уполномоченным органом или должностным лицом, вполне можно отнести к специфике российского уголовного процесса наших дней.

По дореволюционному законодательству данный этап производства по уголовным делам в самостоятельную стадию не выделялся. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства, утвержденного императорским Указом от 20.11.1864, единый порядок начала производства по уголовным делам не устанавливался: содержание этих действий регламентировалось дифференцированно, в зависимости от того,

какой орган вступал в действие первым[1]. Ст. 297 и 298 вышеназванного Устава называли лишь «законные поводы к начатию следствия» и обязывали судебного следователя «о всяком начатом им следствии доводить до сведения прокурора». Не требовалось и принятие какого-то процессуального решения (постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении)[2].

Не предусматривали стадии возбуждения уголовного дела УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. В соответствии, например, со ст.ст. 94-96 УПК РСФСР 1923 г., следователь, прокурор и органы дознания обязаны были принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовившихся к совершению преступлений. Усмотрев из самого заявления или сообщения (т.е. без проведения каких бы то ни было проверочных действий, без получения дополнительной информации) отсутствие в деле признаков преступления, они отказывали в производстве дознания или предварительного следствия[3].

В связи с осознанием законодателем необходимости обеспечения дополнительных гарантий от произвола со стороны следственных органов в период сталинского режима УПК РСФСР 1960 г. была введена предварительная проверка сообщений о преступлениях и в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса выделено возбуждение уголовного дела.

В настоящее время в УПК РФ возбуждению уголовного дела посвящен раздел VIII с аналогичным названием.

Многие ученые-процессуалисты и практические работники правоохранительных органов считают возбуждение уголовного дела самостоятельной стадией уголовного процесса. Кроме того, утверждение о том, что стадия возбуждения уголовного дела как первоначальная стадия уголовного судопроизводства является необходимой и обязательной частью уголовного процесса, большинство ученых воспринимает как аксиому.

Так, П.А. Лупинская отмечает: «Возбуждение уголовного дела – первоначальная обязательная стадия уголовного процесса… Решение о возбуждении уголовного приводит процедуру уголовного процесса в движение, образует правовую основу для выполнения процессуальных

---

[1] Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 (книга вторая «Порядок производства в общих судебных местах» раздел второй «О предварительном следствии») // СПС «Гарант».

[2] Гуценко К.Ф. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. М., 2000. С. 219.

[3] Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15.02.1923 // СПС «КонсультантПлюс».

действий в последующих стадиях и служит точкой отсчета сроков предварительного расследования»[1].

«Стадия возбуждения уголовного дела, – пишут Ю.К. Якимович и Т.Д. Пан, – самостоятельная стадия уголовного процесса. Это первая стадия уголовного судопроизводства. Начало этой стадии и есть начало уголовного процесса»[2].

К.Ф. Гуценко считает, что «возбуждение уголовного дела – первая, исходная, начальная стадия производства по любому уголовному делу. В современном российском уголовном процессе она недвусмысленно и четко выделена в обязательную и самостоятельную стадию»[3].

Однако необходимо отметить, что по данному вопросу в юридической литературе высказываются и другие суждения. Так, ряд авторов считают необходимым вообще ликвидировать возбуждение уголовного дела в качестве самостоятельной стадии процесса[4].

Ю. Деришев в связи с этим отмечает: «...чем больше приходит понимание предложенного законодателем и накапливается практика правоприменения, тем очевиднее становится впечатление о некоторой формальности («бумажности») возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного судопроизводства»[5].

А.П. Кругликов, проанализировав опыт досоветского, советского и постсоветского уголовного процесса России, считает, что «предварительная проверка сообщений о преступлениях, как и стадия возбуждения уголовного дела в целом, не нужны: возбуждение уголовного дела должно стать началом предварительного расследования преступления, сведения о котором содержатся в поступившем сообщении»[6].

Кроме того, следует отметить, что в законодательстве многих зарубежных государств нашего времени (США, Великобритании, Франции,

---

[1] Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. М., 2004. С. 23.

[2] Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие): учебно-практическое пособие. СПб., 2004. С. 104.

[3] Гуценко К.Ф. Указ. соч. С. 194.

[4] Вицин С.Е. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 56; Усачев А.А. Некоторые вопросы оптимизации начального этапа уголовного судопроизводства // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 4. С. 72.

[5] Деришев Ю. Стадия возбуждения уголовного дела – реликт «социалистической законности» // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 34.

[6] Кругликов А.П. Уголовное преследование: сущность, значение и защита от него // Защита субъективных прав: история и современные проблемы: мат-лы II межвуз. науч.-практич. конф. (11.04.2000). Волгоград, 2000. С. 64.

Германии) также нет четкого обособления начальной стадии в уголовном процессе.

Так, например, для германского уголовного процесса характерно отсутствие стадии возбуждения уголовного дела. Предварительное расследование начинается с получения сообщения о совершенном преступлении. На этой стадии прокуратура, являющаяся органом дознания, обязана исследовать сообщение для решения вопроса о возбуждении публичного обвинения. Формально полиция – не орган дознания, но она должна расследовать обстоятельства преступления и принять меры к тому, чтобы не допустить противодействия выяснению этих обстоятельств. При этом полиция проводит так называемое свободное, неформализованное доказывание, т.е. собирание сведений о событии преступления и лице, его совершившем. Прокуратура возбуждает публичное обвинение посредством направления в суд уголовного дела с обвинительным актом[1].

Наличие разных точек зрения, появление все новых и новых работ, в которых исследуются сущность и различные аспекты возбуждения уголовного дела, подтверждают актуальность последнего.

Подводя итог сказанному, отметим, что в настоящее время существует ряд проблем, с которыми вынуждены сталкиваться органы предварительного расследования, не имея возможности сразу после получения сообщения о преступлении приступить к производству предварительного следствия и дознания. Однако, поддерживаем общепризнанный в юридической науке подход к пониманию значения стадии возбуждения уголовного дела, который, как писал М.С. Строгович, заключается в том, что возбуждение уголовного дела – это правовое основание для дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела[2]. Даже Конституционный Суд РФ в своих решениях прямо указывает на то, что возбуждение уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих на признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью или подсудностью и т.п.[3]

---

[1] Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М., 2009. С. 479.

[2] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. II. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. С. 10.

[3] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116,

Таким образом, считаем, в настоящее время с учетом действующего законодательства необходимо сохранить стадию возбуждения уголовного дела в уголовном процессе.

Т.И. Ширяева

Начало уголовного судопроизводства и реализация прав лица, потерпевшего от преступления

Происходящее в настоящее время активное реформирование уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации влечет за собой модификацию различных, в том числе, считавшихся до недавнего времени традиционными, процессуальных институтов (например, с 1.01.2013 существенно изменены содержание и соотношение стадий апелляционного, кассационного и надзорного производств по уголовным делам[1], федеральным законом от 23.03.2013 № 23-ФЗ введена новая сокращенная форма производства дознания по уголовным делам, расширен перечень средств проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела[2] и др.). Основной целью подобных преобразований видится достижение оптимального, в условиях современного правового государства, механизма реализации назначения уголовного судопроизводства, и, в первую очередь – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Назначение уголовного судопроизводства определяет направленность всего процесса производства по уголовным делам, неотъемлемой

211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан: определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2002 № 300-О // СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 267; По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П // Российская газета. 2000. 2 февраля; По жалобе гражданки Шевелевой Ларисы Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2004 № 452-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

[1] Федеральный закон от 29.11.2010 N 323-ФЗ (ред. от 29.12.2010) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

[2] Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

частью которого, в обстановке действующего правового регулирования, является стадия возбуждения уголовного дела. Она начинается с момента получения уполномоченными государственными органами сообщения о преступлении, и завершается принятием решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом. Данная стадия входит в состав досудебной части производства по уголовному делу, и предшествует его «основному» этапу – стадии предварительного расследования, на которой осуществляется сбор и доказывание юридически значимой информации об обстоятельствах уголовного дела. Таким образом «…правила о порядке возбуждения дела предваряют регулирование расследования…»[1], и определяют возможность формирования правовых основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда.

Особое значение данный тезис приобретает в свете реализации обозначенного в п. 1 части первой ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Указанные лица для защиты и восстановления посредством уголовного судопроизводства своих, нарушенных преступлением, прав должны быть наделены соответствующими полномочиями. Их объем определяется процессуальным статусом при производстве по уголовному делу[2]. Исходя из требований высших судебных органов Российской Федерации, такая возможность его приобретения ставится в непосредственную зависимость от фактического положения лица[3]. То есть, в случае установления в ходе проведения предварительной проверки по сообщению о преступлении, достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления (основания для возбуждения уголовного дела), лицо, понесшее в результате его совершения предусмотренный законом вред, должно наделяться статусом потерпевшего.

---

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П/2000 от 14.01.2000 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Мартынчик Е. Г. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. С. 8.

[3] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.01.2005 № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (ред. от 09.02.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

Следует отметить, что действовавшее до принятия 28.12.2013 Федерального закона № 432-ФЗ[1] правовое регулирование придания лицу, понесшему вред от преступления, статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве порождало целый ряд проблем в правоприменительной практике[2], в результате чего неоднократно подвергалось критике со стороны ученых-процессуалистов (Мисник И.В., Новиков В.Н., Ширяева Т.И. и др.). Поэтому, представляется, что законодательное закрепление требования о немедленном при возбуждении уголовного дела признании указанных лиц потерпевшими, следует признать существенной гарантией реализации их прав при производстве по уголовному делу.

Однако, несмотря на данную нами положительную оценку такого нововведения, нельзя не отметить, что получив дополнительные гарантии в стадии предварительного расследования, потерпевшие от преступлений так и остались законодательно не защищенными на этапе производства проверочных действий по сообщению о преступлении. Их процессуальный статус так и остался не определенным, а возможности защиты нарушенных преступлением прав – зависящими от усмотрения должностных лиц, осуществляющих деятельность по проверке сообщения о преступлении.

В ходе изучения автором материалов правоприменительной практики[3] было выявлено, что по 94,29% уголовных дел, лица пострадавшие от преступлений, участвовали на рассматриваемом этапе уголовного судопроизводства лишь посредством подачи заявления о совершении в отношении них преступления и (или) дачи объяснений по обстоятельствам произошедшего. При этом во всех случаях они предупреждались об уголовной ответственности по статьям 306 и 308 УК РФ. Приведенные данные свидетельствуют о том, что лица, потерпевшие вред в результате совершения преступлений, будучи жертвой, то есть тем, кто подвергся чьему-либо насилию, злому умыслу, пострадал от кого-либо, чего-либо[4], при обращении в уполномоченные государ-

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве».

[2] Ширяева Т.И. Юридическое лицо как потерпевший: теоретические и практические проблемы участия в уголовном судопроизводстве: монография. Волгоград, 2010. С. 48.

[3] Данные получены в результате изучения автором материалов 508 уголовных дел, находившихся в производстве следственных подразделений МВД России по Астраханской, Волгоградской, Липецкой, Московской, Ярославской областям в период с 2004 по 2013 гг. Далее – результаты изучения правоприменительной практики (результаты округлены до 0,01).

[4] Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: http://efremova.slovaronline.

ственные органы за защитой и восстановлением своих нарушенных преступлением прав и свобод, подвергаются дополнительному воздействию (морально-психологического характера). При этом получаемая от них в ходе проверочных действий информация, как правило, имеет значение лишь для принятия итогового решения в данной стадии. После возбуждения уголовного дела указанные лица в 96,85% случаев наделяются статусом потерпевшего и подвергаются допросу о тех же обстоятельствах, по поводу которых ранее давали объяснения.

Аналогичные тенденции отмечаются и при производстве в стадии возбуждения уголовного дела иных процессуальных действий проверочного характера. Так в ходе изучения правоприменительной практики, проведенного в период с апреля по декабрь 2013 г., было выявлено, что уполномоченные органы при осуществлении проверки сообщения о преступлении ограничивались реализацией полномочий, которыми были наделены еще до вступления в силу Федерального закона № 23-ФЗ: получением объяснений, истребованием документов, проведением оперативно-розыскных мероприятий, документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, в том числе, с участием специалистов, а также производством осмотров мест происшествия и осмотров трупов. То есть, несмотря на предоставленную федеральным законом № 23-ФЗ возможность проводить, наряду с осмотром места происшествия, осмотром трупа и освидетельствованием, иные следственные действия – получать образцы для сравнительного исследования, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр документов, предметов – уполномоченные на это государственные органы до настоящего времени так и ограничиваются проведением иных процессуальных действий. При этом следует отметить, что доказательственное значение результатов осуществления таких процессуальных действий, не являющихся следственными, сомнительно. Буквально толкуя положений главы 11 УПК РФ, можно прийти к выводу, что доказывание в досудебном производстве осуществляется исключительно следователем, дознавателем. Поэтому, в целях соблюдения требования о допустимости доказательств, в случаях возникновения необходимости производства следственных действий при проверке сообщения о преступлении, ее проведение целесообразно возлагать не на любое указанное в ч. 1 ст. 144 УПК РФ должностное лицо. Подобными полномочиями должны быть наделены только следователь или дознаватель, а в отдельных случаях – руководитель следственного органа (в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 39 УПК РФ), начальник подразделения дознания (в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ), так как только они уполномочены осуществлять собирание доказательств в досудебном производстве по уголовным делам.

Сложившееся положение не может быть признано удовлетворительным, поскольку не обеспечивает в полной мере ни реализации назначения уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, ни должного осуществления его принципов (разумный срок, законность при производстве по уголовному делу, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и др.). Исходя из изложенного, можно сделать вывод о необходимости корректировки действующего правого регулирования, как стадии возбуждения уголовного дела, так и системы досудебного производства по уголовному делу в целом.

Представляется, что в качестве одного из вариантов решения обозначенных проблем следует рассматривать упразднение стадии возбуждения уголовного дела и определение возможности производства всех видов следственных и иных процессуальных действий уже с момента получения и регистрации сообщения о преступлении. Подобное решение, во-первых, позволит максимально обеспечить доступ к правосудию и возможность защиты нарушенных преступлением прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, посредством наделения их процессуальным статусом потерпевшего на максимально раннем этапе уголовного судопроизводства; во-вторых, в определенной мере сократит расходы, связанные с получением в стадии предварительного расследования информации, дублирующей результаты процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, полученные в стадии возбуждения уголовного дела, а также, повысит эффективность деятельности на начальном этапе уголовного судопроизводства, разрешив получать информацию, имеющую доказательственное значение; в-третьих, сократит сроки производства по уголовным делам. Изложенное, в конечном итоге, позволит обеспечить последовательную реализацию назначения уголовного судопроизводства, его принципов, и, следовательно, приведет к оптимизации досудебного производства по уголовному делу, в целом.

В.А. Шурухнов

Некоторые проблемы процессуального регулирования деятельности следователя по преодолению противодействия расследованию в стадии возбуждения уголовного дела

Противодействие расследованию представляет собой достаточно сложный, последовательный процесс, начало которого имеет некоторые размытые временные рамки. При этом следует признать, что лидеры организованных преступных формирований на момент возбуждения уголовного дела имеют продуманную систему действий, которая

начинает функционировать уже с момента возбуждения уголовного дела. В этой связи, для эффективной нейтрализации и преодоления противодействия организованной преступной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела необходим комплексный подход, который заключался бы в принятии проработанной нормативно-правовой базы, реализация которой должна осуществляться в тесном взаимодействии всех подразделений и служб правоохранительных органов государства.

На сегодняшний день можно констатировать, что значительные усилия в этой области государством предпринимаются и, пусть даже сейчас, они носят непоследовательный и несистемный характер, общая концепция развития достаточно осязаема. Пусть еще существуют определенные недостатки, которые не позволяют данной системе функционировать по задуманной схеме, достигая поставленные перед ней цели. Этому есть вполне закономерные объяснения.

Например, ученые пришли практически к единому пониманию противодействия расследованию, и мерам по его преодолению, которые рассматривается, как совокупность умышленных противоправных и иных действий, направленных на воспрепятствование расследованию и деятельности правоохранительных органов, по выявлению и раскрытию преступлений, со стороны преступников и лиц, связанных с ними[1].

Однако следует констатировать, что законодательного закрепления, рассматриваемая категория не имеет до сих пор. В различных нормативных актах, имеются лишь некоторые указания на отдельные аспекты противодействия, которые имеют правовую оценку. В частности Уголовное законодательство, определяет, что таковым является: совершение преступлений из мести за правомерные действия других лиц, а так же с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, что является обстоятельствами, отягчающими наказание (пп. «е.1», «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также ряд составов, предусматривающих ответственность за посягательство на общественные отношения, складывающиеся в рамках реализации уголовного процесса (ст. 294, 295, 296, 309, 310, 311, 317, 320 УК РФ).

---

[1] См., напр.: Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. III. С. 234; Волынский А.Ф., Лавров В.П. Организованной противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы тории и практики) // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: мат-лы науч.-практич. конф. (29-30.10.1996). М., 1997. С. 94; Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: дис. … докт. юрид. наук. Свердловск, 1992. С. 35.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что преступления, совершаемые в целях воздействия на участников уголовного процесса или иные действия, не носящие криминального характера, но посягающие на процесс расследования, особенно совершаемые участниками организованных преступных формирований, находятся за рамками расследования преступной деятельности указанных лиц. Связано это с тем, что в ходе расследования, следователем, не устанавливается связь между преступным событием; лицами, участвовавшими в нем, и событиями, складывающимися вокруг расследования. Особенно это проявляется в случаях, когда противоправная деятельность маскируется под случайные события (несчастный случай, естественные события и т.п.).

Причиной этому является то, что в обязанности следователя не входит необходимость доказывать деятельность, направленную на воспрепятствование правоохранительным органам по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, то есть, не что иное, как противодействие, так как на это нет прямых указаний в законе.

Решение проблемы видится в законодательном закреплении требования о необходимости выявления фактов противодействия расследованию и их правовой оценки. В частности, в этой связи В.П. Лавров, отмечает: «противодействие расследованию может затруднить и подчас сделать невозможным доказывание любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Сам факт сокрытия и других форм противодействия должен рассматриваться как одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию, ибо противодействующим субъектами может быть оказано негативное воздействие на установление любых из 8 групп обстоятельств, перечисленных в этой статье»[1].

Такой подход позволил бы более эффективно и последовательно нейтрализовывать и преодолевать противодействие расследованию, а также, в этих целях, реализовывать другие, взаимозависимые элементы системы преодоления противодействия расследованию.

Так, например, право на защиту, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством и реализуемое посредством Федерального законодательства[2], призвано решить проблему воздействия на участников уголовного судопроизводства. Такое право возникает тогда, когда имеется достоверная информация о воздействии на участников уголовного процесса, то есть она должна быть установлена – пара-

---

[1] Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М., 2011. С. 26.

[2] Федеральный закон от 14.08.2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

докс. В этой связи возникают серьезные недоработки и недостатки, которые порой приводят к трагическим последствиям.

«Государство, – как отмечает В.П. Божьев, – как бы подтвердило свою обязанность защищать указанных граждан. Однако в реальной действительности ничего не изменилось. Закон бездействует. Граждане не изменили своего отношения к указанным обязанностям. Более того, граждане своими действиями демонстрируют нежелание сотрудничать с правоохранительными органами. Об этом свидетельствует тот факт, что до 60% лиц, пострадавших от преступлений, предпочитает не обращаться в правоохранительные органы, так как уверенны в том, что защиты от них не получат. Указанные отношения граждан и органов власти, конечно, требуют принятия необходимых мер. Их наличие негативно отражается на обстановке в обществе, может вызвать противодействие во многих сферах: уголовно-процессуальных, гражданско-процессуальных и административно-правовых отношений»[1].

Такое положение подтверждается и другими исследованиями. Как отмечает С.В. Зуев: «безопасность лиц, оказавшихся в сфере уголовно-процессуальных отношений, ставиться под сомнение. По результатам проведенного опроса 61% граждан (всего было опрошено более 200 человек) из числа опрошенных считают, что правоохранительные органы не способны обеспечить их безопасность в случае их участия в уголовных делах; 25% предпочли бы скрыться от следствия и дознания, если бы оказались очевидцами преступления»[2].

Однако это не является основанием того, что прилагаемые усилия являются неправильными и несвоевременными. К сожалению, сегодня приходится признать, что противодействие расследованию приобрело повсеместный и угрожающий характер, что, в значительной мере затрудняет реализацию принципов уголовного процесса, что в свою очередь, сформировало у значительного числа граждан убеждение о несостоятельности правоохранительных органов в области борьбы с преступностью и защиты их прав и законных интересов.

Не менее оживленную дискуссию в научных кругах вызвали изменения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие особый порядок уголовного судопроизводства. «Симптоматично, – пишет по этому поводу Е.П. Ищенко, – что законодатель, принимая УПК РФ и, перманентно внося в него изменения, уточнения, добавки и поправки, проще говоря, пытаясь усовершенствовать неусовершенствуемое, заложил в него порочную, с нашей точки зрения, идею допу-

---

[1] Божьев В.П. Процессуальные предпосылки противодействию расследования // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. мат-ов 51-х крим. чтений: В 2-х ч. М., 2010. С. 38.

[2] Зуев С.В. Борьба с организованной преступностью: нужны надлежащие правовые средства // Законность. 2011. № 3; СПС «Консультант Плюс».

стимости компромисса в борьбе с преступностью. Сначала эта идея была законодательно закреплена в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в гл. 40 УПК РФ. Однако еще более компромиссной является недавно введенная в УПК РФ гл. 40.1, регулирующая второй особый порядок принятия судебного решения: при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» Автор высказывает серьезные опасения по поводу реализации указанных новелл: «Выбрасываются на свалку принципы неотвратимости наказания за совершенное преступление и справедливости наказания, когда тяжесть содеянного должна коррелировать с назначенным видом и размером наказания»[1].

Более конкретные проблемы, в этой связи, в области противодействия расследованию, прогнозирует В.С. Мешкова, отмечающая, что такой порядок «значительно облегчает задачу лидерам организованной преступности уклониться от уголовной ответственности путем фактически «назначения» виновного за совершенное преступление из числа членов организованной преступной группы (причем, «назначает» его не суд, а руководитель организованной преступной группы)»[2].

Источником разрешения проблем всегда была и остается следственная и судебная практика. На сегодняшний день результаты ее анализа свидетельствуют о том, что при грамотном и умелом использовании возможностей уголовно-процессуального законодательства, например, в сфере досудебного соглашения о сотрудничестве, следователь может получить значительный объем информации, пусть даже ориентирующей, о лицах, осуществляющих противодействие расследованию, и принять своевременные и эффективные меры, направленные на его нейтрализацию и преодоление.

Совершенствование и дальнейшее развитие существующих средств и методов нейтрализации и преодоления противодействия расследованию, а также разработка и принятие на вооружение новых, позволит в конечном итоге, эффективно противостоять такому явлению, как противодействие расследованию, особенно групповым ее формам. Особое внимание следует уделять таким моментам деятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела от результатов которой зависит вес дальнейший процесса его расследования. Одним из основных

---

[1] Ищенко Е.П. Особое производство и его связь с противодействием расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. мат-ов 51-х крим. чтений: В 2-х ч. М., 2010. С. 99.

[2] Мешкова В.С. К вопросу об изобличении лидера (организатора) преступной группы // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): сб. мат-ов 53-х крим. чтений: В 3-х ч. М., 2012. Ч. 1. С. 227.

направлений такой деятельности является совершенствование уголовно-процессуального законодательства в этой сфере.

Однако на сегодняшний день такое совершенствование далеко от желаемого. «Практические и научные работники, – справедливо отмечает В.П. Божьев, – постоянно работающие с текстом УПК РФ, знают, что многие его нормы сформулированы таким образом, что допускают неединообразную их интерпретацию. Это, приводит не только к принятию ошибочных решений по делу, но и к противостоянию участников уголовного процесса, а затем – и к противодействию одних субъектов другим»[1].

Р.Р. Юлдошев

Возбуждение уголовного дела в Таджикистане: спорные моменты

В науке уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела посвящено немало научных трудов, которые впоследствии стали шедеврами и основными источниками при регламентации и совершенствовании данного института в нормах уголовно-процессуальных законодательств, как России, так и Таджикистана. Сравнительный анализ, компаративистский подход в научных исследованиях и при изучении данного института уголовно-процессуального права играет немаловажную роль. Следует отметить и определение А.Г. Халиулина, который утверждает, что наиболее дискуссионными в науке уголовного процесса проблемами являются существование стадии возбуждения уголовного дела и его соотношение с уголовным преследованием[2].

Об актуальности и сложности решения в законодательстве, теории и практике уголовного процесса комплекса частично вышеуказанных проблем, свидетельствует значительное количество публикаций по данной тематике. В свое время еще в советских юридических источниках господствовало мнение, согласно которому уголовное преследование начинается с возбуждением уголовного дела, и процессуальное решение о начатии данной стадии именовалось возбуждением уголовного преследования.

В науке уголовного процесса существуют различные мнения относительно определения начального момента осуществления уголовно–процессуальной деятельности. В.П. Божьев начало осуществления уго-

---

[1] Божьев В.П. Процессуальные предпосылки противодействия расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: сб. мат-ов 51-х крим. чтений: В 2-х ч. М., 2010. Ч. 1. С. 36.

[2] Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации: проблемы осуществления в условиях правовой реформы: дис. … докт. юрид. наук. М., 1997. С. 154.

ловно – процессуальной деятельности считает моментом поступления в компетентные государственные органы официальной информации, указывающей на признаки преступления[1]. Эта точка зрения наиболее полно отражает правовую природу поводов и основания к инициированию возбуждения уголовного дела и выполнения отдельных процессуальных действий, предусмотренных УПК. Отсюда вытекает вывод, что любые действия, выполняемые дознавателем, следователем и прокурором в связи с проверкой информации о совершенном преступлении и принятием решения, в соответствии со ст. 144 УПК РФ и ст. 145 УПК РТ, представляют собой уголовно – процессуальную деятельность.

Вместе с тем, А.П. Кругликов после тщательного анализа норм УПК РФ приходит к выводу о том, что при наличии в полученном сообщении признаков преступления всегда необходимо возбуждать не уголовное дело, а уголовное преследование – без проведения какой–либо предварительной проверки. Далее он отмечает, что соответствует данный вывод и содержанию п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, в соответствии с которым постановление прокурора направляется в орган предварительного расследования именно для решения вопроса об уголовном преследовании[2].

Следует отметить, что специальной нормы о порядке возбуждения уголовного дела не было закреплено в УУС 1864 г. и УПК РСФСР 1922, 1923 гг. Введена была эта норма Циркуляром Прокуратуры СССР от 5.06.1937 № 41/26, однако в законе эта норма появилась лишь в 1960 г. В странах континентальной (романо-германской) и англосаксонской (американской) системами правосудия[3] порядок возбуждения уголовного дела отсутствует. Во многих ведущих странах Европы за органами прокуратуры закреплено право возбуждать уголовное преследование. Содержание функции уголовного преследования в этих ведущих странах, как утверждают С.П. Щерба и В.Н. Дадонов, неизменно состоит, из возбуждения уголовного дела (инициация уголовного преследования), с которого, собственно, оно и начинается[4].

Институт возбуждения уголовного дела в законодательном процессе прошел довольно тернистый путь. История уголовно-процессуального законодательства современного Таджикистана тому

---

[1] Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М., 1975. С. 123.

[2] Кругликов А.П. Что возбуждать: уголовное дело или уголовное преследование? // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 57-59.

[3] Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы досудебного производства и совершенствование УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М., 2007. С. 331.

[4] Щерба С.П., Дадонов В.Н. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. № 6. 2011. С. 53.

явное подтверждение. С 1.07.1926 Президиум ЦИК Узбекской ССР ввел в действие на всей территории Узбекской ССР и Таджикской ССР первый УПК Узбекской ССР[1], который, подвергаясь некоторым изменениям, действовал до 1929 г.

В связи с преобразованием Таджикской АССР в отдельную Союзную социалистическую республику все законодательство Узбекской ССР в соответствии с решением ЦИК и СНК Таджикской ССР от 19.12.1929 за № 42 продолжало действовать до издания законодательными органами Таджикской ССР соответствующего законодательства или отмены ранее действовавшего. ЦИКом Узбекской ССР 29.06.1929 был принят и введен с 1 августа того же года в действие новый УПК Узбекской ССР.

Обзор законодательных актов, принятых Правительством Таджикской ССР за период 1929-1935 гг., свидетельствует о том, что исходя из потребностей судебно-следственной практики, принималось несколько десятков нормативных актов, регулирующих деятельность органов следствия и суда Таджикской ССР.

Первый УПК Таджикской ССР в соответствии с постановлением Президиума ЦИК республики от 15.08.1935 был введен в действие с 25.08.1935. Этим же постановлением на территории Советского Таджикистана отменялся УПК Узбекской ССР. УПК Таджикской ССР 1935 г. состоял из 14 глав, содержащих всего 154 статьи. В первой главе также содержались нормы, определяющие обязанности органов расследования, прокуратуры и суда возбуждать уголовное преследование по каждому преступлению.

Следует заметить, что в УПК Таджикской ССР 1935 г. возбуждение уголовного дела и уголовного преследования не только не разграничивались, но они, несмотря на их существенное отличие, отождествлялись. Признать такой факт удачным, разумеется, нельзя. В этой связи отмечаю, что возбуждение уголовного преследования осуществляется при наличии преследуемого лица, а уголовное дело может быть возбуждено и при наличии самого факта, события преступления, хотя еще и неизвестно конкретное лицо, которое может быть привлечено к ответственности в качестве обвиняемого по уголовному делу.

Такое различие имеет не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Нередки случаи, когда, обнаружив факт того или иного преступления и не располагая данными, указывающими на то, кем оно совершено, возбуждать уголовное преследование нельзя, но органы расследования не могут не реагировать на факт совершенного

[1] Собрание Уложений. 1926. № 1-2. С. 53.

преступления. Единственный способ их реагирования в подобных случаях – возбуждение уголовного дела по факту преступления[1].

Таким образом, можно прийти к общему выводу, что в то время в законодательных нормах не было никаких разграничений в порядке возбуждения производства по уголовному делу и уголовного преследования. Имелись сложности с определением данных понятий, с моментом начала их возбуждения и в период действия УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., где указывалось, что прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование <…> (ст. 9 УПК РСФСР 1923 г.). Отсюда вытекает вывод о том, что прокурор был обязан возбудить уголовное преследование в любом случае, когда ему стало известно из поступившего заявления или иного повода, указанных в ст. 91 УПК РСФСР 1923 г., о совершенном преступлении.

Словосочетание «уголовное преследование» со временем был предан законодателем забвению, а его место постепенно в теории и на практике начал занимать институт возбуждения уголовного дела. Следовательно, законодатель того времени в содержание возбуждения уголовного преследования вкладывал сущность и смысл института возбуждения уголовного дела. В том же смысле употреблялись данные словосочетания в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и в иных правовых актах. По сути, сходную позицию заняли многие авторы учебных источников по уголовному процессу (советского периода), в которых содержались разделы об институте возбуждения уголовного дела, но не было ни малейшего упоминания об уголовном преследовании.

Анализ норм УПК РТ в части, регламентирующей производство в стадии возбуждения уголовного дела, приводит к выводу о том, что работа по подготовке данного закона проводилась в отрыве от достижений уголовно-процессуальной науки, основанных в свою очередь на настоятельных требованиях правоприменительной практики. Дело в том, что УПК РТ гл. 17 именуется «Повод и основания к возбуждению уголовного дела». Вместе с тем в УПК РТ отсутствует норма, устанавливающая перечень источников информации, которые эти поводы образуют. В ст. 140 УПК РТ предусмотрены только поводы к возбуждению уголовного дела. Аналогичного мнения в своей работе высказывает и Н.А. Нозиров[2].

Подобная «недосказанность» в УПК РТ обусловливает смешение в использовании понятий «поводы» и «основания» для возбуждения уго-

---

[1] Раджабов С.Р. Развитие уголовно-процессуального законодательства Таджикской ССР: дис. … канд. юрид. наук. Душанбе, 1967. С. 124.

[2] Нозиров Н.А. Уголовно-процессуальное законодательство в годы независимости Таджикистана // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2012. № 3. С. 52-53.

ловного дела, что, по моему мнению, недопустимо. Таким образом, в целях исправления отмеченных недостатков представляется оправданным рекомендовать внести изменения в ст. 140 УПК РТ изложив ее в редакции ст. 103 ранее действовавшего УПК РТ (в ред. 1961 г.), а именно, дополнив новой частью:

2. Уголовное дело может быть возбуждено только в тех случаях, когда имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Реализация данной рекомендации будет способствовать повышению эффективности норм УПК РТ в целом и эффективности института возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве Таджикистана.

В настоящее время практически во многих научных работах встречаются различные мнения ученых-процессуалистов о сохранении или об отказе от стадии возбуждении уголовного дела. Анализируя уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, Л.В. Головко приходит к следующему выводу: стадия возбуждения уголовного дела, с которой якобы должен начинаться уголовный процесс, представляет собой один из неудачных рудиментов советского уголовного процесса[1]. Далее Л.В. Головко отмечает, что концептуальный уровень и характер обсуждения данных проблем отчетливо показывает, что Россия здесь, увы, не только отстает, но иногда и движется в неправильном направлении. Следует отметить, что в постсоветском пространстве от данной стадии впервые отказались законодатели Украины, которые в новом УПК Украины отразили всю суть данной новизны в уголовно-процессуальной деятельности органов расследования[2].

По данной проблеме, уместно высказываются авторы коллективной монографии из Волгограда о том, что упразднение стадии возбуждения уголовного дела привело бы к колоссальному росту числа прекращенных уголовных дел, в чем правоохранительные органы не заинтересованы. В связи с этим любые попытки инициировать исключение рассматриваемой стадии из системы уголовного процесса будут низменно встречать с их стороны активное противодействие. Так будет продолжаться до тех пор, пока органам предварительного расследования не перестанут ставить в вину прекращенные уголовные дела[3].

---

[1] Головко Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2011. № 4. С. 11.

[2] УПК Украины от 13.04.2012 № 4651-VI // Голос Украины. 2012. № 90-91. 19 мая.

[3] Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И.С. Дикарев. М., 2012. С. 368.

На мой взгляд, сохранение стадии возбуждения уголовного дела полностью соответствует традициям смешанного типа уголовного процесса России и Таджикистана с учетом однотипности характера построения системы уголовного судопроизводства, но дальнейшая их судьба остается загадкой. Все это покажет время и правоприменительная практика.

В.В. Юсубов

Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в Украине

С момента обретения в 1991 г. Украиной независимости уголовный процесс нашей страны содержал такую стадию как возбуждение уголовного дела.

При этом именно эта стадия процесса претерпела немало изменений.

Прежде всего, в ст. 55 Конституции Украины[1] было закреплено право каждого на обжалование в суде решений, действий или бездействий органов государственной власти и должностных лиц. При этом Уголовно-процессуальный кодекс Украины[2] не содержал норм, которые бы предусматривали порядок такого обжалования на стадии возбуждения уголовного дела.

В дальнейшем Конституционный суд Украины своим решением[3] признал несоответствующими Конституции Украины (неконституционными) положения отдельных статей Уголовно-процессуального кодекса Украины, которые делают невозможным рассмотрение судом на стадии досудебного следствия жалоб на постановления следователя, прокурора относительно поводов, оснований и порядка возбуждения уголовного дела в отношении определенного лица.

Признание этих положений уголовно-процессуального закона неконституционными дало возможность обжаловать постановления о возбуждении уголовного дела в суд. Практика отмены судами таких

---

[1] Конституция Украины от 28.06.1996 № 254к/96-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. 1996. № 30. Ст. 141.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Украины, утвержденный Законом Украины от 28.12.1960 № 1005-05 (в ред. 05.10.1995) // Ведомости Верховной Рады Украины. 1961. № 2. Ст. 15.

[3] Решение Конституционного Суда Украины по делу по конституционному представлению Верховного Суда Украины о соответствии Конституции Украины (конституционности) положений части третьей статьи 120, части шестой статьи 234, части третьей статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Украины (дело о рассмотрении судом отдельных постановлений следователя и прокурора) от 30.01.2003 № 3-рп/2003 // Вестник Конституционного Суда Украины. 2003. № 1.

постановлений лишний раз подчеркнула, что даже на стадии возбуждения уголовного дела систематически нарушаются конституционные права граждан.

Однако процедура и порядок обжалования постановлений о возбуждении уголовных дел так и не нашли своего отражения в действующем законодательстве вплоть до принятия 14.12.2006 Закона Украины[1], которым были внесены соответствующие изменения в УПК Украины.

Согласно новым нормам национального законодательства, которые были приведены в соответствие с универсальными стандартами прав человека Организации Объединенных Наций и Совета Европы, суд был обязан принимать к рассмотрению жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела на протяжении всего времени пребывания дела в производстве органа дознания, следователя, прокурора до момента окончания досудебного следствия.

С одной стороны, это повысило эффективность судебной защиты нарушенных конституционных прав граждан.

Вместе с тем, это привело и к некоторым злоупотреблениям правом, когда граждане, получив «неугодное» им решение суда об отказе в удовлетворении их жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела, снова и снова обращались в суд с подобными жалобами.

Это существенно затягивало процесс расследования уголовного дела, поскольку мало кто из судей пользовался предоставленным им законом правом приостанавливать следственные действия на время рассмотрения жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что изменений претерпели также порядок и механизм судебного обжалования заинтересованными лицами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. С той лишь разницей, что при неоднократном обжаловании подобных постановлений не «страдали» процессуальные сроки, отведенные для расследования уголовного дела.

Случалось, что по экономическим преступлениям судами отменялись то постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (по жалобе лица, подавшего в правоохранительные органы заявление о совершенном преступлении), то, в дальнейшем, постановление о его возбуждении (уже по жалобе лица, в отношении которого подобное дело было возбуждено). В связи с этим, учитывая еще и стадию апелляционного обжалования заинтересованными лицами соответствующих решений суда, процесс обжалования иногда длился месяцами, что

---

[1] Закон Украины от 14.12.2006 № 462-V «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Украины об обжаловании постановления о возбуждении уголовного дела» // Ведомости Верховной Рады Украины. 2007. № 9.

никоим образом не могло положительно сказаться на эффективности расследования.

Этот многолетний опыт был учтен при подготовке нового УПК Украины[1], который вступил в действие 20.11.2012.

Разработчики этого важного процессуального закона отказались от стадии доследственной проверки и, соответственно, принятия по ее результатам решений об отказе в возбуждении уголовного дела или о возбуждении такового.

При этом во главу угла была поставлена быстрота расследования уголовных правонарушений, которая не совместима с проволочками, неизбежными при судебном обжаловании решений.

С этой целью в новом УПК Украины было предусмотрено безальтернативное расследование всех заявлений и сообщений о совершенных уголовных правонарушениях.

Новшеством для украинского законодательства стал Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР) – созданная с помощью автоматизированной системы база данных, в соответствии с которой осуществляется сбор, хранение, защита, учет, поиск, обобщение всей совокупности данных о совершенном уголовном правонарушении (с момента внесения сведений о поступившем сообщении о его совершении до принятия окончательного решения по результатам его расследования).

Таким образом, в уголовном процессе Украины такая стадия как возбуждение уголовного дела перестала существовать – досудебное расследование начинается сразу после внесения в Единый реестр досудебных расследований сведений о совершенном правонарушении.

При этом необходимо отметить, что новый Уголовный процессуальный кодекс Украины разработан так, чтобы никоим образом не ограничить права граждан - в нем предусмотрено право на обжалование в суд бездействия следователя или прокурора, которое состоит в невнесении сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований.

Вместе с тем, УПК Украины не содержит норм, позволяющих обжаловать внесение вышеуказанных сведений в ЕРДР, то есть обжалование так называемого решения о начале расследования.

Однако, с учетом еще одной новеллы украинского закона – обязанности прокурора и следственного судьи обеспечить проведение досудебного расследования в разумные сроки – отсутствие нормы, предоставляющей право обжалования подобного решения на стадии досудебного расследования, не ущемляет прав граждан.

Более того, нынешний Уголовный процессуальный кодекс Украины предусмотрел массу процедур, которые обеспечивают безусловное

---

[1] Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI // Ведомости Верховной Рады Украины. 2013. № 9-10, № 11-12, № 13, ст. 88

соблюдение одного из принципов уголовного производства – состязательности сторон.

Таким образом, мы смогли в уголовном процессе отойти от стадии возбуждения уголовного дела, не нарушая при этом права человека, что позитивно отмечено Венецианской комиссией Совета Европы.

Сведения об авторах

Бастрыкин Александр Иванович – Председатель СК России, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал-полковник юстиции.

Федоров Александр Вячеславович – заместитель Председателя СК России, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, генерал-полковник; главный редактор журнала «Наркоконтроль».

Багмет Анатолий Михайлович – и.о. ректора Академии СК России, Почётный работник СК России, кандидат юридических наук, генерал-майор юстиции.

Александренко Елена Витальевна – доцент кафедры досудебного расследования Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции.

Алонцева Елена Юрьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, кандидат юридически наук, подполковник полиции.

Антонов Олег Юрьевич – старший помощник руководителя СУ СК России по Удмуртской Республике (по информационно-статистическому обеспечению), доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Арипов Анвар Лутфиллоевич – доцент кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции.

Ашуров Вели Кахриманович – преподаватель кафедры уголовного процесса УНК по предварительному следствию Волгоградской академии МВД России.

Баев Олег Яковлевич – заведующий кафедрой криминалистики Воронежского государственного университета, Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, доктор юридических наук, профессор.

Байгончокова Наргиза Алымбековна – адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской Академии МВД России, капитан полиции.

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович – главный редактор журнала «Юридическая психология», юрист, психолог.

Брусницын Леонид Владимирович – профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Московского государственного индустриального университета, доктор юридически наук.

Бужинская Юлия Евгеньевна – следователь-криминалист управления криминалистики Главного следственного управления СК России по городу Москве, подполковник юстиции.

Буланова Наталья Викторовна – заведующая отделом проблем прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции

Бутырская Анна Валерьевна – заведующий кафедрой криминалистики Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Быков Виктор Михайлович – профессор кафедры уголовного права и прикладной информатики в юриспруденции юридического факультета Тамбовского государственного технического университета, доктор юридических наук, профессор.

Бычков Василий Васильевич – учёный секретарь Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Валов Сергей Владимирович – доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Валькова Татьяна Владимировна – доцент кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Васюков Виталий Федорович – преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, майор полиции.

Вдовцев Павел Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Второго факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, лейтенант юстиции.

Власова Наталья Анатольевна – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Московского государственного индустриального университета, доктор юридических наук, профессор, полковник юстиции в отставке, старший советник юстиции.

Волеводз Александр Григорьевич – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; главный редактор изданий «Библиотека криминалиста. Научный журнал», «Библиотека уголовного права и криминологии»; доктор юридических наук.

Волочай Сергей Николаевич – заведующий кафедрой криминалистики Первого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук, майор юстиции.

Галдин Максим Владимирович – исполняющий обязанности заведующего кафедрой уголовного процесса Третьего факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Новосибирск), подполковник юстиции.

Глушков Александр Иванович – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, Почётный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Глушков Максим Рудольфович – заведующий кафедрой криминалистики Шестого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Санкт-Петербург), полковник юстиции.

Головин Александр Юрьевич – декан юридического факультета Тульского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Головко Нонна Владимировна – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, кандидат юридических наук.

Горский Вадим Вадимович – преподаватель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

Горский Максим Вадимович – преподаватель кафедры криминалистики Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук.

Гришина Екатерина Павловна – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, кандидат юридических наук, доцент.

Дикарев Илья Степанович – директор института права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Дорошков Владимир Васильевич – секретарь пленума, судья – секретарь Пленума, Верховного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Журсимбаев Сагиндык Кемалович – профессор кафедры публично-правовых дисциплин Каспийский общественный университет (г. Алматы, Казахстан), Почетный ветеран МВД РК, Почетный работник прокуратуры СССР доктор юридически наук, профессор, государственный советник юстиции 3 класса.

Загрядская Екатерина Александровна – доцент кафедры уголовного права Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), майор юстиции.

Зайцев Олег Александрович – проректор по научной работе Московской академии экономики и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Зайцева Елена Александровна – профессор кафедры уголовного процесса УНК по предварительному следствию Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции.

Зарубей Виктория Владимировна – профессор кафедры досудебного расследования Национальной академии внутренних дел (Украина), кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции.

Зорин Роман Георгиевич – доцент Юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы» (Беларусь), кандидат юридических наук, доцент.

Исаенко Вячеслав Николаевич – профессор кафедры правоохранительной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент, государственный советник юстиции 3 класса.

Исмаилов Чинтир Магомедович – заместитель прокурора г. Каспийска Республики Дагестан, кандидат юридически наук, советник юстиции.

Казначей Иван Васильевич – адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России, капитан полиции.

Калинкина Анна Борисовна – старший преподаватель кафедры уголовного права Шестого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Санкт-Петербург).

Капранов Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического институт МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции.

Каркошко Юрий Сергеевич – доцент кафедры уголовного процесса Второго факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Екатеринбург), майор юстиции.

Клименко Татьяна Валентиновна – профессор кафедры уголовно-процессуальных дисциплин и криминалистики Российской правовой академии Минюста России, доктор медицинских наук, профессор.

Козлов Александр Евгеньевич – доцент кафедры уголовного права Шестого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук.

Колесова Анастасия Сергеевна – доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, кандидат юридических наук.

Корж Валентина Павловна – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел (Украина), Почетный работник Прокуратуры Украины, доктор юридических наук, профессор.

Костенко Роман Валерьевич – профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор.

Костылева Галина Владимировна – ведущий научный сотрудник НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции.

Котяжов Андрей Валерьевич – старший научный сотрудник научного центра Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

Краснобородько Анна Александровна – соискатель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, старший лейтенант юстиции.

Кривощёков Николай Витальевич – начальник кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Кузнецов Сергей Евгеньевич – инспектор криминалистической лаборатории Академии СК России, капитан юстиции.

Лантух Наталия Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, капитан полиции.

Литвишко Пётр Андреевич – руководитель отдела международного сотрудничества управления международно-правового сотрудничества СК России, полковник юстиции.

Макогон Ирина Викторовна – доцент Волгоградской академия МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Матвеев Александр Васильевич – доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета, кандидат юридических наук.

Митькова Юлия Сергеевна – адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России, подполковник полиции.

Мишенина Алла Александровна – заведующая кафедрой уголовного процесса Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), подполковник юстиции.

Муженская Наталья Евгеньевна – ведущий научный сотрудник НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Нечаев Александр Анатольевич – старший преподаватель кафедры Управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Нудель Станислав Львович – ведущий научный сотрудник НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института, кандидат юридических наук, доцент, майор полиции.

Образцов Александр Викторович – доцент кафедры Управления органами предварительного расследования Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Оноколов Юрий Павлович – судья военного суда в отставке, кандидат юридических наук, полковник юстиции запаса.

Осипов Дмитрий Валериевич – начальник отдела по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и деятельности органов дознания и предварительного следствия НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Османова Надежда Валерьевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса АСК России.

Пастухов Павел Сысоевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук, доцент.

Панов Александр Юрьевич – доцент кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук.

Паутова Татьяна Александровна – преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Первушина Ирина Николаевна – доцент кафедры уголовного процесса Шестого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Санкт-Петербург).

Петрухина Ольга Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и процесса Тульского государственного университета, кандидат юридических наук.

Полуяненко Максим Геннадьевич – заместитель руководителя отдела процессуального контроля следственного управления СК России по Ярославской области, подполковник юстиции.

Попов Иван Алексеевич – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Почетный сотрудник МВД России, генерал-майор юстиции в отставке.

Прокофьева Светлана Михайловна – профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридически наук, профессор, полковник полиции.

Расчётов Владимир Александрович – заведующий криминалистической лабораторией Первого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Ростов-на-Дону), полковник юстиции.

Родионова Юлия Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), кандидат политических наук, капитан юстиции.

Рябинина Татьяна Кимовна – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск), кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ;

Рязанцев Василий Анатольевич – научный сотрудник отдела по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения НИЦ № 5 Всероссийского научно-исследовательского института, капитан полиции.

Ряполова Ярослава Петровна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (г. Курск), кандидат юридических наук.

Смоляров Максим Владимирович – преподаватель кафедры гражданского права и процесса Академия права и управления (Академии ФСИН России).

Согоян Валерий Левонович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Первого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Ростов-на-Дону), полковник юстиции.

Стародубова Галина Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Стельмах Владимир Юрьевич – преподаватель кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России, подполковник полиции.

Суздалева Галина Валерьевна – следователь по особо важным делам отдела методического обеспечения предварительного расследования главного управления процессуального контроля Следственного комитета Республики Беларусь, подполковник юстиции.

Сычёв Дмитрий Анатольевич – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, советник юстиции.

Хомич Максим Владимирович – юрист АО «Интертекссервис» (г. Минск, Беларусь); соискатель Научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь.

Цветков Юрий Анатольевич – заведующий кафедрой менеджмента деятельности следственного органа Академии СК России, кандидат юридических наук.

Цоколова Ольга Игоревна – начальник научно-исследовательского центра по проблемам уголовного, уголовно-процессуального законодательства и расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции.

Чаплыгина Виктория Николаевна – старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Чекулаев Дмитрий Петрович – доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Чернова Светлана Сергеевна – старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Чубыкин Александр Викторович – заместитель прокурора г. Санкт-Петербурга, государственный советник юстиции 3 класса.

Шалагинов Петр Дмитриевич – доцент кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации Федеральной налоговой службы (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук.

Шамонова Тамара Николаевна – доцент Юридического факультета Международного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Шипунова Ольга Владимировна – преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, капитан полиции.

Ширяева Татьяна Ивановна – докторант адъюнктуры (докторантуры) по кафедре уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Шурухнов Владимир Александрович – докторант кафедры управления органами расследования преступлений Академия управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции.

Юлдошев Рифат Рахмаджонович – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, капитан милиции.

Юсубов Владимир Владимирович – начальник Второго отдела процессуального руководства досудебным расследованием и поддержания государственного обвинения управления надзора за соблюдением законов органами внутренних дел Главного управления надзора за соблюдением законов в уголовном производстве Генеральной прокуратуры Украины, советник юстиции.

Яловой Олег Анатольевич – доцент кафедры судоустройства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы развития уголовного процесса

Бастрыкин А.И. Приватизация в России: проблемы и пути их решений…….. 3
Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики…… 7
Багмет А.М. К вопросу о процессуальной самостоятельности следователя на стадии возбуждения уголовного дела……... 14

Дорошков В.В. Уголовно-правовая политика и тема конференции…… 19
Зайцев О.А. Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации: от прошлого к будущему……..…… 23
Прокофьева С.М. Уроки истории и перспективы развития современного уголовного судопроизводства……... 29

Секция «Стадия возбуждения уголовного дела – за и против»

Александренко Е.В., Зарубей В.В. Проблемные вопросы начала досудебного расследования в действующем УПК Украины…….. 33
Алонцева Е.Ю. Стадия возбуждения уголовного дела и проблемы производства осмотра жилища……... 37
Антонов О.Ю. Отражение результатов работы следователей по возбуждению уголовных дел в системе статистического наблюдения СК России……... 40
Арипов А.Л. К вопросу о возбуждении уголовного дела в уголовном процессе…… 46
Ашуров В.К. О модернизации стадии возбуждения уголовного дела и производстве судебной экспертизы в ходе доследственной проверки……... 51
Баев О.Я. О злоупотреблении правом при квалификации преступлений в досудебном производстве по уголовному делу…… 55
Байгончокова Н.А. Использование средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела: сравнительно-правовой анализ…….. 60
Белых-Силаев Д.В. Проблема отмены стадии возбуждения уголовного дела: pro et contra……. 64

Брусницын Л.В. Какую задачу решают следователь, прокурор и судья применительно к стадии возбуждения уголовного дела?..... 70
Бужинская Ю.Е. Стадия возбуждения уголовного дела как защита прав и законных интересов граждан……. 74
Буланова Н.В., Яловой О.А. Можем ли мы сегодня отказаться от стадии возбуждения уголовного дела?..... 77
Бутырская А.В. Основания и повод возбуждение уголовного дела за создание преступного сообщества (преступной организации)……. 81
Быков В.М. Использование следователем специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела……. 85
Бычков В.В. К вопросу о сроках проверки сообщений о преступлениях…….. 91
Валов С.В. Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra…….. 95
Валькова Т.В. О реформировании стадии возбуждения уголовного дела……... 99
Васюков В.Ф. Объяснение как процессуальное средство получения информации на стадии возбуждения уголовного дела…… 103
Вдовцев П.В. О необходимости дальнейшего совершенствования стадии возбуждения уголовного дела……. 107
Власова Н.А. К вопросу об упразднении стадии возбуждения уголовного дела…… 109
Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Правовое регулирование стадии начала досудебного производства: международный и зарубежный опыт…… 115
Волочай С.Н. Судебная экспертиза в стадии возбуждения уголовного дела – важнейшее процессуальное средство повышения эффективности деятельности следователя…….. 130
Гаврилов Б.Я. Институт возбуждения уголовного дела: пора расставить все точки…… 133
Галдин М.В. Об ограничении конституционных прав граждан при производстве осмотра следователями Следственного комитета РФ в досудебном производстве……... 141
Глушков А.И., Головко Н.В. Проблемы установления признаков торговли несовершеннолетними на стадии возбуждения уголовного дела…….. 145
Глушков М.Р. Об исчислении срока доследственной проверки……... 150

Головин А.Ю., Матвеев А.В. К вопросу о возможности ознакомления с материалами проверки сообщения о преступлении……... 154
Горский В.В. Новый подход к доказыванию на стадии возбуждения уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме…… 157
Горский М.В. Стадия возбуждения уголовного дела: анализ законодательных новелл…… 161
Гришина Е.П. Производство экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении……... 166
Дикарев И.С. О необходимости перехода от дискретной модели досудебного производства к континуальной…….. 170
Журсимбаев С.К. Необходима четкая правовая регламентация первоначального этапа уголовного судопроизводства…… 174
Загрядская Е.А. Риск при возбуждении уголовного дела: факторы, вынуждающие следователя действовать в условиях риска…… 178
Зайцева Е.А. Быть или не быть стадии возбуждения уголовного дела?..... 182
Зорин Р.Г., Суздалева Г.В. Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве: реанимация, совершенствование или верная погибель?..... 186
Исаенко В.Н. Об оптимизации уголовно-процессуальной деятельности при проверке сообщения о преступлении…… 192
Исмаилов Ч.М. Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном процессе России: проблемы теории и практики…… 195
Казначей И.В. Теоретические и законодательные аспекты применения технических средств на стадии возбуждения уголовного дела (за или против?)…….. 200
Калинкина А.Б. Отграничение умышленного причинение вреда повлекшие по неосторожности смерть от умышленного причинения смерти на стадии возбуждения уголовного дела…….. 203
Капранов А.В. Об оптимизации правового регулирования первоначальной стадии уголовного процесса…….. 207
Каркошко Ю.С. О процессуальных полномочиях руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела…… 211
Козлов А.Е., Первушина И.Н. Стадия возбуждения уголовного дела: некоторые проблемы реформирования…….. 214

Корж В.П. Проверка криминалистически значимой информации об организованной преступной деятельности в сфере экономики по УПК Украины и УПК РФ……. 218
Костенко Р.В. Особенности процесса доказывания в стадии возбуждения уголовного дела…… 223
Костылева Г.В., Муженская Н.Е. О возможности совершенствования правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела……... 229
Котяжов А.В. Значение стадии возбуждения уголовного дела в деятельности следователя по розыску несовершеннолетнего, пропавшего без вести…….. 231
Кривощёков Н.В., Краснобородько А.А. Принуждение при производстве освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела……... 235
Кузнецов С.Е. К вопросу обсуждения необходимости стадии возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальном законодательстве……... 237
Лантух Н.В. К вопросу о концепции реформирования начальной стадии российского уголовного судопроизводства…… 240
Макогон И.В. Проблема стадий уголовного процесса на досудебном производстве…….…… 244
Митькова Ю.С. Проблемы института возбуждения уголовного дела в условиях реформирования органов внутренних дел…… 251
Мишенина А.А. Стадия возбуждения уголовного дела: за и против…….…… 255
Нечаев А.А. К вопросу о совершенствовании стадии возбуждения уголовного дела……...…… 258
Нудель С.Л. Некоторые проблемы возбуждения уголовных дел и освобождения от уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов...…… 262
Образцов А.В. О процедуре возбуждения уголовного дела частного обвинения…… 267
Оноколов Ю.П. Отмена стадии возбуждения уголовных дел поможет борьбе с преступностью и значительному сокращению латентных преступлений……. 270
Осипов Д.В., Рязанцев В.А. Выделение уголовного дела при производстве дознания в сокращенной форме……. 275
Османова Н.В. Реализация института подследственности в стадии возбуждения уголовного дела…… 278

Панов А.Ю. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях по материалам оперативных подразделений ОВД…… 283
Пастухов П.С. Следственный комитет России в контексте реформы досудебных стадий уголовного процесса……... 287
Паутова Т.А. Особенности производства отдельных следственных и процессуальных действий по преступлениям имущественной направленности на стадии возбуждения уголовного дела…….. 291
Петрухина О.А. О необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела: на примере экологических преступлений……..... 294
Полуяненко М.Г. К вопросу о взаимосвязи уголовно-процессуальных функций участников уголовного судопроизводства со стадией возбуждения уголовного дела……... 297
Попов И.А. О необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовно-процессуальном законодательстве……... 302
Расчётов В.А. Об опыте возбуждения уголовного дела в доимперский период в России…… 306
Родионова Ю.В. О вопросе назначения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела……. 310
Рябинина Т.К., Ряполова Я.П. Сохранение стадии возбуждения уголовного процесса: новые аргументы в старой дискуссии…….. 314
Смоляров М.В. Поводы к возбуждению уголовного дела по Проектам Уголовных уложений 1754-1766 гг…….. 320
Согоян В.Л. Проблемные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования…… 322
Стародубова Г.В. К вопросу о реформировании стадии возбуждения уголовного дела……... 326
Стельмах В.Ю. К вопросу о необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела……... 330
Сычёв Д.А. Генезис и направления развития стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе…….. 334
Хомич М.В. Уголовно-правовая и процессуальная сущность стадии возбуждения уголовного дела……. 340
Цветков Ю.А. Возбуждение уголовного дела в координатах Achsenzeit уголовного процесса…….. 344

Цоколова О.И. О проекте федерального закона, исключающего стадию возбуждения уголовного дела…….. 350
Чаплыгина В.Н. Особенности проведения следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела…….. 353
Чекулаев Д.П. Начало досудебного производства по УПК Швейцарии…… 357
Чернова С.С. Некоторые проблемы производства следственных действий на этапе проверки сообщения о преступлении…… 361
Чубыкин А.В. Значение стадии возбуждения уголовного дела……... 365
Шалагинов П.Д. Плюсы и минусы изменения поводов для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях……... 369
Шамонова Т.Н. Стадия возбуждения уголовного дела – важная составляющая досудебного производства……. 374
Шипунова О.В. К вопросу о необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе…… 378
Ширяева Т.И. Начало уголовного судопроизводства и реализация прав лица, потерпевшего от преступления…….. 382
Шурухнов В.А. Некоторые проблемы процессуального регулирования деятельности следователя по преодолению противодействия расследованию в стадии возбуждения уголовного дела…… 386
Юлдошев Р.Р. Возбуждение уголовного дела в Таджикистане: спорные моменты……. 391
Юсубов В.В. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в Украине…… 396

Сведения об авторах…….. 400

Уголовный процесс: от прошлого к будущему

материалы Международной научно-практической конференции

(Москва, 21 марта 2014 года)

В 2-х частях

Часть 1

В авторской редакции

Дизайн обложки: Бычков В.В.

Подписано в печать 5.03.2014

Формат 60 х 90 1/16
усл. печ. л. 25,94
Тираж 500 экз.
Печать офсетная
Заказ № 31

Отпечатано в цифровой типографии «БУКИ ВЕДИ»
На оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»,
ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6